книга для чтения по истории средних веков







Понятие
«средние века»
было введено в науку
деятелями
Возрождения
еще в XV в.
Они обозначали этим
термином время
от гибели Западной
Римской империи
до возрождения в
их время многих
античных традиций.
Содержание и
хронологические
рамки средних веков
долгое время
определялось
по-разному.
Только советские
историки применили
термин
«средние века»
для обозначения
времени господства
феодального строя.
В Европе этот период
продолжался 12 веков —
с V по XVII в.
Практически
все народы мира
прошли через период
феодализма.
Средние века,
несмотря на утрату
вначале некоторых
достижений
античности,
были временем
поступательного
развития
человечества.
Многое из того,
что окружает
современного
человека,
возникло именно
тогда.
Важнейшие
изобретения,
величайшие
произведения
искусства
были созданы
в средние века.
Знание истории
средних веков
необходимо
для каждого
культурного человека.

книга для чтения по ИСТОРИИ средних веков

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ
7 КЛАССА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Составитель Н. И. ЗАПОРОЖЕЦ
Под редакцией А. А. СВАНИДЗЕ

2-е издание, дополненное

Москва «Просвещение» 1991

ББК 63.3(0)4я72
К53

Книга для чтения по истории средних веков: Пособие для
К53 учащихся 7 кл. сред. шк. / Сост. Н. И. Запорожец; Под ред.
А. А. Сванидзе.— 2-е изд., доп.— М.: Просвещение, 1990.—
240 с. — ISBN 5-09-002834-6.

Очерки, помещенные в книге, охватывают разные стороны жизни средневекового общества Европы, Азии, Африки и Америки периода с V по XV в. Книга повествует об условиях жизни, о быте и культуре, об освободительной борьбе разных народов, о восстаниях, войнах и других событиях.

Книга предназначена для учащихся 7 класса средней школы.

Предыдущее издание вышло в 1986 г.

К $\frac{4306020600-695}{103(03)-90}$ инф. письмо — 90, № 82 ББК 63.3(0)4я72

ISBN 5-09-002834-6

Коротко об этой книге

Дорогие читатели!

Серия книг для чтения по истории средних веков была основана полвека назад выдающимся советским историком академиком С. Д. Сказкиным. Его светлой памяти посвящается наша книга.

Множество важных для человечества событий произошло за полтора тысячелетия средних веков. Именно тогда возникло большинство современных государств Европы и Азии, были совершены первые кругосветные путешествия, люди обнаружили, что Земля — это шар, а мир — бесконечен! В эпоху средневековья была открыта Америка, изобретены книгопечатание и телескоп, созданы прекрасные произведения искусства и литературы.

Эта книга, созданная учеными и писателями, расширит ваши представления о средневековом мире.

Вы узнаете, как на лесных пространствах Европы расселялись германские и славянские племена, образуя свои союзы, как возникали первые феодальные государства и законы, как судили по этим законам и старинным обычаям.

Вы прочитаете об известных и неизвестных вам исторических событиях: о восстании «Ника!» в Византии и крестовых походах, о Ланской коммуне и Столетней войне, о гуситском движении и Грюнвальдской битве, о героях борьбы за независимость и счастье людей, о выдающихся полководцах, общественных и политических деятелях, отважных путешественниках.

Вы уже имеете некоторое представление о жизни и быте людей в средние века. Но знаете ли вы, как создавались топор и плуг, рабочий инструмент ремесленников, строителей замечательных зданий, что ели и как одевались жители замка, деревни и города в будни и праздники, как приготовляли пищу разные народы, какие были дороги и средства передвижения, гостиницы, почта?

Помните ли вы, чему и как учились в средневековой школе, по каким книгам занимались школяры и студенты, как создавались старинные рукописи и печатные книги? Знаете ли вы песни вагантов и трубадуров? Что вам известно о средневековом театре?

Обо всем этом вы сможете узнать, прочитав нашу книгу. Она написана для любознательных и памятливых читателей. Помните: только тот, кто хорошо знает историю, может считать себя культурным, образованным человеком, стать сознательным гражданином.

Древние германцы

В те далекие времена, когда на побережье Средиземного моря раскинулась огромная Римская империя, на пространствах Европы жили многочисленные племена кельтов, германцев, славян, финнов.

Греки и римляне, гордые своей древней культурой, называли варварами всех других обитателей Европы (не греков и не римлян) и мало интересовались своими северными соседями. Но на рубеже II и I вв. до н. э. римлянам пришлось лицом к лицу столкнуться с ними. Два германских племенных союза — кимвры и тевтоны — грозными потоками хлынули в пределы империи. Хорошо обученные и дисциплинированные римские легионы военачальника Гая Мария тогда одолели нестройные скопища пришельцев, двигавшихся вперемешку со своими стадами.

Опасность была отражена, но в Италии долго не смолкали тревожные толки о многолюдных и воинственных германских племенах, готовых прорваться в глубь римских владений. Близко познакомиться с ними довелось прославленному римскому полководцу Гаю Юлию Цезарю, за полвека до новой эры предпринявшему завоевание Галлии (нынешней Франции). На равнинах этой страны воины Цезаря встретили стойких противников — галлов и германский племенной союз свевов. Свевы пришли из-за Рейна и тоже стремились овладеть Галлией. Но Цезарь их победил, вытеснив из Галлии.

Наблюдения Цезаря, которые дошли до нас в его сочинении «Записки о галльской войне», до сих пор сохраняют неоценимое значение как исторический источник, воссоздающий картины отдаленного прошлого германского народа.

Природу Древней Германии (так римляне назвали страну восточнее Рейна, заселенную германцами) Цезарь знал не по чужим рассказам. Вместе с легионерами он перебирался через Рейн и другие полноводные реки, проходил по узким лесным тропам, остерегаясь засады, притаившейся в густой чаще. Ему не раз приходилось осторожно обходить многочисленные болота и трясины, вместе с солдатами терпеть стужу среди снегов.

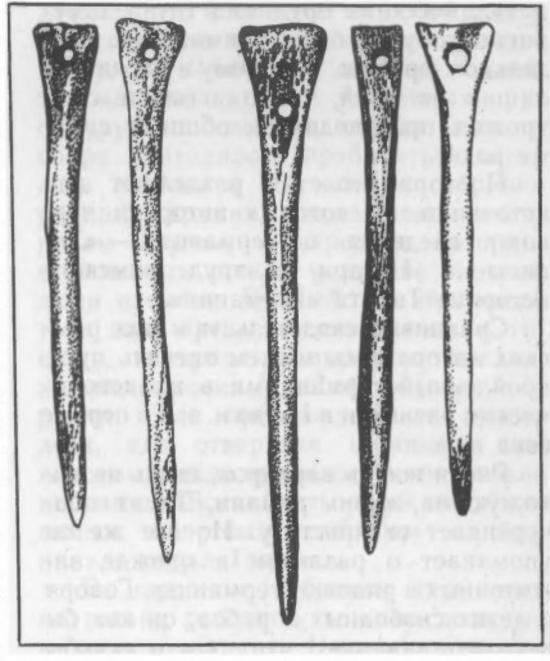
Во времена Цезаря за Рейном и Дунаем простирались малозаселенные земли, поросшие дремучими, непроходимыми лесами с непролазными болотами. Пасти скот и сеять ячмень, просо или овес можно было лишь на прибрежных лугах.

Германцы еще плохо умели обрабатывать и удобрять землю. Поэтому им часто приходилось забрасывать свои истощенные поля и засевать новые. Питались они, как пишет Цезарь, не столько хлебом, сколько молоком, сыром и мясом. Так как земли к западу от Рейна, где жили кельты, были менее лесистыми, германцы стремились перейти через Рейн и отобрать эти земли у кельтов. «Величайшей славой,— писал Цезарь,— у германцев пользуется то племя, которое, разорив соседние области, окружает себя как можно более обширными пустырями». В ходе борьбы за пастбища и охотничьи угодья угонялись стада чужого племени, а пленники превращались в рабов.

Зоркий глаз Цезаря приметил особенность образа жизни германцев, необъяснимую для римлянина. В отличие от римских рабовладельцев, которые дорожили земельной собственностью, мечтали ее расширить, германцы каждый год без всякого сожаления расставались со своими старыми нивами. Они никогда не делили землю на участки, но всю ее разрыхляли, засевали и снимали урожай сообща —

силами родовой общины. Совместный труд и равное пользование добытыми продуктами поражали Цезаря. Он отмечал, что имущественное равенство, отсутствие бедных и богатых создают необычайную сплоченность всех членов германского племени.

Засеяв весной свободные от леса полоски земли, германцы осенью снимали скромный урожай, а затем спешили перебраться на новые места, так как не рассчитывали здесь еще раз прокормиться. Совместная обработка нивы и равное право на общий урожай появились у древних германцев вовсе не потому, что они сознательно предпочитали равенство неравенству. Они и не могли поступать иначе, подчиняясь требованиям природы своего сурового края. Неустойчивый климат, опасное соседство хищного лесного зверя, утомительная многодневная охота и борьба с другими племенами были по плечу только большому содружеству объединившихся родичей. Земледелие требовало еще бóльших усилий. Редкое племя владело кое-какими



Орудия труда древних германцев — костяные иглы, при помощи которых изготовляли одежду из домотканого полотна и звериных шкур. Иглы найдены при археологических раскопках поселения древних германцев.



Дом крестьянина и крестьянский двор. *С миниатюры XII в.* Миниатюра дает представление о быте германцев более раннего времени, поскольку в средние века изменения в технике, быте, одежде происходили очень медленно. На заднем плане видны крестьяне, плугом вспахивающие поле. На переднем плане изображен бедный крестьянский двор. Крестьянин толчет в ступе зерно (мельниц в раннее средневековье было мало), его жена выпекает хлеб. Печь находилась во дворе, там же готовили пищу.

металлическими орудиями труда, деревянные орудия были примитивны, предельно просты. Поэтому расчистка пашни от пней, пахота, сев и сбор урожая производились общими силами рода.

Полтора столетия разделяют два источника, из которых историки черпают сведения о германцах,— «Записки...» Цезаря и труд римского историка Тацита «Германия».

Сравнивая свидетельства этих римских авторов, мы можем оценить путь, пройденный германцами в их историческом развитии в I в. до н. э. и в первые века н. э.

Рисуя жизнь варваров, столь не похожую на жизнь римлян, Тацит подчеркивает ее простоту. Но все же он упоминает о различии в одежде зажиточных и рядовых германцев. Говоря о детях свободных и рабов, он как бы вскользь замечает, что пути и судьбы тех и других расходятся с наступлением юношеского возраста.

При Цезаре все общинники имели равную долю земли. Никто не должен был жаловаться на то, что полученная им пашня меньше либо чем-то хуже, чем у соседа. Избегая таких жалоб, германцы ежегодно размечали свои поля, каждое из которых засевали определенной культурой. Каждая семья обязательно получала по участку на каждом из нескольких полей: на плодородной земле и на глинистой, на поле, близком к селению, и на удаленном от него. Таким образом, все семьи ставились в одинаковые условия: они располагали равными наделами пахотной земли, состоявшими из одинаковых по размеру участков (полос) в разных полях — и там, где сеяли просо, и там, где родился ячмень.

Во времена Тацита населения в германских землях было еще немного и недостатка в земле не ощущалось. Поэтому после снятия урожая земле давали несколько лет «отдохнуть». Пашня на протяжении этих лет ежегодно переносилась на новое место. Тем временем не занятые под пашню земли зарастали травами и служили всем односельчанам общим пастбищем. Каждый год общинники снова и снова старательно делили будущие поля на одинаковые полоски по числу семейств, получавших пахотные наделы. И все же равенство постепенно уступало место неравенству.

Так, у Тацита мы находим упоминание о том, что германцы делили между собой поля «сообразно достоинству». Каким же образом появились в древнегерманских селениях «более достойные» люди? Ведь для хорошей обработки полученного надела каждая семья прежде всего нуждалась в рабочих руках, в рабочем скоте, в семенах. А опустошительные войны, о которых писал еще Цезарь, во времена Тацита продолжались и даже участились. В буйных набегах, в попытках угнать чужой скот и овладеть добычей нередко складывали свои головы и юноши, и отцы семейств. Если из опасного набега не возвращались взрослые сыновья или сам глава семьи, то осиротевшие семьи лишались своих кормильцев. И они уже не могли полностью обработать пахотные наделы.

Если же участники набега возвращались в родные селения невредимыми и приводили с собой захваченных пленников, коней и быков, это предвещало большие перемены. Тот, кто владел лишним рабочим скотом, кто превращал пленников в своих рабов, теперь использовал не только свой прежний пахотный участок, но и просил общину отвести ему дополнительные участки земли, которыми удачливый воин наделял своих рабов. Каждый раб был обязан обрабатывать такой надел и отдавать господину часть продуктов, сохраняя остальное для про-

питания своей семьи. Так в древнегерманских селениях стали появляться люди, жившие чужим трудом. Тацит подчеркивал: «Самые сильные и воинственные из германцев считают для себя зазорным личный труд и в мирное время перекладывают все заботы о доме и хозяйстве на домочадцев, а сами пребывают в безделии».

Бывалый и опытный воин собирал дружину, в нее вступали юноши, приносили ему присягу верности. От своего вождя дружинники получали и боевого коня, и победоносное копье, для них устраивались обильные пиры. Средства для такой щедрости доставляли вождю грабеж и война. Соседние племена, страшась разбойничьих набегов дружины, приносили ее вождю почетные дары, а он делился ими со своими воинами. Поэтому дружинники проникались презрением к мирному труду, считая войну самой надежной дорогой к обогащению. Тацит писал, что этих людей «легче убедить вызвать на бой врага и получить раны, чем пахать землю и выжидать урожая; более того, они считают леностью и малодушием приобретать пóтом то, что можно добыть кровью».

Юноши получали на народном собрании из рук старейшин щит и копье, которые отныне становились не только их личным оружием, но являлись знаками отличия полноправного свободного германца от безоружного раба. «До этого,— писал Тацит,— юноша считался членом семьи», теперь он становился членом общества. Юноша знатного рода мог стать после посвящения военным вождем.

Самые важные дела племени решало общеплеменное собрание. Германцы созывали его в новолуние и полнолуние: они верили, что эти дни самые счастливые для решения дел. Сообщая это, Тацит добавлял, что германцы «и счет времени ведут не по дням, как мы, а по ночам, ибо думают, что ночь ведет за собой день». На собрание германцы сходились не сразу, а в течение двух-трех дней, так как жили они в удаленных друг от друга поселениях, откуда к месту сбора приходилось пробираться через леса и болота. На самом собрании рядовые германцы рассаживались широким кругом, в середине которого становились вожди и другие знатные люди племени. Кто-либо из них, после того как жрецы восстанавливали тишину, выступал и выдвигал предложения, выносимые на обсуждение собрания. Если предложение не нравилось, его отвергали шумными возгласами, а если нравилось — потрясали копьями. «Восхвалять оружием было самым почетным способом одобрения»,— писал Тацит.

В народном собрании германцев не только решались важные дела, но и происходил суд. Наказания виновных зависели от их преступления.

Суровая природа дикой лесистой страны порождала у древних германцев образы их могучих и грозных богов. От них, казалось, зависело все: смена дня и ночи, плодородие земли, дожди и ветры, бури и наводнения. Когда бушевали весенние грозы и небо прорезала молния, говорили, что это бог Тонар бросает свой каменный молот. Прокатившись по небу, молот снова возвращается в руки бога и снова падает, вызывая повторные раскаты грома. На руках у Тонара железные перчатки, его огненно-рыжая борода мелькает в просвете туч, вызывая вспышки молний, а его грозная колесница грохочет по всему небу.

Когда через равнины проносился сильный порыв ветра, взметая пыль и опавшую листву, германцы думали, что это пробудился бог ветра и бури Вотан. А весенние перемены, когда под лучами солнца таяли снега и земля одевалась покровом цветов и трав, гер-

манцы объясняли тем, что к людям возвращается богиня земли Нертус, приносящая с собой тепло и плодородие. В весенние дни устраивали особый праздник. В деревню въезжала увитая цветами колесница, которую везли молочно-белые телки. На колеснице стояла красивая девушка в праздничном одеянии, с венком из цветов на голове. Германцы верили, что это сама богиня Нертус посетила их. Никто не знал, откуда она явилась и куда направляется — жрецы окружали это глубокой тайной, хотя сами они прекрасно знали, кто эта «богиня».

В дни всеобщего ликования никто не смел браться за оружие и омрачать раздорами праздник.

Непонятные и грозные явления природы германцы пытались объяснить волей таинственных богов и духов. Они верили в злых великанов-разрушителей. Им казалось, что всякий лесной ручей, поток и водопад находились под покровительством нимфы, над каждым деревом витала незримая фея, на лугах плясали эльфы, а в горных теснинах жили бородатые карлики-гномы, оберегавшие сокровенные богатства гор и отвечавшие на голоса людей дразнящим эхом. Древние германцы считали убежищем своих богов священные рощи. Там они приносили богам жертвы и иногда в угоду им обрекали на смерть пленников.

Перед тем как начать важное дело, германцы, как бы спрашивая на него разрешения богов, гадали по поступи лошадей. Для этого они держали в рощах и дубравах лошадей белой масти, не употребляя их ни для какой работы. Лошадей этих только запрягали в священную колесницу. Вслед за колесницей шли жрец и вождь племени и примечали, как ступают и ржут кони. Этому гаданию германцы придавали особое значение, считая, что кони знают божественные тайны.

Был у германцев и другой способ гадания. Перед началом войны они заставляли своих воинов сражаться с пленниками из враждебных племен. В таких случаях победу своих соплеменников считали предзнаменованием победоносной войны. Результаты гаданий жрецы представляли народу как непререкаемую волю богов. Таким путем знать с помощью жрецов подчиняла своей воле соплеменников.

Вскоре после описанного Тацитом времени отдельные племена германцев объединились в крупные и могущественные племенные союзы, которые все сильнее угрожали своим западным и южным соседям.



ИЛОСОФ И КОРОЛЬ

Узник дописал на отсыревшем пергамене последнее слово. Поставил внизу листа свое имя: Боэ́ций. С болот поднимался ядовитый туман. Скоро рассвет, быть может, последний в его жизни. Он не будет просить пощады и писать слезные письма королю, мужественно встретит свой последний час. Сегодня узник закончил главный труд своей жизни — «Утешение философией». Он выразил в нем то, что считал самым важным для человека: любовь к свободе и справедливости, стремление бороться за них, не страшась смерти, жажду познания, которое дороже любых богатств и славы. Боэций обращался к тем, кто придет за ним:

> Ныне же, храбрые, вперед стреми́тесь!
> Не бессильны вы, пример вас учит.
> Поборо́в все горести земные,
> Звезд достигнете!

Несмотря на многие месяцы заточения, он не чувствовал себя одиноким и сломленным. Боэций мысленно беседовал с великими мудрецами Платоном и Аристотелем. Он чувствовал

себя одним из многих борцов за свободу, истину и человеческое достоинство.

Узник поднял глаза. По замшелой стене медленно сползали тяжелые капли. Память воскресила картины детства: Рим, библиотеку в доме приемного отца, где Боэций занимался с лучшими учителями. Шкафы от пола до потолка были наполнены хрупкими папирусными свитками и тяжелыми книгами-кодексами из пергамена, хранившими мудрость веков. Из книг он узнал, как движутся небесные светила, понял великое единство мироздания, неразрывную связь человека и космоса. Он прочел в них о диковинных растениях и животных, обитающих в далеких землях.

Особой гордостью наполняли сердце философа рассказы о славных деяниях римлян, об истории его народа, создавшего некогда огромное и могущественное государство, простиравшееся от Атлантического океана до таинственного Кавказа, куда плавали в мифические времена аргонавты за золотым руном, от льдистого Северного моря, на берегах которого жили люди, одевавшиеся в невыделанные шкуры животных, до раскаленных пустынь Ливии, где гибло все живое.

С болью размышлял он о закате Римской империи. С начала IV в. волны «варваров» — различных германских племен — неудержимо накатывались на ее земли. Грубые и воинственные, они все теснее сжимали своим кольцом Рим. В 410 г. готы под предводительством своего вождя восьмидесятилетнего Ала́риха разграбили город с его миллионным населением. Часть жителей бежала, и многие были перебиты, а оставшиеся тысячами умирали от голода и недостатка воды. «Столица мира», «вечный город», как некогда называли Рим, опустела. Его просторные площади превратились в пастбища для свиней. Через некоторое время готы отступили, но Рим так и не смог оправиться от страшного потрясения. После этого римские войска с большим трудом отразили набеги германского племениванда́лов (имя которых из-за их жестокости стало нарицательным как самых страшных разрушителей) и гуннов — кочевников, нахлынувших в Европу из азиатских степей. В 476 г. был низложен последний римский император — малолетний Ро́мул Авгу́стул. Западная Римская империя перестала существовать. В 493 г., когда Боэцию было тринадцать лет, власть в Италии захватили остго́ты — одно из германских племен. Они создали на севере Апеннинского полуострова свое королевство, во главе которого встал их вождь Теодо́рих. По его приказу годы спустя Боэций был брошен в темницу и осужден на казнь.

Где теперь его библиотека? Быть может, разграблена или сожжена варварами, как тысячи других? Школы закрываются. Все меньше становится людей, умеющих читать и писать. Раньше многие свободные люди были грамотными, а теперь образование прибирает к рукам церковь. Библиотеки и книжные мастерские становятся собственностью монастырей. Забываются греко-римская образованность и учения мудрецов. Стихи поэтов Эллады и Рима вытесняются сочинениями отцов церкви, проповедями и молитвами. А уж варварам, привыкшим к копью и мечу, к бесконечным войнам, книги и вовсе сейчас не нужны. Может быть, и наступят такие времена, когда они поймут, что великую силу таят в себе не только воинское искусство, но и знания, сокровища человеческого духа. Человек не может жить войной, он рожден для познания мира и созидания. Но чтобы варвары осознали эту простую и великую истину, должны пройти века. А пока даже сам Теодорих, король, который стремился

слыть просвещенным правителем, подписывает свои указы с помощью штампа — золотой таблички, на которой вырезано его имя. Услужливые руки секретаря в нужный момент подсовывают Теодориху эту табличку, он проводит по ней чернилами, и подпись готова.

Опять мысли Боэция вернулись к Теодориху. Их первая встреча произошла, когда Боэций едва вступил в юношеский возраст. С отчимом он прибыл в Раве́нну, ставшую столицей государства остготов. Толстые стены домов, их узкие, похожие на бойницы окна, насыпной вал — всё усиливало сходство города с крепостью.

Теодорих принял их в бывшем императорском дворце, торжественно и с почестями, подобавшими высокому положению приемного отца Боэция — главы сената и одного из знатнейших римлян. Король восседал на троне в одеянии римского императора, которое, как показалось юноше, было словно с чужого плеча на мощном теле германского вождя. Доспехи воина для него были привычней, чем парадная римская то́га.

Боэций знал, что бесстрашие и дерзкая отвага сочетались в Теодорихе с жестокостью и коварством. О военном искусстве своего короля варвары слагали героические песни. Но было известно и другое. Став единовластным правителем, Теодорих понял, что только силой нельзя удержать римский народ в повиновении. Он решил осуществить сложнейшую задачу — объединить завоевателей и завоеванных в единый народ, сдружить римлян и готов. Был издан закон, по которому земли были поделены между местным населением и остготами. Теодорих не стал разрушать римские традиции, отменять римское право. Напротив, он использовал их для укрепления своего государства. Теодорих привлек на службу знатных и образованных римлян, посулив им восстановить былую римскую славу.

В двадцать лет Боэций стал министром Теодориха. Однажды он вместе с королем посетил военную школу готов. В честь короля был показан учебный бой. Теодорих, явно любуясь тем, как ловко владеют оружием готские юноши, сказал, обращаясь к Боэцию:

— Разве воинское искусство не прекрасней вашей философии? Наука украшает лишь утративших былое мужество римлян и женщин. Поэтому я и просил обучать всяким наукам свою дочь. Готские же юноши и мальчики не могут найти ничего полезного для себя ни в ваших книгах, ни в ваших школах. Если у них появится страх перед плеткой учителя, они не смогут без трепета смотреть на меч.

— Но ведь только познание и учение открывают перед человеком врата мудрости,— возразил Боэций,— и философия должна быть главной наставницей правителя, так говорил еще мудрейший Платон.

— Философия? — с плохо скрываемым раздражением переспросил Теодорих. Но, погасив гнев, продолжил: — Философию предоставляю вам, мой друг. Но не в ущерб делам! А власть — это забота королей! И не философам судить о деяниях правителя!

Этот разговор хотя и оставил тяжкий след в душе Боэция, однако не сказался на его дальнейшей карьере. Через несколько лет он получил пост первого министра короля. Боэций активно участвовал в решении вопросов войны и мира, писал указы, которые скреплялись подписью короля, распределял денежные средства и урожаи, принимал посольства. Он был хорошим государственным деятелем, но настоящим смыслом его жизни были поиски истины, занятия философией и другими науками. Он хотел донести до современников и потомков

смысл учений древних философов, о которых многие уже стали забывать в условиях постоянных войн и разрухи.

Боэций и другие просвещенные люди V—VII вв. попытались систематизировать античные знания в учебниках-энциклопедиях. Совсем молодым Боэций написал учебники по арифметике, музыке, геометрии и астрономии. Они не похожи на те, по которым занимаются современные школьники. В учебнике по арифметике нет привычных задач, но зато излагаются философские учения о числе, ибо древний математик и философ Пифагор утверждал, что число лежит в основе мира. По учебнику музыки нельзя было научиться играть на каком-либо инструменте: это считалось делом уличных или придворных музыкантов, но в нем объяснялось, что весь мир связан едиными законами мировой музыки.

Пройдя курс «свободных искусств», так назывались в те времена семь обязательных школьных предметов (грамматика, риторика, или наука о красноречии, диалектика, или логика, арифметика, геометрия, музыка, астро-



Философ. ***С миниатюры конца XIV в.***



Лекция в университете. ***С миниатюры XIV в.*** **Развитие городов в средние века привело к возрождению высшей школы. Ранее всего университеты возникли в Италии (Болонья, Салерно), затем они появились во Франции, Англии, Испании, Португалии. Преподавание в университетах велось на латинском языке.**

номия), ученик, как правило, не знал многих практических вещей. Его знания были чисто теоретическими. Высшим достижением считалась хорошая подготовка ученика к изучению философии.

По учебникам Боэция в средние века учились в школах Парижа и Лондона, Гамбурга и Болоньи, в университетах. Не знать написанного Боэцием считалось величайшим позором для учащегося.

В VI в. в Европе уже почти не осталось людей, которые умели бы читать и писать по-гречески, а ведь это был язык величайших мыслителей античности. Латынь тоже сильно изменилась под влиянием варварских наречий. В этот период начали складываться основы французского, итальянского и испанского языков. Но латынь, огрубевшая и упрощенная, все же оставалась в течение всего средневековья языком науки и философии. Боэций задумал перевести на латинский язык и тем самым сделать более доступными сочинения Платона и Аристотеля, дать к ним пояснения. Но он успел сделать лишь часть задуманного.

Казалось, король Теодорих был в восторге от деятельности своего министра. Он заявил: «Я знаю, что тебе открыто внутреннее действие тех искусств, которыми люди обычно занимаются практически, не зная их свойств, ибо разум твой преисполнен знания». В 522 г. король предоставил Боэцию наивысшее свидетельство своей благосклонности: оба сына философа, еще не достигшие совершеннолетия, были избраны консулами, заняв в государстве особенно высокое положение. Люди на улицах Равенны забрасывали колесницу Боэция цветами. Во дворце Боэций произнес горячую речь в защиту римской свободы и справедливости. Увлекшись, он с жаром говорил о жестоком отношении варваров к покоренному народу, призывал к милосердию. Король мрачно молчал.

Последующие события развивались стремительно. Во дворце появились анонимные письма, в которых Боэция обвиняли в государственных преступлениях, оскорблении короля. Теодорих не сказал ни слова в защиту своего министра. Напротив, он тайно прискакал в Верону, где без должного разбирательства Боэций на заседании сената был осужден. В числе особо тяжких обвинений против него были выдвинуты его занятия философией и любовь к мудрости.

Теодорих, поглощенный стремлением удержаться на вершине власти, стал под конец жизни чрезмерно подозрительным. Как и всякий тиран, он боялся даже собственной тени. Теодорих не мог понять, что истину, справедливость и любовь к свободе нельзя заковать в цепи и смерть для борца — это не конец, а только начало утверждения идей, за которые он отдает свою жизнь.

Свободомыслие и искание истины король счел преступлением, заслуживающим казни. Боэций был брошен в темницу...

Боэций страдал, но дух его не был сломлен. Он был уверен, что с ним расправились потому, что он выступал против несправедливости, защищал несчастных от произвола, хотел дать людям знания.

Чувствуя, что дни его сочтены, Боэций торопился. Он не хотел искать утешения в слезах и молитвах. Подводя итоги своей жизни, высшим судьей он избрал философию, которую воспел в стихах и прозе как единственную целительницу страданий, посредством которой человек достигает совершенства, познает самого себя и тайны мироздания — земли и космоса.

Тяжелая дверь натужно заскрипела. Стражники вывели Боэция из темницы.

* * *

«Утешение философией», написанное Боэцием в темнице перед казнью, в средние века стало одним из самых любимых сочинений в Западной Европе. Великий итальянский поэт Да́нте черпал в нем силу духа в годы тяжкого изгнания. Автор знаменитой «Утопии» — английский гуманист Томас Мор видел в жизни Боэция достойный пример для подражания.

Выдающийся французский писатель XX в. Анатоль Франс, читая «Утешение», находил в нем живительный источник оптимизма и стойкости. Сочинение Боэция переведено почти на все европейские языки. В 1980 г. мировая общественность отметила 1500-летие со дня рождения Боэция. Имя его не кануло в реку забвения.



ЛОДВИГ. КОРОЛЬ ФРАНКОВ

По старой римской дороге двигалось войско франков.

Франки были в походе уже несколько месяцев, устали в переходах и сражениях, изнемогали от зноя и жажды.

В выбоине каменной дорожной плиты сверкнула застоявшаяся лужица воды. Молодой воин, отделившись от своих товарищей, припал к воде и жадно хватал ее губами. На мгновение ему представился образ другой дороги: узкая заросшая тропа извивалась среди леса и терялась в болоте. Она вела к родному селению.

Воин пил, а мимо шли и шли его односельчане, родичи и совсем незнакомые люди, шло ополчение франков. Каждый воин был вооружен копьем, луком и стрелами, боевым топором, коротким мечом — скрамаса́ксом и круглым кожаным щитом, покрытым металлическими пластинками. На головах у многих франков были остроконечные шлемы, из-под которых свисали две туго заплетенные косы. Обуты были воины в кожаные сандалии с длинными ремнями, туго охватывающими голени. Одежда воинов состояла из белой полотняной рубахи, коротких штанов и грубого плаща.

Впереди в сопровождении верных дружинников ехали на крепких, коренастых лошадях военные вожди племен — *ко́нунги*: Си́гиберт, Ра́гнахар, Хора́рих, Хло́двиг. На длинной перевязи у каждого меч, а за поясом боевой топор.

За войском двигались крытые повозки с походным имуществом, за обозом гнали скот. А впереди и позади, насколько видел глаз, была бесконечная каменная дорога.

Среди вождей выделялся гордой осанкой самый молодой — Хлодвиг Меровинг. Рассказывали, что смелый и вместе с тем расчетливый Хлодвиг сумел возглавить союз четырех франкских племен. Он увлек знать, а она — простых франков на завоевание богатых соседних земель, которые прежде принадлежали Западной Римской империи.

Франки идут на запад, прокладывая себе путь оружием. Назавтра предстоит решающая схватка с войском Сиа́грия. Он был римским наместником, а когда рухнула Западная Римская империя, то оказался главой небольшого самостоятельного государства.

Отставший воин догнал товарищей. Стемнело. Франки готовились к ночлегу. Они расположились прямо на земле, окружив себя плотно сдвинутыми повозками. Низко струился сизый дым костров. В небе резко обозначился зубчатый контур крепости Суассон. Пожилой вождь показал своим воинам на горизонт:

— Вот она, столица Сиагрия...

Он принял вызов Хлодвига. Утром мы сразимся с его войском. Если на то будет воля богов и мы одержим победу, нам достанется богатая добыча: оружие, скот, кони. Поселим наши семьи на этих плодородных землях, а пленников заставим пахать и сеять. Сами же будем идти вперед, пока не завоюем всю Галлию! Нас теперь не остановить!

На рассвете сошлись вплотную две рати. Взметнулись копья, запели стрелы, взвились боевые топоры. В самый разгар битвы, когда, казалось, побеждают воины Сиагрия, Хлодвиг соскочил с коня, за ним последовали другие вожди. Это означало, что предводители будут сражаться в пешем строю до конца.

Солнце уже клонилось к закату, когда стала очевидной победа франков. Предвидя близкое поражение, Сиагрий бежал с поля боя. Он нашел приют у вестготского короля Ала́риха. Хлодвиг узнал об этом и стал угрожать Алариху войной. Тот выдал ему беглеца, которого Хлодвиг приказал тайно убить в темнице.

Франкские переселенцы хлынули во вновь завоеванные места. Старейшины отводили землю семьям завоевателей «согласно достоинству»: лучшие и большие участки доставались военным вождям и их дружинникам. Вместе с землей распределялись и пленники: чем больше участок, тем больше нужно было работников. Обширные земли франкской знати возделывали колоны и рабы бывшей империи, ныне зависимые от новых землевладельцев.

Обделенные землей воины-ветераны ворчали:

— Стоило ли проливать кровь для того, чтобы получить клочок земли, на котором едва прокормишь семью?

Однако выражать вслух недовольство новыми порядками, далекими от былого равенства, становилось все опаснее. Хлодвиг постепенно набирал силу, всюду стали доставать его длинные руки.

Когда франки после победы над Сиагрием учинили трехдневный грабеж в Суассоне, в церкви была захвачена драгоценная чаша. Вскоре к Хлодвигу пришел посланец епископа просить возвращения этой чаши.

— Иди за нами в Суассон,— велел Хлодвиг,— там будет происходить дележ всего, что захвачено. Если мне достанется по жребию тот сосуд, что просит святой отец, я выполню его просьбу.

В Суассоне уже собрались все дружинники и воины, участвовавшие в походе. На широкой площади была разложена военная добыча, которую, согласно обычаю, распределяли по жребию: тяжелые мечи в серебряных ножнах, с богатой отделкой, парчовые покрывала и облачения священников, шитые золотом, серебром и жемчугом, узорные ризы, сорванные с икон. При виде этих сокровищ глаза воинов жадно разгорелись.

Внезапно в середину круга стремительно вошел Хлодвиг. Подняв руку, он потребовал внимания.

— Прошу вас, храбрые воины, не откажите дать мне этот сосуд,— смиренным тоном обратился он к собравшимся воинам, показывая на драгоценную чашу,— без всякого жребия.

— Бери все, что угодно, никто не смеет противиться тебе.

По толпе прошел одобрительный гул. Вдруг молодой, бедно снаряженный воин вспылил:

— Ничего ты не получишь, кроме того, что тебе полагается по жребию. Надо уважать обычай! — Произнеся эти слова, он размахнулся и рассек чашу надвое своей секирой.

Хлодвиг в гневе отступил, но затаил обиду. «Еще не время спорить со старинными вольностями. Но погодите!» — подумал он.

Прошел год. Новые завоевания еще крепче сплотили франкскую знать вокруг Хлодвига. Многочисленной и сильной стала его личная дружина. Расширились земельные владения дружинников.

Как всегда, в марте все мужчины-воины собрались на народное собрание.

В этот день Хлодвиг решил устроить смотр войскам.

Когда он проходил по рядам воинов, взгляд его, словно нечаянно, упал на того непокорного молодого франка, который год назад разрубил прекрасную чашу в Суассоне.

— Смотри,— воскликнул король гневно,— оружие твое не в порядке: и копье, и меч, и секира — всё никуда не годится!

С этими словами он вырвал у воина его заржавленную секиру и рассек ему голову.



Франкский военный вождь и воин (справа). Тело воина защищено длинной кожаной рубахой. В его руках щит, сплетенный из прутьев и обтянутый кожей. Сближаясь с врагами в бою, воины метали в них копья, бросали топоры и, сойдясь, бились мечами.









Женские платья, накидки, украшения, прически. *Середина XII в.*

— Так поступил ты с чашей в Суассоне,— спокойно произнес Хлодвиг.— С моей чашей!

Последнее, что увидел воин за мгновение до смерти, была заросшая лесная дорога к родному селению.

Бывалые воины содрогнулись. Никто на этот раз не посмел возражать королю. Подавленные происшедшим, расходились по домам воины с народного собрания, которое ничего уже больше не решало в жизни франков.

Между тем Хлодвиг при поддержке знатных людей, привлеченных его дарами, продолжал усиливать свою власть над франками.

В первую очередь он решил избавиться от своих бывших соратников, не признававших над собой его верховной власти. По мнению Хлодвига, все средства для этого были хороши: обман и подкуп, хитрость и вероломство.

Однажды задумал он уничтожить одного из главных своих соперников — короля рипуарских франков (франки в III—V вв. разделились на две ветви — салических, живших по берегам моря, и рипуарских, расселившихся у берегов Рейна) Сигибе́рта, а заодно и его потомство, с тем чтобы присоединить его владения к своему королевству. Тайно подослал он надежного человека в город Кёльн к Хло́дерику, сыну Сигиберта, мечтавшему поскорей унаследовать богатства своего отца. Посланец короля сумел войти в доверие к Хлодерику. Однажды на пиру он нашептал захмелевшему юноше такие слова:

— Отец твой стар и к тому же болен. Если он умрет, тебе по праву достанется его королевство вместе с дружбой моего повелителя.

Прошло несколько дней. Старый Сигиберт как-то переправился через Рейн, чтобы поохотиться в лесу. Утомившись от долгой ходьбы, он уснул в своем шатре. В полдень жара сморила и его телохранителей. В это время к старику неслышно подкрались убийцы, посланные Хлодериком...

...И вот уже мчатся из Кёльна гонцы к королю Хлодвигу с вестью о внезапной гибели Сигиберта, передают слова его наследника: «Отец мой скончался, отныне я владею его сокровищами и его королевством. Приходи ко мне, и я охотно отдам тебе из его богатств все, что тебе заблагорассудится».

Хлодвиг велит передать ему ответ:

— Благодарю тебя, мой друг, за расположение ко мне и прошу показать нашим посланникам свои сокровища.

Вскоре сын «сам попал в яму, которую вырыл для своего отца»,— повествует летописец Григорий Турский.

...Снова скачут люди Хлодвига по дороге в Кёльн к молодому королю Хлодерику. Радушно принимает тот гонцов, обильно кормит их и поит, распахивает перед ними двери своих сокровищниц, раскрывает кованые сундуки, разворачивает тяжелые свертки заморских тканей. Широким жестом обводит он ряды мешков, наполненных сокровищами.

— В этот сундук мой отец обычно складывал золотые монеты.

— Опусти руку до дна и достань сам, что найдешь.

Хлодерик склоняется над сундуком — и в это время удар топора сражает его насмерть.

Спешат гонцы назад к Хлодвигу — доложить своему повелителю о том, что выполнили его тайное поручение. Молча выслушивает их король, снаряжает дружину и скачет в Кёльн. Там тотчас же велит он созвать народное собрание и держит перед ним такую речь:

— Послушайте, люди, что произошло. В то время как плыл я по Шельде-реке, Хлодерик, сын моего ро-

дича, говорил своему отцу, будто я хочу его убить. А сам тем временем подослал к нему разбойников и умертвил его сонного. Но и сам он вскоре погиб, неизвестно кем пораженный... Я в этом деле не участник. Разве могу я проливать кровь моих родичей! Но раз уже так случилось, вот вам мой совет: становитесь под мою защиту!

Несколько мгновений народ безмолвствовал. Потом раздались возгласы: «Будь ты нашим королем! Бери нас под свою защиту!»

По древнему обычаю германцев, воины выразили свое одобрение звоном оружия, подняли Хлодвига на широкий щит и понесли его над собой, впереди процессии.

Так Хлодвиг Меровинг стал королем рипуарских франков.

Теперь почти все франки были покорны его воле, за исключением отдельных небольших племен. Один за другим бывшие союзники Хлодвига становятся его жертвами, а их владения присоединяются к территории Франкского государства.

Однажды Хлодвиг неожиданно объявил войну своему родичу Рагнахару. Предварительно он подкупил его приближенных, подарив им красивые браслеты, и этой ценой оплатил их предательство. Рагнахар проиграл войну. Предатели, как было условлено, выдали врагу своего вождя связанным.

— Зачем ты унизил наш королевский род, позволив себя связать? — притворно возмутился Хлодвиг, обращаясь к Рагнахару.— И ударом меча он рассек ему голову.

— Почему ты не помог своему повелителю? — гневно продолжал Хлодвиг, поражая насмерть брата казненного.

Тем временем люди, выдавшие Рагнахара, обнаружили, что их провели: браслеты оказались из позолоченной бронзы. Когда они пожаловались Хлодвигу на обман, тот лицемерно возмутился:

— По заслугам получили вы такое золото, предатели! Надо было бы дать вам железные браслеты-наручники!

Хлодвиг истребил всех своих родственников, стоявших во главе соседних племен. Их владения перешли к Хлодвигу. Богатства убитых стекались в его казну. Земли убитых он раздавал сподвижникам. Они становились за это его верными слугами. С помощью этих знатных людей и своей могущественной дружины Хлодвиг постепенно отнимал у простых франков их древние свободы, а у народного собрания — его права.

Все трепетали перед именем Хлодвига, единоличного властителя франков. Власть его простиралась теперь почти на всю Галлию.

...Хлодвиг сидел мрачный в слабо освещенной зале своего деревянного жилища.

Неровное пламя светильников выхватывало из темноты то резной узор подлокотников королевского кресла, то головы диковинных зверей, подпиравших сиденье. Зябко кутаясь в плащ, Хлодвиг ожидал своих советников. Король думал о том, что все труднее и хлопотнее становится созывать народные собрания в его выросшем, многолюдном государстве. Да и так ли необходимо их собирать? Разве только однажды в год — для проведения военного смотра... Ведь все государственные дела можно решать в узком кругу знатных советников, которые всегда поддержат своего короля, защищающего их от недовольства простых франков.

А в отдаленные области он пошлет своих верных людей, чтобы следили за порядком и творили суд согласно древним обычаям, которые он, Хлодвиг, велит записать в единый су-

дебник. Но многие из этих обычаев надо хорошенько пересмотреть. В воображении Хлодвига возник образ мятежного молодого воина с мечом, занесенным над чашей. Но на этот раз воин покорно склонил голову и опустил меч. Хлодвиг очнулся... Раздумья короля были прерваны громкими голосами и топотом ног. По деревянной лестнице поднимались его советники и военачальники. Дружинники снимали отяжелевшие от дождя плащи и придвигались поближе к огню.

Медленно распрямившись и обведя всех подозрительным взглядом, Хлодвиг вдруг сокрушенно обратился к присутствующим:

— Я созвал вас затем, чтобы погоревать вместе с вами о всех моих погибших родственниках. Горе мне! — Он разорвал на груди одежду.— Один я остался, как странник среди чужих. Нет у меня больше родственников, которые пришли бы мне на помощь, случись несчастье...

Две слезинки вяло сползли по его щеке. Тихо было в зале, только слышался треск горящего дерева в камине. Никто не откликнулся на призыв короля, ибо не осталось у него больше никого из знатных родственников.

А задумал король всю эту сцену, как свидетельствует летописец, только для того, чтобы обнаружить еще когонибудь из своих родственников и лишить его жизни, опасаясь за свою власть.

* * *

К концу V в., кроме Галлии, Хлодвигу подчинились и соседние германские племена. Рассказывают, что во время последней битвы с одним из них — алема́нами (около 497 г.) франки едва не были разбиты. Потеряв надежду на помощь языческих богов, Хлодвиг мысленно обратился к Христу:

— Ты, который, говорят, даруешь победу надеющимся на тебя,— если поможешь мне победить, то я поверю в тебя...

Покуда Хлодвиг таким образом торговался с богом, военная удача снова оказалась на стороне франков. Алеманы обратились в бегство, их король был убит, а франки торжествовали победу.

Этому эпизоду впоследствии церковь стала приписывать решающую роль в обращении Хлодвига в христианскую веру.

Готовясь к новым завоеваниям, Хлодвиг принял христианство. Это означало для него союз с христианской церковью.

Духовенство хорошо понимало выгоду такого союза с королем-завоевателем, который бы ей надежно покровительствовал и оградил ее от насилия варваров-франков, а церковное имущество — от разграбления. Постарались воздействовать на короля через его жену-христианку.

И вот королева Клотильда тайно пригласила ко двору епископа Реми́гия. Умный старик долго увещевал Хлодвига совершить обряд крещения. Наконец Хлодвиг решительно ответил:

— Я охотно послушал бы тебя, но боюсь: народ не захочет отказаться от своих богов.

Созвали народ на широкую площадь перед дворцом. И тут случилось невиданное, как утверждает Григорий Турский. Не успел король сказать слово, как весь народ единодушно воскликнул:

— Отвергаем своих смертных богов и готовы следовать богу бессмертному!

...В старинном городе Реймсе готовятся к крещению франков. От дома к дому протягивают разноцветные полотна, из окон вывешивают яркие покрывала, развевающиеся по ветру как флаги.

Фасады церквей украшают белыми полотнищами.

Торжественная процессия движется из дворца в церковь. Епископ Ремигий шествует впереди, ведя за руку короля, лицо которого изображает смирение. Позади строем идут дружинники Хлодвига. По знаку Ремигия Хлодвиг принимает крещение. Раздаются звуки духовного гимна — и короля облачают в белоснежные крестильные одежды — знак его чистоты и непорочности.

Следом за Хлодвигом крестилось более трех тысяч его воинов.

Поздно вечером расходились усталые воины по своим домам. Низко опустив голову, брел из Реймса в свою деревню воин, состарившийся в походах. В пути его нагнал молодой королевский дружинник.

— Здоро́во, отец,— кивнул он, узнав односельчанина,— не устроить ли нам здесь привал? Засветло ведь не доберемся до дому. Еду проститься со стариками. Скоро снова на войну... Он пустил коня шагом.

Старый воин недружелюбно оглядел дружинника, покосился на его богатое вооружение, разукрашенную сбрую коня и проворчал:

— И когда только мы кончим воевать? Добро, воевал бы Хлодвиг только с недругами, а то сколько своих перебил! И все ему мало. Боги ему старые плохи стали! Подумал бы лучше о нас, кто с ним всю Галлию прошел с мечом... Я вот по ночам не сплю — раны ноют. А что заслужил от короля? Семья еле-еле перебивается, землю дали на болоте, только один клин сухой. Сыновья переженились, ртов прибавилось, а земли не прибавляется. Сам я все время в походах, старшие дети тоже, хозяйство все долгами опутано. А тебе, небось, и землицу, и рабов король пожаловал...

— Стыдно тебе на короля нашего обижаться,— ответил дружинник.— Ты посмотри, какую силу мы, франки, приобрели! Все народы склоняются перед нашим королем. И богу христианскому угодно было принять его под свое покровительство.

* * *

Христианские священники праздновали бескровную победу, одержанную над завоевателями Галлии:

— Ваше присоединение к вере — наша победа,— говорил один из них.

Обе стороны равно воспользовались плодами заключенного союза. Вот уже возводятся новые храмы на средства королевской казны, текут в церковные хранилища сокровища.

А Хлодвигу и другим вновь обращенным христианам отпущены все их старые прегрешения. Не успел Хлодвиг, по словам хрониста, «...смыть грязные пятна своих прошлых деяний», как церковь уже призывает его снова проливать кровь — расправиться с неугодными ей ариа́нами.

Католическая церковь признала несогласных с ней вестготов-ариан еретиками. Она благословила и заранее оправдала захват франками их территории и истребление целого народа.

...И вот король Хлодвиг сказал своим людям:

— Не по нраву мне, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдем, с помощью божьей одолеем их и возьмем их землю...

В 507 г. двинулось франкское войско к городу Пуатье во владениях вестготов, где пребывал тогда их король Ала́рих.

В ту осень широко разлились реки от беспрерывных дождей и, как говорили в народе, от крови людской. Покуда за Луарой лилась кровь еретиков-ариан и правоверных христиан, неразличимая по цвету, католические священники служили молебны за здравие и победу завоевателей. Их не смущало кровопролитие, тем более что Хлодвиг запретил

своим воинам грабежи и бесчинства на церковных землях в завоеванной стране.

Впереди войска франков летела молва о чудесных предзнаменованиях, предвещавших победу Хлодвигу. Передавали, что когда войска Хлодвига подошли к реке Вье́нне, король просил бога указать ему брод. На рассвете франки были поражены появлением лани, которая прошла по реке как по суху.

В день решающего сражения франков с войском Алариха готы обратились в бегство. При отступлении погиб их король.

Хлодвиг торжествовал победу. Из награбленных в богатой Тулузе сокровищ он щедро одарил церковь св. Мартина в Туре. Хлодвиг приказал преследовать и уничтожать отступавшее от Пуатье войско Алариха, теснить вестготов к самой границе Бургундии.

Прошло еще два года,— и от обширных владений вестготов в Галлии осталась лишь узкая полоса средиземноморского побережья — Септима́ния.

За четверть века почти вся Галлия, кроме Бургундии, лежавшей на юго-востоке страны, была подчинена власти Хлодвига.

Территория Франкского государства выросла примерно втрое.

Теперь не только христианское духовенство сквозь пальцы смотрело на преступления, которые привели Хлодвига к единоличной власти. Сам император Византии Анаста́сий признал короля варваров и отправил к нему своих послов.

...Под сводами церкви св. Мартина в Туре Хлодвиг в присутствии высшего духовенства принимал императорских послов.

— Грамота нашего великого императора дарует тебе, король, звание Августа. Всемогущий император шлет тебе также в дар знаки августейшего достоинства,— с этими словами послы склонили головы и передали Хлодвигу пурпурную мантию и переливающийся жемчугом венец.

Тотчас же облачается король в пурпур. Нетерпеливо садится он на коня и, разбрызгивая грязь, скачет по улицам Тура. Изредка он придерживает коня и швыряет склонившимся перед ним людям пригоршни мелких монет. В ответ раздаются выкрики:

— Слава нашему королю! Слава великому Хлодвигу!

Признание власти франкского короля императором Византии облагораживало Хлодвига в глазах его подданных галло-римского происхождения.

Злодеяния Хлодвига после его смерти церковь оправдала из соображений христианской и государственной пользы. Начало этому положил епископ Григорий Турский. В своей «Истории франков» (вторая половина VI в.) он так писал об этом «защитнике веры»: «Каждый день бог повергал к стопам короля его врагов и расширял его королевство, ибо Хлодвиг ходил с сердцем, правым перед господом...» Однако от того же Григория Турского мы узнаем не только о военных победах, но и о кровавых преступлениях Хлодвига. Добросовестный рассказ хрониста не утаил от потомков суровой правды истории.

СУД ВО ВРЕМЕНА «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»

Когда варвары-германцы завоевали Западную Римскую империю и прочно осели на ее территории, они познакомились с более культурным, чем они сами, галло-римским населением. Обычаи римлян были совсем иные, чем у варваров, они были давно записаны

во множестве законодательных сборников, по которым судили и решали свои дела римляне.

Германцы расселялись по обширным территориям бывшего Римского государства, смешивались с местным населением. Постепенно они стали забывать свои старинные порядки и устанавливать другие, отражающие новые условия их жизни. Обычно варвары не записывали свои законы: старейшины, судьи, да и все соплеменники помнили их наизусть и передавали из поколения в поколение. Но теперь, когда правила жизни усложнились, германцы решили записать свои законы. Многие из варваров, познакомившись с римлянами, стали говорить на латинском языке, и, так как своей грамоты у них не было, они записывали свои законы тоже на латинском языке. Эти записи старинных варварских законов мы теперь называем «варварскими правдами». Так, у салических франков появилась «Салическая правда», у рипуарских — «Рипуарская правда», у древних саксов — «Саксонская правда» и т. д.

Разбирая дела, судьи подбирали из «Правды» своего племени соответствующие постановления и налагали наказание, которое там было указано.

Стоял солнечный день. На вершине небольшого холма, поросшего редким кустарником, франки из окрестных селений собирались на суд...

Этот живописный холм с древних времен служил местом судебных собраний.

Когда все прибыли, *рахинбу́рги* (так назывались судебные заседатели) заняли места на возвышенности, а в центре сел главный судья — *тунги́н*. Это был важный седой старик, много лет подряд выбиравшийся тунгином. Он лучше всех знал старинные судебные обычаи. Рассказывали, что он помнил еще те времена, когда не было «Салической правды», а судили на основании устных преданий старины. Тунги и все рахинбурги были опоясаны мечами, а позади каждого из них стоял слуга, держа копье и щит господина. Одежды судей указывали на их знатность и богатство. Судьями выбирали лишь людей знатных и состоятельных, или, как их называли, «лучших». Тунгину, например, принадлежала мельница, на ней работали рабы; у него было много крупного скота и свиней.

В этот день первым разбиралось дело об убийстве королевского дружинника. Брат убитого, высокий молодой воин с длинными русыми усами, свисающими вниз по обычаю франков, обвиняет другого воина, стоящего тут же. Оба они вооружены мечами, в руках держат копья и щиты. Да и все франки пришли на суд вооруженными — таков древний обычай. Хмурый воин, подозреваемый в убийстве, отрицает свою вину.

— Действительно, я враждовал с убитым,— говорит он,— но, видит бог, я не убивал его. И врагов у него было много, а не я один.

Улики недостаточны. Свидетелей нет. Тогда встает тунгин и обращается к обвиняемому.

— Напрасно уверяешь нас, что не ты убийца. По Салическому закону, записанному при нашем великом короле Хлодвиге, заподозренный в убийстве должен очиститься от обвинения. Можешь ли ты представить 72 соприсяжника, которые поручатся, что ты не убивал, и без ошибки произнесут священную клятву?

— О тунгин, где же мне взять столько соприсяжников? Я не знатен, род мой невелик.

— Тогда согласно Салическому закону ты подвергаешься испытанию по божьему суду. Как хочешь ты,— обращается тунгин к истцу,— чтобы испытали его: каленым железом или пусть он опустит руку в котелок с

кипящей водой на некоторое время? Потом мы завяжем ему руку, а через неделю узнаем, как рассудил бог: прав он или ты. Если заживет рука, ты ложно обвинил его, если разболится, то он будет осужден по Салическому закону.

— Пусть достанет из котелка с кипящей водой это кольцо. Если сумеет вынуть его так, что рука заживет после этого через семь дней, значит, божий суд говорит против меня,— отвечает истец.

Бледный, но с виду спокойный, подходит обвиняемый к котелку. Один из рахинбургов берет кольцо и бросает его в котелок. Вода в котелке кипит ключом. Обвиняемый крестится, смотрит на свою руку и быстро опускает ее в котелок. ...Но кольца сразу не найти. Рука вся покрылась белыми волдырями, и всем ясно, что она скоро не заживет. Напряженное молчание собрания прерывается возгласами: «Убийца!», «Обвинен!», «Бог рассудил!» Пока завязывают обожженную руку, тунгин читает текст Салического закона: «Кто лишит жизни свободного франка или варвара, живущего по Салическому закону, и будет в этом уличен, пусть платит 200 солидов».

— Но ты убил королевского дружинника. Ты убил его во время военного похода и этим нанес ущерб франкскому войску. А «Салическая правда» говорит: «Если кто лишит жизни свободного человека в походе, и убитый... состоял на королевской службе, уличенный в убийстве присуждается к уплате 1800 солидов». Итак, согласно Салическому закону ты должен уплатить 1800 солидов. И суд, предупреждает тебя, что если ты не заплатишь, то будет взято все твое имущество, а если и оно не покроет этой суммы, заплатишь своей жизнью.

Молча выходит осужденный из суда. Он приговорен к самому высшему штрафу, который знает «Салическая правда». Он погиб! Ведь 1800 солидов — это огромная сумма. За один солид можно купить корову, а за два солида — быка.

Сопровождаемый плачем жены, детей, родственников, он идет к своему дому и отдает все свое имущество: «Вот свиньи, корова, рыболовная сеть, теленок, на берегу речки стоит моя лодка. Все, что видите, берите, больше ничего нет!»

Но имущество далеко не покрывает ви́ры (штрафа). И тогда осужденный выполняет старинный обряд «бросания горсти земли». Он представляет на суд 12 соприсяжников, и они клянутся, «что ни на земле, ни под землей он не имеет более того, что уже отдал». После этого осужденный входит к себе в дом. Из четырех углов дома он берет горсть земли (полы в домах земляные) и выходит на порог. Затем, встав лицом к дому, он левой рукой бросает через плечо эту горсть на ближайшего родственника.



Беглецы

Ученый подошел к раскрытому окну, плотно захлопнул его и задернул штору. Сразу стало тихо. Теперь можно спокойно читать рукопись.

Слова поддавались расшифровке не сразу. Многие из них были сокращены, и вместо семи или девяти букв стояло всего две, а над ними красовалась затейливая завитушка. На отдельном листке бумаги историк выписал столбиком условные значки, которые попадались в тексте, а справа от них поместил расшифровку. Теперь дело пошло быстрее. Бумажный листок рядом со старинной рукописью выглядел странно: тонкий, легкий, белый, он удивительно не гармонировал с толстыми и тяжелыми желтоватыми страницами рукописи, сделанными из

тщательно выдубленной телячьей кожи (пергамена) и переплетенными в папку из бычьей кожи. Эту папку прошили серебряными нитками, а на сгибах скрепили бронзовыми пластинками.

Снова и снова ученый вчитывался в уже разобранный текст. Автором его был, конечно, монах. Ведь в то время одни монахи знали грамоту настолько, чтобы написать целую книгу. Да и фразы выдавали составителя: часто встречались выдержки из молитв и упоминался бог. Но, если не считать этого, монаху все же следовало отдать должное: отвлекался он в сторону немного и вел речь в основном о деле. Летописец сумел донести до нас через тысячелетие взволнованное дыхание своего времени. Так правдиво вел он затейливую нить рассказа, что ученый необыкновенно живо представил себе франкских крестьян: и несчастного Гаутзельма, и весельчака Адалольда, и отчаянного Гарингавда, и покорного Эббона, и гордого Нитада. А порой ему чудилось, что стены комнаты раздвигаются, вдали показывается кавалькада мчащихся рысью рыцарей и он слышит выкрики «гу-гу-гу!», с которыми мужики бьют косами по ногам рыцарских коней...

* * *

...Гаутзельм тряхнул головой, отполз подальше в лесную тень и попытался еще раз вспомнить, с чего все началось. В тот день с самого утра дела шли не так, как надо. Он давно сговорился с Геирлиндой о женитьбе, даже присмотрел холм, у подножия которого построит хижину. На этом холме с пологим скатом, смотревшим в сторону солнца, славный вырастет виноград, а землю между домом и ручьем перекопают под огород. Сторож (тот, что спит в будке у монастырских ворот) обещал дать огородных семян, и у них будут свой горох, своя репа. В дупле старого дуба, растущего у оврага, Гаутзельм давно уже припрятал обернутые в тряпку отцовский заступ, мотыгу и медное блюдо, которое он купил у заезжего купца на недавшей ярмарке (она каждый год собирается у стен монастыря). Меж корней того же дуба он закопал мешочек с шестью серебряными монетами. Гаутзельм долго собирал эти деньги, зато теперь им хватит и на кур, и на поросят, а может быть, и на корову...

Но все мечты Гаутзельма развеялись как утренний дымок над монастырской кухней. Отец Геирлинды должен был внести аббати́ссе (главе женского монастыря) ко дню святого Илария свой оброк: пять куриц, пятнадцать яиц, мешок полбы — и заплатить две медные монеты, а еще отвезти на монастырский двор урожай с виноградника, что возле старой часовни в лесу, и, кроме того, изготовить повозку и двадцать жердей для изгороди.

Увы, его семье не повезло. Лисица утащила всех кур, какие были в доме Геирлинды. Вместо них можно было внести деньги. Но за колеса, что сделал ее отец, дали в соседнем селении только шесть медных монет. Всего хуже было то, что на обратном пути попался ему проклятый детина — оруженосец господина тамошнего селения, доблестного рыцаря Альбрика, чтобы им обоим сломать себе ноги!

Этот парень отнял у старика все деньги, а за то, что Геирлинда убежала от него и даже не захотела с ним разговаривать, вдобавок избил старика и пообещал поступить с его дочкой худо.

К тому же сдох осел, и не на чем было везти виноград.

А когда старик принес аббатиссе полбу, колеса и жерди, святая мать взамен недостающей части оброка потребовала двенадцать медных монет. Откуда же их взять?

Но если не внесешь вовремя оброк, можно и своего надела земли лишиться. Аббатисса уже пригрозила...

Чтобы удержать надел, семье пришлось проститься с дочерью. Горько плакала ее мать, угрюмо глядели братья, отец ушел в поле, чтобы не видеть горя семьи, а Гаутзельм так прямо места себе не находил! Бедную девушку привели на монастырский двор. В волосы ее вплели черную ленту, конец ленты обернули вокруг пояса. Потом имя Геирлинды занесли в грамоту и прочитали собравшимся, что девушка «посвятила себя господу». Три раза ударил колокол, и все кончилось. Невеста Гаутзельма навеки пропала для него.

Рядом послышался шорох. Перед Гаутзельмом стояли три парня, одетые по-крестьянски. Одного из них он знал. Это был Эббон, каждый день без конца таскавший воду к монастырским воротам. Тихий и безропотный, он ни от чего не отказывался, так что однажды аббатисса, эта толстая гусыня, сказала, что Эббон после смерти сразу попадет в райские рощи. Гаутзельм тогда подумал, что неплохо бродить по рощам и на этом свете, а уж таскать воду больше того, что записано в монастырском документе, он бы не стал.

Зная Эббона, Гаутзельм не испугался незнакомцев, как видно, друживших с Эббоном. Один из них, Гарингавд, глядел хмуро и всякий раз лишь стискивал зубы да с силой дергал траву, когда его товарищ рассказывал, как некий рыцарь, исхлестав его плеткой, заставил для своей потехи облизать языком каменный крест на развилке дорог. Или как граф из соседнего герцогства подвешивал за ноги крестьян, не сдавших оброк.

Но зато Гаутзельм не смог удержаться от хохота, когда Адалольд стал показывать, как выступали на ярмарке бродячие жонглеры.

Пришел черед и Гаутзельма поведать о себе. На вопросы Эббона, что же он думает делать дальше, Гаутзельм только качал головой. Старая хижина у него сгорела. Геирлинда отдана навсегда в монастырь, а жениться на другой девушке он не хочет: в их деревне оставались незамужем одни крепостные, а он был свободным франком и не хотел, чтобы его дети потеряли свободу.

Уйти куда-нибудь? Но куда? Зачем? Землю ни один сеньор не даст даром. Получишь надел, а потом всю жизнь плати за него оброк. Или, еще хуже,— отрабатывай барщину.

Можно отправиться на королевские земли... Да только и там повинности тяжелые: дважды в год являйся на воинские сборы, а за оружие, что дадут тебе из казны, отрабатывай! Да дороги надо чинить, да реки очищать, да мосты и крепости строить, да лес охранять. Да мало ли чего потребует королевский приказчик! А не выполнишь — продадут тебя в крепостные, и прощай, свобода!

Парни долго молчали. Каждый думал о своей судьбе, о нелегкой крестьянской доле. Потом молчаливый Гарингавд, еле разжимая рот и цедя слова, стал тихо рассказывать о случае в деревне, откуда он и Адалольд были родом. Два года назад, в сильную грозу, когда молния зажгла барскую усадьбу, обгорели и покорежились все кожаные грамоты, да так, что приказчик не смог потом разобрать, что в них записано. А был он назначен на свое место недавно, жителей деревни еще не знал, и мужики сказали ему, что все они свободные франки и что на них нет повинностей.

Но год спустя приехал на пепелище барской усадьбы сам сеньор, долго живший в другом поместье. Когда он узнал, что вот уже два лета никто не работает на барщине и не

платит оброков, то пришел в ярость и назначил господский суд.

Сначала судебные заседатели ничего не могли доказать. Все крестьяне, как один, говорили, что они от рождения свободные. Но потом приказчик пообещал нескольким мужикам дать им документ, где будет сказано, что они навсегда освобождаются от всяких податей и поборов. Семь человек не выдержали и продали своих соседей: поклялись, положив руку на святую книгу, что их соседи — внуки людей, купленных отцом нынешнего сеньора за господские деньги. После этого почти все подчинились.

Только Гарингавд и его друг Адалольд не захотели признать себя крепостными и убежали. Вот уже год, как они бродят по стране. Нанимались на работу в церкви или за небольшую плату помогали пахарям на их наделах. Три месяца прожили на ярмарке: грузили и перетаскивали купеческие кули.

Общая доля сблизила парней. В тот же день они сговорились жить вместе в лесу, промышлять охотой или чем удастся, а хлеб и овощи выменивать в деревнях. Даже робкий Эббон не отстал от компании. У Гаутзельма повеселели глаза, Гарингавд раздвинул насупленные брови, Адалольд завертелся вьюном.

Весело шли они берегом вниз по течению реки, как вдруг послышался скрип уключин. Беглецы едва успели залезть в кусты, как мимо них проскользнула большая лодка, весел на двадцать с каждой стороны. Ее нос резко вздымался, на конце его блестела металлическая шишка, парус был приспущен и приторочен к невысокой мачте. На носу стоял немолодой воин в тяжелых доспехах и шарил глазами по обоим берегам. Над высокими краями лодки видны были только косматые рыжие головы гребцов да их обнаженные плечи.

«Северные люди»,— прошептал Адалольд. О, Граутзельм хорошо знал, кто это! Он был еще мальчиком, когда норманны, т. е. «северные люди», впервые появились в их округе. Ограбив все прибрежные селения, пришельцы исчезли так же внезапно, как и появились. И вот они опять вернулись. Гаутзельм понял, что от его деревни теперь не останется ни кола, ни двора!..

Несколько дней Гаутзельм и его товарищи бродили в лесах. Но когда пошедший по воду Эббон прибежал со словами, что мимо него вниз по течению проплыли нагруженные добычей все четыре лодки «северных людей» и что в одной из них он видел связанную Геирлинду, парни, не сговариваясь, направились к селению.

Что же они увидели? Вместо домов — обгорелые пеньки. Одинокие крестьяне ковырялись среди золы. Не было слышно ни кудахтанья кур, ни мычания коров. То там, то тут валялись трупы людей.

С болью смотрел Гаутзельм на места, где он вырос. Оборвалась последняя нить, что привязывала его к родной деревне.

...Все лето и осень прожили беглецы в лесу. Иногда они ходили за полбой и репой в расположенное неподалеку королевское поместье, познакомились с его обитателями. Тамошним мужикам жилось также несладко. Особенно досаждал им местный королевский чиновник. Чванный и грубый, он даже по отношению к приказчику поместья держался надменно, свысока отдавал распоряжения и задирал голову так, будто он король. На крестьян он даже не смотрел, а равнодушно скользил взглядом по их склоненными спинам. Если кто-нибудь из них осмеливался встретиться с ним глазами как равный с равным, его лицо гневно вспыхивало, и он приказывал бить провинившегося бичом.

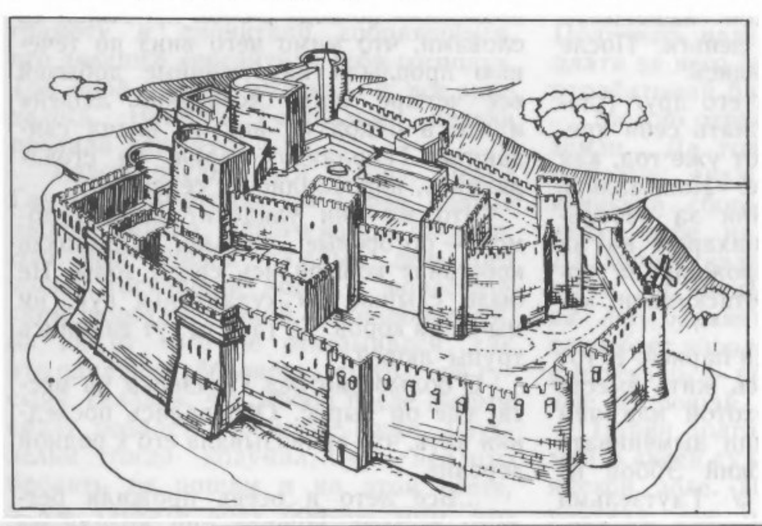
Но досталось и королевскому чиновнику. Отправившись куда-то по делам в сопровождении двух слуг, он обогнал на дороге путника, бедно одетого и простолюдина по виду. Это был возвращавшийся домой ветеран — опытный воин, не раз ходивший в походы на саксов и бретонцев. Когда повозка с имуществом чиновника обдала воина грязью, он догнал ее и, схватив за колесо, опрокинул в канаву. Взбешенный чиновник пустил своего огромного жеребца вскачь на







Сельскохозяйственные работы средневековых крестьян-земледельцев: сев, жатва, обмолот. *С миниатюры XIV в.*



Замок начала XIII в. *Реконструкция замка крестоносцев Крак в Палестине.* За первым рядом стен с башнями воздвигалась еще более высокая стена. Подобные замки были практически неприступны и могли пасть только после длительной осады.



Нападение рыцарей на крестьян. *С миниатюры XII в.*

старика, но тот хладнокровно всадил лошади стрелу прямо в грудь и с секирой в руке бросился на обидчика. Слуги едва успели спасти своего господина. Но с того времени чиновник всегда ездил с большой охраной.

Ветерана звали Нитад. После стычки с чиновником ему тоже пришлось бежать в лес. Там он и встретился с Гаутзельмом и его товарищами. Гаутзельм с восхищением смотрел на Нитада, всегда спокойного и уверенного в себе. Среди бела дня наведывался тот в поместье за припасами. Все крестьяне первыми здоровались с Нитадом, а приказчик делал вид, что не замечает его. Если же приезжал чиновник или его люди, приказчик потихоньку извещал Нитада и старый воин не спеша уходил.

Как-то раз с Нитадом повстречался оруженосец рыцаря Альбрика, тот самый, что обидел отца Геирлинды. Нитад в это время тащил в чащу подбитую им лань. Не зная, с кем имеет дело, наглый обидчик попытался отнять добычу, но был намертво сражен первым же ответным ударом. В лесу Нитад тоже вел себя независимо и даже повелительно. Это раздражало Гарингавда, который утратил теперь в компании положение вожака.

В ночь, когда ударили первые заморозки, лесные скитальцы, чтобы согреться, разожгли на опушке костер. Адалольд, грустно смотревший в сторону деревни, откуда пахло кислыми лепешками, вдруг резко повернулся лицом к дороге. Другие тоже замолчали. Вскоре послышался отдаленный шум, а затем вдали замелькали неясные огни. В поместье будто бы что-то горело. Когда возбужденный Гаутзельм с товарищами подбежали к деревне, исчезли последние сомнения. Над барской усадьбой мелькали языки пламени, а меж домами, сталкиваясь друг с другом, метались люди. Неподалеку несколько мужиков размахивали косами, силясь подрезать жилы на ногах у лошадей, а всадники пытались дотянуться до косарей мечами, но безуспешно. Одного из всадников Гаутзельм узнал сразу — это был королевский чиновник, то и дело поднимавший своего жеребца на дыбы, чтобы увернуться от свистящих кос. Гаутзельм только еще выдергивал кол из плетня, когда мимо него пронесся Нитад. Старик с удивительной для своих лет легкостью подпрыгнул, схватил вороного жеребца за узду, а другой рукой сдернул чиновника на землю. Когда Гаутзельм подбежал, все было кончено.

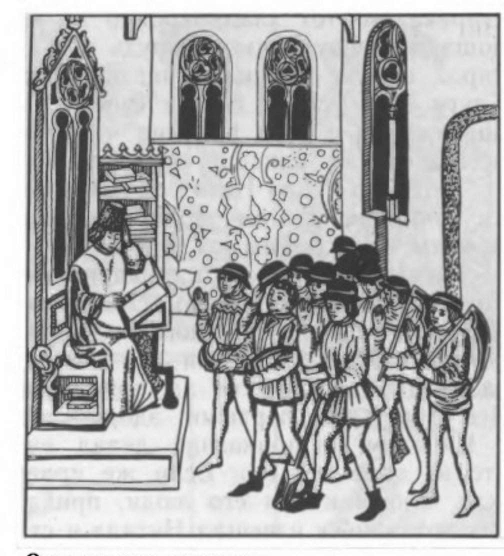
Увидев, что их хозяин убит, люди чиновника прекратили сопротивление. Мужики их отпустили, а труп ненавистного королевского прислужника бросили в реку. Два дня полыхала барская усадьба, и целый месяц крестьяне веселились и торжествовали. Но потом стало худо. Прибыли войска. Король повелел графу расправиться с восставшими. Тот созвал своих вассалов, и вскоре к его отряду примкнуло несколько десятков рыцарей. Многие из них привели с собой своих вассалов, так что можно было оглохнуть от завывания боевых рожков.

Нечего было и думать о сопротивлении: на каждого крестьянина приходилось по два опытных воина. Мужики послали Адалольда в соседнюю деревню за подмогой, но его учуяли собаки оруженосцев, гонявшие по полю зайцев. Адалольд взобрался на холм, где стояла церковь: хотел спастись от гибели за ее оградой. Однако несколько рыцарских слуг, не переступая заветной линии, дальше которой нельзя было пускать в ход оружие, заарканили беглеца. Адалольд отчаянно орудовал ножом и успел пару ремней перерезать. Все же его вытащили наружу...

Вторым погиб бедняга Эббон. Когда его товарищи, засев за плетнем,

отбивались от рыцарей, молодой галл, сидя позади них, строгал палки, насаживал на них выкованные сельским кузнецом наконечники и подавал стрелы Нитаду. Тот же, ловко управляясь с луком, не подпускал рыцарей близко к плетню. Увлеченный тем, что творилось впереди, Эббон позабыл, что нужно посматривать и назад. Между тем один из оруженосцев подполз близко и с силой метнул шагов с двадцати секиру. Без единого звука юноша рухнул на землю, и Гаутзельм едва успел произнести над своим другом слова прощания, как всем им пришлось бежать.

Повсюду виднелись фигуры разбегавшихся по полю крестьян. Королевские слуги настигали их и рубили. Гаутзельм с разбега прыгнул в реку, выбрался на другой берег и заполз в камышовые заросли. Вокруг свистели стрелы, разносились крики и стоны... Когда Гаутзельм наконец-то добрался до леса, рядом с ним не было ни



Отправление крестьян на барщину.
С миниатюры XIV в.



Крестьянин с плугом.
XII в.



Плуг с отвалом.

Нитада, ни Гарингавда. Много позже он узнал, что угрюмого франка, яростно отбивавшегося до последнего, скрутили и задушили ремнями. Следы же старого воина затерялись.

* * *

...Лампочка замигала и потухла, наверное, перегорела. Однако ученый продолжал сидеть за столом, положив ладони на жесткий пергамен. Рукопись была разобрана до конца, но расставаться с ней не хотелось. Историку казалось, что он слышит колокольный звон. Несутся протяжные звуки, наполняют собой воздух, переливаются и замирают, а им вторят снизу стоны замученных крестьян.

ПОБЕЖДАЙ! (ВИЗАНТИЯ В VI в.)

Множество народа с утра толпилось вокруг константинопольского ипподрома. Всем хотелось как можно раньше проникнуть в его ограду, чтобы занять лучшие места и насладиться увлекательным зрелищем.

Приготовления в ипподроме были почти закончены. Оставалось только натянуть пурпурный шелк над ареной для защиты от солнца и посыпать арену песком.

Двое юношей, энергично работая локтями, сумели пробраться к самому входу на ипподром и занять удобную позицию, чтобы в числе первых попасть на зрелище. Старший был широкоплечий, сильный, темноволосый, с длинными усами и короткой бородой. Под опекой этого богатыря был его младший товарищ, на лице которого еще только пробивался светлый пушок. У него были голубые глаза, открытый и доверчивый взгляд.

Два этих крестьянских парня — Андроник и Костас — вчера пришли в Константинополь из родных деревень. Познакомившись по пути в столицу, они быстро подружились. Их сблизили нужда и мечта найти свое счастье в огромном городе; о нем они так много слышали. Им удалось наняться мостить одну из дорог, ведущих к столице. Теперь они пришли на ипподром посмотреть цирковые представления, полюбоваться военным парадом, а может быть, и увидеть самого императора.

Наконец ворота ипподрома распахнулись — и более тридцати тысяч человек хлынули внутрь, нетерпеливо рассаживаясь на ступенях гигантского амфитеатра. Андроник и Костас увидели, как у центральной — императорской — ложи выстроились придворные гвардейцы в сверкающих доспехах, а затем торжественно появился император Юстиниан в великолепной одежде, украшенной драгоценными камнями и расшитой золотом.

Многие слышали, каким удивительным образом Юстиниан стал императором. В начале VI в. простой крестьянин из Македонии по имени Юстин пришел в поисках работы в Константинополь. Здесь его приняли на службу в императорскую гвардию. Долголетняя ревностная служба со временем позволила ему стать начальником гвардии. А когда в 518 г. скончался бездетный византийский император Анастасий, гвардия возвела на престол Юстина. Так полуграмотный солдат стал императором. Не имея сына, он вызвал в столицу своего племянника Юстиниана, усыновил его и дал ему блестящее образование. После смерти дяди жестокий, хитрый и ловкий Юстиниан унаследовал власть императора Византии, расширил и укрепил государство.

Сказочная судьба была не только у императора, но и у его жены — императрицы Феодоры. Говорили, что она поражает своей красотой, смелостью

и умом: без ее совета не обходится ни одно важное дело. Она родилась в бедности. Ее отец был сторожем в цирке, а она в юности — танцовщицей...

Император подал знак. Открылись четверо ворот, и четыре колесницы: зеленая, голубая, красная и белая, запряженные четверками лошадей, вихрем понеслись по арене. Одежды возниц были такого же цвета, как и их колесницы. Приверженцы той или другой колесницы называли себя по ее цвету. В то время больше всего сторонников имели голубые и зеленые возницы.

Юстиниан и его супруга покровительствовали «голубым», а их противники — «зеленым». Оба цвета — зеленый и голубой — постепенно стали символами двух враждующих партий.

Андронику и Костасу понравился голубой, и они, как и все остальные зрители, стали с тревогой следить за ходом бегов.

Вдруг раздались торжествующие крики: голубой возница обогнал зеленого. Но еще мгновение — и зеленая колесница вырвалась вперед. Сторонники голубых ответили воплями негодования, потонувшими в ликующих криках победителей.

Наконец бега окончились. Началась вторая часть программы — клоунады и комические сценки без слов (пантоми́мы), выступления фокусников, акробатов, борцов, жонглеров, дрессировщиков животных. Но страсти не улеглись. Выйдя из амфитеатра, приверженцы голубых и зеленых продолжали перебранку на улице. Ни одна из сторон не смогла убедить противника, и спор окончился рукопашной схваткой.

Ипподром был не только ареной спортивных состязаний, но и центром общественной жизни Византии. Здесь праздновались победы над внешними врагами, выставлялись военные трофеи и производилась раздача награбленной добычи. Здесь же оглашались правительственные указы. На ипподроме народ приветствовал нового императора и императрицу после их коронации. Здесь народ мог по старинному обычаю выразить императору возмущение царившими в стране порядками.

В Константинополь со всех концов стекалась гонимая нуждой беднота — колоны, беглые рабы, крестьяне, искавшие у императора защиты.

Как-то, еще по дороге в Константинополь Костас и Андроник поведали друг другу о своей нелегкой судьбе.

— У нашего господина Дракоса,— рассказывал Андроник,— большие владения. Их обрабатывали рабы из рук вон плохо. И вот что надумал господин. Он позвал моего отца и сказал ему: «Хочешь получить свободу? Я дам тебе землю, а ты обрабатывай ее и корми свою семью. За это ты будешь давать мне часть своего урожая, а также платить подати государству».

Отец согласился и стал колоном. В первый же год «свободной» жизни весь наш хлеб засох на корню. Отец пошел к Дракосу одолжить немного денег. Он рассчитывал отдать их после нового урожая. Но год снова выдался неурожайный, голодный. И так продолжалось три года подряд. Долги росли. На четвертый год Дракос согнал нас с земли за неуплату повинностей и взял к себе мою мать и двух братьев в услужение — отрабатывать долги. Отец с горя вскоре умер, а я решил отправиться в Константинополь...

Приятели некоторое время молчали, а затем Костас сказал:

— Не знаю, слаще ли моя судьба. У меня никого нет, кроме деда. Мы с ним давно уже начали работать на хозяйских землях за клочок пашни. А дальше у нас все пошло, как и в

твоей семье: год за годом неурожай, долги, голод. Хлеб все дорожает. Тогда я и ушел в город.

Юноши еще не знали, что и в Константинополе ремесленники и торговцы день за днем принуждены отдавать немалую часть своего заработка сборщикам налогов. Кузнецам и оружейникам, рыбакам и матросам, торговцам, каменщикам и землекопам — всем им не раз казалось, что император не сегодня, так завтра обуздает жадных сборщиков налогов, отменит суровые законы. Но этого не произошло. Росло возмущение несправедливыми поборами. Партия враждебной императору крупной земельной знати («зеленые») стремилась направить гнев народа против власти Юстиниана. Крупным землевладельцам не нравилось усиление императорской власти, не взлюбили они и неусыпный контроль за их действиями со стороны императорских чиновников.

Они-то и решили, подстрекая народ, поднять восстание в тот самый день, когда на ипподроме были назначены бега.

11 января 532 г. весь амфитеатр цирка был заполнен. Но, вопреки обыкновению, публика не требовала скорее начать состязания, а на скамьях, где сидели «зеленые», не прекращались шум, свист и выкрики.

Император приказал своему глашатаю выяснить причину возбуждения. В ответ представитель «зеленых» обрушился на самоуправство и злоупотребление чиновников, а затем и на императора:

— Если какого-нибудь свободного человека подозревают в том, что он «зеленый», власть тотчас подвергает его каре. Ты позволяешь, чтобы нас убивали. Лучше было бы, если бы по воле небес твой отец вовсе не родился: он не породил бы убийцу!

Оскорбив императора, «зеленые» демонстративно покинули ипподром. За ними устремились не все. На улице завязались ожесточенные рукопашные столкновения. Они повторились в разных частях города. Тогда префект города Евдемон отдал приказ арестовывать всех, кого застанут с оружием в руках. В числе схваченных оказался и Костас. Андроник случайно отстал от него и поэтому не попал в руки солдат.

Не разбирая, принадлежат ли взятые к «голубым» или «зеленым», Евдемон велел тут же повесить нескольких человек. Костас попал в их число. При огромном стечении народа началась казнь. Неожиданно Костас, только что повешенный, сорвался с виселицы.

— Нельзя его казнить! — закричал Андроник.— Таков обычай, отпусти его!

Вся толпа подхватила эти слова и стала громко требовать помилования юноши. Однако префект приказал вешать вторично.

Тогда толпа в ярости отбросила палачей. В одно мгновение осужденных освободили. Ликующая толпа увела их с собой. На другой день народ, собравшись на ипподроме, потребовал у императора помилования всех, приговоренных к казни, но безуспешно. И вот тогда массы людей, забыв, что одни из них поддерживали «голубых», а другие — «зеленых», объединились. С криками «Ника!», что по-гречески значит «Побеждай!», они двинулись к городской тюрьме. В короткой схватке повстанцы перебили тюремную стражу, выпустили на волю заключенных, а здание тюрьмы подожгли со всех сторон. После этого они направились к императорскому дворцу, выкрикивая на ходу свои требования.

— Долой кровопийцу! — неслось со всех сторон.— На виселицу виновников поборов!

Кто-то из идущих впереди обернулся и отчетливо произнес:

— Долой императора!

Этот клич нарастал как шум прибоя и докатился до стен императорского дворца.

Юстиниан двинул против восставших отряд наемников-готов. Но в узких улицах города, где противник нападал спереди и сзади, где с крыш кидали камни, а из-за угла наносились удары, опытные солдаты растерялись.

Запылали здания, окружавшие императорский дворец. Пожар перекинулся и в другие районы. Три дня огонь, раздуваемый ветром, опустошал столицу. К исходу третьего дня весь город, кроме императорского дворца, оказался в руках восставшего народа.

Повстанцы начали готовиться к штурму дворца.

Прошло еще два дня. Напуганный Юстиниан организовывал оборону. Тем временем народ на ипподроме провозгласил нового императора. То был племянник императора Анаста́сия — Ипа́тий. Тот противился возведению на трон, так как не сочувствовал повстанцам, но не посмел ослушаться народа.

Узнав об этом, император обезумел от страха. Приближенные предупредили Юстиниана, что на войско полагаться нельзя. Единственное средство спасения, уверяли они,— бегство, еще возможное, пока дворец не окружен. Юстиниан был готов бежать. Но этому решительно воспрепятствовала императрица Феодора. Она одна сохранила самообладание и достоинство в обстановке всеобщего страха и смятения.

— Если ты, государь, хочешь бежать,— заявила Феодора,— это твое дело. Подумай, однако, не лучше ли предпочесть смерть спасению. Что до меня — я остаюсь: цари должны умирать царями.

Юстиниан опомнился и отдал приказ военачальникам Велизарию и Мунду готовить отряды к наступлению. Тайным агентам он поручил проникнуть в ряды повстанцев, чтобы подкупить всех неустойчивых. По приказу императора Велизарий подготовил неожиданный удар. В одиночку и небольшими группами воины Велизария и Мунда незаметно подкрались к ипподрому и сосредоточились у двух



Развалины ипподрома в Константинополе.
С миниатюры 1450 г.
Константинопольский ипподром сооружен в 203—330 гг. н. э. Это был крупнейший ипподром в древнем мире. Он имел сложную многоярусную сводчатую структуру. В центре ипподрома устанавливались различные колонны. Часть из них была привезена в качестве реликвий из покоренных стран.





Строительство и украшение дома.



В лавке торговца фарфором.

его противоположных ворот. Затем, приказав солдатам обнажить мечи, Велизарий с криком бросился на ипподром. Застигнутый врасплох, безоружный народ кинулся к противоположному выходу. Но туда уже ворвались отряды варваров Мунда.

Ужас, отчаяние и паника овладели толпой, запертой на ипподроме. Началось кровавое избиение беззащитных людей. Андроник и Костас чудом избежали общей участи: они были прижаты к стене около самого выхода и им удалось выскользнуть.

Бойня прекратилась лишь к ночи. На арене ипподрома осталось более 35 тысяч трупов. Восстание «Ника» было подавлено. В Константинополе и в провинции начались аресты и казни.

Многих знатных землевладельцев, принадлежавших к партии «зеленых», бросили в тюрьму, а их обширные поместья отошли в государственную казну...

Чтобы обеспечить заработком бедняков, Юстиниан вскоре после подавления восстания «Ника» приказал



Император Юстиниан с придворными. ***С мозаики в Равенне. VI в.*** **Имератор передает архиепископу чашу с золотыми монетами в дар для украшения церкви. Раннесредневековый художник сумел сохранить в изображении людей портретное сходство.**

начать в Константинополе и по всей империи большие строительные работы. По приказу Юстиниана все города вдоль границы были укреплены и объединены между собой непрерывной линией военных постов. Было заново отстроено 150 городов. В них воздвигались дворцы, церкви, театры, общественные бани, прокладывались широкие мощеные улицы.

В пустынях копали колодцы, через горные реки перебрасывали мосты, в городах строили водопроводы. Особое внимание император уделял своей столице. После восстания «Ника» сгоревшие кварталы Константинополя были заново восстановлены и построен храм св. Софии — выдающийся памятник мировой архитектуры. Император поручил возглавить его строительство двум выдающимся архитекторам своего времени — Анфи́мию и Иси́дору и собрать лучших мастеров империи.

Для постройки храма из Рима, Афин и других городов были вывезены колонны из порфира и яшмы. Разноцветный мрамор, слоновая кость, эмаль и вышивки украсили внутренность храма. Алтарь и священные сосуды были отчеканены из чистого золота и усыпаны драгоценными камнями. В верхней части стен на фоне яркого пурпура сияли мозаики гигантских размеров. Полумрак, царивший у стен храма, казался еще более густым от того, что центральная его часть щедро озарялась светом, льющимся из сорока окон.

Величавый купол св. Софии — подлинное чудо византийской архитектуры. Никогда прежде не удавалось установить такой огромный купол с такими легкими, плавными очертаниями.

Про храм св. Софии говорили, что он парит над городом как корабль над волнами моря, «опущенный на золотой цепи с высоты небес».

Постройка этого храма стоила басносновно дорого. Средства для покрытия расходов и для строительства других городов, дворцов, вилл были получены за счет новых тяжелых налогов с трудового населения страны.

Из истории Болгарии

Рукописи и книги, камни старинных зданий сохраняют память об историческом прошлом. Всмотритесь в миниатюры — рисунки в рукописной книге.

Эта книга — перевод византийской летописи на болгарский язык. Она создана в XIV в. в Болгарском царстве. А повествует она о тревожных событиях начала IX в., когда независимости молодого Болгарского государства постоянно угрожала соседняя Византийская империя.

На левой стороне разворота книги болгарский художник изобразил, как Крум, правитель Болгарского государства, пирует в кругу своих соратников. Он торжествует победу над Византией — сильным, опасным и хитрым противником. По древнему обычаю, Крум пьет из оправленного серебром черепа побежденного врага — императора.

А война началась так. Обеспокоенный частыми набегами византийских наемников, Крум занял небольшой город Сердику (ныне София) в пределах империи и намеревался пойти на Константинополь. Узнав об этом, император Византии Никифор со своим войском оккупировал столицу болгар Плиску. Он разграбил город, увел скот, увез богатую добычу: зерно, изделия из кожи и металла, украшенные искусной чеканкой и резьбой.

Медленно двинулись в обратный путь воины, сопровождавшие тяжелогруженый обоз. То и дело они наты-

кались на засеки — завалы из сучьев и цельных деревьев, предусмотрительно срубленных болгарами на всем пути следования врага. Тем временем Крум собрал свое войско; воинами были все мужчины, способные носить оружие. Он получил также подмогу от македонских славян — с к л а в и́ н о в. В горной теснине Крум преградил путь врагам.

«Мы спасемся, только если у нас вырастут крылья»,— воскликнул, по преданию, император Никифор (его имя означало «победоносный»). Началось отступление. Воины тонули в болотах, многие попадали в ловушки-засеки, там их поджидали меткие болгарские стрелы. Погиб император, а его сын был убит в схватке с Крумом во время бегства. Эту сцену запечатлел художник на правой миниатюре.

Крум наследовал верховную власть от прежних болгарских правителей — ха́нов (так их звали в приазовских степях, на прародине болгар). В конце VII в. хан Аспарух с ордой кочевников, носивших имя болгар или булгар и говоривших на тюркском наречии, переселился из Приазовья на Дунай. (Другая болгарская орда ушла в приволжские степи и осела по средней Волге, где затем возникло государство Волжская Болгария со столицей Булгар. Эти болгары стали предками татар Среднего Поволжья и чувашей.) В ходе борьбы против общего врага — Византии пришельцы объединились с союзом семи славянских племен, которые давно и прочно



Пир Крума после победы над византийцами. *Миниатюра из Манасиевой летописи.*



Завершающий эпизод битвы болгар с византийцами. *Миниатюра из Манасиевой летописи.*

владели придунайскими землями. Большинство славян были свободными земледельцами, но в их среде уже не было равенства, выделилась знать.

Кочевники-болгары привели с собой на Дунай табуны скота, но постепенно под влиянием славян перешли к оседлому земледелию. Они вместо походных кибиток стали строить прочные деревянные и каменные жилища. Славян они научили возводить высокие оборонительные укрепления из камня.

Пришлая болгарская знать в конце концов нашла общий язык с местной. Постепенно складывались классы, зарождались феодальные отношения, укреплялась государственная власть. В 681 г. Византия признала новое государство — Болгарию. Император заключил с Аспарухом договор, который определил границы Болгарии: между Дунаем на севере, горами Стара Планина на юге и Черным морем на востоке. Это событие историки договорились считать началом Первого болгарского царства. Правителей Болгарии стали вскоре называть царями. Прошло менее ста лет. Пришельцы-булгары постепенно растворились в массе придунайских славян. Они дали свое имя болгарскому народу, а их языком стал славянский. На этом языке стали писать законы и государственные постановления, а когда болгары приняли в IX в. христианство,— отправлять церковную службу.

На болгарском языке славянскими буквами переписана византийская летопись, которую вы видите. Она получила название Манасиевой.

Славянская азбука

Перед вами — славянская азбука. Как и кем она была создана и каким образом попала в Болгарию?

Славяне давно делали попытки создать свою письменность. Так, в Болгарии первыми знаками, применявшимися при счете, были «черты» и «резы». Они состояли из прямых линий. С их помощью можно было сосчитать и записать сумму налога, составить календарь. Однако своей азбуки у болгар, как и других славянских народов, до второй половины IX в. еще не было.

В IX в. среди славян стало распространяться христианство. Оно пришло из Византии. Для церковной службы потребовалось перевести греческие книги на язык славян. Но прежде всего необходимо было создать славянскую азбуку.

За этот нелегкий труд взялся славянин, византийский ученый Константин Философ (позже он принял имя Кири́лла). Ему помогал старший брат — Мефодий. Азбука создавалась первоначально для жителей славянского княжества Мора́вии (сейчас это область в Чехословакии). Моравский князь просил императора Византии прислать ему проповедников христианства и книги.

Началась работа над азбукой. Константин выделил из живой славянской речи все ее звуки. Затем ему предстояло найти для каждого звука свою букву. Часть букв он приспособил из греческого алфавита, придав им несколько иную, более округлую и замысловатую форму (см. столбец «глаголица»). Но где же было взять буквы для таких звуков славянской речи, как *ж, з, ц, ч, ш, щ, ю, я*? Для некоторых из них не существовало буквенных обозначений ни в латинском, ни в греческом алфавитах. И тогда Константин (Кирилл) изобрел для этих звуков новые буквы.

Рассматривая таблицу, обратите внимание на сходство ряда букв в обоих вариантах славянской азбуки. Первая получила название «глаголица» (что означает «говорящая»), а

СОВРЕМЕННАЯ АЗБУКА	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	з	З	И	i	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т
СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА ГЛАГОЛИЦА	Ⰰ	Ⰱ	Ⰲ	Ⰳ	Ⰴ	Ⰵ	Ⰶ	Ⰷ	Ⰸ	Ⰹ	Ⰻ	Ⰽ	Ⰾ	Ⰿ	Ⱀ	Ⱁ	Ⱂ	Ⱃ	Ⱄ	Ⱅ
СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА КИРИЛЛИЦА	Ѧ	Б	В	Г	Д	Є	Ж	Ѕ	З	И	І	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т
И ЕЕ ЦИФРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ	1		2	3	4	5		6	7	8	10	20	30	40	50	70	80	100	200	300

СОВРЕМЕННАЯ АЗБУКА	У	Ф	Х	о	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Ѣ	Я	Ю	Е	Е"	О"	КС	ПС	Θ	И
СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА ГЛАГОЛИЦА	Ⱆ	Ⱇ	Ⱈ	Ⱉ	Ⱌ	Ⱍ	Ⱎ	Ⱋ	Ⱏ	ⰟⰊ	Ⱐ	Ⱑ		Ⱓ		Ⱔ	Ⱘ			Ⱚ	Ⱛ
СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА КИРИЛЛИЦА	У	Ф	Х	Ѡ	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Ѣ	Ꙗ	Ю	Ѥ	Ѧ	Ѫ	Ѯ	Ѱ	Ѳ	Ѵ
И ЕЕ ЦИФРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ	400	500	600	800	900	90										900		60	700	9	

Славянские азбуки.

более поздняя — «кириллица» (в память Кирилла).

Вы, конечно, заметили, что кириллица сильно отличается от глаголицы. Например, звук «а» в глаголице передавался знаком креста, а в кириллице — греческой буквой «α».

Создавая глаголицу, Кирилл старался сделать свои славянские буквы не похожими на другие. Но время внесло поправки в его азбуку. Ученики и последователи Кирилла и Мефодия еще больше приблизили славянскую азбуку к греческой, которой веками пользовались и сами греки, и другие народы древности, а также многочисленное население Византийской империи. Жизнь настоятельно требовала возвратиться к устоявшейся, проверенной временем форме букв.

В Болгарию славянская азбука пришла не сразу — лишь после того, как ее ввели в Моравии.

После смерти Кирилла Мефодий и его ученики продолжали распространять в Моравии славянскую азбуку и книги. Вскоре просветители подверглись преследованию со стороны католического духовенства. Мефодия и его последователей бросили в тюрьму, обвинили в ереси и в конце концов выслали из страны. Вскоре Моравия была завоевана немцами и венграми, славянская азбука там была уничтожена.

Болгария дала приют изгнанникам, продолжавшим дело своих учителей. Их имена знает каждый образованный болгарин:

Климент, Наум, Ангелларий и другие. Климент Охридский основал в болгарской столице Преславе несколько школ, которые окончили более трех с половиной тысяч учеников.

Имя просветителя Климента Охридского в наше время носит Болгарский государственный университет в Софии.

Распространение славянской письменности в Болгарии означало для болгар возможность создавать и читать литературу на родном языке. Это помогало единению болгарского народа.

Из Болгарии славянская азбука в конце IX в. пришла на Русь и содействовала расцвету древнерусской литературы.

Глаголица — первоначальная славянская азбука — до XVIII в. применялась наряду с кириллицей, а затем постепенно была вытеснена этой более простой по написанию азбукой. Некоторое время глаголица использовалась в качестве тайнописи.

Мы с вами тоже читаем и пишем, пользуясь буквами кириллицы. Но на протяжении многих веков одни буквы изменили свой облик, а другие и вовсе исчезли из русского алфавита.

«Книга Страшного суда»

Дэвид закрыл книгу и задумался. В этот дождливый день быстро темнело. В большом кабинете было сумрачно. На длинных полках тускло поблескивали золотым тиснением книги. Они были самые разные: толстые и тонкие, большие и маленькие, на разных языках. Вот и на столе книга — огромная, в половину его роста. Дэвид с трудом открыл ее и, к своему разочарованию, увидел на пожелтевших страницах непонятные слова. Но его заинтересовало название. Что это за «Страшный суд»? Тот, о котором говорят в церкви? Тогда в книге должны быть картинки про бога, ангелов и дьявола. А там нет ничего подобного. А если просто про суд, тогда там должны быть законы под номерами и параграфами — он видел такие книги у отца. Нет, все не то. И спросить не у кого: отец ушел в университет.

Вдруг в холле раздался легкий скрип: отворилась дверь в кабинет. Отец! Дэвид бросился к нему:

— Папа, что такое «Страшный суд»? Вернее, «Книга Страшного суда»?

— А, вот что ты пытался читать... А я-то удивлялся, что так тихо в доме. Ну-ка, садись. Сейчас разгорится камин, станет тепло, и мы с тобой побеседуем. Но это долгий разговор. А если ты чего-то не поймешь, спроси у меня, ладно?

Отец сел перед камином в кресло с высокой спинкой. Дэвид, придвинув поближе качалку, забрался в нее с ногами.

— Так вот, дружок, это было давным-давно, в XI в. Король Англии Эдуард Исповедник был бездетным. И как это бывает в подобных случаях, на английский престол стали предъявлять права нескольких знатных людей. И среди них Вильге́льм, герцог Норма́ндский. Ты знаешь, где Нормандия?

— Это в Северной Франции?

— Да, это земли по нижнему течению Сены. Главный город тех мест — Руа́н. Только узкий пролив Ла-Манш отделяет побережье Нормандии от меловых утесов английского берега. За сто пятьдесят лет до событий, о которых пойдет речь, эта территория, принадлежавшая империи Карла Великого, была завоевана н о р м а́ н н а м и («людьми севера», как называли в Европе скандинавов). Тогда здесь и образовалось герцогство Нормандия. Скандинавы быстро слились с местным населением, но люди этих мест сохранили воинственность, а прекрасными мореходами они были издавна.

Так вот, не надеясь получить английскую корону законным путем, герцог Вильгельм решил завоевать Англию — богатую страну с обширными полями, пастбищами и лесами. Он построил множество кораблей, собрал оружие, продовольствие и большое войско из конных рыцарей и лучников-пехотинцев.

Погрузив войско, коней и снаряжение на корабли, Вильгельм переправился через пролив и в конце сентября 1066 г. высадился на юге Англии. Через две недели войско Вильгельма разбило ополчение англичан в битве, состоявшейся неподалеку от порта Гастингс.

— А, это я знаю. Про битву при Гастингсе нам в школе рассказывали. А что было потом?

— Захватив Лондон, Вильгельм стал королем Англии, войдя в историю под именем Вильгельма Завоевателя. Вильгельм и его нормандские бароны стали отнимать землю у местных жителей. Сопротивлявшихся крестьян убивали, а деревни сжигали. Много земли оставляя себе, Вильгельм раздавал большие владения и своим баронам. Одновременно новый король старался

укрепить свою власть. Он потребовал присягу верности от всех знатных и богатых людей Англии. Но в первую очередь он хотел знать, какие у кого оказались владения, с кого и какую службу можно потребовать, какие брать поборы. Он задумал ввести регулярные налоги, которые можно было бы собирать со всех жителей королевства. Чем больше земли было у человека, тем больший налог можно с него потребовать.

Как сказано в хронике, в 1085 г. Вильгельм созвал совет знати, он «много думал и беседовал со своими мудрыми советниками о делах королевства». Затем он разослал по стране своих баронов с помощниками, чтобы они «переписали всю Англию».

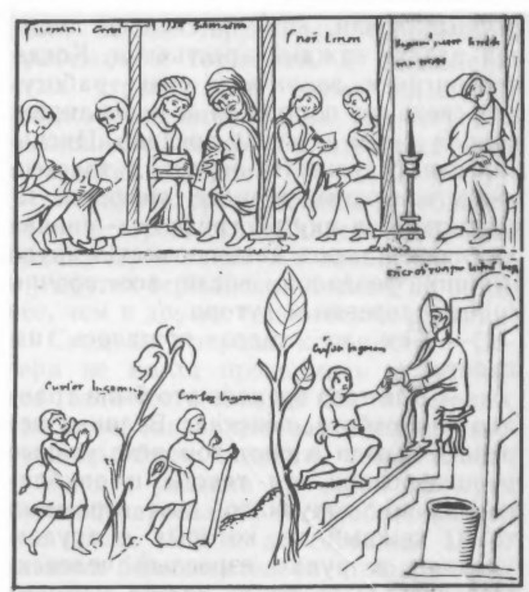
— Так он задумал перепись населения?

— Да, Дэвид, и запомни: это была первая и долгое время единственная перепись в истории Европы. Но переписывали не только людей. Ведь главным для короля было узнать, сколько и откуда можно получить налога. Поэтому прежде всего измеряли землю (пашню, лес, пастбища) и записывали размер полагающихся за нее повинностей.



Заглавная буква «Книги Страшного суда».

Перепись.
С миниатюры XII в.





Средневековый хронист. *Миниатюра.* На столе на трехгранной подставке закреплен свиток пергамента. Хронист проверяет написанный им текст по книге, стоящей вверху. На полочке стола и на стене — горшочки с красками разного цвета. Писали в раннее средневековье тростинками или заостренными палочками, позднее научились использовать специально заточенные гусиные перья.

— И что же, переписчики ездили по деревням и считали?

— Они обошли каждый город, все деревни и хутора Англии, проверили дворы всех домохозяев и держателей земли. Собирали показания о поместьях: как называются, кто ими владеет, сколько в каждом земли и сколько там крестьян, построена ли мельница, есть ли пастбища, леса и рыбные ловли, кому и сколько податей платит каждый крестьянин. Когда переписчики закончили свою работу, все сведения поступили в канцелярию короля и там их свели воедино. Писцы занесли результаты опроса в толстые книги в строгом порядке: графство за графством, а внутри графств — сначала главный город, затем поместья крупнейших феодалов, после все прочие города, деревни и хутора.

— Как же долго пришлось им писать!

— Для того времени это была грандиозная работа, поистине Великая перепись. Когда в прошлом веке ученые расшифровали эти тексты и опубликовали их, получилось два огромных тома, каждый из которых с трудом удержит в руках взрослый человек. Перепись была очень важна для короля Вильгельма, но не меньшую ценность она представляет теперь для историков. Ведь в ней имеется много сведений о том, в каких условиях жил и трудился человек XI в. Там ничего не пропущено: и какой плуг у крестьянина, добывают ли в округе железо или соль. Перепись рассказывает и о том, чем отличались друг от друга зависимые и свободные крестьяне.

И заметь! Король предупредил переписчиков, что вслед за ними пойдут контролеры, которые проверят правильность записей. И горе тому, кто будет уличен в ошибке! Поэтому переписчики были очень добросовестными. И мы, как и король Вильгельм, можем им вполне доверять.

— Значит, каждый историк может разобраться в этой книге и все узнать?

— Не так-то это просто, мой мальчик. Ведь названия мест, городов и сел сильно изменились за прошедшие 800 лет. Да и тогда писцы одно и то же название писали по-разному. Долго, кропотливо разбирались историки, чтобы выяснить, о чем идет речь в переписи.

Много трудностей поджидает человека, который решит изучить эту перепись. Скажи, например, что значит слово «экипаж».

— Это пилот, штурман и все те, кто ведет самолет или космический корабль.

— Верно. Но это еще может быть и команда морского или речного корабля. А в прошлом веке экипажем называли карету. Ты видишь, некоторые слова меняют свое значение со временем. Так и в том случае, когда ты берешь средневековую книгу. Словом «виллан», например, обозначали первоначально крестьянина, земледельца вообще, а потом только крепостного. И чтобы понять, о ком идет речь, надо внимательно вчитаться в текст, сопоставить разные случаи употребления одного и того же слова в этой книге и в других документах.

Ну как, все понятно? Вопросы есть?

— Конечно. Ты же не объяснил, что такое «Книга Страшного суда»!

— Ах, да, прости. Именно эта английская перепись 1086 г. и есть «Книга Страшного суда». Так назвал ее народ. Ведь составители описи требовали говорить только правду, и ни один человек не мог ускользнуть от опроса. Это напоминало людям о Судном дне, которого, по церковному учению, никто не сможет избежать и в который каждому придется отвечать на суровые вопросы о прожитой жизни.

Люди боялись переписи. И не напрасно. В результате все население Англии оказалось под гнетом коро-

левских налогов. Но не только налогов. Поскольку перепись шла по поместьям, она как бы письменно закрепила те отношения зависимости, которые сложились или еще только складывались между крестьянами и феодалами. А против документа спорить невозможно.

Перепись закрепила зависимость народа от господ. Еще и поэтому, наверное, народ назвал перепись «Книгой Страшного суда»...

...Огонь в камине разгорелся, резко высвечивая лежащий на столе огромный том. Дэвиду очень захотелось прочесть и понять эту удивительную книгу.

Под полосатым парусом

Ранним июньским утром 793 г. высыпавшие на берег монахи богатого монастыря на острове Линдисфарна, вблизи северо-восточного побережья Англии, с тревогой следили за приближающейся флотилией. Более десятка кораблей под полосатыми шерстяными парусами грозно надвигались на остров. Головы сказочных чудовищ на носах кораблей хищно разевали пасти, сверкали на солнце щиты, подвешенные снаружи вдоль бортов. Неглубоко сидящие суда подошли к самому берегу, и сотня воинов, яростно крича и размахивая мечами, через мгновение оказалась среди испуганных безоружных жителей. Вопли ужаса и стоны раненых огласили воздух. Иноземцы безжалостно прокладывали себе дорогу к монастырским строениям, где надеялись найти богатую добычу...

Несколько часов спустя над островом воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском догоравших построек. Большинство монахов и жителей селения были убиты; драгоценная церковная утварь, одежды и книги погружены на корабли, туда же согнали немногих оставшихся в живых людей и скот с окрестных пастбищ. Разгром этого монастыря показал жесткость скандинавских завоевателей, которых в Европе называли норманнами или викингами. Датчане, норвежцы, шведы, ранее малоизвестные в Европе, в течение почти трех столетий нападали на ее территории, занимались грабежом и торговлей. В скандинавских странах это время называют «эпохой викингов». Как же вступили скандинавы на путь длительных войн и морских походов?

В раннее средневековье в общественном строе скандинавских народов происходили такие же изменения, как и у других германских племен, но позднее, чем в других европейских странах.

Скудная природа каменистого Севера не могла прокормить скандинавов: ведь часть своих и без того малых припасов зависимые земледельцы вынуждены были отдавать знати. Военная знать увлекла за собой на путь внешних завоеваний массу общинников, и с конца VIII в. до середины IX в. викинги безжалостно опустошали прибрежные города Европы.

Они дважды осаждали Париж, доплывали до Рима. На некоторых захваченных землях норманны основали свои государства: герцогство Нормандию в Северной Франции, Сицилийское королевство в Южной Италии и на острове Сицилия, государства в Ирландии и Англии. Норманны заселили и Исландию — «Снежную страну» в северной Атлантике.

Во всех этих и других, отдаленных от Скандинавии землях не раз видели норманнов, торговали с ними, брали их на военную службу как наемников, страшились их грозных набегов. В IX—X вв. под сводами церквей часто можно было слышать молитву: «Господи, спаси нас от чумы, дьявола и от ярости норманнов».

В то время норманны были лучшими мореходами Европы. Они строили свои быстроходные и маневренные корабли-дра́ке́ны (так называли их по украшавшему нос корабля изображению дракона), которые свободно могли заходить в скалистые прибрежные гавани и совершать многодневные переходы в открытом океане. На большом корабле было 42 пары весел, одним веслом гребли двое воинов. Норманны везли с собой верховых лошадей, а также живых овец, коров и коз, мясом которых питались в пути. Искусные кузнецы ковали для воинов мечи, боевые топоры, наконечники копий, шлемы, кольчуги. Деревянные щиты воинов были обтянуты кожей и украшены металлическими бляшками, изображавшими животных или птиц. Готовясь к походу, викинги собирались в укрепленных лагерях. Такие же лагеря они, подобно римлянам, сооружали на захваченных землях, превращая их в опорные пункты для последующих походов. Викинги, объезжая побережья континента, вступали в мелкие стычки, разведывали обстановку, нащупывали слабые места в обороне.

Особенно часто викинги совершали набеги на Британские острова. Расположенные среди волн Атлантики — родной стихии мореходов Севера, они были легко доступны морским разбойникам. Победу облегчала раздробленность Англии на многие мелкие враждующие между собой королевства, а Ирландии и Шотландии — на соперничающие роды-кланы. Богатые монастыри и города были особенно привлекательной добычей для норманнов. На протяжении нескольких десятилетий Британские острова подвергались опустошению. Неожиданному появлению быстроходных «дракенов», молниеносному и яростному натиску организованных воинов не могли противостоять наскоро собиравшиеся отряды жителей. Многие короли предпочитали откупаться от нападения и грабежа, поэтому викинги все чаще обращались с требованиями дани:

Дайте нам кольца ради замиренья.
Разве не лучше вам миром кончить...
и тогда мы с данью
в море уйдем немедля,
на кораблях от земли отчалим
и с вами в согласии будем.

Но политика умиротворения врага не находила поддержки в народе. Сильный отпор захватчики получили во второй половине IX в. при короле Альфреде Великом. Этот талантливый политический деятель, осторожный, но смелый полководец, широко образованный писатель и переводчик сумел объединить под своей властью почти всю Англию. Чтобы отразить нападения викингов, он создал впервые в истории Англии сильный военный флот, по мореходным качествам лишь незначительно уступавший флоту викингов.

Население Англии поддерживало Альфреда. Англосаксонские летописи и народные песни донесли до нашего времени гневный протест против «бесчестных военачальников», которые отдают свои земли и народ во власть грабителей:

Вам не дань дадут —
встретят вас копья,
дротики отравленные,
древние секиры...
Не бесчестный
здесь военачальник встал:
он будет биться
на этой границе.

Но натиск норманнов все еще был очень силен. Скандинавы начинают постоянно жить в Англии, основывают собственные поселения или захватывают селения местных жителей. Плодородные земли, которых так мало в самой Скандинавии, просторные луга,

где можно разводить скот, близость богатых торговых городов — все это привлекало не только бороздивших северные моря искателей добычи, но и тех, кто, оставаясь дома, занимался хлебопашеством и скотоводством. Новые земли сулили новые удачи и богатство. К тому же общение с местным англосаксонским населением не было для скандинавов трудным, так как языки, на которых они говорили, были родственными.

Теперь к берегам Англии плыли корабли уже не с воинами, а с крестьянами вместе с их семьями, скотом и домашним скарбом.

Обширные и плодородные просторы Восточной Европы с разветвленной сетью судоходных рек и озер, с их путями в богатые страны Арабского Востока и Византию манили предприимчивых жителей Севера. Небольшие отряды викингов и в Восточной Европе, населенной славянами, балтами, угро-финнами, начали с грабежей и взимания дани. Но здесь, однако, они не имели тех преимуществ, что обеспечивали им быстрые победы в Западной Европе. Более медленное продвижение по рекам исключало неожиданность нападения. Многочисленные селения и города стояли далеко друг от друга, прятались за лесами, были хорошо укреплены. Их жители храбро сопротивлялись грабителям. Бескрайние земли Восточной Европы не сулили легкой добычи. Зато они открывали широкое поле для торговли.

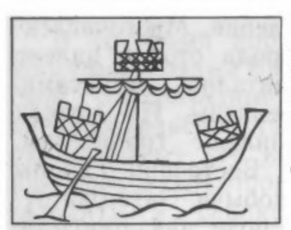
С образованием Арабского халифата торговые пути, которые шли из Европы на Восток, отчасти переместились из Средиземноморья на Север: они пошли через Балтику и восточноевропейские речные системы. В X в. начал использоваться знаменитый путь «из варяг в греки» (т. е. из Скандинавии в Византию) — по Западной Двине и Днепру.

В это время скандинавы и включаются в торговлю между Востоком и Европой. В Северную и Северо-Западную Европу они везут из Арабского халифата и Византии огромное количество серебряных монет, шелковые ткани, пряности, благовония, драгоценные камни и другие предметы роскоши. На Руси они покупают собольи, беличьи, куньи меха, воск и рабов, а сами привозят туда оружие, столь необходимое дружинам.

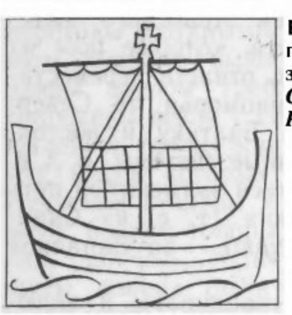


Викинги строят корабль. *С миниатюры XII в.* Корабли викингов обычно изготовлялись из ствола большого дерева, борта наращивались дополнительными досками, иногда обшивались.

Корабль имел одну башню, откуда викинги метали в неприятеля стрелы и камни. В одном корабле могло плыть до 60 человек. Корабли способны были плавать и по морям, и по рекам.



Северный корабль с рулевым веслом на борту, временным шатром, башней, мачтой с парусом. ***С печати города Дунвича. 1199 г.***



Корабль викингов с постоянной мачтой и зарифленным парусом. ***С печати города Ла Рошель.***

В начале XI в. на Русь приезжал норвежец Эймунд с небольшой дружиной таких же, как он, искателей наживы. «Мы узнали, господин,— обращается Эймунд к великому киевскому князю Ярославу Мудрому, главе Древнерусского государства, намекая на распри из-за киевского престола,— что у вас могут уменьшиться владения из-за ваших братьев... и пришли сюда на восток, на Русь, к вам, трем братьям. Собираемся мы служить тому из вас, кто окажет нам больше почестей и уважения, потому что мы хотим добыть себе богатства и славы... Мы теперь предлагаем стать защитниками этого княжества и пойти к вам на службу и получать от вас золото, и серебро, и хорошую одежду». На протяжении трех лет норманны служили Ярославу, помогая ему укрепить великокняжескую власть и создать сильное государство.

Многие скандинавы-дружинники оседали на Руси, обзаводились семьями и имениями, постепенно сливались с местным населением.

Сюда же военная судьба привела одного из знаменитейших викингов XI в., будущего короля Норвегии — Харальда Сурового Правителя. На пути в Византию Харальд задержался при дворе Ярослава. Там он встретил и полюбил дочь великого князя Елизавету. Но гордая княжна отказалась выйти замуж за молодого и еще не прославившегося воина. Более пяти лет провел Харальд в Византии. Поступив в императорскую гвардию, он стал ее военачальником, возглавил походы в Палестину и на Сицилию, участвовал в дворцовом перевороте в



Викинги в морском походе. Нос корабля викингов украшался позолоченным изображением какого-нибудь зверя, чаще всего дракона. Корабли при попутном ветре шли на парусе, могли идти и на веслах. Флот викингов при больших набегах иногда состоял из нескольких сот кораблей.

Константинополе. Много богатств добыл он на чужбине, и ежегодно отправлял богатые дары Ярославу. В одном из походов он сложил песнь в честь Елизаветы Ярославны, впоследствии ставшей его женой и королевой Норвегии.

Живя среди славян, англосаксов, франков, скандинавы усваивали многие черты их общественного строя, быта и культуры.

У древних скандинавов не было хроник. История своего рода и своей страны, законы, поэзия, медицинские знания передавались из уст в уста, запоминались и пересказывались «мудрыми людьми» и поэтами. Поэтому все, что нам известно об этой эпохе, почерпнуто из различных хроник соседей викингов (англичан, французов, немцев), из местных сказаний — *саг,* записанных в Исландии (в XIII в.), или добыто при раскопках.

О богатстве знати дают представление многочисленные могильники. Викингов хоронили с мечами и копьями, драгоценными украшениями: нашейными ожерельями-гривнами, кольцами, браслетами, нарядными поясами с бронзовыми и золотыми бляшками, вычурными брошами, которыми закалывали плащ. Иногда вместе с воином хоронили и боевого коня. Над такими захоронениями насыпали курганы, а их основание обкладывали камнями, воспроизводя форму ладьи. Наиболее знатных викингов и королей хоронили в кораблях. Искусные ювелиры и резчики по дереву причудливо украшали корабли, покрывали их деревянные детали изображениями звериных масок, человеческих личин, фигур зверей, сражающихся друг с другом.

Эти роскошные захоронения показывают, что у скандинавов уже была высшая, могущественная знать.

В скандинавских мифах, восходящих к началу эпохи викингов, общество изображается разделенным на три группы. На верхней ступеньке стоит знатный человек — Ярл (герцог). Он статен и красив, отважен и в совершенстве владеет ратным искусством. Его удел — править людьми и воевать.

Вторая ступенька отведена Карлу (мужику) — свободному землепашцу и скотоводу. Он имеет оружие, чтобы защищать свое имущество и честь, смолоду участвует в военных походах. Карл небогат и не может претендовать на власть.

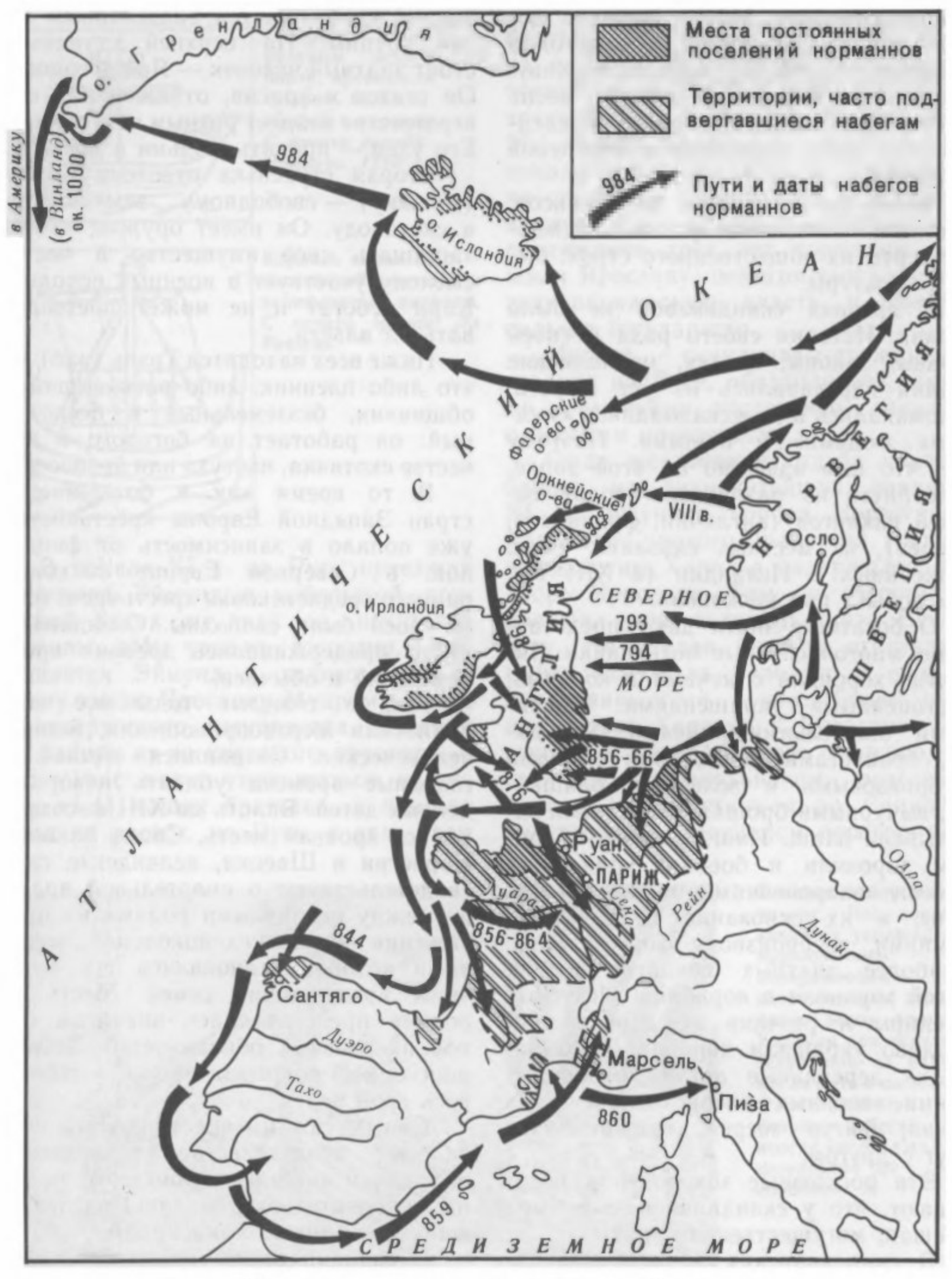
Ниже всех находится Трэль (раб) — это либо пленник, либо разорившийся общинник, безземельный и бесправный: он работает на богатого в качестве скотника, пастуха или дровосека.

В то время как в большинстве стран Западной Европы крестьянство уже попало в зависимость от феодалов, в Северной Европе к концу раннего средневековья крестьяне в массе своей были свободны. Скандинавы долго придерживались древних представлений и обычаев.

Так, в тяжелые годы все еще приносили жертвоприношения, иногда человеческие. Сохранялся обычай в голодные времена убивать новорожденных детей. Вплоть до XIII в. сохранялась кровная месть. Своды законов Норвегии и Швеции, исландские саги свидетельствуют о смертельной вражде между различными родами на протяжении нескольких поколений, жертвами которой становились все мужчины враждующих семей. Месть за родича представлялась викингам одной из главных обязанностей. Забывший о ней покрывал позором себя и весь свой род.

Самым тяжким преступлением считалось предательство. Предателя объявляли вне закона, он терял право на покровительство и защиту: любой свободный мог безнаказанно его убить.

В скандинавских мифах рассказывается, что глава языческих богов



Походы норманнов в VIII—XI вв. *Карта.*

О́дин — «творец людей» отдал глаз ради обретения знаний и искусства слагать стихи. Он считался и покровителем воинов. В его чертогах, Вальха́лле, пировали и сражались воины, павшие в битве. Поэтому смерть в бою считалась почетной и приносила воину славу среди живущих и радости в «загробном мире».

Скандинавы упорно сопротивлялись усилению королевской власти. Свободные крестьяне восставали против королей, которые осмеливались ущемлять старинные вольности и привилегии, убивали или изгоняли их из страны.

Для тех, кто не желал склонить головы перед королем, был открыт и иной путь — переселение. Многочисленные острова Северной Атлантики — Оркне́йские, Фаре́рские, Исландия и другие — до X в. были пустынны, лишь изредка там находили пристанище жертвы кораблекрушений или монахи-отшельники. Усиление королевской власти, недовольство ею подтолкнули свободных «северных людей» к освоению этих островов. В правление Харальда (прозванного сначала Лохматым, а затем Прекрасноволосым из-за данной им клятвы не стричь волос, пока он не овладеет всей Норвегией) первые норвежские корабли с переселенцами отплыли в Исландию. В течение X в. остров был заселен и освоен, а отважные мореходы двинулись дальше на запад в поисках новых земель. Так была открыта Гренландия; на ее южном побережье климат более мягкий, и там норвежцы из Исландии основали несколько поселений. Исландцы стали первыми европейцами, высадившимися и в Северной Америке. Повсюду поселенцы стремились сохранить древние родовые обычаи.

К концу XI в. завершилась эпоха викингов. Ушел в прошлое родовой строй, главное место в скандинавском обществе заняли феодалы. Укрепившиеся европейские государства стали уже недоступны для набегов норманнов.

ПРЫЖОК В КОЛОДЕЦ

Эта история произошла в конце XII в. на неведомом тогда европейцам Американском континенте. О ней рассказала нам рукопись народа майя.

Невиданного могущества достиг город Чичен-Ица за последние два столетия. Различные племена и народы стремились поддерживать с ним хорошие отношения, посылали дорогие подарки его правителям и жрецам. От жителей города Майяпана, где правил Ах Меш Кук, от других городов и селений северной части полуострова Юкатан и даже от тех майя, что жили в Центральной Америке, получал дань владыка Чичен-Ицы.

Страшная участь выпала военачальнику города Майяпана Хунак Кеелю. По приказу правителя Майяпана его отправляли в Чичен-Ицу, чтобы там принести в жертву богам.

Военачальник Хунак Кеель. Хунак Кеель был молод, ловок, умен. Он прошел обучение под руководством жрецов и освоил основные науки майя: научился арифметике, письму, чтению древних рукописей, счету времени, изучил календарь и астрономию, обычаи своего народа и ритуалы богослужений. Но главное — он научился отлично владеть оружием. Уже несколько лет он преданно служил правителю Майяпана, командовал его войском. Хунак Кеель был удачлив в военных походах. Всякий раз его отряды приносили в город богатую добычу и приводили множество рабов. Но стареющий Ах Меш Кук завидовал успехам своего военачальника и ненавидел его. Поэтому, когда влады-

ка Чичен-Ицы в очередной раз потребовал дань и людей для жертвоприношений, Ах Меш Кук решил послать вместо десятка рабов одного знатного человека. Пусть его лучший полководец Хунак Кеель станет «посланцем к богам», это большая честь.

Уже неделю Хунак Кеель «гостил» в прекрасном дворце правителя Майяпана. Младшие жрецы и слуги старались выполнить малейшее его желание. Но ничего не хотелось Хунак Кеелю, ничто не радовало. Целыми днями он лежал на мягком, устланном циновками и шкурами ложе и вспоминал свою жизнь: детство, обучение наукам и военному искусству, военные походы...

Детство в родном селении. Хунак Кеель был сыном батаба — правителя большого селения неподалеку от Майяпана. Отец его, как все батабы, происходил из знатного рода. Должность батаба была наследственной и передавалась от отца к старшему сыну. Батаб от имени правителя города-государства вершил суд, следил за уплатой дани правителю и за тем, чтобы все работы выполнялись общинниками как положено и в срок.

Жители родного селения Хунак Кееля разводили индеек, охотились на диких кроликов и броненосцев, ткали материю из хлопка и волокон агавы, однако главным их занятием было земледелие. От урожая маиса (кукурузы) всегда зависело благосостояние народа майя.

Сыну батаба ни к чему было знать, как растет маис, все необходимое — продукты, топливо, одежду — доставляли в дом его отца крестьяне-общинники. Они полностью содержали семью батаба, отдавая ему часть всего, что выращивали и изготовляли. Они строили и чинили жилище батаба, поочередно трудились в его домашнем хозяйстве. Кроме того, крестьяне сообща обрабатывали специальный участок, урожай с которого шел в кладовые батаба.

Хунак Кеель был любознательным мальчиком и часто наблюдал за ходом земледельческих работ. Потому во время учебы у жрецов ему легко было усвоить связь премудростей календаря с повседневными заботами земледельцев.

На Юкатане два сезона: сухой (по современному календарю это ноябрь — май) и дождливый (июнь — октябрь). В конце сезона дождей крестьяне-общинники отыскивают подходящие участки для новых полей. Лучшими считаются те, где растут деревья и высокий кустарник. Это верный признак плодородия почвы. Хорошо, если поблизости есть естественные колодцы, ведь климат на Юкатане засушливый. В ноябре крестьяне принимаются за вырубку зарослей. Справиться с ними при помощи каменного топора не так-то просто. Срубленный лес оставляют на несколько месяцев сохнуть, а затем сжигают — зола неплохое удобрение. Когда начинаются дожди, поля засевают: острой палкой в земле делают ямки, кидают туда семена и заравнивают ямки пяткой. В одну ямку обычно бросают несколько зерен маиса и семена черных бобов или фасоли. На том же поле нередко сажают тыкву. Проходит некоторое время, и вот уже по толстым стеблям кукурузы весело вьются усики бобовых, а рядом зреют тыквы. Это очень удобно! В течение сезона дождей участок несколько раз пропалывают, а с наступлением сухой погоды собирают урожай. На следующий год землю очищают от старых стеблей и травы, выжигают и засевают вновь. Через два-три года поле забрасывают, и оно опять зарастает диким лесом.

От странствующих торговцев Хунак Кеель слышал, что в других областях страны, где есть полноводные реки, крестьяне строят каналы. В за-

сушливых местах они с их помощью орошают поля. В заболоченных районах, наоборот, отводят лишнюю воду, чтобы сделать болота пригодными для посевов. Используют майя и так называемые «приподнятые поля» — искусственно насыпанные длинные грядки земли, затопляемые водами рек и озер. Такие же есть у ацтеков в Мексике, где их называют «плавучие сады».

Из поколения в поколение земледельцы майя отбирали наиболее ценные сорта маиса, бобовых, тыквы, табака, хлопчатника, картофеля. За сроками земледельческих работ строго следили жрецы, сверяясь с календарем и древними книгами.

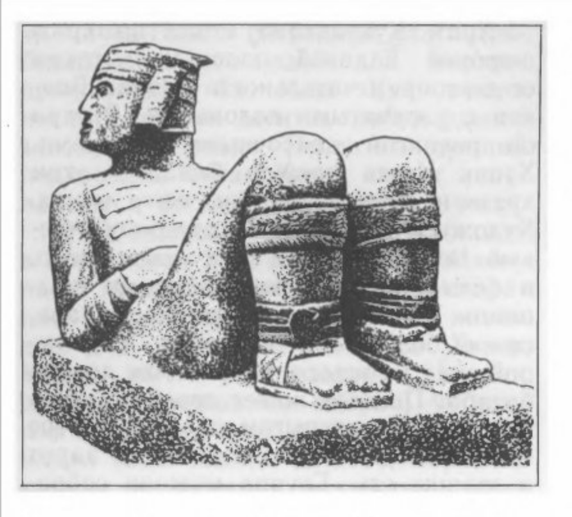
Хунак Кеель хорошо изучил все, что связано с земледелием, и мог бы стать, как младший брат, жрецом в какой-нибудь сельской общине. Но он выбрал путь воина и стал военачальником у неблагодарного Ах Меш Кука, который обрекает его на смерть в священном колодце жертв.

Столица майя Чичен-Ица. В назначенный день Хунак Кееля привезли в Чичен-Ицу. Столица была больше Майяпана и поражала красотой зданий, величием пирамид. Центр города, где размещались дворец правителя и большинство храмов, был окружен невысокой каменной стеной с четырьмя воротами. Они располагались точно по сторонам света. Храм Кукулькана, главный в городе, находился на вершине 20-метровой пирамиды и был виден издалека. Почти квадратный в плане, устойчивый и массивный, он был достойным домом для Пернатого Змея — бога-покровителя Чичен-Ицы.

Каждая сторона пирамиды разделялась посредине лестницей и имела по 18 ступенчатых террас: таково количество месяцев в году по календарю майя. Общее число ступеней четырех лестниц равнялось 365, т. е. количеству дней в году.

Храм Кукулькана стоял на краю широкой Главной площади. Другая ее достопримечательность — храм Воинов с узорчатыми колоннами. Внутри он расписан красочными фресками. Хунак Кеель прежде бывал в этом храме и хорошо запомнил одну из них. Художник нарисовал красно-коричневую землю, совсем как настоящую, и белые хижины под высокими крышами из листьев. Здание справа, самое большое и красивое, с фигурой змеи на крыше — храм или дворец батаба. Поселок живет своей обычной жизнью. На открытом очаге во дворе одного дома какая-то женщина варит в горшке еду. Группа мужчин собралась в дорогу, в руках у них посохи, за плечами тяжелая ноша. Изображены также деревья с пышными зелеными кронами, летящие птицы. Нижняя часть фрески занята серо-голубым морем. Три лодки плывут вдоль берега. В каждой по два воина, вооруженных дротиками, копьеметалками и щитами, и гребец с длинным веслом. В морских волнах видны рыбы, моллюски, крабы и морская черепаха.

Храм Воинов стоит справа от храма Кукулькана, а слева высится серой глыбой храм Ягуаров. Он тоже расписан фресками. Рядом площадка для ритуальной игры в мяч — выложенное каменными плитами игровое поле, окруженное стеной с двумя трибунами и тремя маленькими храмами. Много и других прекрасных сооружений в Чичен-Ице. Гордость столицы — обсерватория. Это круглая башня, поставленная на две прямоугольные площадки-террасы. Внутренняя спиральная лестница ведет наверх, в небольшую комнату, из которой через специальные отверстия жрецы-астрономы наблюдают за звездами, Солнцем, Луной. Однако самая главная достопримечательность Чичен-Ицы — Священный колодец. Со всего Юкатана стекаются к нему палом-



Скульптура бога дождя Чак-Мооля, о котором упоминается в рассказе. Фигура сделана из известняка. Она была установлена у входа в один из храмов Чичен-Ицы.

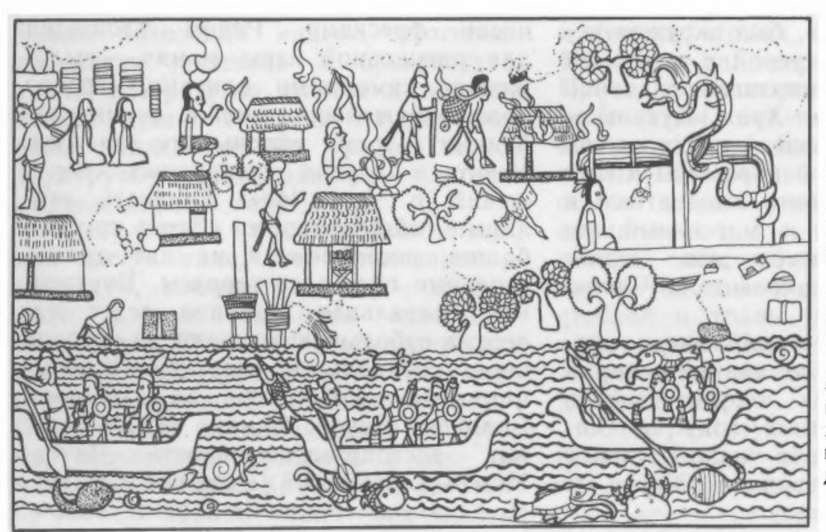


Золотой диск с гравированным изображением воинов. Он был найден на дне Священного колодца вместе с другими предметами, которые майи приносили в жертву богам.

ники, чтобы принести свои дары покровителю земледельцев Чаку. В этот колодец скоро бросят Хунак Кееля.

Чему учили жрецы. На Главной площади собрались жрецы многочисленных храмов города. Они закончили богослужение и ждали верховного жреца Хапай Кана и правителя Чак Шиб Чака. Отряд воинов охранял группу людей, предназначенных в жертву. Все они, кроме Хунак Кееля, были рабами. Вот появились верховный жрец и владыка города. Возглавленная ими процессия из жрецов, воинов и знати двинулась к Священному колодцу. Следом по широкой дороге из белых каменных плит шли простые горожане.

Хунак Кеель знал, что души воинов, погибших на поле битвы или павших от жертвенного ножа, направляются прямо на небо, к богу Солнца, а души утонувших или убитых молнией — к богу дождя. «Куда же по-



Фреска храма Воинов в Чичен-Ице. Описание ее приводится в тексте. На других стенах этого храма изображены военные сцены: нападение отрядов чужих воинов на селение майя. Именно поэтому историки дали храму такое название. Росписи сделаны минеральной краской по влажной белой штукатурке. Некоторые особенности этого рисунка могут напомнить вам живопись других народов, например древних египтян.

паду я?» — думал Хунак Кеель. Он попытался вспомнить и представить то, чему его учили жрецы. Земля имеет форму плоского прямоугольника. Этим она похожа на расчищенный для посева участок в джунглях. В центре Земли находится Первоначальное дерево, дерево жизни, а по углам — Мировые деревья. На них опирается небесный свод. В прохладной тени Первоначального дерева расположен рай, туда попадают души праведников. Живут они там в сытости и веселье. А на ветвях четырех Мировых деревьев обитают цветные боги Чаки. Каждый из них владеет одной из четырех сторон света. Когда Чаки льют из кувшинов воду, идет дождь.

Небесный свод состоит из 13 слоев. Так говорили жрецы. Они начали заниматься астрономией очень давно — более чем за тысячу лет до рождения Хунак Кееля. Точные астрономические наблюдения были нужны людям, чтобы правильно определять сроки сельскохозяйственных работ. Ведь если посеешь раньше времени или, наоборот, запоздаешь, урожай может погибнуть. Чтобы этого не случилось, создали календарь. Теперь жрецы, уточняя даты по Солнцу и звездам, могли точно определить, когда нужно вырубать лес, когда выжигать участок, когда сеять.

У каждого слоя неба — свой владыка. Первый слой принадлежит Луне, третий — Венере, четвертый — Солнцу. На восьмом небе живет «владыка пищи» (он же — бог маиса), на девятом — бог дождя и так далее. У девяти ярусов подземного мира, где находится ад, тоже есть свои боги. Есть они и у каждого дня календаря, и у каждой цифры от 0 до 13. Да еще существует множество богов — покровителей различных занятий. Свои боги у воинов и земледельцев, у охотников, рыбаков и ткачей, у тех, кто собирает мед, и у тех, кто разводит индеек и уток. Был бог-покровитель у плантаций какао, он же считался богом торговцев: зерна какао служили для платы за товары, как деньги. Много богов у майя. И каждый требует даров, а то и жертв.

Жертвоприношение. «О, как страшно предстать перед могущественными богами»,— думал Хунак Кеель. Вокруг него с монотонными песнопениями кружились жрецы. Порой певцы умолкали, но танец продолжался под заунывные звуки оркестра. В оркестре были две флейты, погремушка, трещотка, большой барабан и две длинные изогнутые трубы. Его музыка наводила нестерпимую тоску и парализовывала волю. Медленно двигалась процессия. Солнце нещадно пекло.

Бедный люд плелся далеко позади. Говорили о видах на урожай маиса и хлопчатника, обсуждали последние городские новости, вспоминали прошлое.

— А правду рассказывают,— спросил худой непоседливый мальчишка, ученик гончара,— что во время последней страшной засухи в колодец бросили прекрасную девушку?

— Это была дочь батаба одного прибрежного селения,— отозвался торговец рыбой.— Батаб отказался платить дань Чичен-Ице, и воины правителя разграбили селение. Захватили хорошую добычу, много пленников. Всех превратили в рабов, а девушку принесли в жертву богу Чаку. Она была настоящая красавица. Чак принял жертву, но дождя так и не послал. Многие тогда умерли с голоду.

— Да,— вмешался в разговор пожилой крестьянин.— Ужасный был год. Мой брат за долги попал в рабство и умер в каменоломнях.

— Зато какие прекрасные храмы строят нам рабы по приказу жрецов-архитекторов! — сказал торговец солью.

Вот и Священный колодец. Хунак Кеель бывал здесь прежде. Но никогда эта местность не казалась ему такой зловещей и безжизненной: каменистые холмы, поросшие густым колючим кустарником, бледное небо, будто выгоревшее от зноя. Колодец жертв — гигантская круглая воронка более 60 метров в диаметре. Ее стены из желтовато-белого известняка круто обрывались вниз, к темно-зеленой мутной воде. От края колодца до воды было метров двадцать. А какова глубина колодца — никто не знал.

На прямоугольной каменной платформе стоял маленький храм. Это было место последних обрядов. Жрецы выстроились двумя шеренгами, образовав как бы коридор от выхода из храма до противоположного, нависавшего над колодцем, края платформы. Пестрая многоликая толпа теснилась вокруг храма. Отдельной группой — ближе к месту действия — стояли сановники, воины и богатые торговцы. Дурманящий дым от брошенных в огонь комочков смолы поднимался к небу. Жрецы в белых одеяниях стройным хором пели молитвы и сами казались почти богами. Обряд был не слишком долгим. Один за другим исчезали в зеленой пучине рабы. Сильные, рослые жрецы подводили их к краю платформы, крепко держа за руки, и резким толчком сбрасывали вниз. С гулким плеском жертвы уходили под воду. Многие не успевали даже вскрикнуть. Зрители с напряженным вниманием следили за происходящим. Последней жертвой должен был стать «посланец» правителя Майяпана.

Хунак Кеель ненавидел сейчас этих людей, восхищенно глазеющих на жертвоприношения. Никому из них не жаль его. Закончится ритуал, они разбредутся по домам и станут жить, как прежде,— все, даже презренные рабы-носильщики. А он, Хунак Кеель, молодой, энергичный воин, должен погибнуть в ненасытной пасти колодца. Внезапно пришла смелая мысль: «Я же умею плавать, надо попытаться...» Не дожидаясь, пока жрецы столкнут его, Хунак Кеель шагнул к краю платформы и сам бросился в воду.

Спасение Хунака Кееля. Труднее всего было освободиться от громоздкого головного убора и тяжелых, тянущих вниз украшений. Но это было необходимо. Если он не снимет свой яркий наряд, жрецы сразу увидят его, когда он всплывет на поверхность. А нужно, чтобы прошло какое-то время, иначе народ не поверит, что он побывал у богов. Избавившись от одежды, Хунак Кеель вынырнул, быстро вдохнул побольше воздуха и поплыл под водой к стене колодца. Известняковая отвесная стена была скользкой. «Хотя бы выступ, чтобы ухватиться рукой, или выбоина, пещерка, чтобы спрятаться»,— мечтал он. Изредка выныривая, он поплыл вдоль стены. Занятые молитвами жрецы не заметили его. К счастью, вскоре Хунак Кеель нашел небольшую щель в стене и там затаился.

Вот верховный жрец произнес последние слова молитвы:

— Примут ли боги наши жертвоприношения? Пошлют ли нам свою милость, добрый дождь и богатый урожай? Явят ли свою волю?

Толпа ждала. И вдруг из глубин колодца раздался голос, как раскат грома:

— Я вернулся к вам! Боги послали меня управлять вами!

— О-о-о! — завопила толпа. На лицах жрецов было смятение. Такого еще никогда не случалось, ни разу «посланец» не возвращался.

— Я пришел к вам! — неслось из колодца.

Вниз опустили крепкий канат и вытащили почти раздетого человека. Только набедренная повязка была на

его раскрашенном ритуальной краской теле.

— Боги взяли его богатые одежды и украшения,— послышался шепот.— Он принес нам волю богов.

— Я вернулся, чтобы управлять народом майя,— собрав последние силы, прокричал Хунак Кеель и потерял сознание.

Три дня Хунак Кеель не мог оправиться от перенесенного потрясения. Он лежал в одном из помещений храма Чак-Мооля. Старший жрец бога дождя присматривал за ним, присылал к нему лекарей и слуг-рабов. Тем временем ропот и недовольство в городе нарастали. Торговцы, ремесленники, крестьяне-общинники собирались группами у храмов, на рынке, на площади Тысячи колонн, у городского колодца и обсуждали один и тот же вопрос: почему прячут от них «посланца богов»? Встревоженный правитель Чичен-Ицы совещался с главными жрецами и сановниками города. Наконец они приняли решение. Раз Хунак Кеель послан в жертву правителем Майяпана Ах Меш Куком, значит, и управлять теперь он должен Майяпаном. Такова воля богов.

Во все подвластные Чичен-Ице города и селения майя тотчас же были отправлены бегуны-глашатаи с вестью, что по случаю возвращения из Священного колодца «посланца богов» объявляется большой праздник с ритуальной игрой в мяч и жертвоприношениями.

В столицу съехались правители всех городов майя. Из разных частей страны шли по «белым дорогам» караваны рабов-носильщиков в сопровождении вооруженной охраны. Они несли драгоценные подарки для правителя Чичен-Ицы и ярко разукрашенные носилки, в которых ехала знать. Спешили в столицу и торговые караваны. Торговцы стремились воспользоваться праздником, чтобы выгоднее продать свои многочисленные товары. Только один человек — правитель Ах Меш Кук — не спешил в Чичен-Ицу. С отрядом личной охраны он бежал из Майяпана и скрылся.

Новый владыка города Майяпана. И вот настал день, когда жрецы тайно провели Хунак Кееля в храм Кукулькана. Там его облачили в одежды правителя и в огромный головной убор в виде маски ягуара, украшенный перьями редких птиц. Его вывели на площадку перед храмом и посадили на резной трон, покрытый шкурой ягуара, считавшейся символом власти. На низких террасах пирамиды Кукулькана разместились жрецы, знать Чичен-Ицы и почетные гости из других городов. А внизу, на площади перед храмом, стоял испуганный народ.

Верховный жрец Хапай Кан выступил вперед и произнес громко и торжественно:

— Великую милость оказали нам боги-покровители. Наш посланец Хунак Кеель говорил с ними и сообщил нам их волю. Хунак Кеель станет теперь владыкой города Майяпана. Ах Меш Кук направил его в Чичен-Ицу, чтобы мы принесли его в жертву в Священном колодце. Боги отпустили его. Он вернется в Майяпан. Такова воля богов. Смотрите все. Вот новый правитель Майяпана Хунак Кеель из рода Кавич!

С музыкой и пением многолюдная процессия во главе со жрецами направилась к Священному колодцу. В жертву богам в тот день принесли великое множество прекрасных вещей: расписные керамические сосуды, каучуковые фигурки людей и животных, костяной нож с рукоятью, украшенной тщательно вырезанными иероглифами, бусы, серьги, подвески, иные изделия из нефрита, янтаря, горного хрусталя. В колодец также бросили золотые фигурки богов и медные коло-

кольчики. Эти предметы очень ценились, ведь их издалека привозили по морю купцы: своего металла у майя не было.

Потом в жертву принесли людей — рабов-военнопленных, подаренных владыке Чичен-Ицы правителем города Ушмаля. Солнце уже село, когда участники церемонии вернулись в город.

На другой день в Чичен-Ице состоялась ритуальная игра в мяч. А наутро третьего дня в богато украшенных носилках, облаченный в одежды правителя Хунак Кеель отправился в путь. Его почтительно сопровождали приезжавшие из Майяпана на праздник жрецы, сановники и отряд воинов. Чудом спасшийся от смерти военачальник возвращался в Майяпан его владыкой.

В древней хронике майя история Хунак Кееля описывается так:

«Это был Хунак Кеель из рода Кавич. Таково было имя человека, который высунул голову из отверстия колодца, на южной его стороне... И они посадили его на трон владык. Его начали провозглашать верховным правителем. Он не был владыкой прежде. Он был только на службе у Ах Меш Кука. Теперь же он, обреченный в жертву Ах Меш Куком, был провозглашен владыкой».

Крестовые походы

Сбор на Клермонской равнине. В погожий день 26 ноября 1095 г. на обширной равнине, примыкавшей к французскому городу Клермону, толпился многочисленный люд всякого возраста, звания и состояния. Были здесь и знатные сеньоры — графы, бароны; каждого окружали его слуги и оруженосцы.

В расшитых шелком и золотом кафтанах, под которыми позвякивали кольчуги, в мягких сапожках из дорогой кожи графы и бароны держались обособленными группами, надменно поглядывая вокруг. Одни восседали на коне, положив руку на эфес вложенного в ножны длинного меча с обоюдоострым стальным клинком; другие стояли, опершись на деревянное копье с железным наконечником в виде ромба.

Но больше всего тут было простых рыцарей, одетых поскромнее. Далеко не у всех имелись конь и кольчуга, зато у многих поверх кафтана поблескивал легкий металлический панцирь; у иных туловище закрывали кожаные латы, а ноги — такие же наколенники, или по́ножи. Рыцари тоже были при мечах; кое-кто явился и в полном снаряжении, в шлеме, с выгнутым круглым или треугольным щитом, покрытым металлическими пластинками на деревянном, обтянутом кожей остове.

Посреди пестрой толпы чернели длинные, до земли, сутаны священников, клобуки монахов. И все же главную массу собравшихся в Клермоне составили крестьяне из ближних и дальних селений. Лица землепашцев бороздили морщины, на худых телах болтались рубахи из грубой шерсти или холста и широкие холщовые либо кожаные штаны. Обувью некоторым служили толстые башмаки из свиной кожи на деревянной подошве, остальные пришли и вовсе босыми. Простые войлочные колпаки покрывали их головы. «Босой и оборванный народ» — так впоследствии назовет эту массу деревенских бедняков летописец. Переминаясь с ноги на ногу, крестьяне толпились поодаль от графов и рыцарей.

Что же привело в тот осенний день десятки тысяч людей на поле у Клермона?

Вот уже несколько недель ползли слухи, будто римский папа Урбан II собирается выступить перед народом.

При этом из уст в уста повторялись слова, которые папа произнес, едва ступив на землю Франции: он заявил, что в его планы входит начать войну на Востоке ради спасения христианской религии, ее святынь и восточных христиан от порабощения иноверцами-мусульманами.

На такой призыв многие рыцари и бароны охотно бы откликнулись. Им давно уже не хватало тех доходов, которые удавалось извлекать, угнетая крестьянина; а с тех пор, как в Европе появились города, да и из далеких восточных стран стали все чаще привозить яркие и прочные, неслыханной расцветки ткани, тонкие ароматные вина, стальные клинки несравненной твердости и гибкости, аппетиты землевладельцев еще более возросли. Нередко рыцари, соединяясь в разбойничьи шайки, нападали на беззащитные деревни и местечки, а то и на монастырские дворы... Война за пределами Европы была бы для рыцарей весьма кстати, как, впрочем, и для церкви, владения которой страдали от их набегов.

Возбуждение, распространившееся в замках и монастырях с приездом Урбана II во Францию, передалось и простому народу. Измученные бедствиями недавних лет — неурожаями, бескормицей и падежом скота, растущими требованиями феодальных сеньоров, крестьяне втайне надеялись на то, что прибытие папы во Францию, возможно, как-то улучшит их положение.

Пока в замках и хижинах судили да рядили о целях Урбана II, он занимался церковными и нецерковными делами... За день до сбора, с рассказа о котором мы начали свое повествование, в самом вместительном храме Клермона закончились заседания собора высших церковнослужителей. Тут было 40 архиепископов, 200 епископов, 400 аббатов.

Не удивительно, что к тому времени со всех уголков страны в Клермон сошлись десятки тысяч рыцарей, священников, монахов, масса деревенского трудового люда. Увидеть и услышать папу римского — человека, почитавшегося людьми того времени наместником бога на земле,— такая возможность выдавалась нечасто. Очевидно, лишь исключительно важные обстоятельства могли заставить его святейшество перебраться через высокие Альпы, совершить путешествие из Рима в Клермон. Мыслимо ли было пропустить это событие, тем более что всех — и рыцарей, и мужиков, и самих церковников — переполняли тайные надежды, связанные со слухами о походе на Восток?

Толпа прибывала. Нетерпение ее усиливалось. И вдруг, словно по сигналу, все опустились на колени. Рыцари сняли свои шлемы, крестьяне сдернули с голов войлочные колпаки.

Из раскрытых городских ворот показалась торжественная процессия. Впереди — среднего роста человек лет пятидесяти, в белой парчовой одежде, изукрашенной золотыми крестиками, и в высоком головном уборе (тиáре) такого же цвета, похожем по форме на трапецию, поставленную основанием вверх. Это и был папа Урбан II. За ним — свита богато разодетых участников Клермонского собора — архиепископов, епископов, аббатов — в коричневых и фиолетовых сутанах. Вот папа взобрался на дощатый помост, сооруженный накануне. А чтобы его лучше слышали и видели, он встал на свой трон, поставленный на помосте. Движением руки Урбан II потребовал тишины. Когда шум голосов смолк, папа обратился к толпе.

Что говорил Урбан II, в точности неизвестно; средневековые летописцы (хронисты), из которых лишь немногие сами слышали папу, пересказывают речь по-разному. Тем не менее

основной смысл выступления ясен. Папа обратился ко всем верующим с кличем опоясаться мечом и отправиться в заморские страны воевать против мусульман, которые завладели священным городом христианства Иерусалимом и драгоценными святынями, в том числе главной — гробом господним. По евангельским сказаниям, Иисус Христос был после распятия на кресте похоронен в углублении в скале, а затем оттуда вознесся на небеса. Впоследствии здесь воздвигли церковь гроба господня. Язычники-мусульмане, уверял папа, предают наши святыни всяческому поруганию. Такое положение нельзя долее терпеть. Пусть христиане, потребовал папа, вступят в бой с иноверцами, а в знак того, что они воюют за правую веру, пусть воины, отправляющиеся на Восток, нашьют себе на платье кресты из красной материи. Всем «борцам за веру» Урбан II обещал полное отпущение грехов, а тем, кто падет в сражениях с «неверными»,— вечное блаженство на небесах:

Все, кто в этом деле сгинет,
Кто падет под знаком крестным,
Прежде чем их кровь остынет,
Будут в царствии небесном.

(А. К. Толстой)

Папа прямо сказал: «Освободите ту землю из рук язычников и подчините ее себе. Земля та течет молоком и медом. Иерусалим — плодоноснейший пуп земли, второй рай...»

Обращение папы произвело на всех сильнейшее впечатление. Не раз, как свидетельствуют летописцы, толпа прерывала папу громкими возгласами: «Так хочет бог!» Всех привлекали заманчивые перспективы, которые папа ясно нарисовал в своей речи. «Кто здесь горестен и беден, там будет радостен и богат!» — этот заключительный довод Урбана II оказался одним из наиболее убедительных и для массы крестьян, и для небогатых рыцарей, и для жадных графов и баронов — всех, кого глава римской церкви приглашал на Восток. Крестьян увлекала надежда на хлеб, на землю и свободу от сеньоров, на облегчение своей доли, опьяняла мечта заслужить религиозным подвигом милость бога, избавиться от кар небесных. Чем же, как не карой за грехи, были для крестьян голодовки, неурожаи, засухи, наводнения, непроглядная нищета?

Вот почему уже через четыре месяца после выступления папы в Клермоне, ранней весной 1096 г., ополчения европейцев пустились в путь к Иерусалиму. Первыми были крестьянские отряды из Франции и Германии. А летом того же года рыцари многих стран Западной Европы, двинувшись по стопам мужицких отрядов и вскоре перейдя через Константинополь в Малую Азию, развернули большую войну с мусульманским Востоком — Первый крестовый поход.

За ним последовали другие такие же походы в страны, которые мы теперь называем ближне- и средневосточными. Всего насчитывают восемь наиболее значительных восточных войн европейского рыцарства, которые возглавлял и направлял папский престол. Первая происходила в 1096—1099 гг., а последняя, руководимая французским королем Людовиком IX,— в 1270 г. Эти войны длились без малого двести лет. Их участники прикрепляли на грудь или плечи матерчатый крест — символ их религиозных намерений — и потому вошли в историю под именем крестоносцев, а сами походы получили название крестовых.

Крестом и мечом. Крестовые походы были в первую очередь завоевательными предприятиями, хотя и окрашенными в религиозные тона. Крестоносцы, по словам одного из хронистов, бросая собственное имущество, «с жадностью устремлялись к чужому».

Конечно, крестоносцы считали, что они воюют за торжество христианской религии. Ведь и крестьяне, и господа верили в бога.

Урбан II не остановился перед тем, чтобы очернить мусульман (турок-сельджуков), завладевших к концу XI в. многими странами Востока. На самом деле мусульмане не устраивали гонений на христианскую религию и ее приверженцев, не разрушали то место, которое почиталось гробом господним в Иерусалиме, оно оставалось в полной сохранности вопреки всему, что говорил папа в своей клермонской речи. Эти россказни, однако, запали в душу его слушателей и разожгли их религиозный пыл.

Но религиозные порывы охватили далеко не всех участников. Некоторые проявляли безразличие к религиозной стороне дела и почти не скрывали целей своей войны против «неверных» — обогатиться на Востоке. Рыцари не слишком внимательно присматривались и к тому, за чей счет будет достигнута эта цель — мусульман или же тех самых восточных братьев-христиан, которых они шли освобождать от «ига неверных». Когда отряды крестоносцев вступили в армянские области Малой Азии, граф Балдуи́н Було́нский предложил норманнскому рыцарю Танкре́ду совместно ограбить христианский город Тарс и разделить добычу, которую удастся там взять: «Ворвемся туда вместе и ограбим город, и кто сможет получить больше — получит, кто сможет больше взять — возьмет...»

Летом 1099 г., проделав двухлетний переход по Малой Азии, Сирии и Палестине, крестоносцы подошли к Иерусалиму — священному центру трех религий (кроме христиан, его почитали мусульмане и иудеи).

После пяти недель осады, в июле 1099 г. крестоносцы приступом взяли «святой город». Убивая, разрушая, сжигая все на своем пути, рыцари проходили по улицам Иерусалима, повсюду оставляя страшные следы своей жестокости и алчности. Расхитители чужого добра, хладнокровные убийцы, истязатели и палачи, истреблявшие мирное население захваченных городов,— такими рисуются крестоносцы в произведениях своих же единоверных современников — хронистов. В поисках новых ценностей рыцари креста не пощадили и главной мечети. С обнаженными мечами ворвались они туда. Под высоким куполом мечети стояли и сидели на корточках, тесно прижавшись друг к другу, седобородые старики, женщины с грудными младенцами, инвалиды — несколько тысяч человек. Рыцари не пощадили никого, они убивали даже детей, разбивая их головы о камни. «Кровь неверных текла по всему храму»,— рассказывает хронист.

Число убитых здесь составило почти 10 тысяч человек! Резня охватила весь город. «Ты бы мог увидеть удивительное зрелище,— повествует летописец, обращаясь к читателю,— одни из сарацин (мусульман) были с разбитыми головами, что являлось для них более легкой смертью; другие, пронзенные стрелами, вынуждены были бросаться с укреплений; третьи долго мучились и погибали, горя в пламени».

Истребляя «неверных», крестоносцы, однако, больше всего стремились насытить свою алчность. «После великого кровопролития,— рассказывает хронист — участник штурма Иерусалима,— они разбрелись по всему городу, захватывая золото и серебро, коней и мулов и дома, ломившиеся от всякого добра». «При этом,— передает другой хронист,— всякий, кто входил в дом первым, был ли он богат или беден, присваивал себе все, что находил в нем, и распоряжался домом или дворцом так, будто он был в его полной собственности». Каждый





Рыцари — участники первого крестового похода в полном вооружении. Крестоносцы имели различное вооружение, зависящее от их положения на иерархической лестнице феодального общества. Закованный в доспехи конный рыцарь был вооружен удлиненным мечом и тяжелым копьем, применявшимся для удара (метание копья не практиковалось). На вооружении некоторых рыцарей были, кроме этого, также топор или булава. Крестьяне-крестоносцы были вооружены ножами, топорами, пиками.





Печать крестоносцев. На ней изображена церковь.

Битва крестоносцев с мусульманским войском под Антиохией.

С миниатюры XIII в. **Крестоносцы для боя выстраивались в линию, иногда в «клин». Впереди располагались рыцари, за ними оруженосцы и пехота. Бой начинала рыцарская конница, затем битва распадалась на ряд отдельных поединков.**

крестоносец, облюбовавший себе тот или иной дом для разграбления, спешил повесить на его дверях свой щит, «чтобы таким образом оповестить других, что они должны идти дальше, ибо это место уже имеет своего хозяина».

Особенно жадны были крестоносцы до драгоценностей, в поисках которых рыскали повсюду.

Первый крестовый поход отчетливо показал и цели самой церкви, его организовавшей: в Сирии и Палестине крестоносное духовенство по алчности не уступало воинам-мирянам. К тому же церковники получали свой налог — десятую долю — со всей добычи. Папство рассчитывало укрепить с помощью этих победоносных войн собственную власть, распространить ее на новые страны.

Французский священник Фульхéрий из города Шартра, оправдывая крестоносцев, рассказывает: «Наши оруженосцы и пехотинцы, знавшие об изворотливости сарацин, вспарывали животы покойников, дабы извлечь из их внутренностей золотые монеты, которые те, возможно, проглатывали». А для верности они, «спустя несколько дней, сложили трупы в большую кучу и превратили в пепел, чтобы легче было разыскивать упомянутое золото».

В результате Первого крестового похода десятки тысяч западноевропейских феодалов обосновались в прибрежной полосе Сирии и Палестины: здесь было организовано феодальное государство под названием Иерусалимское королевство. Впрочем, сам город Иерусалим крестоносцы смогли удержать в своей власти менее 90 лет: в 1187 г. его отвоевал у них египетский султан Саладúн, а остатки королевства существовали еще около ста лет.

Константинополь в огне. Чем дальше, тем больше крестовые походы обнаруживали свою подлинную, совсем не религиозную сущность. Особенно ярко она выявилась во время Четвертого крестового похода (1202—1204 гг.). Его главным вдохновителем был римский папа Иннокентий III.

Целью похода официально было объявлено завоевание Египта, тогдашнего центра мусульман. Но крестоносцы предпочли обрушиться на богатое христианское государство — ослабевшую к тому времени Византийскую империю. Туда направила крестоносцев Венеция, предоставив им корабли и провиант: венецианские купцы хотели сокрушить Византию, чтобы самим занять ведущие позиции в восточной торговле. Римский папа мечтал подчинить своей власти греческую церковь и поэтому по сути дела поддержал намерения крестоносцев. В апреле 1204 г. десятитысячная армия рыцарей, собравшихся почти из всех стран Западной Европы, штурмом овладела столицей империи — древним Константинополем. Католические священники, сопровождавшие крестоносцев, благословили этот захват христианского города как «божье чудо».

Ворвавшись в Константинополь, крестоносцы жестоко расправились с его мирным населением. «Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди»,— вспоминал впоследствии греческий историк Никита Хониат. Три дня в городе, окутанном дымным чадом, стоял сплошной вопль и стон. Были убиты тысячи людей. Десятки тысяч жителей крестоносцы выгнали из домов. Иные греки старались найти убежище в церквах. Однако рыцари врывались туда, раздевали несчастных донага, чтобы они не унесли с собой драгоценностей и либо изгоняли вон, либо тут же зарубали. Рыцари набросились на дворцы, храмы, купеческие склады, врывались в дома, взламывая двери и разбивая окна.

Крестоносцы не прошли и мимо главного константинопольского храма — собора св. Софии. Разбив вдребезги массивные центральные двери, они хлынули в огромный храмовый зал. От несказанного богатства, которое крестоносцы здесь увидели, у них захватило дух. Старинные иконы в золотых рамах, прекрасная золотая и серебряная церковная утварь — все это сияло и переливалось. Рыцари кромсали и растаскивали храмовые сокровища, многие из которых были замечательными произведениями искусства.

В те дни между закованными в латы воинами можно было видеть и фигуры в одеянии монаха или священника. Они рыскали по монастырям и церквам. Вот один из них быстро наклонился, жадными пальцами выхватил из кучи обломков какую-то вещицу и засунул ее в карман, который уже сильно топорщился под сутаной... Это аббат Мартин из немецкого города Линца. В общей сумятице он торопливо подбирал то, что рыцари еще не успели утащить из монастыря, особенно религиозные реликвии (останки «святых» или принадлежавшие им предметы), которые он рассчитывал поместить затем в храме у себя на родине, что привлекло бы в храмовую казну новые деньги.

Добыча, захваченная в Константинополе, превзошла все ожидания. «Она была настолько велика,— с восхищением рассказывает маршал Виллардуэ́н Шампанский — крестоносец, сам участвовавший в описываемых событиях,— что ее даже не могли сосчитать». Простой воин Робер де Клари тоже в восторге от происшедшего: он заявляет в своем дневнике, что рыцари захватили в Константинополе «две трети земных богатств». О бесчинствах и грабежах крестоносцев в византийской столице сообщают греческие, русские, французские, итальянские и многие другие летописцы, принимавшие участие в событиях. Сам римский папа Иннокентий III, один из главных организаторов Четвертого крестового похода, фактически простивший крестоносцам все их преступления, вынужден был приличия ради выразить свое негодование по поводу злодеяний рыцарей креста. Он лицемерно писал своему послу в крестоносном войске — кардиналу Петру Капуанскому: «Вы подняли оружие не против неверных, но против христиан, возжелали не возвращения святой земли, но обладания Константинополем, предпочитая земные богатства небесным благам... А всего хуже, что некоторые из вас не пощадили ни религии, ни возраста, ни пола. Недостаточно вам было императорских сокровищ и имущества людей знатных и простых,— вы простерли руки свои на богатства церковные и, что всего преступнее, на предметы священные...» Мрамор архитектурных памятников, неподражаемой красоты скульптура из дерева и кости — все подвергалось уничтожению.

Были сброшены с пьедесталов и превращены в щебень чудесные статуи константинопольского ипподрома; разрушены стройные колонны и портики.

Без жалости крестоносцы разнесли в куски великолепные медные статуи богини Геры и гиганта Геракла, уничтожили многие другие памятники античного искусства. В художественных изделиях из золота и серебра крестоносцы ценили прежде всего сам драгоценный металл. Чтобы удобнее было делить его, они переливали эти изделия в слитки.

Богатейшие константинопольские библиотеки были превращены в пепел. Безграмотные рыцари, не задумываясь, швыряли в костры рукописи. Огонь навсегда поглотил редчайшие книги — памятники жизни прошлых эпох.

Четвертый крестовый поход не был каким-то исключением из общей истории крестоносного движения. Он четко выявил главные устремления всех его участников: захват земель и богатств.

Благословляемые церковью и ее служителями, средневековые рыцари творили свои злодеяния не только в заморских странах. Символ креста осенял их грабительские кровопролитные войны и в Европе. Предлогом для крестовых походов на мусульманский Восток служило соображение о том, что надо-де освободить христианские святыни из-под власти «неверных». Когда же в XII—XIII вв. рыцари, объединившиеся в военно-монашеские организации — «ордена» (тевтонский, т. е. Немецкий, и Ливонский), кинулись на завоевание прибалтийских и восточнославянских земель, церковники изобрели еще более фальшивое оправдание этих разбойничьих войн. Прибалтийские и славянские народы, мол, коснеют в пагубной языческой вере, и надобно просветить их светом истинной, т. е. христианской религии, иначе говоря, обратить в христианство. Под этим предлогом немецкое рыцарство отправилось с оружием в руках «просвещать поганых язычников». Крестоносцы истребляли язычников всеми способами. «Мы разделили свое войско по всем дорогам, деревням и областям... и стали все сжигать и опустошать. Всех людей мужского пола убивали, женщин и детей брали в плен, угоняли скот и коней»,— вспоминал об одной грабительской экспедиции в Прибалтику ее участник, священник Генрих Латвийский. Рыцари креста совершали свои кровавые «подвиги» против пруссов, ливов, эстов, славян при прямой поддержке церковников: за участие в этих крестовых походах, как и в походах на мусульманский Восток, католическая церковь обещала рыцарям всевозможные земные и небесные блага, вплоть до «прощения грехов» и «спасения души». Усердие церковнослужителей было вознаграждено: если немецкие феодалы, порабощая и истребляя прибалтов и славян, приобретали новые поместья, то церковники, помимо того, получали в завоеванных землях право на сбор десятины.

Рыцари обращали в католическую веру и тех, кого церковь заклеймила именем «еретиков». А еретикам в ее глазах были все, кто так или иначе протестовали против господства церкви. Против еретиков римские папы организовали бесчисленные крестовые походы. Один из них был против еретиков-альбигойцев Южной Франции, или, как называлась эта часть страны. Лангедок. Искоренение альбигойской ереси послужило лишь поводом для войны: рыцари из Северной Франции бросились по призыву папы на завоевание цветущих городов и плодородных земель Лангедока.

И в этом крестовом походе рыцари и церковники проявили исключительную жестокость. Монахи, следовавшие за крестоносцами, после каждой одержанной ими победы устраивали сожжение еретиков. Когда в руки крестоносцев попал город Безье́, то рыцарской армии был отдан приказ папского посла перебить всех жителей города: «Бейте всех,— писал уполномоченный папы,— господь узнает своих...», т. е. отличит убитых католиков от еретиков.

ВСТРЕЧА С СУЧЖОУ

В начале XIII в. из степей Центральной Азии на запад и на юг хлынула лавина монгольского нашествия. Вслед за вооруженными всадниками, поднимая тучи пыли, двигались ки-

битки с семьями, возы с добром, запасные лошади — маленькие, мохнатые, выносливые. К середине столетия десятки государств, больших и малых, оказались во власти монголов — от Руси до далекого Китая, который стал центральной провинцией гигантской монгольской империи.

Великая страна. Китай, известный как страна фарфора и шелка, давно манил европейцев, но казался им почти недостижимым. Трудно было добраться до плодородных долин рек Хуанхэ (Желтая река) и Янцзы (Длинная река), где Китайское государство существовало к этому времени уже более двух тысяч лет. Высокие горы, бескрайние пустыни, моря окружали Китай. Подобно загадочному острову лежал он вдали от Европы. На пути к нему надо было миновать множество стран, и в каждой из них путешественник мог сложить голову, потому что человеческая жизнь ничего не стоила в это время на Востоке.

Но в середине XIII в. самые отважные путешественники — а ими в те времена были купцы — стали добираться и до Китая. Дошли до Китая и два брата, итальянские купцы по фамилии Поло. Великий хан милостиво принял их, и братья благополучно вернулись домой. Но через несколько лет вновь пустились в опасное странствие, взяв с собой молодого Марко, который приходился одному из них сыном, а другому племянником.

Марко Поло стал великим путешественником: он не только проделал полный опасностей путь в Китай и обратно, но и подробно описал все виденное в своем путевом дневнике, который лег в основу его знаменитой «Книги о разнообразии мира».

Марко Поло был гражданином Венеции — богатой торговой республики. Венецианские купцы разбогатели благодаря торговле с Востоком, откуда они везли дорогие товары, а затем втридорога перепродавали их на европейских ярмарках.

Добравшись до Ханбалыка, ставки великого хана монголов Хубилая в северном Китае (современный Пекин), семья Поло поступила к хану на службу. Марко объездил весь Китай. Его поразила эта огромная страна, лежащая между пустыней Гоби на севере, высочайшими в мире вершинами Тибета на западе и океаном на востоке и юге. Китай был не только обширным, но и очень многолюдным по тем временам государством. Ведь в немногих крупных городах Европы в то время проживало всего по 25—30 тыс. человек, во всей Италии — несколько миллионов человек, а в Китае — несколько десятков миллионов!

Монголы мало изменили жизнь Китая. На бескрайних плодородных равнинах стояли многолюдные города. За городскими стенами китайские мастера создавали прекрасные ткани и посуду, которые ценились в Европе почти так же дорого, как драгоценные металлы. На рисовых полях трудились крестьяне, вся жизнь которых подчинялась строгим правилам деревенской общины. Но тяжесть власти завоевателей чувствовал любой китаец.

После нашествия монголов вместо китайского императора страной стал управлять великий хан, и в городах вершили суд ханские наместники. Долгие годы китайцы боролись против чужеземной династии...

От Северного до Южного Китая по Великому каналу. Уже много дней Марко Поло со своими спутниками плыл по Великому каналу. Этот гигантский канал длиною почти 1800 км строили китайские крестьяне в течение семи столетий по приказу императоров нескольких династий с VI по XIII в. По подсчетам венецианца, построить Великий канал было все равно что построить канал от Рима до Парижа.

И вот теперь Марко Поло проделал почти весь свой путь по этому каналу от Северного Китая до Южного.

Чем дальше удалялась их флотилия от фиолетовых зубчатых гор, где была ставка великого хана, все более китайским делался Китай. Все меньше становилось монголов с их юртами, табунами лошадей, шумными охотами, с беспрестанным мельканием сабель; все больше достоинства было во взглядах городских ремесленников, купцов, да и самих городов становилось все больше.

Марко Поло побаивался монголов — уж очень легко они хватались за сабли... И как все купцы, он не любил войну. Зато его глаз радовали мирные города, он любил шелест тканей, запахи пряностей, красиво расписанный фарфор. Ему нравился звон золотых монет, а не звон мечей. От Адриатики, куда уже добрались передовые отряды монголов, до Ханбалыка о войне напоминали пепел спаленных городов, стервятники над торговыми путями, над Великим шелковым путем, который через среднеазиатские пустыни вел из Китая в Европу.

Приятно было смотреть на мирные джонки — китайские корабли, плавучие домики. Как непохожи они на европейские галеры. Своей высокой массивной кормой с парусом из циновки джонки издали напоминали летучих мышей. Многие китайцы рождались на джонках и проводили там всю жизнь.

Марко жадно глядел из джонки на медлительное движение судов. Он знал, что на таких же суденышках везли на север, в ставку — столицу монголов Ханбалык, жемчуг из южных морей, шелк, фарфор: белые блюда и пиалы с синими драконами или «рисовый» фарфор — весь в оспинках, как вмятинках от риса. Если посмотреть на свет, то вмятинки засветятся — мастера делали фарфор тонким, полупрозрачным. И подумал, что наконец-то увидит места, где рождается это чудо. Марко вспомнил, как по вечерам в отцовском доме в Венеции купцы начинали толковать о Китае, и тогда в темной комнате только и звучали слова: «шелк», «фарфор» ...

И вот на горизонте показался город Сучжоу. Стали видны его островерхие дома, пагоды — многоярусные башни с выступающими по бокам галереями.

— Наша страна велика,— сказал, нагнувшись к Марко, его попутчик, китаец Пу Шицзя.— Так велика, что мы называем ее «Поднебесная», а это означает «все, что есть под небом».

На Пу Шицзя был халат, роскошный расшитый пояс и кожаные сапоги. Эта новая мода, пришедшая от кочевников с севера, сменила традиционные китайские длинные рубахи. Он давно имел дело с монголами, был поставщиком ханского двора и вроде бы плыл за товаром, но подробностей Марко не знал: Пу Шицзя берег свои секреты.

— Вам многое непонятно у нас,— продолжал китаец.— К примеру, наши имена. У нас несколько сот фамилий — моя, например, Пу. А имен вообще несчетное число, потому что все имена придумывают сами родители. Девочку, например, назовут Шуин — «Иней На Хризантеме»: женские имена должны быть изящными. Мое же имя — Шицзя — значит «Тот, Для Которого Весь Мир Семья»: родители хотели, чтобы я стал купцом и много путешествовал. Как видите, я оправдал их надежды.

В городе Сучжоу. Город вырастал над равниной. Флотилия миновала каналы, ведущие от Великого канала в город. Горбились мостики, под ними сновали лодки. Женщины полоскали белье прямо с крыльца своего дома. Сильно пахло мокрым камнем и рыбой, застоявшейся водой, как в родной

Венеции. Марко подумал: сколько же он не был дома? Семь лет? Восемь? И все чужие города...

Они сошли с корабля, сели в лодку. Как и на родине, в Венеции, дома здесь поднимались прямо из воды, невысокие, серо-черные, с глухими стенами. Вода плескалась у стен, обнажая черные водоросли. Лодки причаливали, их разгружали, затаскивали корзины в дома. В корзинах бились толстые карпы, шевелились креветки, крабы, горбились моллюски.

Путешественники миновали множество мостов. Наконец, лодка причалила к темно-зеленым скользким ступеням. Пу Шицзя и Марко Поло прошли по узкому коридору в дом, где им предстояло провести ночь.

Дом обрамляли восточный и западный флигели, строго симметричные. Углы крыш были загнуты кверху. Во дворе, напротив выхода на улицу, стояла резная пластина в человеческий рост — «ворота» от злых духов.

Средневековый китайский рисунок на шелке. Так выглядели китайские города, построенные на берегах Великого канала: таким увидел Сучжоу Марко Поло. Дома спускаются к самой воде, между ними неспешно движутся джонки — речные суда.



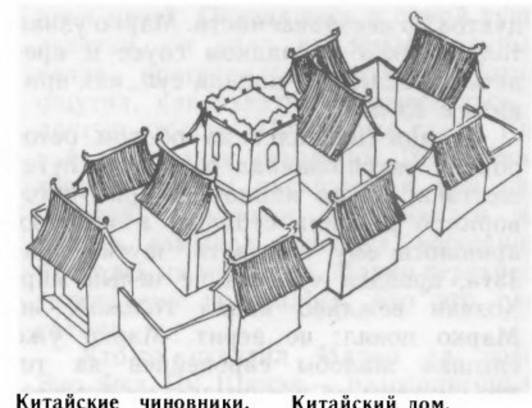
Великий хан монголов, властитель Китая Хубилай. Завоевав Китай, Хубилай положил начало императорской династии Юань, правившей страной около ста лет.
Столица Китая Пекин возникла на месте ханской ставки — Ханбалыка.

Китайцы верили, что злые духи ходят только по прямой и, уперевшись в пластину, как бы в запертые ворота, повернут обратно.

В комнате Марко с удовольствием обнаружил столы и стулья: ведь во многих домах их заменяли циновки, лежащие на полу. А вот и кан — низкая печь, лежанка, на которой спят.

Вошел приятель Пу Шицзя, поклонился, назвался Ли Байвэем, пригласил ужинать.

Сначала появился рис в пиалах: отваренный на пару, он был сухой и рассыпчатый. На стол поставили многочисленные тарелочки с кушаньями и приправами. Китайская кухня славилась тем, что изменяла вид и вкус про-



Китайский дом. ***Реконструкция.*** **Дом был строго ориентирован по сторонам света и смотрит на юг. От внешнего мира он отделен стеной, так что похож на маленькую крепость.**

Китайские чиновники. Чтобы занять должность, надо было обладать ученым званием, присваиваемом после экзаменов.



На таком «коромысле» торговцы разносят свой товар (как правило, что-то съестное): корзины сплетены из бамбука.



Китайские крестьяне всегда славились своим трудолюбием. Возделывали они главным образом рис, который был основой китайской кухни.

дуктов до неузнаваемости. Марко узнал только мясо в сладком соусе и креветки. Последним подали суп, как принято в Китае.

Хозяин держался за обедом осторожно, расспрашивал о тяготах путешествия, цокал языком. Марко заговорил о дальних странах, в которых пришлось ему побывать: шутка сказать, пройден чуть ли не целый мир. Хозяин вежливо кивал головой, но Марко понял: не верит. Марко уже слышал жалобы европейцев на то, что китайцы не принимают их всерьез: для них мир начинается и кончается под небом Китая.

За окном стемнело, хозяин зажег бронзовый светильник. Удар гонга возвестил час петуха. В Китае время исчислялось «стражами», каждая по два часа, каждая носит имя животного: петуха, быка, тигра, крысы.

— Время точное,— мимоходом отметил Ли Байвэй.— Отмеряется водяными часами.

— Достойна подражания такая забота о горожанах,— сказал Марко, желая сделать хозяевам приятное.

И горячо заговорил об удивительных изобретениях, сделанных в Китае: о бумаге, компасе, деревянных досках для печатания книг.

— Для нас все это неудивительно,— снисходительно сказал Пу Шицзя.— Ведь в Срединной империи родились все вещи, которые используют люди.

Марко знал, что Срединная империя — второе название Китая: империя, находящаяся в центре земли.

— Но почему столь искусный народ не силен в мореходстве?

— Как это так? — удивился хозяин.— Вы, почтенный, плохо знаете нас. Наши купцы обошли полмира.

— Но отчего же вы никогда не достигали Европы?

— Я не знаю, почтенный, что вы называете Европой. Нам нет дела до варварских стран,— сказал Ли Байвэй.

Обиженный, Марко возразил:

— Вы ошибаетесь. Я более славных столиц, чем в Европе, не видал нигде.

Хозяин и Пу Шицзя остались равнодушными. Что-то беспокоило их, чувствовал Марко. Он осторожно заговорил про китайский фарфор, рассыпаясь ему в похвалах. Когда же он стал подбираться к секретам изготовления фарфора, то тут китайцы как воды в рот набрали.

Фарфор! Самая желанная для Марко из всех специй! «Специями» называли тогда все товары, привозимые с загадочного востока. Специи бывали «тяжелые» — ткани, фарфор и «легкие» — перец, имбирь, корица, гвоздика, мускатный орех, шафран... На родине Марко «легкие» специи шли почти на вес золота.

Марко показалось, что хозяева незаметно прислушиваются к звукам извне.

— Поднебесная,— быстро заговорил Пу Шицзя, желая отвлечь Марко,— старее, чем все страны, через которые ты прошел. Все вы младенцы по сравнению с нами.

— Плохо, когда у молодости нет уважения к старости,— поддакнул Марко.— Непочтительный юноша может унизить старца.

Ли Байвэй понимающе усмехнулся: «Монголы?»

Пу Шицзя засмеялся. Марко так и не привык к тому, что в Китае, заговаривая на неприятные темы, смеялись.

— Монгольская держава велика,— заговорил Марко с жаром.— Монгольские копья скребутся в стены моего дома. Но...

Тут Марко осекся и вскочил. Он услышал, как несколько человек, крадучись, шли по коридору. Кто-то проник в дом с реки! Марко схватился за меч.

— Не двигайся,— прошипел Пу Шицзя,— если тебе дорога жизнь. Старина Ли может побрить тебя мечом так, что ты и не заметишь.

Дверь в комнату распахнулась — и несколько человек, вооруженных мечами, упали в ноги Ли Байвэю.

— Ради бога, любые деньги,— пробормотал Марко.— Только пусть не убивают.

— Успокойтесь, почтенный,— повернулся к нему Ли.— Это не разбойники. Это мои слуги. Но мы действительно возьмем у вас деньги. Хотя только в долг и отдадим даже с процентами — когда в Поднебесной не останется ни одного монгола!

Марко похолодел. Он попал в ряды заговорщиков, да еще должен расстаться с деньгами! За годы странствий по Китаю он не раз видел разрушенные монголами города, спаленные дома, горы тел... Он застонал.

Ли Байвэй схватил его за рукав:

— Не вы ли,— прошипел он,— говорили, что монгольские копья стучатся в стены вашей страны? Или вы слуга хана Хубилая?

— Я купец, ваша милость,— бормотал Марко растерянно.

— Купец,— с презрением произнес Ли Байвэй.— Недостойное занятие. Мужчина должен быть только воином.

— Но ведь вы сами купцы! — закричал Марко в отчаянии.

— Здесь нет купцов! Мы борцы за справедливость. Мое имя слишком громко, чтобы зря произносить его, но скоро монголы услышат его!

Внезапно с улицы раздался истошный крик:

— Монголы! Нас предали!

Ли Байвэй выхватил меч. Все ринулись во двор, увлекая за собой и упиравшегося Марко. С отчаянным криком китайский отряд бросился на стражу, вбегавшую в ворота.

И снова — в который раз за последние годы — Марко Поло услышал звон мечей. Оказавшись в самой гуще схватки, он упал на землю, закрыл глаза, притворился мертвым. Потом ощутил, как схватка переместилась в другую сторону. Приоткрыл глаза. Китайцы дрались отчаянно. Ли Байвэй творил чудеса: раскручивая меч над головой, с криком обрушивался на врагов, взмывал в воздух, коршуном бросаясь на монголов. Марко перекрестился: ему показалось, что это сам сатана.

Кто-то схватил Марко за пояс. Это был Пу Шицзя — разгоряченный, с поцарапанным лицом. Он молча повлек Марко в дом, а оттуда к каналу. Последнее, что Марко увидел, обернувшись,— это как Ли Байвэй, подпрыгнув и перекувырнувшись в воздухе, с победным кличем исчез в толпе монголов.

Пу Шицзя втолкнул его в лодку и стал бесшумно грести. В темной воде колебались отражения звезд. Звуки боя постепенно отдалялись. Марко дрожал от холода, усталости и испуга. Они плыли темным каналом, прижимаясь к стенам домов. Потом причалили к какому-то крыльцу. Пу Шицзя выскочил, постучал. Ему отворили. Пошептавшись с хозяином, он повернулся к Марко: «Здесь ты будешь в безопасности». Прыгнул в лодку и исчез.

Марко проводили в темную комнату. Не прося зажечь светильник и даже не спрашивая, где он, Марко лег на теплую лежанку и незаметно для себя уснул.

Снова на родине. Его разбудили заунывные крики буддийского монаха:

— Утро я-ясное! Утро я-ясное!

Монах брел по улице и возвещал наступление дня. Так делали во всех городах Китая. Марко выскользнул из дома. Утро действительно было ясным.

Закрытые на ночь ворота отворились и крестьяне с окрестных равнин хлынули на городской рынок. Ты-

сячи ног стучали по мощенной камнем мостовой, тысячи голосов расхваливали товар, и при виде множества «специй» Марко даже на мгновение забыл об ужасе вчерашней ночи...

Он вышел к каналу. Повозки, запряженные быками, ползли к кораблям. Едва не заплакав от радости, Марко побежал к пристани.

Перед кораблем, как ни в чем не бывало, прохаживался Пу Шицзя. Марко удивился, не заметив на его лице вчерашней царапины уж не приснилось ли ему все это? Но, приблизившись, увидел, что царапина была тщательно припудрена.

— Здравствуйте, почтенный Марко! — кинулся к нему Пу Шицзя.— Гуляете по несравненному Сучжоу? Были в знаменитых банях? Осматривали знаменитые сады? — затараторил он. Марко понял: Пу Шицзя хотел отвести от них подозрения.

Когда они отчалили, Пу Шицзя подошел к Марко, который стоял у борта и хмуро смотрел на серую воду.

— Не обижайтесь,— сказал он.— Если бы у вас взяли деньги, то обязательно вернули бы — не мы, так наши дети.

— Зачем вам были нужны деньги? — спросил Марко.

— На подкуп стражи,— шепнул Пу Шицзя.

Мимо проплывали похожие на больших драконов кварталы Сучжоу: маленькие дракончики мостов и вставшие на дыбы, взмывшие в небо драконы — пагоды... Дракон, как уже знал Марко,— символ власти императора... Вспомнил Марко, как вчера Ли Байвэй, словно летающий дракон с неба, бросался на врагов, и спросил:

— Что стало с теми ... вчерашними?

— Все погибли,— ответил Пу Шицзя, виновато смеясь.— Только Ли Байвэй, кажется, успел скрыться. Когда я вернулся, все было кончено, и дом уже подожгли.

— Вам никогда не одолеть монголов,— тихо сказал Марко.— Никогда. Даже если все ваши воины умеют так ... прыгать с неба. Кстати, как это им удается?

— Китайские воины упражняются в своем воинском искусстве всю жизнь,— засмеялся Пу Шицзя.

— Все равно,— повторил Марко упрямо,— Великий хан Хубилай раздавит вас.

Пу Шицзя покачал головой. Он задумчиво смотрел на ветвь бамбука, плывущую по каналу.

— Нет, это мы раздавим его,— сказал он убежденно.— Даже если мы не одолеем монголов в бою, они все равно перестанут быть монголами и станут китайцами. Хан станет китайским императором, будет ценить китайскую живопись, китайских чиновников и даже китайский язык... Все вернется на свои места. Поднебесную империю нельзя завоевать... А теперь,— продолжал он повеселевшим голосом,— впереди у нас лежит прекрасный город Ханчжоу. В Китае говорят так: «На небе — рай, на земле — Сучжоу и Ханчжоу»...

...Стоя на носу джонки и с волнением всматриваясь в берега Великого канала, Марко Поло не подозревал, что проведет в Китае семнадцать лет. Что Пу Шицзя окажется совершенно прав: монголы постепенно привыкнут считать себя китайцами и назовут свою ханскую династию по-китайски — Юань, что означает «Начало». А ханская ставка Ханбалык станет северной столицей Китая — Пекином.

Марко не знал еще и того, что ему предстоит путь на родину через Яву, Индию и Цейлон. В Венеции ему все же придется взяться за оружие, потому что в Италии вспыхнет пламя раздоров и две великие торговые республики — Венеция и Генуя — будут бороться за господство на Сре-

диземном море. Сам он попадет в плен к генуэзцам.

В тюрьме, томясь от скуки и тревоги, Марко Поло продиктует соседу по камере свою «Книгу». В этой книге он расскажет об удивительных странах, которые повидал. И в Европе впервые узнают о них из «Книги» Марко Поло. Он подробно опишет Китай, его горы и реки, города и деревни. Еще несколько веков спустя путешественники, дипломаты, купцы будут сверяться с его «Книгой о разнообразии мира», отправляясь и в Индию, и в Китай. Много позднее путешественники, ученые — историки и географы — создадут научные труды о Востоке. Но «Книга о разнообразии мира» Марко Поло, венецианского купца XIII в., навсегда останется памятником Человеческому Познанию.

Грюнвальдская битва

В одном из залов Национального музея в Варшаве есть картина, около которой всегда многолюдно. Это знаменитая «Битва под Грюнвальдом» польского художника XIX в. Яна Ма́тейки. Примечательна история этой картины...

Когда в конце сентября 1939 г. германские фашисты ворвались в столицу Польши, они сразу же начали поиски картины Яна Матейки. Полотно исчезло из музея перед самым захватом Варшавы гитлеровцами. Это казалось невероятным, но все сотрудники музея утверждали, что они ничего не знают о судьбе знаменитой картины. Фашисты проявили упорство, был объявлен полицейский розыск. Картина, подобно борцам против фашизма, оказалась под следствием, к которому привлекали все больше людей. Начались допросы, пытки. Тем, кого подозревали в «укрывательстве» творения Матейки, грозила смерть. Но люди молчали, хотя некоторые из них знали, что свернутое в трубку полотно зарыто в деревенском сарае далеко от Варшавы.

Что же придало им силы? Ради чего люди рисковали жизнью, а некоторые из них погибли? Наконец, что же в содержании картины вызвало такую ненависть фашистов? Ведь они не скрывали, что их цель — найти полотно для того, чтобы уничтожить его.

После победы над фашизмом картина вернулась на место. И вот она перед нами. На ней изображен решающий момент сражения 1410 г. между рыцарями Тевтонского ордена и объединившимися для отпора им поляками, литовцами, чехами, русскими. Уже покачнулось и сейчас упадет большое белое знамя с гербом ордена, повержены наземь закованные в латы крестоносцы в белых плащах с черными крестами, могучая рука пешего литовского воина сейчас сбросит с коня самого великого магистра ордена. Это последнее мгновение перед неизбежным разгромом.

Германские фашисты считали себя потомками воинственного Тевтонского ордена, и они хотели бы навеки забыть то, что запечатлел на холсте Ян Матейко...

* * *

В XIII в. и в Польше, и в Литве складывалось единое феодальное государство. Происходило это медленно и трудно: каждый крупный феодал хотел быть полным хозяином в своих землях, а связи между городами и областями были слабыми. К тому же над еще неокрепшими государствами нависла внешняя опасность. Тевтонский орден, владения которого находились на землях покоренных племен прибалтийских славян, начал угрожать Польскому королевству и Великому кня-

жеству Литовскому. К концу XIII в. крестоносцы огнем и мечом покорили свободолюбивые племена пруссов, которые жили на побережье Балтийского моря. На территории Пруссии завоеватели создали свое государство.

Тевтонский орден возник еще в конце XII в. во время крестовых походов на Восток. Но со временем крестоносцев стали привлекать любые земли, которые можно было бы захватить по праву сильного. Члены духовно-рыцарских орденов устремили жадные взоры на территории в Европе, в том числе на славянские и прибалтийские земли. Это были богатые области, и к тому же они открывали широкий путь торговли по северным морям. Казалось, что покорить их будет совсем легко. Польское королевство и соседнее с ним Великое княжество Литовское были слабы в военном и политическом отношении. Первые шаги агрессии против них окрыляли: Тевтонскому ордену удалось захватить Восточное Поморье и Жемáйтию (западную Литву).

Свою власть на новых землях рыцари-крестоносцы устанавливали «огнем и мечом». Но несмотря на террор и насилие, завоеванные народы поднимались на борьбу за свободу. Вспыхнуло восстание в залитой кровью Жемайтие. Повстанцы понимали, насколько лживы попытки крестоносцев представить себя борцами за христианскую веру. Время донесло до нас письмо, с которым восставшее население обратилось к правителям феодальной Европы: «Выслушайте нас, угнетенных и измученных. Орден не ищет наших душ для бога, он ищет наших земель для себя; он довел нас до того, что мы должны или пойти по миру, или разбойничать, чтобы было чем жить».

Посылая это письмо, люди искали поддержки в своей борьбе против захватчиков. Но правители европейских государств были равнодушны к страданиям населения Жемайтии.

Идея объединенного сопротивления Тевтонскому ордену созревала постепенно, по мере усиления его опасности. К концу XIV в. реальная угроза вторжения нависла над Польшей и Литвой. Оба эти государства граничили с владениями ордена. Крестоносцы постоянно совершали разбойничьи набеги на земли, мешали морской торговле, захватывали отдельные области и крепости.

Это подтолкнуло Польское королевство и Великое княжество Литовское к объединению. Вернейшим средством создания государственных союзов в средневековом обществе считался так называемый династический брак между представителями королевских домов. В 1385 г. в столице Польши Кракове торжественно состоялось бракосочетание литовского князя Ягайло и польской королевы Ядвиги. Ягайло принял христианство и стал польским королем под именем Владислава II.

Зловещей тенью на торжества крещения и бракосочетания легло то, что великий магистр Тевтонского ордена не принял приглашения. Как пишет польский средневековый хронист Ян Длугош, глава крестоносцев «пылал то завистью, то опасением, как бы объединение не оказалось гибельным для него и его ордена».

Осенью 1409 г. произошло несколько военных столкновений, как бы проба сил. Однако надвигалась зима; по обычаю того времени, противники заключили перемирие и стали готовиться к продолжению войны летом 1410 г. На помощь Тевтонскому ордену пришли рыцари — любители легкой наживы из немецких земель и других стран Западной Европы. Они стекались в столицу орденского государства Мальборк, не сомневаясь в блестящей победе над польско-литовским войском. Ведь если армия крес-

тоносцев состояла в основном из рыцарской тяжелой кавалерии, то в польско-литовском войске значительное место занимало пешее ополчение из жителей белорусских, украинских и некоторых русских земель, которые входили тогда в состав Литовского княжества, а тяжеловооруженных рыцарей было сравнительно немного.

В Европе долгое время рыцарская кавалерия считалась непобедимой. Тяжелые доспехи, длинное массивное копье и прямой обоюдоострый меч рыцаря, сидящего на рослом, сильном коне, создавали впечатление неуязвимости такого воина. Но уже в XII в. стали обнаруживаться серьезные слабости рыцарского войска. Рыцарей было трудно организовать, они плохо подчинялись единому командованию. В сражениях рыцарей бой фактически распадался на серию поединков, и судьба битвы зависела в основном от численности и личных боевых качеств участников. Было уже немало случаев, когда «простонародное» пешее войско, организованное и отважное, наголову разбивало рыцарскую конницу, но они по-прежнему презирали войско, состоявшее из пеших «простолюдинов».

15 июля 1410 г. на широком холмистом поле между деревнями Грюнвальд и Фригново выстроились армия крестоносцев и польско-литовское войско. Великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген при виде армии противника разразился слезами. Как пишет хронист, глава ордена объяснил, что он скорбит о христианской крови, которая здесь прольется. Магистр, конечно, не сомневался, чья это будет кровь. Своей лицемерной скорбью он хотел оправдать в глазах потомков истребление тысяч славян и литовцев.

Польско-литовское войско численно превосходило армию крестоносцев. Оно состояло из 91 полка, или «хоругви», как их называли в то время. Больше половины союзного войска выставило Польское королевство. Семь полков были набраны из уроженцев белорусских, украинских и русских областей. Кроме того, на помощь королю Ягайло пришли моравские и чешские рыцари, составившие две хоругви. Среди них был никому еще тогда не известный Ян Жижка, которому предстояло стать великим полководцем и вождем гуситских войн в Чехии. Пройдет совсем немного времени, и Ян Жижка создаст народную армию, которая окончательно развеет миф о непобедимости крестоносцев. А пока этот безвестный рыцарь стоял в рядах других добровольцев, пришедших на борьбу с Тевтонским орденом не по приказу короля, а по велению сердца. Войском Литовского княжества командовал двоюродный брат Ягайло великий князь Ви́товт.

Несмотря на численное превосходство польско-литовской армии, рыцари Тевтонского ордена были уверены в своей победе. Они не принимали во внимание одно важное обстоятельство: армия, противостоявшая им на поле боя у Грюнвальда, защищала свою землю, свободу и независимость. Славянских и литовских воинов воодушевляла справедливая цель войны против рыцарей, которые постоянно вторгались в их земли. Тевтонский орден давно стал в их глазах объединением разбойников и грабителей.

Судя по хронике Яна Длугоша, и он, и его современники считали войну против захватчиков справедливой. Хронист рассказывает, что перед самым сражением Ульрих фон Юнгинген прислал королю Ягайло два меча. Их принесли герольды, один из которых произнес по поручению магистра дерзкую речь. Он сказал, что эти мечи должны помочь королю преодолеть робость и более решительно вступить в

сражение. Это был вызов, оскорбление для Ягайло и для всего войска, которое жаждало боя с рыцарями. Король ответил так: «Хотя у меня и моего войска достаточно мечей и я не нуждаюсь во вражеском оружии, я принимаю два меча, доставленные вами. Ради поддержки и защиты моего правого дела я принимаю эти мечи, присланные врагами, жаждущими моей и моего народа крови и истребления».

Армия, воодушевленная высокой идеей и справедливой целью, всегда оказывается в сражении особенно сильной.

А кто же противостоял этому войску? На первый взгляд это была очень грозная и хорошо снаряженная армия. Над ней развевались яркие знамена с фамильными гербами феодалов, возглавлявших отдельные полки. Каких только изображений здесь не было! Красные и белые львы, черные и желтые орлы, розы и стрелы, рыбы, волки и олени, белые кресты на красном поле и красные башни на белом фоне. В центре развевалось большое знамя Тевтонского ордена — огромный крест с орлом посередине. По всему полю, на сколько мог видеть глаз, сверкали латы рыцарей, их длинные копья были украшены яркими цветными значками. Вся эта масса людей с нетерпением рвалась в бой. Но ради чего? Рыцари жаждали богатой добычи, которую, как они были уверены, принесет Тевтонскому ордену это сражение.

Битва началась около полудня. Союзные войска, которых крестоносцы пытались обвинить в трусости, первыми двинулись в атаку. Польские воины запели старинную боевую песню. Легкая литовская конница опрокинула передовую линию рыцарей. Тогда Ульрих фон Юнгинген решил нанести удар по той части войска Ягайло, которую считал более слабой. Он двинул отборную колонну закованных в латы рыцарей против хоругвей Великого княжества Литовского. В хронике так описывается начальный момент боя: «Когда ряды сошлись, поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой лязг мечей, что его отчетливо слышали люди даже на расстоянии нескольких миль... Когда копья были переломаны, ряды той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, какой производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями...»

Около часа войско Великого княжества Литовского под руководством князя Витовта отражало бешеные атаки рыцарей. Крестоносцы постепенно все глубже врезались в их ряды. И вот один за другим дрогнули литовские отряды. Они начали отступать к озеру Лу́биень, местами вспыхнула паника. С победными криками бросились рыцари преследовать отступающих. Как пишет хронист, «крестоносцы полагали, что они уже вполне кончили войну». Это была ошибка. Три русских смоленских полка не отступили. Они рас-





Поединок крестоносцев.
С миниатюры XV в.

Рыцарь в полном вооружении на коне.
С миниатюры XV в.

Пешие воины-крестоносцы.
С миниатюры XV в.





полагались в самом центре союзных войск, построенные в три линии. Полк первой линии принял на себя первый удар крестоносцев и был почти весь уничтожен, но не отошел ни на шаг. Остальные два полка отбивали одну за другой атаки рыцарей, отвлекая на себя большие силы орденских войск. Шесть полков крестоносцев были задержаны их героическим сопротивлением и не смогли принять участия в преследовании отступающих частей литовского войска. Численно в этот момент враги превосходили смолян примерно вдвое, но смоленские полки в центре поля продолжали прочно стоять под ударами рыцарей на своем месте.

Грюнвальдская битва. ***Фрагмент с картины Я. Матейко.*** **Великий польский художник Ян Матейко (1838—1893) жил и работал в Кракове. Главные картины Матейки посвящены ключевым моментам истории Польши. Громадные полотна художника отличаются точностью в передаче деталей изображаемых событий.**

Ян Длугош писал: «В этом сражении русские витязи Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами. Они одни только не обратились в бегство и тем заслужили великую славу».

В это время польское войско, расположенное слева от русских полков, двинулось в атаку на крестоносцев. Оно встретило очень сильное сопротивление. В отчаянном рукопашном бою только смерть противника позволяла сделать шаг вперед. В месиве живых, раненых и мертвых, среди криков нападающих, стонов умирающих, треска копий и звона мечей сражающиеся то продвигались немного вперед, то отступали назад. Но вот польские хоругви дрогнули и начали медленно отходить. Тяжелая лавина рыцарей Тевтонского ордена хлынула к возвышенности, на которой находился король Ягайло. Еще минута — и он был бы убит. Крестоносец пришпорил свою рослую рыжую лошадь и во весь опор ринулся на короля. Наперерез ему бросился секретарь Ягайло — юный Зби́гнев Олесни́цкий. Он был без доспехов и вооружен только обломком копья. Мужество и отвага придали юноше невиданные силы, и он сбросил крестоносца с коня.

Но вот атаки тевтонских рыцарей начали явно слабеть. Сказывалась усталость от битвы, продолжавшейся более четырех часов. Прошло еще немного времени, и войска союзников двинулись в наступление. Вместе с польскими и чешскими хоругвями на крестоносцев пошли смоленские полки. Русские воины не только выстояли в чрезвычайно трудных условиях, но и приняли участие в начинавшемся разгроме врага.

В ходе сражения произошел перелом: крестоносцы стали отступать к своему укрепленному лагерю за деревней Грюнвальд.

Потрясенный зрелищем надвигающегося поражения, Ульрих фон Юнгинген сам повел в бой последние резервы — 16 рыцарских полков, которые еще не участвовали в сражении. Польские отряды мужественно встретили и этот удар, который мог повлиять на исход битвы. В этот момент на поле боя возвратились отступившие было части литовского войска, перестроенные и заново организованные князем Витовтом. Пронесшийся над рядами сражающихся крик «Литва возвращается! Литва возвращается!» придал новые силы польским и русским воинам.

Солнце уже клонилось к закату, когда противники вступили в последнюю ожесточенную схватку. Угроза полного разгрома и гибели заставила крестоносцев сражаться из последних сил. Но судьба сражения была решена: многие рыцари обратились в бегство, другие сдавались в плен. Рыцарь Георгий Ке́рцдорф сдал знамя святого Георгия. Это означало полный разгром ордена. Погиб великий магистр Ульрих фон Юнгинген: глава тевтонских рыцарей был сброшен с коня и убит рогатиной одним из пеших литовских воинов. Потери Тевтонского ордена были огромны: около 18 тысяч убитых и почти столько же раненых и пленных. Взятых в плен крестоносцев заковали в цепи, найденные в обозе армии Тевтонского ордена. Предусмотрительные захватчики приготовили их для пленных славян и литовцев: ведь тевтонские рыцари не сомневались в своей победе. Цепями и оковами было нагружено несколько телег, так что хватило на всех пленных рыцарей.

После разгрома под Грюнвальдом Тевтонский орден был вынужден заключить в 1411 г. мир, главным условием которого было прекращение разбойничьих набегов крестоносцев на славянские и прибалтийские земли,

возвращение части завоеванных орденом территорий. В середине XV в. государство Тевтонского ордена фактически развалилось. Объединенными усилиями славянских и прибалтийских народов была уничтожена величайшая угроза их самостоятельному историческому развитию.

* * *

15 июля 1945 г. на земле Восточной Польши, недавно освобожденной из-под власти германских фашистов, проходило необычное торжество. Овеянные боевой славой части Войска Польского, которые вместе с Советской Армией освобождали свою страну, построились для того, чтобы отметить событие более чем полутысячелетней давности. Вместе с прибывшими в освобожденную Польшу литовцами, русскими, украинцами, белорусами и чехами польский народ праздновал 535-ю годовщину Грюнвальдской битвы.

Средневековое сражение около деревни Грюнвальд не было забыто. Память о нем пережила века и нашла отзвук в сердцах тех, кто громил немецко-фашистских захватчиков. 15 июля 1945 г. был заложен памятник в честь этого события.

Всегда, во все времена единство и сплоченность народов перед лицом общей угрозы были могучим оружием в борьбе с захватчиками.

ГОД И ОДИН ДЕНЬ

Ранним апрельским утром в ворота Лана с толпой поселян, направляющихся на городской рынок, вошел молодой крестьянский парень. В отличие от большинства людей, нагруженных продуктами для продажи, он шел налегке, с маленьким узелком. Отделившись от рыночной толпы, он долго бродил без видимой цели среди узких улиц...

Лан — город на северо-востоке Франции — был богат и многолюден. В дни больших церковных праздников его улицы заполняла нарядная толпа, а во главе праздничной процессии шел сам епископ — важное лицо в католической церкви. Епископам уже много лет принадлежала власть над городом.

Возникнув на земле феодалов или церкви, средневековые города оказались под их властью. Сеньоры требовали от горожан многочисленные пошлины: за проход в город, за провоз товаров, за право строить дома, за право торговать. Сеньору города принадлежали право суда, военная и административная власть. Таким образом, горожане X—XIII вв. чаще всего были бесправны, как и сельские жители.

Но в городах быстрее, чем в деревне, рос дух независимости. Ведь средневековый ремесленник был собственником мастерской и созданной им продукции. Горожане не так сильно, как крестьяне, были связаны с землей. Наконец, у них были деньги — мощная сила, не уступавшая подчас мечу.

В X—XIII вв. развернулась отчаянная борьба горожан против сеньоров, за независимость, за право на самоуправление. Но феодалы без боя не уступали своих прав, приносивших им доходы.

В 1106 г. в Лан прибыл новый епископ — Годри́. В годы его жестокого правления все, что прежде так тяготило горожан,— стало невыносимым. Терпению жителей Лана пришел конец,— и в городе разразились драматические события. О них мы узнаём из описаний хронистов — современников этих событий.

* * *

...На мосту через небольшую речку молодой крестьянин увидел человека не занятого, казалось, ничем, кроме

созерцания неторопливого течения воды. Поколебавшись минуту, парень ступил на мост, собираясь заговорить с незнакомцем. Но не успел он сделать и пяти шагов, как тот обратился к нему сам:

— Эй, стой! По этому мосту нельзя пройти безнаказанно.

— Я что-то не понял тебя, добрый человек — ответил крестьянин, остановившись, как вкопанный.— О чем это ты?

— Сразу видно, что ты нездешний,— улыбнулся незнакомец.— Ты должен уплатить пошлину, которую святые отцы из церкви св. Винцента получают с каждого проходящего по этому мосту. Это важное дело они поручили мне. Меня зовут Тьего, я крепостной этой церкви. А крепостные, как известно, делают то, что им приказано...

— А меня зовут Этьен...

— ...И ты пришел из деревни, причем совсем недавно.

— Откуда ты знаешь? — удивился Этьен.

— Да не стой ты как каменный. Садись, потолкуем. Признайся, небось сбежал от своего сеньора?

— От него любой бы сбежал. Совсем задушил нас поборами. Вся деревня стонет. Мало того, что мы отдаем ему бóльшую часть урожая и всех продуктов, которые получаем в своем хозяйстве. Каждый крепостной должен еще платить поголовный налог, как будто покупаем себе право носить голову на плечах.

— Но ведь все так живут, и ничего — терпят,— сказал Тьего не то с насмешкой, не то со злостью.

— А талью — произвольный побор — все платят?

— Да почти все...

— А часто они ее платят? — разгорячился Этьен.— Вряд ли так, как в нашей деревне. У сеньора без конца находятся причины для ее сбора: то свадьба, то поход, то перестройка замка...

— Ну ладно, не сердись,— миролюбиво сказал Тьего.— Я же понимаю, что у всех крепостных жизнь несладкая.

— Но не всякий может убежать, как я,— сказал Этьен, обрадованный поддержкой нового знакомца.— Ведь я кузнец и оружейник. Где хочешь без земли прокормлюсь. А пахарю без земли никак нельзя.

— Ну, и как тебе город — нравится? — спросил Тьего с хитроватой улыбкой.

— Нравится...— протянул Этьен без особенного пыла.— Но больно много здесь чудного и непонятного.

— А что же, например, тебя удивляет?

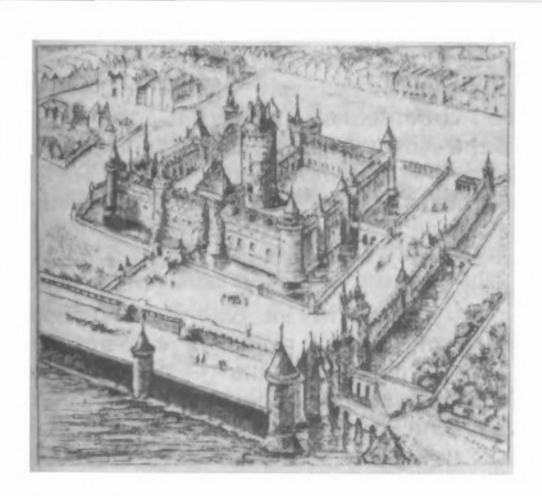
Видя, что Тьего настроен вполне благодушно и даже, по-видимому, совсем забыл о пошлине, Этьен осмелел и решился высказаться откровенно:

— Да вот хотя бы городские улицы. Ты знаешь, после наших деревенских просторов мне кажется, что здесь совсем нет ни света, ни воздуха. Ведь кое-где от стены одного дома до стены другого руками дотянуться можно.

— Это оттого, что никому неохота понапрасну расстаться с домом, а то и с жизнью. Вот люди и строят дома только внутри городских стен, а стены-то не растянешь: они каменные. Вот и приходится лепить дома почти друг на друга.

— Послушай, Тьего, раз уж тебе не лень со мной разговаривать, скажи, а зачем это на камне или дубовой балке возле домов высечены фигуры, цветы, изображения зверей? Тоже чуднó. Кому это нужно?

— Вот что значит деревня. Никак ты нашей городской жизни в толк не возьмешь,— Тьего не без удовольствия ощущал себя рядом с Этьеном опытным, знающим человеком.— Ведь у вас в деревне все друг друга знают в

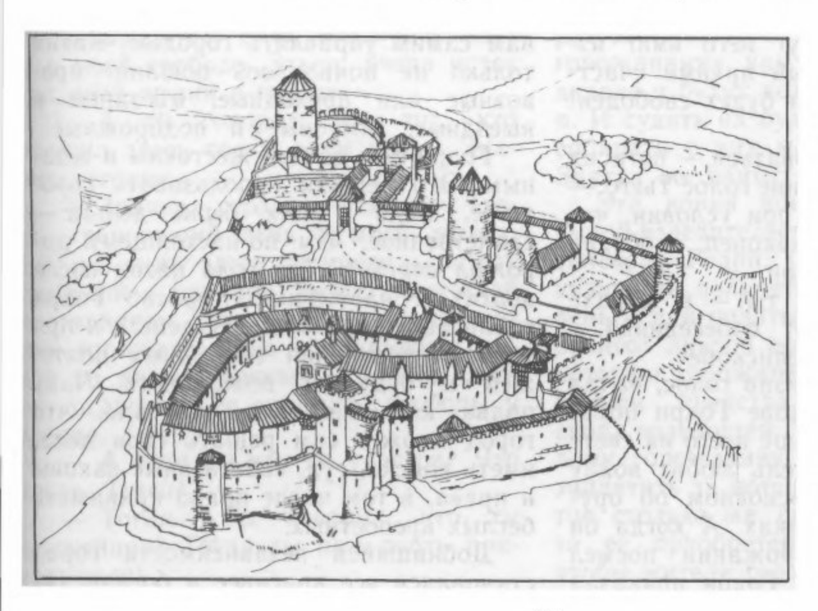


Старый Лувр. *С гравюры.* Лувр — замок королей Франции — находился в центре Парижа. Строительство его началось в 1204 г. В XVI в. это здание было снесено и на его месте стал воздвигаться новый Лувр.



Городская площадь. *С миниатюры XIV в.* В средние века городская площадь, так же как и храмы, была центром общественной жизни города. Здесь встречались горожане, обменивались новостями, обсуждали различные вопросы. На площадях велась оживленная торговля.

лицо и дом любой с закрытыми глазами могут найти. А здесь вон сколько домов! Надо как-то отличать их друг от друга. Вот, например, понадобится тебе отправить человека с письмом...



Средневековый город. *Реконструкция.* В раннем средневековье города занимали небольшую площадь и были похожи на замки. Вокруг городов возводились мощные стены с башнями. За первой стеной строилась вторая, более высокая. Город окружался рвами, которые заполнялись водой. По мере роста населения горожане начинали селиться вне первоначальных стен, рвы засыпались. Постепенно вокруг новых поселений возникали стены или другие укрепления.

— Мне? С письмом? — Этьен прыснул в кулак.

— Это я для примера сказал. Ясно, что ты неграмотный. Да и о чем тебе было там в деревне писать?..

Насмешки Тьего задели Этьена, и, осмелев, он сказал:

— А почему же в вашем городе ходят свиньи — совсем как в деревне?

— Да уж как им не блаженствовать: ведь горожане выливают помои прямо на улицу! И конечно, здесь не то, что на ваших, как ты говоришь, «деревенских просторах». У нас тесновато, ты уж извини. Однако ты вот сбежал почему-то из своих просторов...

— Я же говорил тебе, почему сбежал.— Этьен сразу сделался серьезным. За разговором он на время позабыл главную заботу, которая привела его в Лан.— Правду ли говорят, Тьего, что в городе каждый крепостной становится свободным?

— Это правда, Этьен. Тот, кто прожил здесь больше года — по крайней мере год и один день, становится лично свободным от власти своего господина.

Лицо Этьена преобразилось. Казалось, весь мир вокруг него вмиг изменился, расцвеченный яркими счастливыми красками. Он будет свободен! Свободен!

— Подожди радоваться,— погасил многокрасочное свечение голос Тьего.— Ты будешь свободен при условии, что и город Лан будет, наконец, свободен от власти злодея Годри.

— Что ты, что ты! — в страхе Этьен отшатнулся от собеседника.— Грех так говорить о епископе!

Но тут Тьего, понизив голос, начал рассказывать о епископе Годри поразительные вещи. Больше всего на свете этот священнослужитель любит войну и охоту, говорит в основном об оружии, лошадях и собаках. А когда он узнал, что один горожанин посмел осуждать его за это, Годри приказал казнить его. По распоряжению епископа неугодных ему людей пытали в его собственном доме. К тому же Годри отличался ненасытной жадностью — торопился, как сказал Тьего, обеспечить себе райскую жизнь еще на земле.

Этьен в ужасе зажал уши ладонями.

— Каков бы ни был ваш сеньор, это дурно — так говорить о епископе!

— Дурно, говоришь? — переспросил Тьего зловещим шепотом. Глаза его загорелись ненавистью.— А ты знаешь, как поступил епископ со свободами жителей Лана? Это, ты думаешь, не дурно?!

И Тьего поведал Этьену, как горожане Лана были обмануты епископом Годри. Жители города уже давно мечтали освободиться от власти епископов, во владениях которых вырос Лан. Когда-то епископы поддерживали горожан: уж очень выгодно им было получать деньги. Город исправно платил за право существовать на епископской земле. Но алчность сеньоров Лана не знала границ, они увеличивали поборы и не давали горожанам самим управлять городом. Каких только не появлялось пошлин: провозные или проходные, въездные и выездные, мостовые и подорожные...

Годри был самым жестоким и жадным. Это решили использовать горожане. Ведь у них были деньги — единственное, чем по-настоящему дорожил епископ. Три года назад после долгих и настойчивых просьб Годри соблаговолил за большие деньги и при условии получения ежегодных платежей в будущем пожаловать Лану права коммуны. Это означало, что город сможет сам решать свои дела, иметь войско, суд, собственные законы и права, в том числе право принимать беглых крепостных.

Добившийся независимости город становился все красивее и богаче. На

общие средства в Лане строились общественные здания, богаче и оживленнее стал городской рынок. У Лана появились своя печать и городское знамя, которое горожане с гордостью вывешивали на башне в центре города по праздничным дням.

Но прошло время, за три года Годри полностью истратил полученные от горожан деньги и решил отнять у Лана права, которых они добились с таким трудом.

· — Надо было обратиться к королю,— сказал Этьен,— я слышал, что наш король Людовик справедлив...

— Увы, епископ сумел договориться и с королем. За 700 ливров серебра король согласился отнять у города права коммуны. Мы смогли предложить за свою свободу меньше — только 400 ливров...

— Так, значит, Лан не свободный город и я не буду свободным? — голос Этьена предательски задрожал.

— Если город снова окажется в полной власти епископа Годри, всякое может случиться. Кто знает, как он поведет себя по отношению к крепостным. Но поверь, меня это огорчает не меньше, чем тебя, ведь речь идет и о моей свободе, Этьен: вчера истек год моей жизни в городе.

— А ты говорил, что тот, кто прожил здесь год и один день... Значит, сегодня...

— Значит, сегодня,— сказал Тьего,— решающий день в моей жизни. Вот я и сижу здесь на мосту — между свободой и кабалой, между надеждой и отчаянием. Дело в том, что почтенные горожане Лана отправились сейчас во дворец епископа: может быть он согласится не отнимать свободы у города.

— А если им это не удастся? Что тогда, Тьего?

— Тогда... Ты говорил, что ты оружейник? Тогда ты нам очень пригодишься!

...В то самое время, когда происходил этот разговор, в одном из залов епископского дворца епископ Годри беседовал со своим доверенным лицом — Ансельмом. Согнувшись в почтительном поклоне, Ансельм говорил:

— Позвольте смиренно заметить, Ваше преосвященство, что по-моему Вы напрасно столь резко говорили с почтенными горожанами Лана. Не следовало так решительно отказывать им в их стремлении к свободе.

— О каких это «горожанах» ты говоришь, Ансельм? — презрительно спросил епископ Годри.— О тех мужиках, которые были сейчас здесь и которых я приказал выгнать вон?

— Почему Вы так называете их, Ваше преосвященство?

— Да потому что для меня они были и навсегда останутся мужиками! Их отцы и деды всю жизнь пахали землю. Никто не заставлял их убегать от своих законных сеньоров и строить этот город. Но если уж они его построили, то их потомки не должны забывать, на чьей земле вырос Лан.— Годри положил на стол тяжелые кулаки.— Я имею все основания разговаривать с этими «почтенными горожанами», как с крепостными. Они делали и будут делать то, что прикажу я. И судить их буду я, и подати будут собирать с них мои люди, для меня. Завтра же начнут сбор новой подати!

Эта новая пошлина была хитроумной издевательской выдумкой самого епископа Годри. Он приказал своему казначею получить с жителей Лана деньги для уплаты королю обещанных семисот ливров по тем же нормам, по которым горожане три года назад собирали средства на приобретение своих вольностей. Таким образом, каждому горожанину приходилось теперь заплатить за потерю свободы — и притом столько же, сколько в свое время за ее приобретение! Епископ хотел, чтобы жители города как можно боль-

нее ощутили утрату своих прав и потеряли бы всякую надежду на их возвращение.

Явно робея, Ансельм согнулся еще почтительнее и прошептал:

— Боюсь, Ваше преосвященство, что с новой пошлиной придется повременить. Иначе Вам грозит большая опасность.

Эти слова звучали зловеще и заставили епископа прислушаться.

— Мне стало известно,— продолжал Ансельм,— что горожане составили заговор и готовят бунт против Вас. И они поклялись... Мне страшно сказать это... Они поклялись убить Вас, Ваше преосвященство, если Вы откажетесь вернуть городу права коммуны.

Епископ рассмеялся, но смех его звучал не совсем естественно:

— Неужели ты думаешь, что эти мужики способны чего-то добиться своими заговорами? Да если бы мне вздумалось для забавы прищемить нос самому дерзкому из них, он не посмел бы и пикнуть. Я заставил их отказаться от столь желанных прав и теперь заставляю их замолчать.

Однако наутро епископ не решился появиться в соборе во время церковной службы. Он приказал вызвать доверенных людей из своих поместий и вооружить их. Дворец епископа был укреплен, как крепость, готовящаяся к осаде.

Прошло четыре дня, и епископ уже начал подумывать, что Ансельм напрасно смутил его покой предупреждением о заговоре. Но наутро пятого дня его разбудили громкие крики под окнами дворца. Огромная толпа горожан, вооруженных всем, что попало под руку, шла на штурм дворца. Тьего отчаянно сражался в первых рядах.

Слуги епископа осыпали штурмующих камнями, из окон дворца в горожан летели стрелы. Но ничто не могло сдержать бешеного натиска. С громкими криками «Коммуна! Коммуна!», «Смерть Годри!» жители Лана теснили слуг епископа, защищавших дворец. Наконец, выломав двери и приставив лестницу к окнам второго этажа, горожане ворвались во дворец. Однако епископ Годри самым непостижимым образом исчез. Перебегая из комнаты в комнату в поисках ненавистного Годри, Тьего столкнулся с Этьеном.

— Я рад, что ты жив, Этьен. Ну как, нравится тебе в городе? — улыбнулся Тьего.

— Нравится,— серьезно ответил Этьен.— Только вот не нравится, что не удалось познакомиться с вашим знаменитым епископом. Его нигде нет. Видимо, успел убежать во время штурма.

— Вряд ли...— ответил Тьего и задумался.— Когда мы расспрашивали слуг, один из них как-то странно кивнул. Пожалуй, он указывал на подвал. Не очень подходящее место для епископа, но надо проверить. Идем со мной, Этьен.

Подвал епископа Годри был настоящим подземельем. Под мощными каменными сводами было темно и сыро, пахло плесенью.

— Тьего, не может быть, чтобы он здесь скрывался,— сказал Этьен, почему-то понизив голос.

— Но я же говорил тебе, что наш епископ необыкновенный. От него всего можно ожидать,— голос Тьего гулко разносился по подземелью.— Надо проверить содержимое этих огромных бочек.

Когда Этьен ударил дубиной по очередной бочке, раздался необычный звук — казалось, она и не пуста, и не заполнена вином, как многие другие.

— Тьего, в этой бочке что-то есть!

— А может быть, кто-то? — спросил Тьего и еще раз ударил по бочке.— Эй, кто там?

В ответ донесся дрожащий голос:

— Здесь сидит бедный пленник.

Горожане замерли в изумлении. Тьего нагнулся и выволок из бочки грязного дрожащего человека.

— Как это Вы, Ваше преосвященство, оказались в плену у бочки? — насмешливо спросил он.

— Господи, неужели сам епископ? — ахнул Этьен.— Но, Тьего, на этом человеке одежда слуги.

— Наверное, наш епископ наконец-то вспомнил, что он слуга господа. Только почему он служит ему в бочке? Выходите, Ваше преосвященство, жители Лана ждут Вас на площади.

— Пощадите,— взмолился Годри, забыв свою былую надменность. Он упал на колени перед теми, кого так глубоко презирал, и умолял отпустить его с миром, обещая щедро заплатить за это.

— Он думает, Этьен, что за деньги можно купить все,— сказал Тьего.— Мы тоже едва не впали в это заблуждение, полагая, что купим свободу. Но за нее, видимо, всегда надо драться. Ступайте, Ваше преосвященство, Вашу участь решат жители свободного Лана.

Тьего и Этьен присели на ступеньках лестницы, и им сразу припомнился первый день Этьена в городе, когда они так же сидели на мосту.

— Подумать только, Тьего, впереди еще почти целый год. Но потом я буду свободен,— сказал Этьен.

— Год пролетит быстро, но кто знает, какие испытания ждут нас. Иногда один, последний день в городе прожить труднее, чем целый год...

Средневековый город

Встреча. На гравюре изображен причудливый силуэт средневекового города. Опоясанный кольцом стен, над которыми возвышаются островерхие башни и шпили готических соборов он царит над окружающей местностью. Его стены и здания как бы тянутся к серебряным звездам...

Катя помнила эту картину столько же, сколько себя. Гравюра всегда висела над ее кроватью, и Катя часто всматривалась в неведомую, далекую жизнь этого безымянного города. Неужели люди жили так тесно и настороженно? Башни, подъемные мосты на цепях, глубокий ров с водой, мощные неприступные стены как будто бы замерли перед вражеским нашествием. Какая противоположность безбрежному, раскинувшемуся широко и свободно современному городу!

Сегодня девочка разглядывала привычный рисунок особенно пристально. Ей показалось, что она наконец заглянула за эти высокие стены, увидела кусочек давно отшумевшей жизни.

Воображение легко перенесло Катю через столетия и страны, и вот она уже направляется к массивным городским воротам. Путь ведет вверх, и кажется, что город надвигается на нее своими мощными укреплениями: зубчатые стены воздвигнуты на холме — они как бы продолжают препятствие, созданное самой природой. Чем ближе подходишь к городу, тем яснее понимаешь, что первой заботой его жителей была оборона от врагов.

На картинке каменные стены выглядели более старыми, кое-где осевшими и выщербленными временем. Вероятно, они были такими, когда их рисовал художник. А сейчас Катя видит их более «молодыми»: камни плотно пригнаны друг к другу, кажется, что их склеил великан. Теперь ее отделяет от стены только ров, наполненный мутной, застоявшейся водой. Через него перекинут подъемный мост. Он ведет прямо к большим красивым воротам, украшенным кованым чугунным орнаментом. Но подойти к самим воротам страшно: ведь там наверняка стража.

Вдруг ее начнут расспрашивать, да еще неизвестно, на каком языке. Ведь Катя не знает, в какой стране находится «ее город». Видимо, придется остаться здесь и полюбоваться им издали.

Девочка присела на придорожный камень и только теперь заметила, что небо потемнело, силуэт города сделался менее отчетливым — надвигались сумерки... Катя ясно услышала шаги. Чьи-то тяжелые башмаки стучали по камням, и глуховатый голос напевал, кажется, по-немецки:

Ночь убегает от светлого дня,
Добрые люди, восстаньте от сна...

Волшебство продолжалось: Катя прекрасно понимала каждое слово!

— Добрый вечер,— к Кате приблизился немолодой человек в костюме, который сегодня можно увидеть только в театре или на карнавале.— Что ты делаешь здесь одна, в столь поздний час, маленькая лесная фея?

— Я любовалась городом и не заметила, как начало темнеть.

— Должен сказать, что я видел города и покрасивее — Стра́сбург или Кёльн, например. Да не в красоте дело. Вот если бы внутри этих стен жилось не так скверно,— сказал незнакомец, печально вздохнув.

— А почему на закате вы поете, что ночь убегает от светлого дня? Ведь это утренняя песня.

— Конечно. Так поют городские сторожа на рассвете, отправляясь на отдых. А я за свою жизнь кем только не побывал — и ночным сторожем тоже. Вот и вертится на языке привычная песенка. Меня зовут Мартин Лайб — подмастерье. А ты кто?

— Я Ка... Катрин. А почему Вы такой... пожилой, а все еще подмастерье?

— Я не простой подмастерье, я — «вечный подмастерье»,— невесело улыбнулся Мартин.— Согласись, Катрин, что поседевшие виски и борода гораздо больше подходят к слову «вечный», чем розовощекая юная физиономия.

— Я знаю, о чем вы говорите,— попасть в число мастеров становится все труднее.

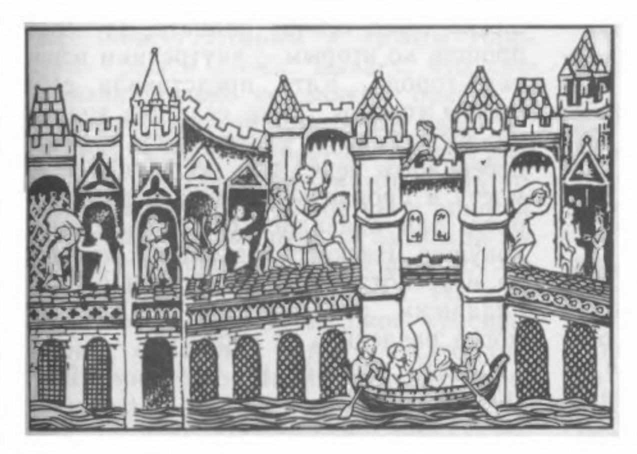
— Труднее? Бедному человеку этот путь вообще заказан. Теперь мастерами становятся только их сыновья. Вот представь, например, что я попал в подмастерья цеха ювелиров в Кёльне. Так вот, чтобы стать мастером...

В итальянском банке. *С миниатюры XIV в.*

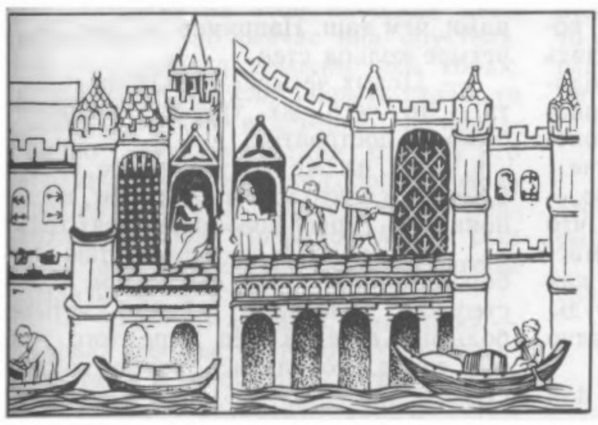


Лавка рыботорговца. *С миниатюры XV в.*











Жизнь большого города. ***Миниатюра начала XIV в.*** **Слева направо: лавка аптекаря; лавка менялы; мастерская цирюльника (парикмахера); всадник на коне с соколом в руке (соколы использовались для охоты); носильщик с мешком; лавка оружейника; транспортировка бочки по городу; возвращающийся в город странник; рыбаки, продающие свой улов; перевозка вина в бочках на лодке; городские мельницы под Большим мостом; катание на лодках; барки угольщиков, пришедшие в город для продажи угля.**



В лавке менялы. ***С миниатюры XV в.*** **В средневековых городах в качестве менял обычно выступали ростовщики. Для этого времени характерен чрезвычайно высокий уровень ростовщического процента (в течение года ростовщик часто требовал вернуть ему сумму денег, в два-три раза больше полученной должником). В кабалу попадали не только бедные горожане и крестьяне, но иногда и знатные феодалы.**

— Надо изготовить «шедевр»,— сказала Катя, гордясь своей осведомленностью.

— Это так, малышка. А знаешь, из чего должен состоять «шедевр»? Из золотого кольца ажурной работы, золотого запястья с гравировкой и чернением, которое дарят при обручении, и кольца для рукоятки кинжала.

— Тоже золотого? — ахнула Катя.

— Конечно. Да еще надо внести вступительный взнос и устроить роскошное угощение, чтобы мастера и их жены напились и наелись до отвала. Кроме того, цеховые мастера собирают всякие взносы: то на свечи, то на похороны. Это стоит больших денег, которые бедному подмастерью взять негде. Да еще надо иметь рекомендации почтенных граждан, которые подтвердили бы и твое достойное происхождение, и благочестивое поведение... Э, да что говорить! Это безнадежно,— Мартин помолчал.— Я слыхал, что появились кое-где братства подмастерьев — союзы таких же бедняг, как я. Попробую попасть в какое-нибудь, ведь я освоил на своем веку не одно ремесло.

— А чем это будет лучше для вас? — спросила Катя.

Мартин ответил охотно. Он, кажется, рад был лишний раз растолковать это и самому себе.

— Говорят, у этих братств есть общая касса — «ларец» или «сундук». Взносы в нее невелики, но все же в случае болезни можно рассчитывать на помощь, да и на какую-то защиту перед мастерами. Пожалуй, надо идти. Темнеет, скоро закроют ворота. И тебя, Катрин, наверное, заждались дома.

Желание войти в город было у Кати таким сильным, что, не сказав ни слова, она поднялась и зашагала рядом с Мартином. Они вошли в ворота и оказались в узком кривом проходе под тяжелым сводом сторожевой башни. Его мощная железная перегородка-решетка была сейчас поднята. Путники прошли ко вторым — внутренним воротам города. Катя представила себе штурм города. Даже если бы врагам удалось обмануть бдительность стражи, перебежать через ров по опущенному мосту и прорваться сквозь первые ворота, они оказались бы в настоящей ловушке. Низкий свод башни, кривизна и теснота прохода мешали бы нападавшим развернуться. А решетка могла разделить их отряд.

Будто услыхав ее мысли, Мартин сказал:

— Мне приходилось бывать в городах, еще более «обросших» стенами, чем ваш. Например, в Констанце четыре кольца стен.

— Целых четыре? — изумилась Катя.— До чего же трудно, наверное, было их построить.

— Но их же выстроили не сразу. Сейчас-то никто уже и не помнит, когда появилось первое кольцо. Говорят только, что горожане не одну сотню лет боролись с местным епископом и постепенно отвоевали у него четыре большие деревни. По мере того как рос город, появлялись новые кольца стен.

— Как это интересно,— сказала Катя.— Расскажите еще о других городах, если у вас есть время.

— Наше время, Катрин, общее — до темноты. Надо успеть дойти до площади. Около нее я надеюсь пристроиться на ночлег в какой-нибудь харчевне. А тебе тоже туда?

— Да... Тоже.

— Ну что же, расскажу еще коечто. Я не все сам видел, но слышал многое от людей, скитаясь по Германии. Вот, говорят, в городе Хи́льдесхайме в Нижней Саксонии епископ приказал специально выстроить Новый город отдельно от Старого. Они отгородились друг от друга стенами и соперничают во всех делах. И так же во Фра́нкфурте-на-Майне, где я сам бы-

вал: между Старым и Новым городом — рвы и стены. Бывает, что священник ночью не может прийти к умирающему — прямо беда! Люди замучили городской совет просьбами разрешить в особых случаях отпирать ворота в этих стенах... Вот мы и пришли.

Узкая улица вывела путников на городскую площадь, освещенную последними отблесками заката. На площади возвышается высокое красивое здание с башней наверху. Кате припомнилось прочитанное где-то слово «ратуша». Видимо, это она. В ней должны размещаться городские власти.

Наверное, на этой площади днем многолюдно, но сейчас она опустела. Где-то недалеко слышны лай собак, крики петухов. Если закрыть глаза, то кажется, что ты в деревне. Но невозможно оторвать взгляд от другого огромного здания — это собор. Он очень красив! Каменное кружево — вот подходящие слова! Но какой нужен был труд таких людей, как Мартин, чтобы создать эту красоту!

— Что ж, прощай, малышка,— прервал ее мысли голос Мартина.— Вон там, за площадью, я вижу шест с клоком сена на нем. Значит, там можно найти еду и ночлег. Доброй ночи.

— До свидания, Мартин, желаю удачи. Пусть в этом городе вы найдете работу, счастье и друзей.

— Спасибо, Катрин,— голос Мартина потеплел.— Будь счастлива и ты...

Союз «вечных подмастерьев». С первыми лучами солнца Мартин проснулся от многоголосого хора пастушьих рожков, мычания коров, хлопанья тяжелых дверей: пастухи гнали стадо по узким извилистым улицам через городские ворота на окрестные луга. Навстречу двигалась живописная толпа крестьян с тележками и корзинами, наполненными продуктами для продажи на городском рынке. День начался.

Надо было идти в ратушу за разрешением наняться в какой-нибудь цех подмастерьем. Опять предстоит разговор, похожий на допрос: не остался ли в долгу перед прежним хозяином, не убежал ли до окончания срока найма, не бунтовал ли.

Однако не мешало бы прежде разведать, в каких цехах есть братства подмастерьев.

Мартин вышел из убогой комнатушки, где он переночевал, спустился по грязной лестнице в зал харчевни и сел у самой двери. К нему подошла девочка, худенькая, с усталыми, испуганными глазами. Она была чем-то похожа на Катрин, только страх в ее глазах никогда не позволил бы сравнить ее с феей.

— Как тебя зовут, малышка?

— Гута.

— Вот что, Гута, принеси-ка мне этого необыкновенного пива, хлеба и сыра.

Позавтракав, Мартин ласково спросил Гуту:

— Давно ты здесь служишь?

— Почти год.

— Нелегкая работа для девочки.

— Обыкновенная,— Гута тихонько вздохнула,— была бы я мальчиком, отдали бы учеником к мастеру. А чем это лучше? Мой брат Ганс — ученик скорняка. Уже два года. Значит, осталось еще целых шесть лет. Если будет жив, станет подмастерьем.

— Тоже великое счастье,— Мартин невесело подмигнул девочке,— но почему ты говоришь о смерти? Он что, нездоров?

— Уж больно тяжело ему достается. А отец говорит, что если умирать, то только в первый год ученичества. Ведь в договоре о найме ученика было сказано, что, если Ганс вдруг умрет до истечения года, мастер вернет отцу половину платы за обучение. А для нас это немалые деньги,— просто ответила маленькая служанка.

— Да, бедному человеку всюду нехорошо. А не слыхала ли ты от своего Ганса о братствах подмастерьев? Нет ли его у скорняков? Я хотел бы вступить в такое братство.

— Но их называют смутьянами, а городской совет грозит запретить эти братства и наказать их членов,— прошептала девочка,— Ганс говорил, что мастера на цеховом собрании решили сурово покарать тех, кто вносит деньги в «ларец».

— Значит, у скорняков есть такой союз! Спасибо тебе, Гута. Решено — попробую стать подмастерьем у кого-нибудь из них. Кроить меховые накидки и воротники мне приходилось.

Мартин шагал по узкой кривой улочке, ведущей к площади. Она не вымощена, лишь перед некоторыми домами небрежно набросали камни на расстоянии среднего шага друг от друга. В двух-трех местах были сооружены деревянные настилы. Они позволяли не провалиться в глубокую жидкую грязь посередине улицы. Помои, которые хозяйки выплескивали из кухонных окон, и копыта городского скота создали здесь непросыхающее болото. Мартин вспомнил забавную историю о том, как жители одного германского города умоляли самого императора не приезжать к ним из-за ужасного состояния городских улиц. Император не послушался и едва не утонул вместе с лошадью в грязи. Здесь, пожалуй, лошадь все-таки не утонет. И то хорошо. А вот один купец клялся, что во Франции во всех крупных городах есть мостовые...

Задумавшись, Мартин едва не ударился лбом об угол одного из домов. Улица была так узка, что до противоположной стороны можно было добраться, шагнув пошире. А если учесть, что верхние этажи, как обычно, нависали над нижними в целях экономии места, то здесь и утром было почти темно. Куда только смотрят городские власти? В других городах, где приходилось бывать Мартину, за шириной улиц следили очень строго: по улицам время от времени проезжал всадник, держа поперек седла копье установленной длины. Если оно задевало какой-то слишком выступающий дом, его хозяина штрафовали, а дом приказывали снести.

В эту минуту с площади донесся какой-то шум, возгласы, музыка. Несколько человек с вытянувшимися от любопытства лицами торопливо обогнали его, и сам Мартин невольно прибавил шаг, как бы включившись в неизвестную ему игру.

По площади шествовала группа людей со знаменем. В такт их движению играла флейта, грохотал барабан. Стайка мальчишек сопровождала их со смехом и улюлюканьем. Однако лица большинства наблюдавших за процессией взрослых были серьезны.

— Что происходит? — спросил Мартин булочника, стоявшего на пороге своей лавки.

— Да это же подмастерья цеха скорняков. Известные смутьяны. Придумали себе какое-то братство, видите ли. Пошли на срочное собрание, хотя мастера, я думаю, им этого не разрешили,— словоохотливо разъяснил булочник.

— А разве им ничего нельзя решать самим, без мастеров? — осторожно спросил Мартин.

— Подмастерье должен помнить свое место! Испокон веков установлено, что он обязан жить в доме мастера, не дерзить ему и быть во всем послушным, не ходить ночью по улицам, не приходить домой позже девяти часов, не носить богатой одежды, не играть в кости...

— Но ведь эти правила были установлены сотни лет назад, в те времена, когда подмастерьями были только неопытные юноши, которые со временем взрослели и становились мас-

терами. А кто такие подмастерья теперь? Да у них чуть ли не у всех седые бороды, а вы им: «Не приходи домой позже девяти часов вечера!»

Мартин выпалил все это одним духом и не сразу заметил, как помрачнело лицо булочника, а в глазах его выразилась неприязнь. Разговор принимал опасный оборот. Мартин поспешил скрыться за спинами зевак.

...Новый подмастерье цеха скорняков — Мартин Лайб легко и быстро сошелся с товарищами. Вскоре подмастерья-скорняки согласились принять его в члены своего союза. Теперь Мартин, как и другие, вносил деньги в «ларец», бывал на собраниях, где обсуждалось, как использовать эти общие средства. Мартин почувствовал, что он не одинок, что есть люди, которые помогут в трудную минуту. Например, Ганс, маленький верный друг. Мартин случайно попал как раз в ту мастерскую, где учеником был брат Гуты — девочки из харчевни. Узнать его было нетрудно: как две капли воды похож на Гуту. И глаза такие же испуганные. Впрочем, поработав немного у мастера Карла Шотта, Мартин понял, почему у его учеников печальные лица.

Городские власти утвердили подробный устав о найме учеников, где говорилось, что каждый мастер должен «усердно заботиться» о своем ученике, «давать ему хлеб» и, конечно, учить мастерству. Однако скорняк Карл Шотт, как и другие мастера, хорошо усвоил из этого устава только то, что «если ученик грешит непослушанием, его следует сурово наказывать; тело должно пострадать, чтобы душа была в лучшем состоянии». «Непослушанием» мастер называл все что угодно, особенно если бывал в дурном расположении духа. А случалось это часто после неудачной сделки или очередной ссоры со сварливой женой.

Появление в мастерской скорняка нового подмастерья — Мартина стало для Ганса чем-то вроде чуда из доброй сказки. Этот большой, сильный человек, золотые руки которого стали нужны мастеру Карлу, как-то незаметно заслонял Ганса от многих несправедливостей и обид. Прежние подмастерья никогда и внимания не обращали на мальчугана. Поколотил его мастер — не беда, всех так «учили». Но у Мартина было доброе сердце. Он вспоминал время от времени печальную девочку из харчевни, ее простые и страшные слова: «Отец говорит, что если уж умирать, то только в первый год ученичества». Он хотел, чтобы Ганс жил, и не так тяжело, как прежде.

Вечерами мальчик рассказывал Мартину о родном доме, который даже нельзя было повидать: устав предписывал «держать ученика за крепко запертой дверью». Это правило мастер Карл соблюдал очень строго.

Ганс слышал кое-что интересное и о тех городах, в которых Мартин не бывал. Например, о забавной «банной процессии». Ее устраивало в одном городе братство подмастерьев башмачников. В день ежегодного карнавала они надевали белые купальные халаты, белые шапочки и шли под музыку по городу в баню. Возвращались таким же образом и весело пировали. А подмастерья-булочники из Фрибурга в первый день нового года ходили по городским улицам тоже с музыкой и со знаменем, на котором был вышит огромный крендель, и несли разукрашенную рождественскую елку. Глава братства время от времени тряс ее, и тогда с веток падали фрукты и печенье. Дети и нищие с радостью их подбирали.

Такие праздники не только позволяли бедному трудовому люду немного отдохнуть и повеселиться, но и напоминали богатым цеховым мастерам, что у подмастерьев есть свой союз. Однако Мартину казалось, что этого мало. Надо, чтобы братство защищало подмастерьев от штрафов, от непомер-

ных требований мастеров, а главное, участвовало в найме новых подмастерьев, чтобы можно было влиять на условия найма. Многие в братстве подмастерьев-скорняков были согласны с Мартином. На своем собрании они решили добиваться этих прав.

...В тот вечер после ужина Ганс отвел Мартина в сторонку и взволнованно прошептал:

— Городской совет постановил запретить ваше братство: ведь мастера давно жаловались на вас.

— Откуда ты знаешь об этом, Ганс?

— Мастер посылал меня сегодня отнести в ратушу какое-то письмо. Там я услышал, что все уже решено.

Некоторое время Мартин сидел молча, опустив голову и сжав кулаки. Затем поднялся и отошел в противоположный конец столовой. Там у догоравшего очага сидели на скамье два других подмастерья. Они тихо поговорили, почти соприкасаясь головами. Потом Мартин быстро вернулся к Гансу и сказал:

— Ты хочешь помочь мне, малыш?

— Конечно, Мартин. Но что я могу сделать?

— До темноты еще есть немного времени. Если ты побежишь очень быстро, то успеешь отнести в мастерскую скорняка Эвальда Кунлина эти ножницы.

— Ножницы? — Ганс был разочарован. Он-то думал, что речь идет о настоящей помощи, о том, чтобы спасти братство подмастерьев. И вдруг — отнести ножницы.

— Это очень важно, Ганс,— улыбнулся Мартин.— Ножницы — знак, по которому члены нашего братства узнают, что необходимо срочно созвать собрание. Из мастерской Кунлина их передадут в следующую, из той — дальше. И так по всему городу. Так что торопись, Ганс. А нам надо еще потолковать кое о чем.

— Бегу! — мальчик крикнул это уже от двери, набрасывая на плечи старенький короткий плащ.

...Собрание братства подмастерьев-скорняков было шумным и долгим. Старший подмастерье, который следил за порядком, уже устал стучать молотком по столу, требуя тишины. Многих смущала смелость и необычность того, что предложили Мартин Лайб и его друзья. Виданное ли дело — прекратить работу и не начинать до тех пор, пока совет не отменит своего решения!

— А вдруг мастера выгонят всех нас из своих мастерских? — спросил кто-то.

— А кто же будет выполнять заказы на жилеты, шапки, воротники, подбивать мехом зимние плащи? На дворе осень, работы много,— ответил молодой подмастерье и весело подмигнул собравшимся.

— Напрасно веселишься,— продолжал первый.— Мастера найдут выход. Я слышал, они толковали как-то, что, если заказов будет слишком много, можно передать часть цеху скорняков в Страсбург. Там мастерские больше, чем у нас, и везти недалеко.

Собрание затихло. Каждый представил, как туго ему придется без работы на пороге зимы. Что и говорить, это не лучшее время для путешествия по городам в поисках заработка.

— А мы напишем им письмо! — вдруг сказал Мартин.— Письмо нашим товарищам из братства подмастерьев-скорняков в Страсбурге.— Мартин поднялся и говорил в полной тишине.— Напишем им, как притесняют нас мастера, и попросим страсбургских подмастерьев тоже прекратить работу до тех пор, пока мастера не согласятся соблюдать наши обычаи. Ведь то, что сегодня случилось здесь, завтра может приключиться в Страсбурге.

Держись, Мартин! Перед Катей лежит старая потрепанная книжка со строгим научным названием «Немецкий

город XIV—XV вв. Сборник материалов». Девочка перечитывает документ «Призыв к забастовке, обращенный подмастерьями-скорняками Вильштета к подмастерьям-скорнякам Страсбурга». Мартин, Ганс, Гута родились в ее воображении. Но это написанное в XV в. письмо было настоящим, подлинным! Через столетия донесло оно призыв простых тружеников, делавших первые шаги в борьбе за свои права: «Сердечный привет, добросовестные дорогие друзья-подмастерья из цеха страсбургских скорняков! Мы просим вас, дорогие друзья-подмастерья, чтобы вы прекратили работу в Страсбурге до тех пор, пока мастера не согласятся соблюдать наши обычаи и грамоты, скрепленные печатями. Мы надеемся, что вы не пойдете против всех добрых подмастерьев и не дадите уговорить себя. Если бы это случилось, то подмастерья лет 10—12 не забыли бы вам этого... Мы, подмастерья, должны крепко держаться друг за друга, ибо мастера городов поддерживают страсбургских мастеров...»

Это письмо мог написать только такой человек, каким был «вечный подмастерье» Мартин.

Вечером Катя увидела свою любимую гравюру совсем в ином свете, чем прежде. По-новому представился ей далекий мир средневекового города. Окончательно исчезло ощущение безоблачной сказки, живущей за кольцом могучих стен. Девочка знала теперь, что и там люди работали, страдали, боролись. Городской бедняк, как и крестьянин, был опутан долгами, его разоряли богачи, он не имел доступа к городскому самоуправлению.

И все же в городе царил особый дух, враждебный старому миру. Власть сеньоров сменялась властью денег, постепенно разрушавшей вековые устои феодального общества. В городе жили лично свободные люди, они имели некоторые права, были смелее, видели и понимали больше, чем прикрепленный к своему земельному наделу и лично зависимый крестьянин. Городская беднота в XIV—XV вв. упорно боролась за свои права, за справедливость. Тогда еще никто не знал, что потомков этих людей ждет большое будущее: ведь они — предшественники рабочего класса нового времени.

Катя снова посмотрела на «свой город» и прошептала: «Держись, Мартин! Вы победите!»

Сид Воитель

Испания, XI век... Более трехсот лет прошло с той поры, как в страну вторглись арабы и почти целиком завоеванная ими Испания была включена в состав Арабского халифата. На Пиренейский полуостров арабские племена проникли через государство, расположенное на северо-западе Африки,— Мавританию. По названию этой страны арабов стали называть маврами.

Через несколько лет после вторжения мавров началась *реконки́ста* — обратное завоевание испанцами своих земель. Реконкиста продолжалась с VII и до конца XV в. По мере того как испанская земля освобождалась от завоевателей, на ней складывались независимые государства: Кастилия, Арагон, Каталония, Нава́рра и др. Впоследствии объединившись, они образуют государство Испанию.

Вернемся в XI столетие, когда борьба испанского народа за свою независимость стала особенно ожесточенной. К этому времени у отважных испанцев появились талантливые предводители, и среди них славнейший из славных — Сид Кампеадо́р (что значит по-испански Воитель). Настоящее имя этого поначалу незнатного и небогатого рыцаря — Родри́го Ди́ас де Бива́р, точная дата его рождения неизвестна, а

умер он в 1099 г. Народная молва рисует Воителя безмерно храбрым и мудрым, он справедлив и прост в обращении, привлекает сердца людей.

Долгие годы из уст в уста передавали испанцы рассказы о подвигах Сида Воителя, о его характере и привычках, обо всех событиях его жизни. О нем пелись песни и слагались легенды. В XII в. разрозненные предания собираются в величайшее произведение испанского героического эпоса — «Песнь о моем Сиде».

* * *

О нем говорили, что он родился в добрый час. Во всей Кастилии не было рыцаря храбрее, чем Диас де Бивар. Всю жизнь сражался он с маврами, отвоевывая захваченные ими испанские земли. Враги трепетали перед ним и почтительно называли его не иначе, как Сид, что по арабски означало «господин», «повелитель». Испанцы восхищались его бесстрашием на поле брани и дали ему прозвище Воитель.

Смолоду Сид Воитель служил королю Са́нчо как верный и преданный вассал. Новый король — дон Альфонс — невзлюбил Сида за гордый и неуступчивый нрав. Вскоре случилось Сиду прогневить дона Альфонса, и король изгнал его из Кастилии. А жене и дочерям Сида повелел жить в монастыре Сан-Педро.

И вот Воитель покидает свой родовой замок. За Сидом скачут шестьдесят всадников с флажками на пиках — это те немногие, что остались ему верны и в несчастье. Следом идут пешие воины.

Въезжают они в город Бу́ргос. Горожане вышли посмотреть на славного Воителя, толпами стоят на улицах, облепили все окна в домах. Все любуются Сидом, но никто не зовет его на ночлег. Накануне на всех площадях города глашатаи читали королевский указ: «Опальному Рою Диасу де Бивару, прозванному Сидом Воителем, не давать ни пищи, ни приюта. Кто ослушается, того ждет страшная кара».

Сид и его воины покинули город и стали лагерем на другом берегу Арланс́она, против городских ворот. Разбили палатки — ночлег готов. Только поесть изгнаннику и его людям нечего: никто не продал им хлеба.

Но вечером пришел в лагерь Сида горожанин по имени Мартин Антолинес, принес с собой вина, хлеба и много другой снеди.

— Позвольте, мой Сид, остаться с вами и служить вам,— сказал он.— Пусть падет на меня за это гнев короля. Не жаль мне бросить ради вас свое имение.

— Мартин Антолинес, дай срок, я отблагодарю тебя достойно!

На другое утро, еще петухи не пропели, Сид тронулся в путь.

Многие жители Бургоса решили бросить свои дома, земли и уйти вместе с прославленным героем. У моста через Арлансон собралось 115 рыцарей. Сид радовался, что растет его войско. Рыцари целовали Сиду руки как сеньору, а он им говорил:

— Вдвойне воздам я за все, что вы теряете, уходя со мною.

Сид покидает Кастилию — и с каждым часом полнится его войско: уже 300 пик, украшенных флажками, колышутся над головами всадников. А пеших воинов и считать незачем, скажем только, что их было немало.

Войско Сида вступило в земли, завоеванные маврами. На его пути оказалась крепость Кастежо́н. Сид подъехал к ней под вечер и всю ночь провел в засаде, а утром, когда мавры, ни о чем не подозревая, настежь открыли ворота крепости и устремились в свои сады и на пашни, отряд Сида вышел из засады. Богатая досталась испанцам добыча. Сид взял себе пятую часть, как и было ему положено по праву, а

остальное по совести разделил между всеми воинами.

Следующей под ударом Сида пала крепость Алькосéр. Потом он одержал верх над мавританскими царями Фарисом и Гальве.

Далеко вокруг полетела молва о том, что кастильский изгнанник то и дело совершает дерзкие набеги на города и крепости мавров.

Дошла молва до графа Раймунда Берéнгера в Барселону. Позавидовал он славе Сида и выступил против него с большим войском. Но Сид одержал победу и над барселонским гра-

Гербы феодалов.









Рыцарь в бою. Рыцарь был вооружен мечом, тяжелым копьем, а иногда топором, булавой или палицей. Защитой служили стальные латы или панцирь. Поскольку рыцари и их кони были одеты в броню, они могли двигаться только шагом или рысью. Рыцарь, его оруженосец, конные и пешие лучники-слуги и пажи составляли так называемое копьё.

фом. Сам дон Раймунд попал в плен, и достался Сиду среди другой богатой добычи драгоценный меч, носивший имя Колада.

Когда кончился бой, Сид пригласил дона Раймунда в свою палатку и стал радушно угощать его. Но спесивый граф готов был умереть голодной смертью с досады на то, что его победил такой незнатный рыцарь, как Сид. Три дня отказывался граф от еды. Послушайте, что сказал ему Сид:

— Дон Раймунд Беренгер, поешьте хлеба и выпейте вина. Если вы это исполните, я отпущу на волю вас и двух ваших вассалов.

— Возможно ли это? — воскликнул граф.— Если вы сдержите слово, де Бивар, я не устану вам дивиться!

— Я отпущу вас на волю,— говорит Сид.— Но из моей добычи вы не получите назад ни ржавой денежки. Я должен платить людям, которые бросили все и ушли со мною в изгнание.

Граф попросил воду для рук и принялся за еду. Вскоре ему и двум его рыцарям подвели коней, дали богатые плащи.

— Поезжайте, граф, вы свободны! — сказал Сид.— Если же вы захотите мне отомстить, дайте знать, и мы с вами снова сразимся.

* * *

Много земель отвоевал Сид Воитель у мавров. Дошел он до моря, остановился под стенами прекрасного города Вале́нсии. Разослал Сид гонцов в разные испанские города: пусть спешат к нему люди на подмогу.

Худо пришлось маврам, осажденным в Валенсии, когда кончились в городе съестные припасы, не знают они, что и делать.

Долго длилась осада, наконец Сид решил, что пора нанести удар. Штурм — и пала Валенсия! Взвился над нею стяг Сида Воителя.

Сид посылает своего вассала Альвара Аньеса в Кастилию:

— Отведите королю дону Альфонсу, моему благородному сеньору, сто коней в подарок. Поцелуйте за меня ему руки и просите позволения забрать из монастыря Сан-Педро мою супругу и дочерей.

— Я рад,— сказал король Альфонс посланцу Сида,— что Воитель совершил столько подвигов, и охотно принимаю сто коней в подарок.

Король дал согласие, чтобы жена и дочери Сида отправились к нему в Валенсию. И еще сказал, что прощает всех, кто ушел с Сидом, и отпускает к нему тех, кто захочет служить ему впредь.

И вот супруга Сида, донья Химена, а с нею дочери, донья Эльвира и донья Соль, после долгих дней пути подъезжают к Валенсии.

Сид выехал встречать их на Бабье́ке, коне, добытом им в бою. Что за дивный конь, а как великолепен всадник! Все вокруг любовались Сидом, а когда прижал он к груди жену и дочерей, все воины от радости залились слезами.

Зажил Сид без горя и забот.

Вдруг прилетела весть: Юсуф, правитель Марокко, собрал большое войско и идет на Валенсию.

Перед самым сражением Сид повел жену и дочерей на самую высокую башню города, чтобы оттуда увидели они своими глазами, каково приходится испанцам на отвоеванных у маврах землях и легко ли достается воинам хлеб.

Было испанцев без малого 4 тысячи, но они первыми напали на 50 тысяч мавров. Видели бы вы Сида в бою! Бесстрашный рыцарь колет и рубит без устали. Самому Юсуфу нанес он три тяжелых удара. Только добрый конь и спас Юсуфа. Вместе с ним спаслись бегством лишь 104 человека, остальные полегли на поле битвы.

Самой ценной добычей, доставшейся испанцам, оказался царский шатер, изукрашенный золотом.

— Этот шатер я пошлю в дар королю Альфонсу, чтобы верил он молве о моих победах над маврами,— сказал Сид.— А в придачу — двести коней под дорогими седлами.

Охватила короля великая радость, когда посланцы Сида привезли богатые дары. Сказал дон Альфонс:

— Видно, близится час моего примирения с Сидом Воителем. Своими подвигами он усилил Кастильскую державу.

Эти слова слышали дон Диего и дон Ферра́ндо де Каррио́н, два брата из знатного графского рода. Говорят братья:

— Сильно разбогател этот Сид. Вот бы нам жениться на его дочерях! Сейчас мы только знатны, а тогда стали бы и богаты!

И попросили они короля посватать за них дочерей Воителя.

Велел король посланцам Сида передать их господину, что король Альфонс сватает его дочерей за двух благородных братьев, графов де Каррион, и пусть Сид предстанет перед своим королем когда угодно: дон Альфонс обещает ему свою милость.

Все это было в точности пересказано Сиду. Обрадовался Сид, что вернул милость короля, а сватовством был не очень доволен: братья де Каррион знатного рода, они спесивы и чванливы сверх меры. Но раз сват сам король — ничего не поделаешь...

Торжественную встречу короля Альфонса и Сида Воителя назначили через три недели. Выбрали и место — на берегу реки Та́хо.

Вместе с королем прибыли его вельможи, все со свитою. Тут же и братья де Каррион. Все приехали, ждут Сида.

Вот показался и славный Воитель со своими вассалами. Не часто увидишь столько великолепных скакунов, дорогого оружия, расшитых плащей и сверкающих мехов. Это богатство никто не дарил Сиду — все добыто в сражениях с врагами!

Сошел Сид с коня, упал перед королем на колени.

— Пусть знают все, что я от души прощаю вас, Сид Воитель,— говорит король.— Возвращаю вам любовь и принимаю в свою державу.

Увел король Сида в свою палатку, угощал его отменно и не мог им налюбоваться.

На другой день Сид устроил пир для короля и вельмож. На третий день король велел всем собраться и сказал:

— Услышьте, рыцари, графы и все ратники, что я скажу. Прошу вас, Диас де Бивар, славный Сид Воитель, отдать ваших дочерей в жены графам де Каррион.

— Сеньор,— ответил Сид,— и я, и мои дочери подвластны вам до конца наших дней. Вы вольны отдать моих дочерей, кому пожелаете.

— Так пусть же донья Эльвира и донья Соль станут супругами дона Диего и дона Феррандо де Каррион! — провозгласил король.

* * *

Прошел год, прошел другой, а тут подоспела новая напасть: царь Бука́р привел из Марокко 50 тысяч отборного войска и осадил Валенсию, расставив свои шатры по всей равнине Куарто.

Не по вкусу братьям де Каррион предстоящая битва.

— Как бы нашим женам не остаться вдовами,— сказали они друг другу.— Эх, быть бы нам сейчас не здесь, а дома, в Каррионе!

А Сид и его рыцари рады, что пожаловали враги: верят испанцы, что одержат победу. А победа — это и слава, и богатство.

Мавры забили в свои барабаны — начинается бой. И вот уже испанцы теснят врагов, а сам Сид погнался за царем Букаром.

— Букар! — кричит Сид на скаку.— Ведь ты пришел из-за моря, чтобы сразиться со мною, а теперь убегаешь! Вернись, Букар!

Хорош конь у Букара, но Сид все-таки нагнал его. Взмахнул он мечом Кола́дой — и рухнул на землю Букар, заморский царь. Достался Сиду его драгоценный меч Тисо́на.

Ликуя, с победой вернулись испанцы в Валенсию. Сид, полагая, что графы де Каррион сражались так же храбро, как и другие, хвалит их, говорит, что хорошая молва пойдет о них в Каррион.

Сид говорит так от чистого сердца, а трусливым братьям кажется, что он над ними насмехается. Зашептались братья:

— Давай уедем в Каррион. На нашу долю пришлось много добычи. Мы теперь богаты да к тому же знатного рода. Дочери Сида недостойны быть нашими женами. Предадим их позору — отомстим Сиду.

Послушайте, что было дальше. Говорят братья де Каррион, что хотят поехать домой, чтобы показать женам свои владения.

Отвечает им Сид:

— Раз я отдал вам дочерей, вы стали мне вместо сыновей. Отпущу вас от себя с богатыми дарами, а главное, отдам два добытых в бою драгоценных меча — Коладу и Тисону. Поезжайте и помните, что, увозя моих дочерей, вы увозите и мое сердце.

Фелесу Муньосу, своему племяннику, Сид велел проводить сестер до Карриона.

Долго ехали графы де Каррион с женами и со свитою, пока не приехали в дубовый лес Корпес. Высоки деревья в этом лесу, до самого неба тянутся их ветви, в чащобе рыщут дикие звери. Братья приказали свите и слугам ехать вперед, а сами с женами спешились на лесной поляне. Говорят братья своим женам:

— Донья Эльвира и донья Соль, да будет вам известно, что мы решили предать вас позору, а потом бросить здесь одних на растерзание диким зверям. Так мы отомстим Сиду за его насмешки над нами.

Привязали они дочерей Сида к дубам и стали бить их плетьми.

Донья Эльвира и донья Соль говорят им смиренно:

— Дон Диего и дон Феррандо! Не избивайте нас столь жестоко и позорно. Лучше возьмите острые мечи Коладу и Тисону, которые подарил вам наш отец, и отрубите нам головы. За то, что вы сейчас творите, вас осудят и христиане, и мавры.

Но не слушали графы де Каррион дочерей Сида. Они бросили окровавленных и почти бездыханных женщин в лесу, а сами ускакали догонять свою свиту.

Хорошо, что Фелес Муньос не уехал со свитой, а притаившись в кустах близ дороги, ждал сестер. И вот мимо него промчались два всадника, громко похваляясь, как ловко они исполнили задуманное.

Тогда Фелес Муньос вернулся на поляну...

Когда Сид узнал о постигшем его несчастье и позоре, в гневе воскликнул он, что не пройдет это графам де Каррион даром.

И вот в Кастилию прискакал гонец к дону Альфонсо. Сид просит короля собрать кортесы (парламент) и учинить суд над братьями де Каррион.

Собрал король кортесы, назначил судей и велел им решить дело по справедливости. Первым стал говорить Сид:

— Я требую, чтобы графы де Каррион, которые отплатили мне злом за добро, вернули мои мечи Коладу и Тисону.

И судьи решили, что это справедливо. Пришлось братьям отдать мечи.

— Когда братья де Каррион уезжали из Валенсии,— продолжал Сид,— я дал им три тысячи серебром как своим любимым зятьям. Они мне больше не зятья, так что пусть вернут деньги сполна.

— Это справедливо, — сказали судьи.

Взвыли братья. Они уже порастрясли деньги Сида. Пришлось им отдать Сиду своих коней и мулов, оружие и доспехи.

— А теперь,— говорит Сид,— отвечайте мне, графы де Каррион, за что вы так жестоко обошлись с моими дочерьми?

Поднялся с места дон Феррандо и сказал надменно:

— Пора кончать это дело. Ваше добро, Сид, мы вам вернули. А с дочерьми вашими поступили так, как нам было угодно.

— И пусть они теперь вздыхают и плачут до самой могилы! — добавил дон Диего.

Но тут в кортесы входят два благородных рыцаря: один — посланец инфанта (наследника престола) Наварры, другой прислан инфантом Арагона.

— Наши сеньоры,— говорят рыцари,— целуют королю руки и просят его отдать им в жены дочерей славного Сида Воителя, чтобы быть им королевами Наварры и Арагона.

И король, и сам Сид были рады, что так обернулось дело, а один рыцарь из свиты Сида сказал братьям де Каррион:

— Прежде дочери Воителя были вам супругами, а теперь вы станете служить им как королевам!

Чтобы смыть позор с Сида, три его вассала вызвали на поединок троих из рода де Каррион.

Братья де Каррион просят короля отложить поединок: мол, отдали они коней и оружие Сиду, надо им ехать в Каррион добывать новых коней и другое оружие.

Король назначил поединок через три недели. Многие бароны разъехались по домам. Отправился в Валенсию и Сид. Расставаясь с тремя рыцарями, что станут биться за его честь, он вручил им мечи Коладу и Тисону и сказал:

— Добрые мои вассалы, Мартин Антолинес, Педро Бермудес и Муньо Густиос! Сражайтесь за справедливость как герои!

— Сеньор,— ответили они,— вам не придется услышать о нашем поражении. К вам придет весть или о нашей гибели, или о победе!

Через три недели много баронов съехалось к месту поединка. Прибыл и сам король.

По знаку судей Педро Бермудес схватился с доном Феррандо. Граф нанес по щиту Педро такой удар, что пробил щит насквозь. В ответ Бермудес вонзил копье в грудь противника — не помог и щит! Но был дон Феррандо одет в тройную кольчугу, это его и спасло. Упал он на землю, а как увидел занесенную над собою Тисону, не стал дожидаться удара, закричал на все поле:

— Я побежден!

Теперь Мартин Антолинес и дон Диего сшиблись копьями. Так силен был удар, что оба копья враз сломались. Выхватил Антолинес Коладу и ударил графа по шлему, отсек верхушку шлема вместе с волосами. Видит дон Диего, что плохи его дела, натянул поводья и удрал с поля, только его и видели. Досталась победа Антолинесу.

И третья пара бойцов — Муньо Густиос и дон Асур де Каррион — бились недолго. Заносчивый граф де Каррион, выбитый из седла богатырским ударом, признал:

— Вы победили, рыцари Сида Воителя!

Велико было посрамление братьев де Каррион. Да послужит оно уроком

всякому, кто обидит безвинную женщину!

А бойцы Сида с честью вернулись в Валенсию.

Вскоре сыграли две новые свадьбы. Стали дочери Сида королевами Наварры и Арагона. Теперь его потомки будут испанскими королями. Вот так возвысился непобедимый Сид Воитель! Не зря о нем говорили, что он родился в добрый час!



ОБИН ГУД

По равнинам современной Англии регулярно, согласно расписанию, из Лондона на север проходит железнодорожный экспресс «Робин Гуд». Он доставляет пассажиров из столицы в город Ноттингам. Здесь недалеко находится Шервудский лес, где, по преданию, жил знаменитый «добрый разбойник» Робин Гуд...

— Жил? Так, значит, Робин Гуд — историческое лицо?

Как часто за столетия, прошедшие со времени распространения в Англии баллад о Робине Гуде, задавался этот вопрос. Опираясь на противоречивые сведения о знаменитом разбойнике, одни историки утверждали, что он жил в XII в., другие считали, что он жил в конце XIII — начале XIV в. В различных легендах и балладах то прямо говорилось, что Робин Гуд был крестьянским сыном, а то и содержались намеки на его «благородное» происхождение. Записывать баллады начали только в XV в. Нетрудно представить, как ненадежны стали к тому времени сведения о Робине Гуде.

И все же Робин Гуд существовал! Никто не может с уверенностью сказать, что он жил именно в шервудском лесу, но в сознании простых людей Англии он был реальным, живым защитником угнетенных.

Забитые, ограбленные феодалами и королевскими чиновниками крестьяне вложили в образ Робина Гуда свою страстную мечту о справедливости. «Благородный разбойник» — ожившая душа английского народа. Не видя справедливости в реальной жизни феодального общества, трудящийся люд вершил праведный суд над угнетателями в своем воображении.

В конце XI в. король Вильгельм Завоеватель приказал произвести перепись всего населения Англии, ее земель и городов. Народ назвал эту перепись «Страшным судом», ибо большинство крестьян, попавших на страницы «Книги Страшного суда», превращались из свободных людей в *вилла́нов* — крепостных. В XII в. английское крестьянство было в основном закрепощено. Те, чьим трудом создавались все богатства королевства, потеряли права свободных людей. Высшими их судьями во всех вопросах жизни сделались феодалы — собственники земли. Хочешь пожаловаться на обиды со стороны сеньора — обращайся в его же суд и, конечно, не рассчитывай на справедливость.

Еще в XI в. были изданы «лесные законы», запрещавшие под страхом смертной казни простым людям Англии охотиться в лесах, так как вся обитавшая там дичь принадлежала теперь королю или феодалам.

В сознании народа, еще хранившего память о былой свободе, такая жизнь представлялась торжеством сил зла над человечностью и справедливостью. А священники и монахи твердили, что мир устроен прекрасно, согласно воле бога, и простому человеку следует смириться со своей участью.

Суды, стражники, солдаты, тюрьмы и виселицы заставляли крестьян скрывать свой гнев и обиды. Но весь народ нельзя посадить за решетку или бросить под топор палача. Он жил надеждой на лучшие времена, на заступни-

чество доброго и благородного человека, непобедимого в борьбе со злом. Так родилась легенда о Робине Гуде — защитнике угнетенных.

Не в отчем дому, не в родном терему,
Не в горницах цветных,
В лесу родился Робин Гуд
Под щебет птиц лесных..

В средневековой Англии было немало людей, ставших разбойниками по милости королевского или феодального суда. Несправедливо обиженные и объявленные вне закона, они спасали свою жизнь, укрываясь в лесах и горах и нападая на богатых путников. Мог среди них быть человек по имени Робин Гуд? Конечно. Но в балладах в таком случае описан не только он. В них народ Англии устами и делами своего героя выносит приговор шерифам и палачам, епископам и монахам.

* * *

Сквозь толщу лет и событий донеслись до наших дней голоса народных певцов и рассказчиков баллад о Робине Гуде.

...Так и слышишь потрескивание поленьев в очаге, вой холодного осеннего ветра за стеной и нараспев произносимые кем-то строки баллады «Робин Гуд и вдова»:

Двенадцать месяцев в году,—
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году
Веселый месяц май.
Вот едет, едет Робин Гуд
По травам, по лугам
И видит старую вдову
При въезде в Наттингам...

...Светлое майское утро, щебетание птиц, ароматы леса, из которого только что выехал Робин Гуд, заставляли забыть, что в этом прекрасном мире могут существовать горе и слезы. Горько плачущая старая женщина на дороге в Ноттингам нарушала эту радостную картину так резко, что Робин Гуд решительно осадил коня.

— Что случилось с тобой, добрая женщина?

— Сам господь услышал молитвы бедной вдовы и послал мне тебя, благородный Робин Гуд. Ноттингамский шериф приказал завтра на рассвете казнить трех моих сыновей.

— Я вспомнил тебя и твоих сыновей. Славные ребята! Не думаю, чтобы они кого-то убили или подожгли дом. Никто не заставит меня поверить, что они ограбили церковь.

— Господь с тобою! Разве способны мои мальчики на такие злодеяния? — вскрикнула вдова.

— Что же они тогда совершили?

Горестно вздохнула вдова и едва слышно ответила:

— Они должны умереть за то, что вместе с тобой, Робин Гуд, охотились в королевском лесу и убили лань.

— Ах, вот оно что. У нас в Англии жизнь человека ценится куда меньше, чем жизнь королевской лани, оленя или кабана. Право же, мне никак не удается привыкнуть к этому. Но клянусь тебе, твои сыновья будут жить. Ступай домой. До рассвета еще далеко.

И он поскакал по пустынной дороге обратно.

Спустя несколько часов Робин Гуд вышел из леса. Верный лук за плечами и колчан стрел. И как не бывало безмятежного утреннего настроения. Строгий взгляд из-под сведенных бровей не предвещал ничего хорошего ноттингамскому шерифу.

Вблизи города Робину Гуду встретился нищий.

— Старик, что слышно нового в Ноттингаме?

— Все, как обычно, добрый человек,— ответил нищий. — Готовится казнь трех хороших парней. Да вот только незадача — куда-то запропастился палач. Очень тоскует без него наш шериф.

— Вот что, отец,— непонятно чему улыбнулся Робин Гуд.— Сбрось-ка свое тряпье и надень мой кафтан. Возьми еще шляпу, башмаки и мешочек серебра.

— Грешно смеяться над стариком. Твой наряд стоит немалых денег, а мое рубище и костюмом не назовешь.

— А мне понравился этот покрой,— расхохотался Робин Гуд.— Но чтобы тебе не было слишком обидно уступать мне такую прекрасную вещь, возьми двадцать золотых. Выпей за здоровье портного, сшившего этот дивный наряд. Э, да в таких штанах, пожалуй, не страшен летний зной — сквозняк гуляет между дыр. Ну, а в этом колпаке меня не узнала бы и родная мать. Прощай, старик.

Хромая, опираясь на клюку и прикрывая лицо краем рваного плаща, Робин Гуд вошел в город. И вот ведь удача! Навстречу — сам спесивый ноттингамский шериф.

— Помилуй тебя господь,— обратился к нему мнимый бродяга.— Не нужен ли тебе палач, дражайший шериф?

— Вот я и встретил нужного человека,— сказал шериф, придержав коня.— Я так и думал, что любой захочет стать палачом, а мои болваны-слуги все твердят, что никто не согласится.

— А что ты дашь мне за это, шериф? — спросил Робин Гуд, согнувшись и глядя в землю.

— Ты прав, старик. За хорошую работу надо платить. Получишь штаны и кафтан, я прикажу накормить тебя и дам пригоршню монет. Ступай за мной.

Как молодой олень, неожиданно вспрыгнул Робин Гуд на крупный придорожный камень, и его лицо оказалось вровень с головой шерифа, сидевшего на коне.

— Э, старичок, откуда у тебя столько прыти? — изумился шериф. Впрочем, тем лучше — из тебя выйдет недурной палач.

Глаза шерифа встретились со взглядом Робина Гуда, стоявшего как изваяние на камне со скрещенными на груди руками. Робин Гуд распрямил свои могучие плечи, открыл пылавшее гневом лицо и звучным молодым голосом произнес:

— Погоди, шериф. Я хочу кое в чем исправить твои представления о роде человеческом. Ты убежден, что любой бедняк за штаны и горсть монет продаст свою душу и совесть, согласившись вздернуть на виселицу ни в чем не повинных людей.

— Но они...

— Они посягнули на то, что принадлежит всем.

— Вольные жители Англии с незапамятных времен были охотниками, прекрасными стрелками из лука. Как ты полагаешь, кто помог им овладеть этим искусством? Быстроногие олени, лани и кабаны в наших зеленых лесах. А теперь мы почему-то должны лишь взглядом провожать бегущую дичь, или вежливо уступать ей дорогу. Не будет этого! Пока в английских лесах живы вольные стрелки, ты не будешь казнить крестьян за подстреленную ими лань!

Шериф почти ослеп от ярости:

— Да как ты смеешь? Ты, презренный нищий!

— Не суди по платью, шериф. Что ты знаешь о богатстве и бедности? В моей нищенской суме вместе с краюхой хлеба, поданной мне сердобольной рукой, лежит сокровище, которому нет цены. Это рожок, подаренный мне Робином гудом. Если я протрублю в него...

Громко и зло расхохотался надменный шериф Ноттингама:

— Труби на здоровье, пока глаза не лопнут!

Протяжно запел рожок, и как будто бы ожили луга и холмы вокруг Ноттингама. Несколько десятков всадников и пеших лучников в зеленой одежде спускались с окрестных гор и стремительно двигались к городу.

Спесь мгновенно слетела с ноттингамского шерифа. Страх охватил его, не знавшего жалости и сострадания.

— Кто эти люди? Зачем они скачут в город? — спросил он в ужасе.

— Это вольные жители Шервудского леса. И ты прав, шериф, что не ждешь от них добра.

Словно ветер, ворвались стрелки Робина Гуда в город и устремились прямо к городской тюрьме. После короткой ожесточенной схватки были выломаны тюремные ворота и сыновья вдовы вышли на свободу.

В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив,
И вместо охотников трех молодых
Повешен один был шериф.

* * *

...Много слышал Робин Гуд о том, как страдают от жадных, жестоких пиратов рыбаки северного английского побережья. Все, что они добывали опасным трудом в море, отнимали у них любители легкой наживы. Страшнее урагана были их внезапные нападения. Настигнув мирное рыбацкое судно, пираты перебрасывали на его палубу абордажные мостики с железными крючьями, врывались по ним на палубу, убивали безоружных рыбаков, отбирали улов и все, что там было ценного.

Робин Гуд решил защитить бедных рыбаков. Он оделся в рыбацкий костюм, взял свой верный лук и отправился в гавань Скарборо. Нелегко было вольному лесному стрелку уйти из Шервудского леса, зеленый полог которого служил надежным укрытием от любого врага. Но сердце Робина Гуда не знало покоя, пока бедняки в беде.

Назвавшись бедным рыбаком Симоном, Робин Гуд нанялся на рыбацкий корабль. Красивый и статный Симон казался странным моряком. Трудно было представить, зачем ему был нужен большой лук, с которым он не расставался. Кто-то шутил, а кто-то недоумевал по этому поводу. Вскоре рыбаки стали замечать, что в морском деле Симон допускает ошибки: например, забыл загнуть крючки, которыми цепляется к борту корабля рыбацкая сеть. Так ведь недолго ее и потерять, а без сети рыбак — не рыбак.

Рассердился на незадачливого моряка старый суровый капитан:

— Ничего не получит этот Симон, когда станем делить улов. Прогоню дурня прочь — и дело с концом.

Робин Гуд в ответ помалкивал, улыбаясь каким-то своим мыслям. Наступил его черед наблюдать за морем с корабельной мачты. Стал он взбираться наверх, не выпуская лука со стрелами.

— Ну что ты поделаешь с этим чудным парнем,— сетовали рыбаки.— Эй, Симон, не проткни своими стрелами парус! Да смотри — целься лучше, если из-за облака выбежит олень!

Робин Гуд по своему обыкновению отмалчивался. До боли в глазах вглядывался он в морскую даль. Ветер крепчал, волны все выше вздымались у борта корабля. Вдруг Робин Гуд увидел среди пенных гребней корабль: парус на нем был черным. Робин Гуд подал сигнал тревоги и быстро спустился на палубу.

— Мы погибли! — простонал капитан.— Никому не уйти от черного пирата.

— Не видать нам больше родной Англии и отчего дома,— вторили ему рыбаки.— Все мы умрем в неволе.

Звучный голос Робина Гуда прервал их жалобы:

— Перестаньте причитать, спустите парус и все укройтесь в трюме. Я встречу пиратов.

— По какому праву ты, Симон, командуешь на корабле? Здесь распоряжаюсь только я,— разъярился капитан.— Замолчи, дурень. Не то я прикажу швырнуть тебя за борт.

— Немного же пользы будет рыбакам от такого приказа,— ответил Робин Гуд, доставая стрелу из колчана.— Лучше привяжи меня покрепче к мачте — волны мешают мне стрелять.

Пиратский корабль был уже совсем близко. Рыбаки без труда уже могли рассмотреть фигуры вооруженных пиратов, не сомневавшихся в скором захвате мирного рыбацкого суденышка. Они готовили абордажный мостик.

Видя, что положение безвыходное, капитан послушался Робина Гуда и крепко привязал его к мачте. Запела в воздухе не знающая промаха стрела, и пиратский вожак упал с простреленной грудью. Вслед за ним падал каждый, кто пытался приблизиться к носу корабля, чтобы перебросить мостик на рыбацкое судно.

Привыкшие к легким победам над безоружными рыбаками, пираты, получив такой отпор, струсили. В ужасе перед искусным стрелком они столпились на корме, а потом подняли паруса и пустились наутёк.

— В погоню! — крикнул Робин Гуд.— Отвяжите меня, ставьте паруса и преследуйте пиратов! Мы должны покончить с ними сегодня!

Теперь его распоряжения выполнялись быстро и беспрекословно. У самого берега настигли рыбаки брошенный пиратами корабль. В трюме его они нашли немалые сокровища. И хотя бедны были рыбаки, ни один из них не взял пиратское золото.

— Без тебя, Симон, мы все погибли бы,— сказал капитан.— Тебе и распоряжаться этими деньгами.

— Ну что ж,— ответил Робин Гуд.— Разделите их поровну между всеми. Свою долю я отдаю нищим и голодным, которых так много в Скарборо.

Рыбаки хорошо знали, что такое нужда, но так же твердо было им известно, что никто не оказывает беднякам такой щедрой и бескорыстной помощи.

— Кто ты такой, Симон? — спросили они.— Мы не встречали прежде таких людей. Рыбак ты не настоящий, а вот парень хоть куда!

— Я не Симон, а вольный стрелок Робин Гуд из Шервудского леса. Там живут мои друзья — люди, чье сердце неравнодушно к горю и слезам бедняка.

— Возьми все это золото, благородный Робин Гуд. Ты найдешь ему доброе применение,— почтительно сказал суровый капитан.

Ему ответил Робин Гуд:
— Согласен! По рукам!
Пускай все золото идет
На пользу беднякам!

* * *

...Совсем догорели дрова в очаге. Темнота обступила кружок людей, жмущихся к угасающему огню.

— А правда,— спросил кто-то тихо,— что Робин Гуд встречался с самим королем Англии?

— Конечно. Король уговорил его пожить при дворе. Вольный стрелок едва не погиб от тоски, которая одолела его среди придворных сильнее, чем меч врага. И потом он все время помнил, что бедняки нуждаются в его защите. Он вернулся в лес вопреки воле короля и еще много лет помогал бедным и обиженным людям.

— Вот бы встретить когда-нибудь Робина Гуда,— вздохнул из темноты тот же голос.

Кто-то ответил ему:

— Говорят, он умер. Его погубила одна злая монахиня. А потом ее совесть замучила, и она отравилась.

— А я этому не верю,— прозвучал голос рассказчика.— Не может быть, чтобы он умер, ведь все время появляются баллады о его новых делах! Нет, он жив. Жив — и все тут! И ты, па-

рень, верь, что встретишь его в лесной чаще или у ворот Ноттингама. Такие, как Робин Гуд, не умирают!

ПАРЛАМЕНТ И ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

Англия. Бунт против короля. К началу XIII в. Англия превратилась в одно из наиболее сильных государств Западной Европы. В стране процветали земледелие, скотоводство и ремесла, насчитывалось около 300 городов. Особое место среди них занимал Лондон — столица государства, крупный центр ремесла и торговли. Развитие торговли содействовало объединению Англии: завязывались экономические, усиливались политические связи между отдельными областями страны.

Усилению государства сопротивлялись крупные феодалы, не желая расставаться со своими привиле́гиями — особыми правами и льготами, например, судить своих подданных, вести «свою» войну.

Горожане, которым был нужен мир для развития ремесла и торговли, готовы были поддержать короля в его борьбе против феодальных мятежей и внешних врагов.

Но часто поведение самого короля, произвол его советников и чиновников вызывали недовольство широких масс народа.

В популярных балладах того времени среди врагов справедливости названо много должностных лиц: шерифы, управляющие графствами, лесничие, которые запрещали крестьянам пользоваться лесными угодьями, и особенно судьи. В одном из стихотворений того времени бедняк рассказывает:

«Если ты подал прошение в суд по поводу своей земли, то к тебе является посланец, говоря: «Милый дружок, ты хочешь судиться? Мы вместе с судьей можем разными способами помочь тебе. Ты хочешь выиграть дело? Дай мне половину своего добра, и я охотно тебе помогу...»

А у ног судьи сидят писцы, жаждущие подарков и взяток, так что те, которые ничего им не дадут, долго будут ожидать своей очереди, хотя они и пришли раньше. Но если явится какой-нибудь знатный человек в шлеме, украшенном золотом, то он уладит свое дело, не раскрывая рта».

Король, желая пополнить казну, отменял городские привилегии, и горожане были вынуждены вновь выкупать их. Он налагал штрафы, требовал с горожан «дары» и займы, а затем не возвращал долги. Даже такой сильный и большой город, как Лондон, в течение XIII в. много раз был вынужден выкупать у короля свои права.

В 1215 г. бароны при поддержке рыцарей и горожан добились от короля Иоанна Безземельного, чтобы он письменно подтвердил права, привилегии и обязанности свободного населения страны. Этот Документ получил название Великой Хартии вольностей. Главными «контролерами» сбора налогов и других дел стали бароны. Они образовали комитет из 25 человек, который мог в случае нарушения Хартии объявить войну против короля.

Хартия обещала защиту рыцарству, горожанам и свободному крестьянству от незаконных служб и поборов, штрафов и арестов, от злоупотреблений чиновников. Города получили подтверждение старых привилегий. Однако налоги остались очень высокими. Что же касается положения вилланов, то оно вообще не интересовало составителей Хартии.

Рыцари и горожане не могли примириться с тем, что король согласился советоваться только с баронами. К тому же сын Иоанна Генриха III (1216—1272) не выполнял требований Великой Хартии вольностей. За 56 лет своего правления он 33 раза взимал

налоги, главным образом с крестьян и ремесленников. И когда в 1258 г. он ввел очередной налог, рыцарство и горожане решили действовать.

Рыцарей и горожан сближало не только желание защитить себя от злоупотреблений короля и баронов. Их союз имел и хозяйственную основу. Многие средние и мелкие английские помещики уже в VIII в. весьма охотно занимались хозяйством, продавали полученные от крестьян продукты на рынке, постоянно общались с горожанами. Богатые горожане в свою очередь приобретали звания дворянина, входили в ряды рыцарства. Все это скрепляло союз горожан и рыцарей.

Часть крупных феодалов, возглавляемая Симóном де Монфóром, графом Лейстерским, поняла это. Они решили пойти на уступки рыцарству и горожанам и таким образом повести их за собой. Другие, во главе с графами Глостерскими, решили поддержать Генриха III. В стране началась междоусобная война. В этой войне приняли участие горожане и крестьяне. Крестьяне отказывались платить налоги, жгли поместья сеньоров, рубили заповедные королевские леса. Простые горожане выступали против власти купеческой верхушки, которая поддерживала короля.

Когда Генрих III попытался захватить Симона де Монфора, жители Лондона, как рассказывает хронист, сломав тяжелые цепи, открыли ворота города и бросились на помощь графу. 17 мая 1264 г. в битве при Льюисе войско короля было разбито. Генрих III и его сын Эдуард попали в плен. Симон де Монфор стал правителем страны.

В 1265 г. он, желая обсудить положение в стране, созвал *парлáмент* (от латинского слова «говорение»), пригласив на него не только баронов и верхушку духовенства, но и по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от каждого города.

Но растущее движение народа испугало баронов. Они покинули Симона де Монфора. Войско его было разбито, сам он погиб. Король вернул себе корону и отнятые земли, отменил многие указы, подписанные Симоном де Монфором. Междоусобица закончилась. Однако возникший в ходе этой войны парламент остался. Король совещался в парламенте с сословиями по поводу своей внутренней и внешней политики.

В начале XIV в. парламент разделился на две палаты. В Палате лордов заседала духовная и светская знать. Палату общин составляли выборные представители от мелкого и среднего дворянства и горожан. Парламент стал давать согласие на налог, т. е. приобрел право финансового контроля по отношению к королевской власти. Сословия могли подавать петиции (просьбы и предложения) и участвовать в утверждении законов, т. е. в законодательной деятельности государства. Таким образом, английский парламент приобрел большой политический вес.

Франция, 1302 год... «Король как друг просит и как господин требует». В XIII в. королевская власть заметно усилилась и во Франции. Опорой правящей тогда династии Капетингов были средние и мелкие дворяне, страдающие от произвола герцогов и графов. У короля мелкие феодалы искали защиты и от гнева зависимых крестьян, часто поднимавшихся на борьбу. Верным союзником короля стало новое сословие — горожане. Многие города получили самоуправление, имели собственное военное ополчение. К началу XIV в. король завладел территорией, составляющей 3/4 современной Франции, и претендовал на высшую судебную, законодательную и административную власть в государстве.

Усиление монархии вызвало здесь, как и в Англии, столкновения королевских чиновников с крупными феодала-

ми, а также народными массами — податным сословием. Противоречия особенно обострились в правление Филиппа IV Красивого (1285—1314).

В связи с войной во Фландрии Филипп IV неоднократно принуждал феодалов платить выкуп за военную службу, притом в большем размере, чем позволяли обычаи. Резко возросли налоги на торговлю и имущество горожан и крестьян.

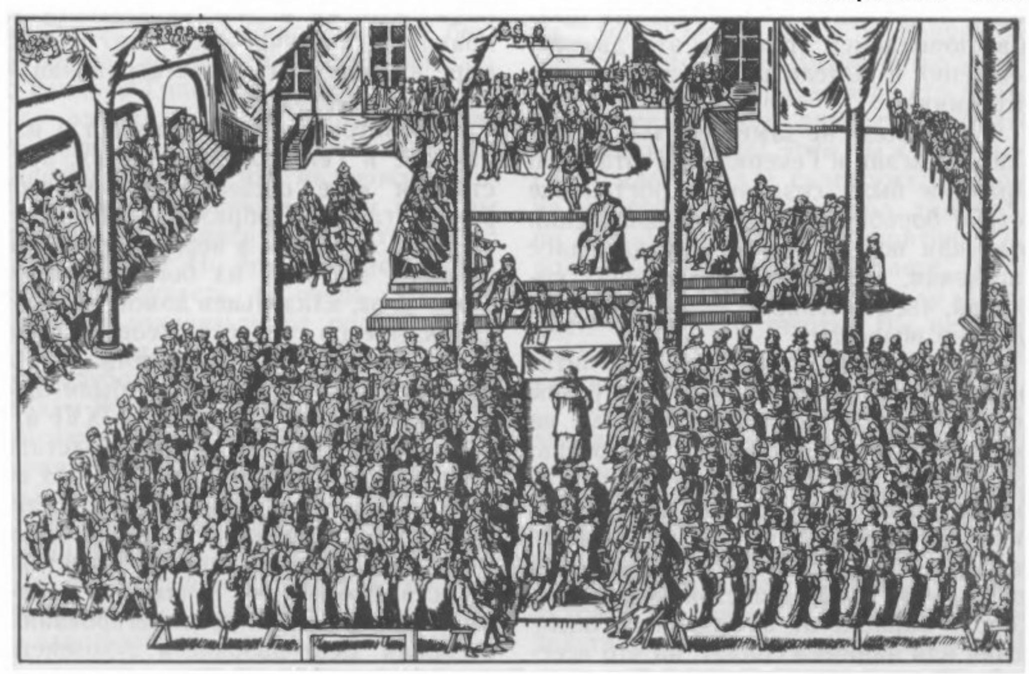
Сильное недовольство в стране вызвала чеканка по приказу короля обесцененной монеты: в ней было уменьшено содержание драгоценного металла. К тому же несколько неурожайных лет с холодными зимами вызвали сильное повышение цен на хлеб и другие продукты питания. По свидетельству хронистов, бедняки умирали от голода на улицах городов и на дорогах.

По стране прокатилась волна народных восстаний. Возникла опасность междоусобной войны.

Желая предупредить смуту, Филипп IV созвал собрание, на которое пригласил не только церковных и светских феодалов, но и по два депутата от каждого города. Собрание состоялось 8 апреля 1302 г. в главной церкви Парижа — соборе Парижской богоматери. Это стало началом Генеральных штатов Франции. По свидетельству очевидцев, король «просил как друг и требовал как господин» помощи у сословий в его борьбе против притязаний папы. За него выступили городские депутаты. Они заявили, что готовы умереть за дело короля.

Созыв Генеральных штатов разрядил обстановку в стране и предотвратил возможный открытый мятеж против центральной власти. Но согласия между сословиями не получалось. В отличие от английских феодалов французское дворянство не только не занималось хозяйством и торговлей, но и не допускало в свою среду горожан.

Заседание Генеральных штатов.



Только король мог дать звание дворянина, и делал он это не столько за деньги, сколько награждая за службу. Дворянство и горожане были очень далеки друг от друга, и не случайно горожане чаще предпочитали договариваться с королем.

Отсутствие союза между дворянами и горожанами отразилось на устройстве Генеральных штатов. В отличие от парламента они делились на три палаты (по количеству сословий). В первой заседали высшие церковники — архиепископы, епископы, аббаты. Во второй — представители дворянства. Третью палату составляли посланцы городов.

Рознь сословий в Генеральных штатах лишала их того влияния, какое приобрел английский парламент. Генеральные штаты созывались нерегулярно, они не могли утверждать законы и главным образом давали свое согласие на введение тех или иных налогов.

Народ управляет? Нет, платит налоги! Теперь, зная историю возникновения парламента и Генеральных штатов, попытаемся сравнить эти два учреждения и выделить то общее, что их объединяет.

Так, нельзя не заметить, что парламент в Англии и Генеральные штаты во Франции были созданы в обстановке острой борьбы. Сословные учреждения возникли под нажимом широких масс населения, под давлением низших сословий, чье значение и роль в это время заметно возросли.

И парламент, и Генеральные штаты оказались весьма удобным орудием центральной власти. Один король не смог бы так усилить роль государства. Конечно, короли пытались сосредоточить в своих руках полную власть. Но они не имели сильной армии и крупных денежных средств. В то время в государстве не было постоянной армии. Король зависел от феодального ополчения или нанимал солдат, на что всегда не хватало денег. Огромных затрат требовало содержание чиновников в столице и на местах, а твердых, постоянных налогов в государстве того времени не существовало. Чтобы пополнить казну, король должен был выпрашивать согласие феодалов на налог с их крестьян, а также согласие городских властей на дополнительные поборы с горожан.

Таким органом для соглашений между королем и сословиями стали сословные собрания — парламент в Англии, Генеральные штаты во Франции, кортесы в государствах Пиренейского полуострова, риксдаг в Швеции. Первую форму феодального централизованного государства поэтому называют *сословной монáрхией*.

Ослабляя влияние крупных феодалов, усиливая власть государства, парламент и Генеральные штаты в то же время несколько ограничивали и власть короля. Но было бы ошибкой думать, будто органы сословного представительства выражали волю всего народа. Кто же в действительности заправлял этими учреждениями? В какой мере и в чьих интересах ограничивали они власть короля?

Посмотрим, кто же заседал в парламенте и Генеральных штатах, представляя «все общество». Там собирались главным образом церковные и светские феодалы, а небольшие группы горожан состояли из богатых купцов и мастеров, владельцев домов, земель и лавок, членов городского совета, адвокатов и юристов. Городскими депутатами в течение многих лет были одни и те же богачи. Например, в XVI в. в парламенте 14 раз заседал представитель Йорка Уильям Грасс и 12 раз его сын Томас. А бедный городской люд не участвовал даже в выборах. Кроме того, в органах сословного представительства горожане занимали худшее положение, чем привилегированные сословия. Ведь дворяне и духовенство

налогов не платили. И когда они соглашались ввести новый налог, их заботило лишь то, чтобы это не нанесло заметного ущерба их собственным доходам.

Горожане были податным сословием, и их депутаты должны были подтверждать свои же тяжкие обязательства! Собранные с крестьян и горожан деньги частично переходили к тем же феодалам в виде огромных пенсий, платы за службу на высших должностях в армии или государственном аппарате.

Из числа тех, с кем советовались короли, было исключено и зависимое крестьянство — наиболее угнетенная часть населения страны. Об отношении к крестьянству красноречиво рассказывает дневник, который вел депутат Генеральных штатов Жан Масслéй. Вот как он описывает одно из заседаний, где речь шла о новом налоге, которого требовал король: «Многие депутаты были за то, чтобы хоть немного уменьшить гигантскую сумму нового налога. Тем более, что проверка счетов показала: королевские чиновники их беззастенчиво подделали. Тогда взял слово канцлер Гильом де Рошфор: «Я вижу,— заявил он,— что многим депутатам успех вскружил голову и они легкомысленно забыли, что являются только подданными короля. Ради кого вы стараетесь, стремясь уменьшить налог? Ради народа? Но если сейчас мы облегчим его участь, то очень скоро он пожелает отказаться от подчинения!»

Его поддержал герцог Бурбонский, уже глубокий старик, боявшийся, по словам Жана Масслена, потерять свою пенсию и поэтому забывающий о приличиях: «Я хорошо знаю нравы крестьян! — кричал он.— Если их не перегружать работой, они становятся наглыми. Налоги — вот лучшее ярмо для того, чтобы сдержать их! Крестьяне не должны знать свободы, им нужна только зависимость!»

В этих речах отразились презрение и страх. Но не только это: речи депутатов еще раз демонстрируют феодальную сущность средневековых сословно-представительных учреждений.

Заседания Генеральных штатов в 1484 г. неоднократно прерывались ссорами депутатов. Одна из них, например, возникла из-за выплаты депутатского жалования. В целом оно должно было составить огромную сумму — 50 000 ливров. Кто же должен возместить ее? Депутаты третьего, т. е. податного, сословия. Но по их мнению, духовенство и дворянство должны сами оплачивать расходы своих депутатов, дабы не обременять народ. Несправедливо, чтобы дворяне и духовенство решали свои частные дела за счет народа!

В зале поднялся страшный шум. Слово взял рыцарь Филипп де Пуатье: «Депутаты третьего сословия ошибаются, вообразив, что их работа приносит больше пользы народу, чем работа духовенства и дворянства. Каждый депутат представляет не только свое сословие, но интересы всех. Я берусь доказать, что именно духовенство — лучший защитник народа: ведь его благосостояние целиком зависит от благосостояния народа! Этим мы и отличаемся от адвокатов и судейских, которые не перестают грабить народ, даже если он беден! Да какие вы защитники народа? Ведь вы только решаете, сколько он должен платить, но не разделяете с ним его тяготы! Вы не работаете, как крестьяне, и вас не секут, как вилланов!»

Он закончил свою речь словами, что дворянство служит обществу своей шпагой и кровью, народ же должен кормить общество и платить налоги.

Так, защищая интересы своего класса, Филипп де Пуатье откровенно и точно объяснил, как и почему дворяне и духовенство «заботятся» о народе, кто в действительности «представляет» народ

в Генеральных штатах. Феодалы вступали в соглашение с верхушкой горожан и с королем для эксплуатации народа. Парламент и Генеральные штаты помогали королю осуществлять политику, направленную на централизацию страны, укрепление феодального государства.

«К ОРУЖИЮ, ПОРАБОЩЕННЫЙ ЛЮД!» (Флоренция, 1378 год)

Перезвон колоколов плыл над вечерней Флоренцией. Стройные колокольни темнели на закатном небе. Затихал город, успокаивались главные торговые улицы, узкие переулки и неширокие мощеные площади. Стражники собирались запирать городские ворота. Успокоились даже львы, жившие в клетках неподалеку от Старого дворца на Ви́а де Лео́ни. Флорентийцы берегли их и заботились о них: рождение или смерть льва служили предзнаменованием доброго или худого для города.

Быстро темнело. Во дворцах аристократов-грандов и богатых граждан-пополáнов — «жирного народа», как называли их простые горожане, замелькали огни. Погружались в темноту кривые улочки кварталов Са́нта Кро́че, где жила городская беднота, «тощий народ». Здесь уже не видно было света: уставшие за день люди торопились отдохнуть, насладившись вечерней прохладой: ведь работа их начиналась на заре, с первым ударом колокола.

Неподалеку от Старой площади в узком окне теплился свет. Низко склонившись над столом, пожилой, но крепко сбитый, с быстрыми движениями и острым взглядом человек торопливо что-то писал, время от времени останавливаясь и обдумывая следующую фразу. Это был флорентийский нотариус (поверенный в делах) и владелец небольшой лавки Доменико дель Бру́ко, человек почтенный и уважаемый жителями окрестных кварталов за честность, доброжелательность и умение всегда дать нужный совет. Доменико имел сына и двух дочерей, о красоте которых говорили чуть ли не по всей Флоренции. Доменико смолоду не был богат, но, постепенно выбившись в «достаточные» люди, воспитывал детей в строгости, приучал к труду и разным наукам. Сам он увлекался чтением старинных и новых книг, записывал в толстую тетрадь свои мысли о разных случаях жизни и почитал первейшим долгом образованного человека переписку со своими столь же достойными друзьями. Вот и сейчас Доменико писал письмо другу в Сиену, надеясь отослать его завтра ранним утром:

«Любезный мессер Джованни!

Вот уже две недели, как я отослал тебе последнее письмо и с тех пор не брался за перо. Причиной тому как сильная жара, столь расслабляющая тело и душу, так и отсутствие особых событий в жизни моего семейства.

Да и в городе на первый взгляд все спокойно. Но по правде говоря, мне не нравится это спокойствие. Последнее время в нем чувствуется какая-то угроза, как в затишье перед бурей. Почти не слышно песен и смеха, люди ходят молча, взгляды у них тяжелые и недоверчивые. А все потому, что в городе стало нелегко жить. За что прежде платили со́льдо, платят теперь пять, и многим людям это не под силу. Все следят друг за другом, а самые почтенные и богатые люди города погрязли во взаимной вражде и ненависти.

Тебе, любезный друг, кланяются мессер Нофри с улицы Сан Фелипе, а также господин Сальвестро, что живет неподалеку от тюрьмы Стинке. Надеюсь, что не замедлю столь долго с письмом в следующий раз. Будь здоров, друг мой Джованни. Июня 15 дня 1378 года».

Однаку мессеру Джованни долго пришлось ждать следующего послания от Доменико дель Бруко. Лишь в конце июля смог Доменико взяться за перо, чтобы поведать другу об удивительных событиях, происшедших со времени его предыдущего письма.

«Любезный друг Джованни!

События, до некоторой степени тебе, видимо, уже известные, настолько взволновали мой ум и заняли время, что лишь теперь я могу рассказать о них. Близко сталкиваясь с подобными делами, трудно сразу оценить, кто прав, кто виноват, что во благо нашему городу, а что во зло. Но я постараюсь по мере своего разумения понять и объяснить, что тут у нас происходит.

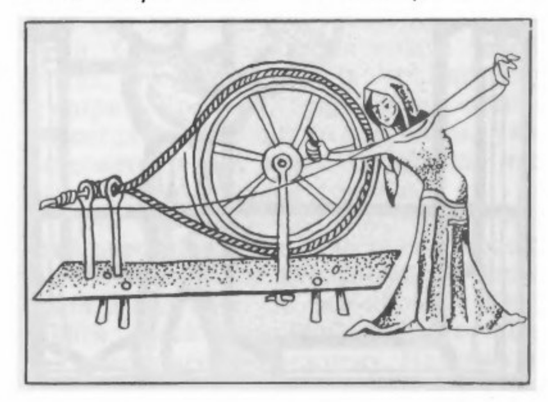
Не успел я отправить письмо, как у нас в Совете коммуны средние и низшие люди города, мастера, купцы, подмастерья потребовали принять законы против магнатов и грандов. И чтобы дела в городе обсуждались и решались с участием мастеров, лавочников и других людей, пусть и не знатных по рождению. Весь народ собрался на площади перед Старым дворцом и кричал: «Да здравствуют народ и цехи!»

Но не захотели сильные люди нашего города пойти навстречу, как мне кажется, справедливым желаниям народа и тем самым навлекли на себя его гнев. 22 июня цеховые ополчения по призыву колокола на башне Старого дворца собрались на площади, а потом пошли к домам магнатов и грандов и стали их поджигать. Многие при виде столь ужасных дел скрылись в своих домах, а хозяева сожженных домов, как говорят, покинули Флоренцию под покровом ночи. Через два дня городские власти, устрашенные этими событиями, принуждены были согласиться с требованиями народа. Теперь люди, принадлежавшие к младшим цехам, вошли в совет города и уселись рядом с богатыми и знатными как равные.

Но «жирные», наши богатые мастера и купцы, не захотели видеть в них своих братьев и разделить с ними власть в городе. Тогда те, кто своими руками делает в своих мастерских корзины, башмаки, хлеб и оружие, кто сам торгует в своих небольших лавчонках, а также подмастерья и ученики, решили собрать силы со всех районов города и по условному сигналу — звону колокола — выступить к Старому дворцу и потребовать, чтобы их допустили к управлению. С ними были и те, кто не имеет ничего, но за плату нанимается к богатым мастерам и отдает им свой труд. У нас таких наемных работников больше всего используют при выделке сукон и называют *чо́мпи*. В городе их около 10 тысяч, а может быть, и больше. Как и другие, они добиваются



Прочесывание шерсти.
С миниатюры 1338 г.



Прядильное колесо.
С миниатюры 1338 г.

разрешения создать собственный цех и требуют повышения заработной платы.

Что сказать тебе, друг мой Джованни? Этих бедных людей можно понять. Ты, верно, видел и знаешь, как живут чомпи. В их кварталах стоит жуткий запах от мокрой шерсти и нечистот, в их жилищах темно и грязно,



Ткацкий станок.
С миниатюры XIII в.



Навивание основы.
С миниатюры 1210 г.



Отделка сукна: валяльщик уминает ткань в чане; растяжка полотнища перед стрижкой; стрижка.
Витраж собора в городе Семюр-ан-Оксуаз. XV в. Франция.





им платят вдвое меньше, чем стоит их работа, и к тому же их душат штрафами. Семья чомпи никогда не может свести концы с концами. Лук, хлеб и оливковое масло — вот чем питаются они и утром, и в обед, и вечером. Кусок сыра для них уже большой праздник.

Рассказывают, что «жирный народ» узнал о сходках этих людей от доносчика, который ночью перед назначенным выступлением выдал и его время, и вожаков: Симончи́но по прозвищу Конура и других. Однако один славный часовых дел мастер, который чинил городские часы на башне Синьории (здания городского совета), где под пыткой допрашивали Симончино, услышал это и понял, в чем дело. Часовщик бросился домой, вооружился и выбежал на улицу с криком: «К оружию, порабощенный люд, если не хочешь погибнуть!» Зазвонили колокола по всему городу, и вооруженный народ хлынул к центру, к площади.

Достойно удивления, мой друг, как эти люди простого звания точно и верно, будто служили в войсках, выполняли все задуманное. Они заставили выдать им своих схваченных ночью товарищей, забрали себе знамя республики и ее именем, неся знамя впереди, вершили все свои деяния. А затем они подожгли дома наиболее ненавистных правителей города. И заметь, дорогой мой Джованни, что эти бедные люди, не видавшие за всю свою жизнь, может быть, и приличной одежды, ничего не тронули в домах своих врагов и никому не позволяли грабить их дома, но все сожгли, ибо борьба шла не из-за добычи, а из-за свободы, и конечно, политических прав. Многие из тех, кто не принимал участия в мятеже, до сих пор удивляются, что в городе не было кровопролития.

На следующий день мятежный народ захватил дворец подесты́ (главы исполнительной и судебной власти в городе), выпустил содержавшихся там заключенных и вывесил на нем знамена всех цехов, кроме богатейшего цеха суконщиков Лана, который «тощие» почитают своим главным угнетателем. Они также сожгли все списки неблагонамеренных граждан и осужденных. Отобрав у стражи ключи от городских ворот, они установили свои посты на всех мостах через реку Арно и у всех ворот. Все эти действия народа, большую часть которого составляли чомпи, кажутся мне, любезный друг, разумными и справедливыми.

Каждый день толпы народа стекались на площадь. И твой покорный слуга не раз пробирался в боковые улочки, чтобы не упустить что-либо из этих великих событий. 22 июля под нажимом чомпи правители республики покинули дворец: они бежали, как крысы, и впервые за всю историю нашей славной Флоренции народ переступил порог Синьории. А через неделю было избрано новое правительство города, и в него вошли как богатые, так и бедные. Этим были довольны многие люди.

Теперь у нас в городе стало больше цехов, ибо по требованию народа красильщикам, портным, чомпи и другим людям разрешено было объединиться в цехи. Во главе же правительства у нас стоит — ты удивишься, друг мой Джованни, — некий Мике́ле ди Ла́ндо, помнишь? Да, это тот самый, что приходил как-то ко мне, когда ты сидел в моем кабинете, и спрашивал, как ему поскорее получить долг с соседа. Он не понравился нам с тобой тогда, этот Микеле. Ну что же, посмотрим. Толкуют, будто он из чомпи, но когда он приходил ко мне, он был уже надсмотрщиком, и люди говорили, что он дурно обращался с чомпи.

Вот такое случилось во Флоренции, мой дорогой друг, и я не знаю, хорошо это или плохо, и как сложатся наши дела в будущем. За сим прощай. Кланяйся твоей достойной супруге. Дома у меня все по-прежнему. Надеюсь, и

город наш успокоится, и мы сможем с тобою свидеться воочию.

Твой верный друг Доменико дель Бруко.
Июля 30 дня 1378 года».

...Ночи стали длиннее, а вечера прохладнее. Фрукты уже созрели в садах Флоренции и налился виноград, когда Доменико решился, наконец, снова написать своему другу:

«Дорогой и любезный друг мой Джованни!

За все это время я не получил от тебя ни строчки и не ведаю, что с тобою. Надеюсь, что ты в добром здравии. Моя же жизнь, так тесно связанная с жизнью моего любимого и славного города, кажется, склоняется к печальному закату.

Ты помнишь, я писал тебе о яростных событиях июля. Я надеялся тогда на мир и благоденствие всего нашего народа. Но этому не суждено было случиться.

Уже в начале августа стало ясно, что мира нет и не будет в городе. Люди, назвавшиеся друзьями народа и вошедшие в правительство, не думали больше о тех, кто за них голосовал. Те, кто имел свои лавчонки и мастерские, были довольны, так как они получили желаемое: свой цех, участие в управлении городом. Но чомпи оказались в жалком положении. Несмотря на постоянные напоминания и указы нового правительства, богатые мастера, «жирный народ» из Ланы, держали мастерские на запоре. Не получая платы, чомпи и их семьи томились от голода.

Вынужденные столь тяжким своим положением, чомпи вновь тайно собрались, чтобы решить, что же делать им в этом случае, и избрали восемь человек — от каждой части города по двое, которых назвали «Восемь святых божьего народа». Они хотели, чтобы те стали их настоящим правительством и делали все для того, чтобы чомпи жилось лучше.

В субботу 28 августа рано утром собрались они, вооружившись (а было их не меньше 5000), и решили идти во дворец с новыми требованиями. Они желали, чтобы ни один рыцарь не занимал какой-либо должности в городе, чтобы бедняков освободили от уплаты долгов, чтобы все, кто служит городу, служили бы ему бескорыстно, без оплаты, и не стремились к власти из-за денег. Все это было записано в прошении-петиции.

В то утро шум и движение множества людей привлекли мое внимание. Я вышел на улицу. Толпы вооруженного народа устремились на площадь с криком «Да здравствует тощий народ!» Я видел, как кто-то из тех, кого чомпи называли «Восемь святых», вошел во дворец с петицией и вернулся, показывая всем печать на ней: правительство согласилось с их требованиями. Можно было подумать, что народ не расходился с площади всю ночь. На следующий день, когда выбрали новое правительство, «Восемь святых» продолжали считать себя главными и требовали от правительства присяги и послушания. Вот из-за этого-то, как многие полагают, и случилось в городе великое несчастье. Какие-то люди, подосланные недругами «тощего народа», разносили слухи, что чомпи хотят погубить республику, отдать город тому, кто им больше заплатит, хотят грабить, изгонять и убивать всех богатых и добрых людей, а затем уйти в Сиену, чтобы там проживать награбленное. Я не думаю, что эти слухи правдивы; боюсь, что злые люди нарочно сеяли вражду.

На 31 августа новое правительство назначило смотр всех цеховых ополчений. Любо-дорого, Джованни, было смотреть на развевающиеся знамена, блеск оружия и яркие одежды. Пришли сюда и чомпи со своим новым цеховым знаменем, на котором был изображен ангел. Я был поблизости и все

это видел. Но что-то тревожное было в воздухе, и недобрыми были взгляды сограждан. Двое из «Восьми святых» пошли во дворец принимать присягу у правительства, в том числе и у того Микеле ди Ландо, о котором я писал тебе прежде. Он стоял во главе республики уже месяц. И как рассказывают, этот Микеле предательски бросился на тех двоих, стал наносить им удары кинжалом, а потом приказал связать. А сам, выйдя на площадь, кричал, что чомпи — предатели и хотят поставить во главе города господина. Но чомпи стояли на площади крепко и говорили остальным, что это ложь и клевета. Тогда правительство приказало ополчениям перестроиться не по цехам, а по месту жительства, и стройная колонна чомпи была рассеяна между другими цехами. После этого приказа мясники и хозяева таверн, мастера ткачи и красильщики бросились на чомпи и стали их избивать. «Тощие» защищались упорно, но, увидев, что их предали все, кому они доверяли, отступили. Под градом стрел они все же воскликнули: «Да здравствует тощий народ!» И много в тот день было убитых и раненых, и среди них мой Лоренцо. Ах, Джованни, ведь я взял его с собой, чтобы он с юных лет привыкал к пониманию великих событий. Но молодая кровь горяча, он вступил в бой и был поражен стрелой из арбалета.

А потом разорвали и растоптали знамя чомпи, схватили оставшихся из «Восьми святых божьего народа», и теперь город наш то и дело становится свидетелем новых казней.

Прощай, любезный друг Джованни. Если буду жив в это многотрудное время, напишу тебе. Пиши же и ты.

Твой преданный друг Доменико дель Бруко.

Сентября 11 дня 1378 года».

Так несчастливо закончилось восстание чомпи во Флоренции — первое в Европе восстание наемных рабочих.

Восстание Уота Тайлера

Весной 1381 г. в Англии вспыхнуло грандиозное восстание крестьян. Оно охватило 25 графств страны. Отличительным свойством восстания было то, что крестьяне выдвинули отчетливые, конкретные требования и среди них невиданное для того времени требование равенства всех людей. Как проникла в сознание темного, забитого и задавленного налогами крестьянства эта мысль?

Время сохранило живые свидетельства очевидцев восстания — средневековые английские хроники. Наиболее подробно и беспристрастно, а подчас и с некоторой долей сочувствия рассказывает о событиях 1381 г. безымянная «Хроника Англии». Мы лишь дополним это повествование теми деталями и эпизодами, которые не попали в хронику, но могли иметь место в реальной действительности.

Один из таких эпизодов — встреча хрониста с Джоном Шерли. Мы знаем о Джоне Шерли очень мало. Его происхождение неясно, а имя его и история сохранились в одном судебном протоколе, найденном в английском архиве. Сухие строки протокола рассказали лишь об одном ярком эпизоде жизни этого человека, о поступке, за который Джона Шерли судили и предали казни, притом по личному распоряжению короля. Но этому предшествовала целая человеческая жизнь, не уместившаяся в протокол. Зная, как погиб Джон Шерли, можно предположить, какой была его жизнь. Попробуем представить себе Джона Шерли. Ведь тот, кто отдал жизнь за справедливое дело, не умирает...

* * *

«Я — хронист, хранитель людской памяти. Я посвятил свою жизнь тому, чтобы донести до потомков историю моего трудного, мятежного времени.

Не знаю, сохранится ли в памяти людей мое имя, но верю, что не погибнет труд моей жизни. Моя «Хроника Англии» — рассказ о тех событиях, свидетелем которых я был.

Я проводил свои дни в монастыре небольшого городка Сент-Олбанса, недалеко от Лондона. Перо, бумага, размышления и молитвы — вот все, чем я жил.

Но случаю угодно было бросить меня в самую гущу страшных и кровавых событий, потрясших Англию.

Даже сквозь крепкие монастырские стены проникали слухи о тревожном положении в стране. Росло недовольство бесконечной войной во Франции: прошло почти полстолетия после ее начала, но и теперь не видно конца военных действий. Мои предшественники — хронисты нашего монастыря — описывали блестящие победы короля Эдуарда III и его сына Черного Принца при Сле́йсе, Креси́, Пуатье́. А что досталось мне? Скорбный рассказ о потерях, утратах, неудачах английских войск во Франции. Война стала дорогостоящим развлечением рыцарей. Простым людям она приносит только новые налоги и горе.

Осенью 1380 г. заговорили о защите английских берегов от возможного нападения французского войска. Кто бы мог подумать о таком позоре во времена нашего триумфа при короле Эдуарде III, славном воине и полководце? Его сын Черный Принц — жаль не досталось ему долгой жизни — считался первым рыцарем Европы. Наш нынешний король Ричард II — внук и наследник Эдуарда III — овеян славой блестящих предков, даже имя он получил от знаменитого Ричарда I Львиное Сердце. Понятно, что все в Англии ждали от юного короля блестящих ратных дел. А вместо этого он в ноябре 1380 г. добился у парламента разрешения собрать новый поголовный налог — третий по счету за четыре года его правления. И притом налог этот оказался самым тяжелым.

Особенно сетовали крестьяне, которые отдавали сеньорам и королевским слугам почти все, что имели, и оставались при этом вилланами, лишенными прав и свобод. В конце зимы в наш монастырь пришел человек, который рассказал, что среди крестьян появились таинственные «бедные проповедники», в их числе люди из бедных священников и монахов. Многие из них дерзнули обличать пороки самих служителей церкви. Подхватив греховные мысли магистра Джона Ви́клефа, они предлагали лишить церковь ее земель, десятин и других поборов. Воистину, люди потеряли разум и страх перед божьим гневом.

Мне назвали имя одного из них — Джон Болл. Он любил в своих проповедях повторять: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?» Никогда не решился бы я так дерзко усомниться в справедливости устройства нашей жизни. Но я не знал, что мне суждено увидеть этого человека и еще более поразиться его страшным и притягательным мыслям...

Наша первая встреча произошла майским вечером 1381 г. Я шел из Сент-Олбанса по делам монастыря и присел отдохнуть на скамье под огромным дубом у дороги. За моей спиной, скрытые от меня гигантским стволом дерева, сидели двое. Их разговор невольно привлек мое внимание. Молодой голос, принадлежавший, судя по говору, крестьянину, взволнованно и дерзко вопрошал кого-то:

— Я вижу, святой отец, что ты священник, но никогда не встречал тебя в наших краях. Скажи, не приходилось ли тебе слышать о странствующих проповедниках?

Спокойный, уверенный голос человека, уже немолодого и образованного, ответил:

— Почему это интересует тебя, друг

мой? Ну, допустим, я слышал кое-что о Джоне Болле...

— Вот человек! — восторженно вздохнул крестьянин. — Говорят, слуги короля и архиепископа пятнадцать лет охотятся за ним, а он, как заговоренный, ходит по всей Англии, говорит народу правду и никого не боится.

— Ну да, как же — дадут у нас в Англии правду сказать. В ответе священника явно прозвучала какая-то странная, но необидная насмешка. Парень ответил запальчиво:

— Да везде он говорит — на рынках, на дорогах, даже на кладбищах. Его можно встретить под таким дубом, как этот, среди путников. А куда не может прийти сам, письма шлет. Представляешь? Говорят, пишет он, что Петр Пахарь должен приняться за дело. Ведь это он про нас, мужиков.

— Мало ли дел у пахарей? — ответил священник. — Не вижу здесь ничего особенного. Кому нужно такое письмо?

Крестьянин совсем разгорячился и заговорил непочтительно:

— Ты, отец, я вижу, совсем ничего не понимаешь. Он прямо пишет, чтобы мы помнили о коварстве господ и вместе стояли за общее дело.

Собеседник почему-то развеселился:

— Вот вы какие оказались догад-

Поход на Лондон восставших крестьян во главе с Джоном Боллом. ***Миниатюра XV в.***



ливые. Видно, не зря Джон Болл на крестьянскую смекалку надеялся. А как зовут тебя, догадливый сын мой?

— Джон Шерли, крестьянин.

— Вижу, что не граф. Слово «шерли», если не ошибаюсь, от слова «лемех» происходит?

И опять это было сказано просто, совсем не обидно для крестьянина, с которым так дружески беседовал этот странный священник. Шерли вернулся к прежней теме:

— Мне один человек пересказал последнее письмо Джона Болла. Одно место мне так понравилось, что я его слово в слово запомнил: «Пусть сила будет помогать праву, ум идти впереди воли, право — впереди силы».

— Ну, а это ты как понял? — спросил священник уже без тени улыбки, очень серьезно и даже взволнованно.

Польщенный уважительным отношением и вниманием образованного человека, Шерли ответил просто и искренне:

— Мы с мужиками так рассудили, что за свое право силой бороться надо. Да вот знать бы только, в чем оно — наше право...

То, что я услышал дальше, явно не подобало слушать благочестивым ушам. Но я оставался на месте, околдованный этим звучным, уверенным голосом и неожиданностью мыслей:

— А ты никогда не задумывался, почему сеньоры властвуют над нами? Чем они это заслужили? Почему они держат нас в рабстве? По какому праву они заставляют нас работать и оплачивать то, что они тратят?

Странно, этот священник говорил «мы», «нас», говорил явно о крестьянском труде, хотя не был крестьянином. Но говорил он так, что ни его собеседник, ни подошедшие незаметно другие крестьяне не сомневались: это их собственный голос, собственные выстраданные мысли.

— Они одеты в меха и бархат, а мы в грубое сукно. У них дорогие вина, пряности и хороший хлеб, а у нас ржаной хлеб, мякина и солома. У них досуг и пышные дворцы, а у нас забота и труд под дождем и ветром на полях.

— Можно подумать, — изумленно воскликнул Джон Шерли, — что ты, святой отец, служишь совсем другому богу, чем наш приходский священник. Тот постоянно твердит, что мир устроен прекрасно.

Я окончательно решил немедленно уйти. Растущая толпа крестьян вокруг нашего дуба ясно доказывала, что разговор Шерли и священника превратился в опасную сходку. Но не успел я сделать и шага, как в сгущающихся сумерках выросли фигуры вооруженных слуг архиепископа. Они грубо схватили говорившего за руки и поволокли в темноту:

— Хватит тебе волком рыскать по нашему округу и сеять смуту, — проговорил один из стражников. — Не первый год для тебя приготовлено место в архиепископской тюрьме...

Его прервал звонкий голос Джона Шерли:

— Прощай, друг! Кто ты? Что они сделают с тобой?

— Я — Джон Болл, — прозвучало из темноты. — Не беспокойся обо мне, тезка Джон. Не пройдет и месяца, как двадцать тысяч братьев освободят меня!

Меньше чем через месяц сбылось предсказание Джона Болла. Не двадцать, а пятьдесят, а может быть, и сто тысяч крестьян подняли бунт против сборщиков налогов, королевских судей, сеньоров и шерифов. Запылали усадьбы, в огонь полетели документы с записями крестьянских повинностей. Вооруженные чем попало, толпы крестьян двинулись по дорогам Англии к Лондону. Деревенский ремесленник, бывший солдат Уот Тайлер из графства Эссекс стал их предводителем.

Во вторник, 11 июня главная масса восставших крестьян пришла в Мэдсто́ун, где находилась тюрьма архиепископа Кентерберийского. Они разрушили тюрьму и выпустили на свободу узников. Говорят, что среди них был Джон Болл.

На следующий день, в среду, 12 июня настоятель послал меня в Лондон с письмом к архиепископу. Дороги были заполнены бунтовщиками, и я невольно шел вместе с ними. Не доходя трех миль до Лондона, огромная масса людей остановилась на поле у Бле́кхиза. Я даже не пытался выбраться из окружавшей меня плотной толпы. Вдруг над головами людей раздался знакомый уверенный голос:

— Братья,— говорил Джон Болл, и ликующие нотки победы звучали в его словах.— Вы разрушили Мэдстоунскую тюрьму и вырвали меня на свободу. Но мало уничтожить одну тюрьму — надо сделать свободной всю Англию!

С какой верой и надеждой внимали ему эти простые и темные люди! А он вновь твердил им о равенстве и справедливости, которых так мало в этом мире: «Вначале все люди были равны: такими они вышли из рук природы. Потом нечестивые люди стали несправедливо угнетать своих ближних, и явилось рабство, противное воле божьей. Если богу угодно было создать рабов, он бы еще в начале мира определил, кому быть рабом, а кому — господином. Настал час сбросить иго рабства и получить давно желанную свободу.

Давайте же действовать мудро, как добрый хозяин, вырывающий сорняки на ниве своей, чтобы они не заглушили пшеницы. Только когда у всех будет одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть, только тогда вы сможете наслаждаться миром и безопасностью!»

Я слушал эту речь и думал: «В одном ты ошибся, Джон Болл. Гораздо больше двадцати тысяч братьев вырвали тебя из тюрьмы и идут вместе с тобой на Лондон. Вот стоят они вокруг тебя плотной стеной. Но не ошибаешься ли ты еще раз, внушая им мысль о победе? Посмотри, как они вооружены: у одних только палки, у других — ржавые мечи, у некоторых — топоры или вилы. Разве может такое войско победить королевских рыцарей? Но я надеюсь, что бог не допустит бессмысленного кровопролития. Наш король Ричард молод и добр — он простит этих темных, голодных и измученных людей».

В Лондоне, выполнив поручение настоятеля, я стал свидетелем невиданных событий. Целых три дня крестьяне были хозяевами города. Озлобленные голодом и лишениями люди сотворили немало зла: они громили богатые дворцы, жгли государственные документы, разрушали тюрьмы и выпускали на свободу узников, убивали королевских чиновников. Сам архиепископ Англии Симон Се́дбери — королевский канцлер — был схвачен в Тауэре и казнен.

Солдаты крепости Тауэр, числом не менее тысячи двухсот человек, были парализованы страхом. Безмолвно наблюдали они, как крестьяне хозяйничали в королевском дворце. Некоторые из крестьян подходили к воинам гарнизона — грозили им, дергали за бороды, предлагая перейти на свою сторону, заключить клятвенный союз и вместе разыскивать изменников королевства.

Слепая ярость взбунтовавшейся толпы не вызывала во мне удивления. Тот, кто хотя бы смутно представлял, как тяжка жизнь этих несчастных, не мог не простить их. Поразило меня совсем другое. Крестьяне громили дворцы и усадьбы, но не стремились присвоить себе находящиеся в них богатства. Под страхом смерти запретили они кому-либо даже прикоснуться к несметным сокровищам дворца герцога Ланкастерского — дяди короля. Заявив, что они поборники правды, а не грабители,

крестьяне выбросили драгоценные вещи из дворца в воды Темзы. Замеченных в воровстве отдельных своих собратьев они предали немедленной казни. Воистину великая вера должна стоять за этим! Такая, как у Джона Болла!

В пятницу, 14 июня произошло необыкновенное событие — король Ричард II был вынужден согласиться на встречу с крестьянами в лондонском пригороде Майл-Энде. Рассказывали, что, похожий на ягненка в стае волков, юный король обещал им многое: отменить крепостное право и барщину во всей Англии, разрешить свободную торговлю, утвердить постоянную плату за землю и простить всех восставших.

Многие крестьяне, успокоившись, тут же покинули Лондон.

Но беднякам во главе с Уотом Тайлером и Джоном Боллом этого показалось мало. Они хотели, чтобы король пообещал им устроить жизнь так, как предлагал Болл в речи у Блэкхиза. Они настаивали на возвращении крестьянам всех отнятых сеньорами общинных угодий, отмене суровых законов о сельских рабочих, на уменьшении владений церкви. Посеянные Джоном Виклефом и странствующими проповедниками греховные семена дали всходы!

В субботу, 15 июня крестьяне вновь встретились с королем — теперь на Смитфилдском поле. Они потребовали, чтобы отныне все люди были равны. Я думаю, они безумцы! Виданное ли дело — равенство?! Сколько помнят себя люди, всегда были богатые и бедные, сильные и бесправные. Не могу представить, чтобы и в самом далеком будущем сбылась мечта о всеобщем равноправии.

Во время второго свидания короля с представителями восставших один человек из королевской свиты коварно убил Уота Тайлера, ударив его мечом в спину. Я с самого начала полагал, что из этих свиданий не выйдет ничего хорошего. Никогда не бывало, чтобы мужики запросто толковали с королем.

Крестьяне не сразу поняли, что произошло с их предводителем. Когда же они увидели, что тело Уота Тайлера за руки и за ноги унесли в госпиталь св. Варфоломея, в толпе пронесся грозный ропот. Крестьяне натянули луки, и тысячи стрел были готовы поразить короля и его свиту. Но Ричард внезапно пришпорил коня и помчался навстречу крестьянам.

— Я ваш предводитель, я ваш король! — громко крикнул он.— Кто за меня, пусть следует за мной в поле. Я дам вам все, что вы желаете!

Толпа крестьян, как зачарованная, последовала за ним в открытое поле. Тем временем гонцы Ричарда помчались в Лондон и собрали большой отряд. Появление отряда окончательно смутило повстанцев, лишенных предводителя. Они смирились, приняли королевские грамоты о прощении и мирно покинули Лондон. Крестьяне торжественно разнесли по всей Англии документы с королевской печатью, в которых была обещана свобода от повинностей, торговля без ограничений и полное прощение за участие в бунте. Никому и в голову не приходило, что эти грамоты были только средством избавиться от взбунтовавшихся крестьян, а как только минует опасность, сеньоры восстановят и барщину, и все другие повинности. Чтобы крестьяне скорее забыли о королевских обещаниях, их было решено примерно наказать.

Что тогда началось! Вся Англия превратилась в огромную тюрьму с виселицами и эшафотами. Король Ричард отрекся от выданных крестьянам писем о прощении. Казни... казни... казни...

В моем родном городе Сент-Олбансе был казнен Джон Болл. Король лично прибыл в город чинить суд и

расправу над теми, кто участвовал в мятеже. Чтобы устрашить людей, он запретил хоронить тела повешенных. Более года жители города должны были постоянно видеть прикованные цепями к виселицам останки казненных.

И в этом страшном вихре мести и жестокости мне суждено было вновь увидеть молодого крестьянина Джона Шерли...

Я зашел в придорожную харчевню «Старая мельница» утолить жажду в жаркий июльский день и сразу же узнал Джона Шерли. Он сидел одинокий и печальный в самом дальнем углу. Что-то заставило меня сесть рядом. Я не собирался ничего говорить этому человеку, просто сидел и вспоминал нашу встречу под дубом. Господи, неужели прошло немногим больше месяца? Что сталось за это время с Англией!



Убийство Уота Тайлера.
Миниатюра XV в.

Казнь на площади.
Миниатюра XV в.

Внезапно Шерли заговорил сам:

— Скажи, святой отец, ты не из Сент-Олбанса?

— Да, сын мой, именно оттуда. А почему это тебя интересует?

— Говорят, в вашем городе казнили одного человека...

Я сразу же понял, о ком он говорит, но предпочел скрыть это.

— Мало ли народу казнят сейчас во многих городах,— ответил я.— Всех не упомнишь.

Мой неопределенный ответ произвел совершенно неожиданное действие:

— А этого человека надо помнить! — вскрикнул Шерли.— Его имя — Джон Болл!

— Не произноси вслух этого имени,— посоветовал я.— Вокруг много людей, и они уже слушают нас.

Но Шерли еще больше распалился от моих слов:

— Вот и хорошо! Пусть люди помнят о Джоне Болле. Он был настоящий человек. Говорят, на суде он отказался просить короля о помиловании и выразил ему свое крайнее презрение.

— Это правда,— ответил я.

— Откуда ты знаешь, монах? — поразился Шерли.

— Мне было приказано вести протокол допроса и суда над ним. Что за судьба! Я в третий раз видел этого дерзкого человека, слышал его гордые, непримиримые ответы королевским судьям... Ничто не могло спасти его от казни...

И здесь Шерли совершил непоправимый поступок. Ах, если бы знать об этом заранее, я ни за что не подошел бы к нему в этот несчастный день. Он повысил голос и обратился ко всем присутствующим:

— По справедливости казнить следовало не Джона Болла,— сказал он,— а тех, кто судил его. Эй, слушайте, люди! Не забыли ли вы Джона Болла? Он был праведный человек, заботился о нас с вами и призывал бороться с несправедливостью. Его смерть не останется безнаказанной: настанет день, когда бог покарает за это черное дело короля и его слуг!

Безумные слова безумного человека. Безумное время, когда за неосторожно сказанное слово, за заблуждение, пусть за ошибку человека отправляли на эшафот...

Король Ричард лично назначил чрезвычайную судебную комиссию, по приговору которой Джон Шерли был казнен за эту речь...»



Таториты

Среди документов по истории Чехии XV в. есть один, само название которого поражает воображение современного человека. Это «Книга казней» богатых южночешских феодалов Ро́жмберков.

Подобно рачительному хозяину, записывающему цифры расходов и доходов, Рожмберки заносили в нее имена и показания тех, кто томился в подвалах их замка При́беницы, кого пытали и казнили панские палачи. В 20-х гг. XV в. большинство заключенных составляли табориты — наиболее решительно настроенные участники гуситского движения.

Кем были люди, имевшие несчастье оказаться записанными в «Книгу казней»? О некоторых из них сохранилось много сведений, например о пламенном таборитском проповеднике Вацлаве Коранде. Жизнь других не оставила следа в истории, промелькнули только их имена, записанные в «Книгу казней».

Вот один из них — Пржи́бик из Жа́бовржеск. О нем известно лишь то, что заключен он был как разбойник...

Эта дождливая осень была для мелкого грабителя Пржибика из Жабовржеск неудачной. Несколько лет подряд он бродяжничал и с успехом «промышлял» в Германии: вместе с неболь-

шой шайкой разбойников грабил на лесных дорогах купцов и монахов, не брезговал и скудными грошами крестьянина.

В 1420 г. Пржибик оставил шайку, перешел границу Чехии и начал пробираться к родной деревне.

При виде крепости Пржибик по многолетней разбойничьей привычке отказался от проезжей дороги и брел лесными тропинками. Но недалеко от Пржибеницкого замка из засады выскочила стража и схватила Пржибика.

...Очнулся Пржибик в подвале. Над ним склонился незнакомый человек и ласково спросил:

— Как ты чувствуешь себя, брат?

— Кто ты? — спросил Пржибик.— Почему называешь меня братом?

— Меня зовут Вацлав Коранда. Я священник из Пльзеня. А братом назвал тебя потому, что, судя по месту нашей встречи, ты враг владельца этого замка — пана Олдржиха Рожмберка. Значит, брат мне и моим друзьям. Как тебя зовут, брат?

— Я Пржибик из Жабовржеск. А здесь оказался только потому, что хотел расспросить о городе-крепости на горе, у слияния Лужнице и Тисменице.

— Как? Ты — чех — не знаешь, что это Табор?

— Я знал гору Табор, но там не было города.

— Давно же ты не был в Чехии,— сразу догадался Коранда.

И тогда Пржибик неожиданно рассказал этому незнакомому человеку всю свою недолгую и нескладную жизнь. Когда он замолчал, Коранда грустно заметил:

— Пустому делу отдал ты свои силы, Пржибик. А я подумал, что ты таборит...

— Бога ради, объясни мне, отец Вацлав, кто такие табориты?

— Табориты,— ответил Коранда,— борцы за счастье народа, те, кто с оружием в руках решили сделать счастливым каждого человека.

— А какое оно — это счастье для всех? Для бедных людей такого, помоему, просто не может быть.

— Может! — в голосе Вацлава Коранды прозвучала такая страстная вера, какой Пржибик не встречал прежде.— Счастье для всех — это прежде всего равенство. Не должно быть ни королей, ни панов, ни крепостных. Все люди будут трудиться и владеть богатствами страны. И еще Чехия должна быть независимой, чтобы императоры Священной Римской империи и дорогу сюда забыли.

— Красивая мечта, похожая на сказку,— печально сказал Пржибик.

— Бедный, несчастный Пржибик,— неожиданно пожалел его Коранда.— Знаешь, кого ты все-таки обокрал в Чехии? Себя. Ведь ты даже не слыхал о Таборе, где эта, как ты говоришь, сказка уже стала былью.

Затаив дыхание, слушал Пржибик рассказ об удивительном городе. Все люди в нем называли и считали друг друга братьями и сестрами. Среди них не было бедных и богатых, господ и бесправных тружеников. Те, у кого имелись какие-то ценности, складывали их в большие бочки, стоявшие на городских улицах. Эти средства шли на вооружение. В Таборе не было палачей и ростовщиков, запрещались азартные игры, сурово преследовались воры и фальшивомонетчики. Все жители — и мужчины, и женщины — вооружены и готовы защищать свой город.

— И ты думаешь, отец Вацлав, они смогут победить и панов, и короля, и римского папу, и германского императора? — Пржибик уже верил в прекрасную мечту, уже тревожился за ее судьбу, забыв, что он вор, которому нет места среди братьев и сестер в Таборе.

— А ты когда-нибудь видел воюющий народ? — ответил вопросом Коранда.— Ты представляешь, какая это

сила, когда вся страна — военный лагерь, каждый человек — воин, каждый дом, да что дом, каждая повозка — крепость?

Здесь уже Пржибик усомнился:

— Прости меня, отец Вацлав, но крепости из повозок не строят.

— Да ты что же,— вдруг улыбнулся Коранда,— не слыхал даже о Яне Жижке?

— О Яне Жижке из Троцнова? Как же, о нем я слыхал еще мальчишкой,— ответил Пржибик.— У нас в деревне много шептались о том, что нашелся на свете человек, об которого обломал зубы сам старый пан Рожмберк. Только толком никто не знал, что такое сделал Ян Жижка этому надутому пану, мнившему себя выше самого короля Чехии.

— Еще бы,— сказал Коранда,— ведь король Вацлав в молодости сидел в темнице у Рожмберка — до того обнаглел этот прихвостень германского императора. Кстати, Пржибик, нам с тобой, выходит, выпала немалая честь — молодой Рожмберк принимает нас, можно сказать, по-королевски,— рассмеялся Коранда.

— А скажи, отец Вацлав, чем так знаменит Ян Жижка из Троцнова?

— Больше десяти лет назад он действительно прославился тем, что крепко насолил ненавистным Рожмберкам. Пан Индржих Рожмберк — друг германского императора — захотел присоединить маленький деревянный троцновский замок к своим владениям. Однако рыцарь Ян Жижка, хоть и обеднел до того, что пахал землю вместе с горсткой своих крестьян, был горд и наотрез отказался продать дом своих предков. Тогда Рожмберк нашел лжесвидетелей и подложные документы о правах на Троцнов. Но Ян Жижка не покорился. Он послал Рожберку перчатку в знак объявления войны и ушел со своими людьми в лес. Здесь и обнаружились великие способности Яна Жижки в воинском деле. Слуги и солдаты Рожмберков никак не могли справиться с маленьким отрядом гордого рыцаря, а замки и поместья хозяина Южной Чехии пылали один за другим...

— Ян Жижка с тех пор так и воюет с Рожмберком? — нетерпеливо прервал Пржибик рассказ Коранды.

— И да, и нет. Тогда он боролся только за свое право, со своим личным врагом. И не был побежден: заступничество короля Вацлава и королевы Софьи помогло неукротимому рыцарю. А два года назад весь чешский народ начал борьбу против своих обидчиков, за справедливость и право каждого на счастье, за то, чему учил магистр Ян Гус.

— Я что-то слышал о нем несколько лет назад в Германии, в городе Констанце. Его, кажется, казнили за отступление от истинной веры.

— Неправда,— ответил Коранда,— Ян Гус не вероотступник, а поборник истинной веры, которую забыли римские папы и их слуги. Магистр Гус доказывал, что народ имеет полное право не подчиняться распоряжениям властей, если они противоречат священному писанию. А сколько в нашей жизни нарушений заповедей о любви, добре, честности!

— Но ведь Христос учил, что мы должны кротко переносить любые страдания и испытания, посылаемые нам богом,— Пржибик уже почти кричал, чувствуя, что его голова раскалывается, не в силах принять эти дерзкие мысли.

Коранда тоже возвысил голос, как во время проповедей, которые он много раз произносил перед сотнями людей:

— Пора забыть о христианском терпении и покорности господам и королям. Настало время отринуть смирение и жестоко отомстить притеснителям простых людей! Мы боремся сейчас за иную, подлинную веру, за справедливость. Нас называют гуситами, и мы гордимся

этим. И ведет народ Ян Жижка из Троцнова.

То, что рассказал Коранда о военном таланте Яна Жижки, казалось легендой, чудом, как и описание Табора. Пржибик узнал, что в знаменитом сражении около Пльзеня почти два года назад Жижка открыл новые, невиданные приемы боя. Когда две тысячи рыцарей на конях преградили путь его пешему отряду из трехсот человек, Жижка отвел своих людей к высокому холму, который защитил их с тыла. Семь возов с оружием и продовольствием он приказал соединить в единую цепь и между возами, как у бойниц, поставить пушки. Так на глазах у ничего еще не понявших рыцарей была сооружена крепость на колесах. И сражались люди Яна Жижки как жители осажденной крепости, отбивающие вражеский приступ.

В ход пошло все: крестьяне с деревенскими цепами стояли на крышах повозок и «молотили» по головам рыцарей: воины с длинными пиками залегли между колесами возов и оттуда, снизу, кололи и разили боевых коней, упав с которых рыцари теряли свою силу и уверенность. Потрясенные, враги отступили.



Ян Гус.



Ян Жижка.

В другом бою с сильными и многочисленными рыцарскими отрядами Жижка поставил свои боевые возы так, что враги должны были идти в атаку по болоту. Он приказал женщинам разложить среди камыша платки, шарфы и покрывала. Болотистая местность вынудила рыцарей сойти с коней. Спотыкаясь о кочки, цепляясь шпорами за расстеленные на земле ткани, рыцари



Ян Жижка в походе. *Миниатюра XV в.* Жижка внес большой вклад в развитие военного искусства, создал войско с высокими боевыми качествами и железной дисциплиной. Армия Жижки включала новые по тем временам рода войск — повозочные и артиллерию. Для борьбы с рыцарской конницей он применил легкие пушки на повозках и полевой табор из повозок. Жижка разработал воинский устав, в котором излагались правила поведения воинов в бою, на марше и на отдыхе.

валились наземь и барахтались в болотной жиже...

...В крошечном окошке камеры под самым потолком давно погас тусклый свет пасмурного осеннего дня. Пржибик забыл о времени, о тесном подвале и угрозах помощника коменданта. Ему казалось, что он вошел в какой-то новый необъятный мир. Осторожный стук в дверь камеры показался глубоко задумавшемуся Пржибику грохотом горного обвала.

— Что это, отец Вацлав?

— Тихо, Пржибик. Сегодня ночь на 13 ноября, я уже два месяца жду этого часа. Помоги-ка мне. Колодки подпилены. Так. Теперь возьмемся за твои.

— Так это побег?

— Не совсем, брат. Еще неизвестно, кто будет гончей, а кто зайцем,— ответил Коранда. — Табориты от врагов не бегают. Сегодня мы собираемся перехитрить этого змееныша Олдржиха Рожмберка, у которого и душа-то раздвоена, как язык у змеи. Вместо того чтобы пробиваться к воротам, мы заберемся на верхнюю башню и укрепимся там. Только это очень опасное дело. Тебя никто не принуждает идти с нами. Прощай, меня ждут товарищи.

— Погоди, отец Вацлав,— взмолился Пржибик. — Я не таборит и, кажется, мне нет места среди этих отважных людей. Но я чех и тоже хочу независимости и счастья для Чехии.

— Идем, Пржибик. Если наш план удастся, я помогу тебе найти путь к Табору!

...Прошел всего год, а Пржибику казалось — целая жизнь. Она началась для него в ночь на 13 ноября 1420 г., когда он шагнул за порог панского подвала в неведомое, но достойное человека будущее. Пржибик любил вспоминать тот немыслимо дерзкий побег, который привел его к таборитам.

Коранда и его товарищи оказались отчаянно смелыми людьми. Вбивая в щели отвесной стены замка палки и доски, они добрались до верхней башни, где стояла стража. Ошеломляющая внезапность нападения обеспечила его успех. Башня оказалась в руках таборитов.

Вместе со стражниками был схвачен Одóлен, грозный помощник коменданта, который униженно молил о пощаде и обещал таборитам любую помощь. Тогда Коранда приказал ему передать в Табор известие о захвате башни.

Через несколько часов к стенам замка подступил сильный отряд таборитов под началом гетмана Збы́нка из Бýховца. Начался штурм, в котором немалую роль сыграли те, кто укрепились на башне. Они забрасывали защитников главных ворот замка увесистыми камнями. Пржибику Коранда поручил забаррикадировать ведущую в башню лестницу и защищать ее до последнего. Здесь, на этом важнейшем для таборитов посту, Пржибик впервые думал не о себе, а о доверившихся ему отважных людях. Он понимал, что исход боя во многом зависит от него и что он скорее умрет, чем позволит рвущимся снизу стражникам вновь овладеть башней...

Главная твердыня Рожмберков — Пржибеницкий замок — перешла в руки таборитов. Вацлав Коранда сдержал свое слово и привел Пржибика в Табор. Он сказал, что этот человек участвовал в побеге и захвате замка и может быть принят в братство таборитов.

И хотя минул только год, вероятно, даже Коранда не узнал бы прежнего Пржибика в мужественном воине с сýдлицей на плече. Рыцари очень боялись этого «мужицкого оружия». И была-то это всего-навсего длинная палка с ножом на конце и острым крюком сбоку. Однако в умелых руках таборитов она превращалась в грозное оружие — режущее и колющее, особенно опасное для рыцарской конницы. Зацепив крюком за зазоры в латах у шеи, локтей или пояса, судличник стаскивал

рыцаря с коня под удары крестьянских цепов.

Нынешний Пржибик был частицей грозного войска таборитов, двигавшегося из Табора на северо-восток, к городу Ку́тна Го́ра. Там Ян Жижка решил встретить крестоносцев — немецких, чешских и венгерских рыцарей во главе с самим императором Сигизмундом. Даже рыцари из Англии и Арагона присоединились к ним.

Во второй раз крестоносцы огнем и мечом прошлись по чешской земле, надеясь подавить, наконец, восставший народ.

От самого Табора рядом с Пржибиком шагал молодой воин, еще не участвовавший в сражениях. Он, конечно, успел услышать рассказ Пржибика о побеге из Пржибениц, о знакомстве с самим знаменитым Вацлавом Корандой. В его глазах Пржибик — настоящий герой, и поэтому лишь в самой почтительной форме решается он задать тревожащий его вопрос:

— Скажи, пожалуйста, брат Пржибик, правду ли говорят, что наш Ян Жижка недавно потерял зрение?

— Это правда,— ответил Пржибик. — Много лет назад, в 1410 г. рыцарь Жижка из Троцнова сражался в знаменитой Грюнвальдской битве против Тевтонского ордена. Наголову были разбиты тогда алчные рыцари-монахи. Жижка был ранен и лишился одного глаза. А несколько месяцев назад я сам участвовал в штурме замка Ра́би, где брат Ян Жижка потерял второй глаз.

— Как же это случилось? Ведь Жижка — главный военачальник. Его дело — руководить битвой, отдавать распоряжения...

— Ян Жижка всегда рядом со своими людьми. Как был он отважным воином под Грюнвальдом, так и остался им, даже став главнокомандующим. Он первый влез по лестнице, которую мы приставили к центральной башне замка Раби. И здесь его настигла вражеская стрела.

Пржибику очень хотелось добавить, что сам он оказался в числе первых таборитов, ворвавшихся на башню и жестоко отомстивших за кровь Яна Жижки. Приятно было бы сказать и о том, что после захвата замка он был отмечен среди лучших воинов. Тот, прежний Пржибик никак не преминул бы сделать это. Теперешний же судличник Пржибик знал, как много вокруг него настоящих героев, смелых и честных людей. Далеко еще ему до них. И он промолчал.

— Но разве может слепой полководец вести войско? — совсем тихо и робко спросил юноша. — Бывало ли такое на свете?

— Все, что сделал наш Ян Жижка в воинском деле,— небывалое. Это я точно знаю. А значит, он сможет и совсем невозможное. Да к тому же родную Чехию он, говорят, так хорошо знает, что, не глядя, понимает, как лучше расположить войско. Вот увидишь — мы отобьем и этот крестовый поход.

9 декабря 1421 г. войско таборитов вошло в Кутную Гору. Почти две недели находились табориты в городе, который два года назад был центром борьбы против гуситов. Страшные дела творили тогда, в 1419 г., кутногорские богачи. По всей округе разыскивали сторонников нового учения и предавали лютой казни. Многих сбросили живыми в глубокую шахту, которую издевательски назвали «Табором». Теперь, напуганные силой двадцатитысячной армии таборитов, они объявили себя врагами императора Сигизмунда:

21 декабря Жижка принял бой с подошедшей армией крестоносцев. Целый день войска Сигизмунда безуспешно атаковали укрепившуюся на возвышенности крепость из повозок. А ночью кутногорские богачи совершили черное

предательство. Они тайком открыли крестоносцам Колинские ворота — противоположные тем, через которые ушла на бой с врагами Чехии армия таборитов. В ту же ночь власть в Кутной Горе перешла к сторонникам Сигизмунда. Те, кто стояли за народное дело, были беспощадно перебиты.

Табориты оказались между двух огней: впереди армия Сигизмунда, а за спиной, за крепкими кутногорскими стенами, тоже враги. Но не напрасно верили табориты в великий талант полководца Яна Жижки. Он сумел отступить с боями, постепенно создавая у противников ощущение их близкой победы. И когда, наконец, крестоносцы полностью поверили, что табориты разгромлены, а Ян Жижка бежал, когда начали они ликовать в Кутной Горе по поводу своей мнимой победы, вот тогда слепой полководец внезапно появился у стен города с новым, еще более сильным войском.

Что тут началось! Величайшим позором закончился этот крестовый поход. Только при виде армии таборитов рыцари, охваченные безумной паникой, пустились наутек. Весь день 7 января 1422 г. продолжалось невиданное бегство рыцарей. У города Немецки-Брод Ян Жижка настиг крестоносцев и наголову разбил их в коротком сражении.

Впереди у таборитов были годы борьбы и побед. Короли, феодалы и служители католической церкви следили за чешскими событиями с ужасом и ненавистью. Простые труженики европейских стран жадно слушали рассказы о фантастических победах чешского народа над полчищами крестоносцев.

Табориты отразили еще три крестовых похода.

Гуситское движение оставило неизгладимый след в истории Чехии и всей Европы. Это был пролог к началу общеевропейской борьбы против феодализма — к реформации и революционным бурям XVI в.

ИБН БАТТУТА И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Об известном арабском путешественнике XIV в. мы узнаём из его рассказов.

Родной город будущего путешественника. Перед нами марокканский город Танжер в XIV в. В древности и в средние века этот город был большим и многолюдным. Ведь он расположен на северо-западном побережье Африки, у Гибралтарского пролива, всего лишь в 15 км морского пути от Пиренейского полуострова. Крепостная стена, защищавшая город от частых набегов воинственных берберских племен, отгораживала его и от засушливых степей, и от знойного дыхания Сахары. Танжер как бы повернулся спиной к раскаленному материку, чтобы принимать дары моря, его гостей и его новости.

Сюда из разных стран арабского мира стекались пришельцы: одни по торговым делам, другие в поисках заработка. Здесь можно было видеть полураздетых, почерневших от солнца арабских крестьян-феллахов, дервишей (монахов), жонглеров и акробатов, наемных стрелков и нищих. Все они двигались по узеньким улицам города от порта к рынку — сердцу города.

По-восточному красочен танжерский базар. Разнолика и разноцветна толпа: степенные торговые гости, одетые в белое шейхи (главы рода или общины, представители высшего мусульманского духовенства), крестьяне, торговцы-лоточники, бродяги.

Отлично чувствуют себя на базаре юркие, босые и полуодетые мальчишки. Они не только приведут к шейху нужного торговца, они куда угодно сбегают, отнесут купленую кладь, сгибаясь под тяжелой ношей, подержат за узду лошадь или осла, принесут на-

питься, помогут приезжему отыскать лавку или гостиницу. Никто из них не ворует: они знают, что провинившимся отсекают руку, как велит Коран. Они честно зарабатывают монетку или лепешку.

Одному из этих мальчиков — по имени Ибн Баттута трудно было оторвать взор от моря, от покачивающихся на волнах суденышек, белых парусов и бывалых моряков, каждое слово которых он ловил на лету. Уже тогда будущего путешественника заинтересовала жизнь разных народов.

Годы учения. С некоторых пор мальчик проводил часть времени у муллы, который обучал молитвам и началам арабской грамоты. Ибн Баттута, обладавший хорошей памятью, легко запоминал молитвы и усваивал премудрости грамоты. Однако его внимание все больше и больше привлекал порт. Он всегда помнил старинные пословицы, которые повторяли в народе: «Перед тем, кто пускается в путь ради науки, аллах раскрывает двери рая», «Чернила ученого столь же ценны, как и кровь мученика».

Ибн Баттуте особенно нравилась первая пословица...

Учение у муллы давалось Ибн Баттуте легко. Он был любознательный и старательный ученик. Велика была гордость его учителя, когда мальчик выдержал вступительный экзамен в медресе (духовную школу).

Медресе представляло собой замкнутый двор, окруженный различными комнатами для занятий и кельями, где жили учителя и ученики. Некоторые комнаты для занятий были обширными и светлыми, с высокими сводчатыми потолками. Большей же частью учебные помещения были полутемными, мрачными, плохо проветривались. Не было никакой мебели. Ученики и учителя по восточному обычаю сидели, подогнув под себя ноги: учителя — на коврике, ученики — на полу.

Окинув взглядом своих будущих товарищей, Баттута сразу же заметил, что они были совершенно различны по возрасту, одежде, повадкам. В толпе подростков и безусых юнцов бросались в глаза молодые и даже зрелые мужчины. А смуглые пришельцы из Гранады и Египта резко отличались от темнокожих берберов и черных уроженцев Судана.

Одни ученики заучивали молитвы, мерно покачиваясь и шевеля губами. Другие вполголоса читали нараспев стихи арабских поэтов. Некоторые шепотом читали текст лежащих перед ними свитков из пергамена.

Баттута позднее понял, что при разнообразии изучаемых вперемешку предметов и кажущейся самостоятельности каждого ученика в этих занятиях соблюдалась строгая система. Все должны были изучать и молитвы, и произведения поэтов, и труды богословов и философов. Но рукописных книг было мало. Одними и теми же свитками ученики пользовались по очереди.

Отодвинув свитки, ученики приготовились слушать лекцию.

Учитель, до сих пор молчаливо сидевший с полузакрытыми глазами, стряхнул с себя дремоту и, оживившись, бережно взял в руки свиток Корана.

Лекция продолжалась до полудня. Потом все расходились по кельям, чтобы вернуться к занятиям тогда, когда спадет дневной жар и минует час еды. Занятия продолжались до вечера, до призыва к пятикратной молитве.

Для Ибн Баттуты началась нелегкая жизнь. Его тяготили не занятия, которые вызывали его острый интерес, а унылое затворничество. Через несколько лет, пройдя половину курса наук, Ибн Баттута получил звание проповедника и с легким сердцем покинул медресе. Мечты о неведомой дали, которые он ощутил еще в детстве, по-прежнему манили его. Можно было,

подобно сотням благочестивых мусульман, отправиться в Мекку, на поклонение святыням. Ибн Баттута решил начать с этого. «В 1325 г.,— говорит Баттута,— я покинул свою родину, как птица покидает свое гнездо». Ему шел тогда двадцать второй год.

Переход через Сахару. Долог и опасен был тогда путь из Танжера, и много невзгод должен был перенести путешественник. Его ожидали голод, жажда, болезни, опасность нападения разбойников и хищных зверей. Днем приходилось терпеть невыносимый солнечный зной, ночью — холод. К этому прибавлялись и бедствия войн.

Наиболее труден был переход через безводные пески самой большой на земном шаре пустыни Сахары (по-арабски «сахр» — пустыня), занимающей почти всю Северную Африку. Одинокому путешественнику в пустыне грозила верная гибель. Вплоть до конца XIX в. единственным средством передвижения через Сахару был «корабль пустыни» — верблюд. Караван верблюдов, навьюченных поклажей, с сидящими на них всадниками, обычно сопровождали примкнувшие к нему путники, которые не могли внести долю в расходы по снаряжению каравана. Вереница верблюдов и пешеходов мерно двигалась от оазиса к оазису.



Пристав к попутному каравану, Ибн Баттута двинулся по камням пролегавшей через Сахару древней дороги. Караван шел, не сворачивая с колеи. Много поколений путешественников погиб-





Мечеть.
Погонщик верблюдов.
Отдых в пустыне.

ло, пока она была протоптана, и если ветер пустыни наметал песок, отыскать ее помогали верблюды.

После захода солнца приходилось надевать теплую одежду, так как песок, камни и воздух быстро остывали, а жара сменялась пронизывающим холодом. Ночью издали доносился протяжный голодный вой шакалов. Отрадой были стоянки в оазисах. Сам Ибн Баттута так описывает одну из них: «Продолжая переход через Сахару, мы прошли в Тасара́ло — место, где текут подземные ручьи и останавливаются караваны. Наш караван отдыхал здесь три дня. Мы починили тут бурдюки, наполнили их свежей водой и обшили чехлами из грубой ткани, чтобы защитить от ветра. С этого места обычно отправляют такши́фа — так называют человека из племени массу́фа, которого нанимают погонщиком каравана для того, чтобы он поехал в Вала́ту с письмом к друзьям, а те приготовили бы заранее жилища для путешественников. Эти люди выходят навстречу каравану на расстояние четырех дней пути и приносят с собой воду... Часто случается, что такшиф гибнет в пустыне, и тогда жители Валаты ничего не знают о караване; в результате весь он или бо́льшая его часть погибает...»

Мекка. Благополучно, хотя и с многими трудностями пройдя Северную Сахару с запада на восток, Ибн Баттута пошел в Египет. Побывав в Александрии и Каире и ознакомившись с этими оживленными городами, он поднялся вверх по Нилу до Асуана, повернул к Красному морю. Дойдя до побережья, он надеялся морем попасть в Аравию. Нс это ему не удалось: там шла война восставших племен против египетских властей. Пришлось вернуться в Нижний Египет и попытаться попать в Мекку другим, более сложным путем — через Палестину.

Наконец путники прибыли в Мекку, и после недолгого отдыха Ибн Баттута со спутниками поспешил к заветной святыне ислама — храму Каа́бы. На низком мраморном фундаменте покоилось 15-метровое здание, в один из углов которого был вделан черный камень — Кааба: то был кусок вулканического базальта, будто бы сброшенный с неба в знак расположения к арабам и почитаемый ими как священный.

На протяжении 11 месяцев Кааба была скрыта от взоров завесой из черной парчи, специально доставлявшейся из Египта. Лишь когда наступал месяц паломничества, Каабу покрывали белой парчой, а куски черной парчи благочестивые паломники покупали за золото и берегли как святыню.

Вместе с другими Ибн Баттута, по обычаю, семь раз обошел Каабу.

Паломничество к могиле Мухаммеда не помешало Ибн Баттуте заняться торговлей, которая была особенно оживленной в месяц паломничества, когда множество людей наводняло Мекку. Располагая небольшими деньгами, Ибн Баттута ухитрялся вступать в компанию с зажиточными купцами, ценившими его советы и находчивость. Раньше других узнавая о прибытии товаров из дальних стран, он тут же находил покупателей и получал свою долю от каждой сделки. За несколько недель Баттута нажил состояние.

Теперь Ибн Баттута решил на время остаться в Мекке, чтобы оттуда на правах проповедника либо торговца отправиться в более отдаленные земли. Он стал собирать сведения о различных странах. Разведав необходимое, Баттута прежде всего направился в Северную Аравию, а оттуда через Ба́сру в Персию, из которой возвратился в Мекку новой дорогой — через Мосу́л и Турцию. В этом путешествии он познакомился с Месопота́мией и Палестиной. Новая задержка в Мекке продолжалась два года, в течение которых Ибн Баттута разузнавал о дорогах и усло-

виях проезда, о том, в каких товарах нуждается та или иная страна и каковы там на них цены. В Мекке, где скрещивались пути тысяч арабов и иноземцев, можно было легче всего собрать такую информацию.

Прибывший из Танжера паломник едва ли признал бы земляка в степенном, богато одетом и уверенном купце, оборотистом и ловком. Отныне Ибн Баттута отправлялся в дальние края хозяином большого каравана. С ним ехали его жены и дети, рабы и рабыни. Вооруженная охрана сопровождала товары.

Путешествие в Йемен. В 1330 г. Ибн Баттута направился в Йе́мен. Эта страна еще в древности считалась счастливым уголком Аравии, сплошным оазисом, благодатным краем плодов и злаков. Но ко времени путешествия Ибн Баттуты внутренние раздоры и войны племен привели к разрушению искусственной системы орошения, на которой покоилось все богатство этой зеленой страны. Лишь двум городам Йемена — Са́не и Заби́ду удалось защитить от разрушения свои колодцы и каналы.

Господствуя над проливами Красного моря и контролируя всю торговлю в этом районе, купцы Саны и Забида смело выходили в Индийский океан и торговали с Африкой, Индией и Китаем. Они пересекали огромные просторы соленых вод, разделявшие Южную Аравию и Западную Индию.

Среди коренного африканского населения издавна селились арабы, частично смешиваясь с местным населением. Благодаря этому сложился новый язык — суахи́ли — соединение арабского языка с языком восточноафриканских племен, которые восприняли арабскую письменность. Многие из них приняли ислам.

Из Восточной Африки вывозили железо, золото и различные товары. Растущий спрос на них вызывал к жизни новые города, один из которых, Ки́лву, также посетил Ибн Баттута. Возвратившись в Мекку, он стал подготавливать новое путешествие.

В Золотой Орде. Арабы распространили свое влияние не только на Африку и Азию, но и на восток Европы — Крым и Поволжье, где они вели торговлю.

Ибн Баттута немало слышал об этих далеких землях и хотел их повидать своими глазами. Так возник замысел его путешествия в Золотую Орду, которая была частью Монгольского ханства. Шел туда Ибн Баттута обычным для арабских купцов путем: через Египет и Сирию в Крым, а оттуда плыл в Астрахань. Там начинался долгий путь вверх по Волге. В Астрахань путешественник прибыл к зиме. Волгу сковал лед, холод был невыносим после тропического зноя Африки.

Однако Ибн Баттута, впервые увидевший снег и лед, и не думал возвращаться обратно. Подобрав бывалых спутников, он двинулся санным путем к северу. Наперекор холоду, вьюге, снежным заносам, обороняясь от волков, полузамерзший арабский путешественник прибыл в Новый Сарай — столицу Золотой Орды. «Город Сарай,— писал он,— один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины на ровной земле, он переполнен людьми, имеет красивые базары и широкие улицы».

Баттута был принят ханом, завоевал его доверие и взялся выполнить деликатное поручение: с соблюдением необходимых почестей доставить византийскому императору его дочь — одну из жен хана, которую тот решил возвратить отцу. Это поручение сулило Ибн Баттуте не только благодарность хана, но и возможность ознакомиться с Балканским полуостровом и знаменитой столицей Византии — Константинополем.

Успешно выполнив поручение, Ибн Баттута возвратился в Сарай. Благода-

ря ханскому покровительству его положение укрепилось. Опираясь на поддержку хана, Ибн Баттута предпринял поездку из Сарая в город Булгар Волжский, стоявший при впадении Камы в Волгу.

Здесь он разрабатывает новый маршрут в земли, лежащие на Печоре, богатые ценными мехами. Об этой загадочной стране арабские путешественники говорили как о «стране мрака». «Путешествие туда,— пишет Ибн Баттута,— занимает 40 дней пути. Оно совершается на маленьких повозках, но туда проникают богатые купцы, и у иного из них около 100 повозок, груженных съестными припасами, напитками и дровами».

В Булгаре Волжском. На волжских и камских берегах старинные курганы хранят следы былых столетий. Археологи находят там клады монет и среди них немало арабских монет. Вплоть до конца XIV в. Булгар — столица волжских болгар — играл большую роль в торговле Восточной Европы с сопредельными странами. Сюда ежегодно стекались не только арабские, но и калмыцкие, туркменские и узбекские купцы. Всех их, как и Ибн Баттуту, пленяли прославленные меха, которые легче



Баня. ***С миниатюры XIII в.*** **Бани были широко известны с глубокой древности. Множество публичных бань существовало в Римской империи. Однако после падения ее почти все бани в Европе исчезли и оставались только в восточных странах. В исламе омовение в банях стало даже частью религиозного обряда.**



Ритуал скрепления договора о разделе имущества. ***С миниатюры XI в.***



Меняла.
С миниатюры XII в.

всего было купить в Булгаре. Туда их доставляли охотники и скупщики охотничьей добычи, сборщики дани, которую покоренные племена были обязаны платить мехами.

«Я слышал рассказы о Булгаре,— пишет Ибн Баттута,— мне захотелось отправиться туда, чтобы собственными глазами узреть то, о чем мне рассказывали: увидеть в этом городе необычайно короткую ночь в одно время года и небывало короткий день в другое».

Путешествие в Индию и Китай. На Севере Ибн Баттута обогатил свои познания и пополнил свой кошелек. И хотя в его распоряжении не было географических карт, он отчетливо представлял себе маршрут нового большого путешествия к сказочной Индии, которое он задумал, слушая завывание метели в долгие зимние вечера, проведенные в Булгаре. Сотни расспросов и множество данных понадобились ему для того, чтобы мысленно начертать путь, ведущий от берегов холодной Камы к пальмовым лесам Индии.

И вот вереница лодок уже везет неутомимого путешественника вниз по Волге, к бурным водам Каспия. Там он высаживается в степях, населенных кочевниками-кипчака́ми (половцами). Оттуда, минуя Аральское море, путь ведет в среднеазиатские эмираты: Хи́ву, Бухару́, Фергану́, затем через Хораса́н в Афганистан, и наконец, в Индию.

Восемь лет прошло со дня выезда Ибн Баттуты из родного Танжера. Наконец, после многих мытарств, он в Индии. Его глазам открылись морское побережье страны, острова, удивительный растительный и животный мир, древние города и храмы. Ибн Баттута изучает населявшие Индию народы, их верования и обычаи, государственный порядок, знакомится с их земледелием, ремеслами и торговлей.

Среди населявших Индию народов было много арабов. В Индии они стали селиться еще в VII в., особенно в городах на южном побережье. Велика была роль арабов в хозяйстве, культуре и политике этой страны. Через арабских купцов осуществлялись торговые связи Индии с Востоком и Западом. Арабы способствовали распространению ислама и своих обычаев во многих провинциях. Арабы становились министрами, посланниками, военачальниками, флотоводцами, сборщиками налогов и другими чиновниками у раджей (князей), которые их охотно принимали на службу. Раджи были неограниченными властителями в своих провинциях.

О своем пребывании у одного пенджабского эмира (правителя области) Ибн Баттута рассказывает следующее: «Когда я посетил его, эмир взял меня за руку и посадил рядом с собой. Я принес в дар раба, коня, немного изюма и миндаль... это самые ценные из всех подарков... ибо изюм и миндаль здесь не встречаются».

Установив добрые отношения с эмиром, путешественник обеспечил себе дальнейший путь в Дели, который продолжался 40 дней.

Делийскому султану, желавшему подчинить себе мелких князей своей страны, советы и широкие познания арабского путешественника оказались очень полезными, и султан стал возлагать на Ибн Баттуту важные поручения. Его посылают к эмирам разных областей: он отвозит им подарки, ведет переговоры.

В 1342 г. Ибн Баттута в роли посла султана должен был посетить Цейлон и уладить пограничные споры с Китаем, грозившим войной. Переговоры были им успешно проведены. Но Ибн Баттута не был бы самим собой, если бы не побывал на островах Индонезии.

Познакомившись с Суматрой и другими островами Индонезии, Баттута на легкой лодке — джонке отправился в китайский порт Зайту́н на берегу Восточно-Китайского моря. Оттуда он в те-

чение 27 дней плыл по крупнейшей реке Китая Янцзы́, знакомясь, по своему обыкновению, со страной.

На этом завершилось первое, длившееся 24 года, путешествие Ибн Баттуты. На востоке он дошел до Тихого океана, на юге до современного Мозамбика, а на севере — до Булгара. В 1347 г., когда уже не было в живых султана, который ему покровительствовал, а сам Делийский султанат клонился к упадку, Ибн Баттута возвратился на родину. На обратный путь он затратил два года, прибыв в Танжер в 1349 г.

Книга. Вскоре неутомимый Ибн Баттута отправился на Пиренейский полуостров, а затем в мусульманские страны Африки — Мали́ и Западный Суда́н.

Когда Ибн Баттута вернулся в Марокко из своего второго путешествия, его призвал к себе правитель государства. Выслушав подробный рассказ Баттуты о совершенных путешествиях, он сказал: «Ты славно послужил аллаху: побывал в святых местах, принес нам сведения о всех мусульманах, где бы они ни проживали, и поведал о дальних странах, с которыми мы могли бы наладить торговлю. Твоя торговля на чужбине принесла тебе богатство. Продолжай заниматься ею в Фесе, нашей столице. А пока я приставлю к тебе опытного писца. С твоих слов он запишет все, что ты сможешь рассказать о своих странствиях».

Волю правителя выполнили. Через два года была написана на арабском языке книга, которая сразу же привлекла всеобщее внимание.

Таких людей, как Ибн Баттута, сочетавших торговлю с любовью к путешествиям, было немало среди купцов. Но только ему удалось объехать Ближний и Дальний Восток, Северную Африку, Южную, Западную, Восточную Европу и Византию. Недаром его считали величайшим путешественником средневековья.



Бинта

— Тысячи историй можно рассказывать о бескрайней Африке, и никогда не иссякнут эти рассказы, как не иссякает вода в великих африканских реках и в океанах, что омывают ее берега. — Сказав так, старик прикрыл глаза и замолчал, а дети зашевелились, усаживаясь поудобнее вокруг костра.

Огромное солнце скрылось за деревьями, и сразу же, как это бывает в тропических странах, деревня погрузилась во тьму. Рядом послышался смех и звуки музыки: взрослые начали танцевать. В лесу за рекой жалобно застонала какая-то птица, тревожно перекликались обезьяны, напоминая друг другу, что хищники вышли на охоту. Ночной африканский лес наполнился таинственными звуками, а для детей наступил час вечерних историй. Все придвинулись к огню и приготовились слушать.

— Сегодня я расскажу вам историю, которая случилась в давние, давние времена, пятьсот лет назад. Но начну я издалека, а потому, если среди вас есть нетерпеливые и ленивые, пусть сразу уходят.

— Нет, нет,— закричали дети,— рассказывай, рассказывай, дедушка! — И старик продолжал.

— Так вот, учитель говорил вам, как велика и разнообразна наша Африка. На севере ее начинается огромная пустыня Сахара, а южнее ее лежит знойная степь, поросшая жесткой, колючей травой. В ее зарослях играют быстрые антилопы и дремлют сонливые львы, семенят прожорливые гиены и покачиваются пятнистые жирафы. Еще дальше на юг гуще и выше становятся заросли, степь порастает лесом, лес превращается в джунгли. Влажные и душные джунгли, как вы знаете, полны всевозможных зверей и птиц,

ползающих и летающих тварей. Корни, лианы, малярийные болота и илистые реки преграждают дорогу. Человеку нелегко выжить в Африке; природа здесь не знает пощады. Тут всего больше меры: засухи и ливни, тучи насекомых и жестокие болезни, огромные деревья и фантастические бабочки, яркие краски и удивительные цветы.

Но человек в Африке живет почти везде. Знаете ли вы, что африканцы разнообразны и не похожи друг на друга, как разнообразна наша природа? В Сахаре живут выносливые и подвижные арабы, берберы, туареги, приручившие верблюдов; в саваннах и лесах — разноязыкие негритянские народы, чья черная кожа хорошо приспособлена к палящим солнечным лучам. Везде в Африке люди научились ладить с неистовой природой. Кочевники и скотоводы жили тем, что брали у пустыни и полупустыни, земледельцы — тем, что брали у саванны, люди леса охотились в джунглях, рыбаки промышляли на опасных реках, где таятся коварные крокодилы.

Так они и жили веками, каждый на земле своих предков. Но помните, дети, и я хочу, чтобы вы не забыли мои слова: захватывающие события начинаются только тогда, когда человек выходит навстречу другому человеку, народ встречается с народом, жизнь одних людей сливается с жизнью других. Стоячий пруд быстро зарастает ряской, зато река тем полноводней, чем больше ручьев принимает она в свое русло.

Вот и в истории наших народов торговля, обмен, разнообразные связи и взаимный интерес сыграли огромную роль. Все началось с того, что людям саванны и леса ужасно не хватало соли. Когда жарко, человек быстро теряет соль вместе с влагой, которая выходит из организма, и должен постоянно пополнять ее запасы. Соли много в пустыне, где на соляных копях ее вырубают прямо из земли. И вот давным-давно люди пустыни стали привозить соль людям саванны и леса. В обмен от людей леса они получали золото, которое те добывали на рудниках, затерянных в лесных дебрях. Местонахождение этих рудников держали в страшной тайне. О них существует множество легенд и историй, но об этом я вам расскажу как-нибудь потом.

Старик ненадолго замолчал, потому что над костром метнулась летучая мышь и дети вскрикнули.

— Так вот, соль, а потом и другие товары: ткани, пряности, изысканную одежду, дорогие кожи и рукописные мусульманские книги — везли с севера на юг караваны предприимчивых и богатых арабских торговцев. Они селились в местах обмена, где и возникли знаменитые торговые города Западной Африки, о которых вы, наверное, слышали: Дженне, Гао, Томбукту. Города эти находились на полпути между пустыней и лесом — в саванне, и поскольку торговля шла хорошо, быстро росли и богатели, привлекая окрестное население.

К сожалению, эти города не раз становились яблоком раздора между африканскими государями и причиной кровопролитных войн. К XV веку слава и достаток этих городов настолько выросли, что слух о них дошел даже до далекой Европы, возбуждая любопытство европейских купцов.

Именно с одним из этих городов — с Томбукту — связана удивительная история, приключившаяся с героиней моего сегодняшнего рассказа. Но я вижу, вы уже устали, продолжим завтра,— заметил старик.

— Нет, нет,— снова в один голос закричали дети,— мы будем сидеть тихо, только рассказывай!

— Ну что ж, тогда придется Мамаду еще подбросить дров в костер,— промолвил старик, обращаясь к одному из мальчиков.

Над горизонтом поднялась оранжевая луна. Дети затаили дыхание. Старик снова заговорил.

— Давным-давно в одной африканской деревне, населенной людьми из народа фульбе, которые разводят и пасут коров, жила девочка по имени Бинта. Отец Бинты был человеком из старинного знатного рода, к тому же состоятельным. У него было большое стадо холеных длиннорогих коров. А в его хозяйстве работало немало зависимых, несвободных батраков или, попросту говоря, домашних рабов. Обычно это были пленники, которых захватывали в битвах или похищали. В старину люди фульбе, как, впрочем, и многие другие африканские народы, всегда различали свободных и зависимых людей, знатных и незнатных.

Именно такой домашней рабыней-пленницей была мать Бинты. Отец взял ее замуж за красоту. Лицом Бинта пошла в мать, и сводные сестры жестоко завидовали ей и часто давали понять, что она им не ровня. Надо сказать, что отец Бинты был мусульманин, как и все мужчины его деревни, а значит, мог иметь несколько жен. Причем другие жены были по происхождению свободные. Нетрудно понять, что Бинте чаще других девочек приходилось ходить за много километров от деревни на дальний базар. Вставала она рано-рано и всю дорогу несла на голове тяжеленную корзину с маслом и сыром. Часто в самые жаркие дни, когда другие сестры отдыхали, ей приходилось, не разгибаясь, пропалывать огород. Вечером принаряженные девушки отправлялись повеселиться, а Бинта из последних сил растирала грубым пестом просо в высокой ступе или заканчивала чужую работу.

Словом, жилось ей не сладко, а характер у нее был гордый, в отца. Уже давно подумывала Бинта о том, чтобы уйти из дома. Но, как вы знаете, мои дорогие, человек без родственников в Африке — все равно что птица без крыльев: без роду, без племени, без помощи — пропащая душа. Так что Бинта плакала и терпела. Но как-то раз, когда одна из сестер уж очень сильно обидела ее, Бинта собралась с духом и решила бежать в далекий город Томбукту, где, как она слыхала, жил ее дядька по отцовской линии.

Бинта выскользнула из дому задолго до рассвета в холодную тьму. — При этих словах дети поежились и сели поближе к огню. — Сначала она бежала по лесной тропинке бегом, но через некоторое время перевела дух и пошла шагом. Тропинка стала шире, рассвело.

Вскоре впереди за деревьями блеснула вода. Это был Нигер, наша великая река. На берегу Нигера виднелось несколько островерхих хижин. «Деревня»,— обрадовалась Бинта и ускорила шаг. Однако радость ее оказалась преждевременной. В деревне, куда она попала, жили рыбаки. Они были почти голые (небольшие передники у мужчин и куски ткани вокруг бедер у женщин) и очень худые: чувствовалось, что жизнь у них голодная. Вид Бинты — на ней была пестрая юбка-пань, красивые браслеты и серьги в виде больших колец, к тому же очень тщательно сделанная прическа, напоминающая гребень,— вызвал у них большое любопытство. Они обступили ее, долго о чем-то совещались, а потом схватили и заперли в темной хижине. Наступил вечер. Бинта плакала и вспоминала дом. Дверь приоткрылась, и ей просунули еду: густой соус с кусками вяленой рыбы (его называют кускус) и болтушку из воды с просяной мукой.

Через некоторое время раздались звуки барабана и рожков. Бинту вытащили на воздух. Вокруг нее плясали люди в страшных масках из кожи и дерева, женщины хлопали в ладоши и были очень оживлены, горели факелы. Пожилой человек с лицом, раскрашенным красной и белой краской, объяс-

нил Бинте, с трудом подбирая слова (рыбаки говорили на другом языке, чем тот, который был распространен в ее родных местах), что ее решили принести в жертву Великому Питону. Питон считался хозяином воды и покровителем людей реки. Они думали, что от его благосклонности зависел размер улова, а с уловом уже давно было очень плохо. Люди жили на грани голодной смерти. Чтобы угодить Питону, ему решили подарить Бинту — такую красивую, нарядную и даже неплохо накормленную. Бедняжка похолодела от ужаса и потеряла сознание.

Бинта пришла в себя уже в воде. Оказывается, рыбаки положили ее в длинную долбленую лодку и отвезли на середину реки, где и сбросили в воду. Но течение было быстрым и сразу же понесло легкую девочку прочь от лодки. В холодной воде Бинта очнулась. А так как она умела плавать,— старик многозначительно поглядел на ребят,— то сумела добраться до берега.

Но на этом приключения Бинты не кончились. На следующий день, обсохнув и выспавшись, Бинта снова пустилась в дорогу. Она никак не могла понять, почему по пути ей попадаются деревни, где нет ни души, валяется брошенная посуда, а в неубранных полях безнаказанно орудуют обезьяны. Не успела Бинта как следует оглядеться, как послышался конский топот, и на поляну въехали всадники в темных плащах, низ лиц прикрыт голубой тканью. Это были туареги. Бинта мигом сообразила, почему обезлюдели деревни: всех угнали в рабство туареги — кочевники и воины, живущие в пустыне и сухой степи. В давние времена они не раз совершали опустошительные набеги на деревни земледельцев, брали пленников, уводили их в города и там продавали правителям и вождям или арабским торговцам.

Девочка кинулась в заросли, но было уже поздно: ее схватили и вскоре ей пришлось присоединиться к веренице других пленников, в основном женщин и детей. Безжалостно колотя, конвоиры погнали их на север. С ними Бинта и вошла в город Томбукту.

Томбукту поразил ее огромными размерами. Вдоль узких улиц лепились друг к другу глиняные дома в несколько этажей: торговые конторы, лавки и склады, дома купцов, мастерские ремесленников — ткачей, кожевников, горшечников. Бинта смотрела вокруг во все глаза и даже на время забыла о своем безрадостном положении. Сколько народу сновало по улицам в этот утренний час! Были здесь надменные воины-туареги и знатные сонгаи (народ Западной Африки, ставший основой одноименного государства) из свиты городского правителя, все в ярких кафтанах. Неторопливо прогуливались, беседуя, арабские и берберские купцы в халатах из дорогих тканей, в разноцветных тюрбанах. Разносчики угля и водоносы, шумные женщины с корзинами на головах — словом, люди разных племен, разных занятий и разного положения наполняли улицы. Бросалось в глаза, что в городе много людей ислама — степенных мусульманских судей, законоучителей, проповедников. Были там и бродячие торговцы с большими корзинами на головах,— знаете, из тех, кто ходит от рынка к рынку, от места к месту и меняет вкусные орехи-кола на соль, соль — на ткани или какую-нибудь мелочь, а иногда и на пленников.

На улице царило оживленное, приподнятое настроение. Бинта, конечно, не знала, с чем это связано. А дело было в том, что незадолго до того, как Бинта попала в город, пришел конец правлению в государстве Сонгай (на территории которого тогда находился Томбукту) ненавистного для горожан государя. Во время одного из военных походов он утонул в реке. Этот человек был воинственным завоевателем, кото-

рому удалось объединить мечом множество мелких государств и создать под своей властью великую Сонгайскую державу. Но с людьми города этот правитель (его звали сонни Али Бер) был груб и жесток. Он обложил городскую торговлю тяжелым налогом, обижал и притеснял именитые городские семьи, прежде всего купечество и духовенство. После его смерти разгорелась недолгая, но яростная борьба, и вот на трон Сонгайского государства возвели царя, которого жители города считали образованным и благочестивым. Он покровительствовал торговле и мусульманской вере, что для горожан было очень важно. И по этому поводу многие в городе радовались и веселились.

Бинте, конечно, было не до веселья. Все же по дороге она успела заметить,



Фрагменты бронзовой доски дворца правителя средневекового африканского государства Бенин. *XVI в.*





что в городе было по крайней мере две больших мечети — места, где молятся мусульмане — и пышный дворец городского главы. Но главной достопримечательностью города был рынок. Именно там происходила торговля золотом и солью, от которой зависело процветание города. На этот же рынок привели несчастных рабов. Оставив их под навесом, хозяин стал дожидаться покупателей.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей и не расплакаться, Бинта стала смотреть по сторонам. Она увидела, как сидевший слева купец аккуратно разложил перед собой небольшие куски соли. Кто-то из невольников рассказал Бинте, что соль добывают далеко от Томбукту, посреди пустыни, в месте под названием Текказа. Это очень невеселое место, там ничего не растет, вокруг лишь соль и песок. Даже дома и мечеть в городе сложены из больших кусков соли, а вместо крыш натянуты шкуры верблюдов. Чернокожие рабы туарегов, а именно туарегам принадлежат эти копи, спускаются в ямы и под палящим солнцем вырубают белые бруски соли, похожие на мраморные плиты. Цена такого «камня» высока, и она тем выше, чем чище соль, чем меньше в ней красных прожилок. Тяжелые бруски обвязывают ремнями, навьючивают на верблюдов и долго везут в Томбукту и другие города южнее Сахары. Там эти бруски тщательно распиливают на ровные куски разного размера и в таком виде уже продают.

Бинта задумалась, представляя, как бредет по пустыне караван, груженный солью, как он заходит в пыльные городки и оазисы, как усталый погонщик вскрывает кривым ножом кожаный мешок и достает вяленые финики. Ее мысли были прерваны подзатыльником хозяина. Оказывается, к пленникам приблизилась группа хорошо одетых людей, судя по всему, покупателей. Чувствовалось, что это знатные люди, может быть, придворные из свиты городского главы. На каждом было дорогое шелковое бубу — широкое свободное платье без застежки и расшитые туфли без задников. В группе выделялся высокий худой старик в белом тюрбане, перебиравший четки из красного камня.

Он был просто одет, но держался с большим достоинством, и все остальные относились к нему с заметным почтением. Он спросил, откуда родом пленники, окинул всех пристальным взглядом, и тут его глаза встретились с глазами Бинты.

Он велел девочке подойти. Каково же было удивление окружающих, когда он узнал в ней свою родную племянницу!

Как вы догадываетесь, он выкупил ее у работорговца, и Бинта снова стала свободной. Но теперь жизнь ее пошла совсем по-другому, чем в доме отца. Дело в том, что старик был одним из самых уважаемых и известных лиц в городе — имамом, или главой одной из городских мечетей.

Жители глубоко почитали его за мудрость и знание законов. В свободные часы он занимался с учениками: учил их читать и писать, толковать тексты из священной книги мусульман — Корана, слагать красивые стихи. Старику понравилось, что Бинта была любознательна и сообразительна и он разрешил ей посещать эти занятия. Позже, когда Бинта выросла, она стала не только грамотной, но и образованной женщиной и могла поспорить в учености со многими почтенными мужами Западной Африки. Но об этом — в другой раз.

Старик замолчал. Казалось, он дремлет. Дети поняли, что на сегодня истории закончились. Костер почти догорел, а полная луна поднялась еще выше.



АННА Д’АРК

Призвание. По дороге в Вокулéр шли двое спутников. Старший — по виду крестьянин — нес на плече палку с котомкой. Рядом с ним широко и уверенно шагала рослая девушка лет семнадцати, одетая в заплатанное красное платье. Путники оставили позади уже не один десяток лье. Они проходили по унылой местности, опустошенной войной. С полей доносился запах гари. В деревне из развалин одиноко торчали обугленные печные трубы. Иногда навстречу попадались пьяные бургундские солдаты, копьями подгонявшие пленников со связанными руками.

— Дядюшка Дюран,— взволнованно обратилась девушка к своему спутнику,— до каких пор эти люди будут разбойничать на нашей земле?

— Англичане и их союзники бургундцы заняли Париж. Ты ведь знаешь об этом, Жанна. Они осадили Орлеан. Скоро, наверное, возьмут и его. Тогда вся Франция будет в их руках...

— Им не погубить нашу прекрасную Францию. Я твердо знаю, что все англичане будут изгнаны с французской земли, кроме тех, кто найдет на ней смерть!

— Я тоже так думаю, Жанна. Говорят, в Нормандии поднялись все крестьяне. Они нападают на обозы англичан, уничтожают их гарнизоны. Если б только наш дофин дал оружие всем, кто хочет сражаться! Но что может поделать дофин Карл, если король признал своим наследником английского короля Генриха V... Лишить престола собственного сына! И вправду, видно, король безумен. А королева сговорилась с англичанами и предала Францию! А теперь вот наш король умер, и милая Франция, наша родина, в беде.

Дофин жил, покинутый соратниками своего отца, то в небольшом городке Буржé, то в замке Шинóн. Эта часть Франции была еще свободна от англичан. Безвольный, неспособный стать на защиту страны, дофин утешался в своих невзгодах охотой и пирами.

К нему-то и решилась прийти на помощь девушка.

— Дядюшка Дюран, как ты думаешь, если я сумею убедить господина капитана дать мне вооруженных людей и приду с ними к дофину, поверит он мне?

— Все это пустое, Жанна...

— А ты слыхал, что говорят в народе: Францию погубила женщина — изменница королева Изабелла, а спасет девушка.

— Как не слыхать: все только и толкуют об этом. Передавали мне (он понизил голос), будто девушка та родом из Лотарингии.

Жанна вспыхнула. Ее затаенная мечта находила подтверждение в народной молве: ведь и она родилась на границе Лотарингии и Шампани, в деревне Домреми.

«А что если и вправду это мое призвание? Я должна спешить на помощь родине и дофину! Став королем Франции, он прогонит англичан,— думала Жанна,— а я должна быть около него в назначенный час, хотя бы мне пришлось для этого изранить свои ноги до колен!» Эти мысли придавали Жанне упорство, помогали преодолевать нелегкий путь.

Девушка была набожной, как и все люди того времени. Она родилась между 1410 и 1412 гг. и с детства жила в тревожной обстановке войны. По ночам просыпалась от звуков набата, криков и плача женщин. Неделями полыхало зарево пожаров, черный дым застилал горизонт. Когда ей было 13 лет, на ее родную деревню напала шайка бургундцев. Крестьяне сражались с ними самодельным оружием, кольями, вилами, топорами. После кровопролитной схватки грабители угнали весь скот, унесли

с собой из крестьянских домов одежду и продовольствие.

Жалость и возмущение Жанны становились все настойчивее и острее. Она любила мечтать о подвигах, забравшись на вышку старой заброшенной крепости. В долгие вечера, сидя за прялкой, она прислушивалась к рассказам матери о чудесных деяниях мучеников и мучениц за веру и счастье людей. Изображения этих святых она видела в своей деревенской церкви. Часто на опушке леса, под дубом, где она пасла овец, в ее воображении вставали неясные образы святых и будто бы слышались их голоса. Теперь ей стало казаться, что эти голоса призывают ее совершить религиозный подвиг: спасти Францию от нашествия англичан. Это был голос ее совести, зов ее народа...

Когда в Домреми дошла весть об осаде Орлеана, Жанна окончательно решилась участвовать в войне. Не простясь с родными, покинула она свою деревню. И вот она в пути.

Смело предстала девушка перед Робéром де Бодрикýром — комендантом ближайшей крепости Вокулéр. Речь ее была краткой:

— Конечно, наше государство еще не принадлежит дофину, но мой господин повелевает дофину стать королем и изгнать англичан.

— Значит, ты хочешь пойти к дофину, чтобы короновать его?

— Да, монсеньор.

— А кто велит тебе короновать дофина?

— Царь небесный!

Робéр де Бодрикýр долго смеялся. Потом смягчился.

— Дурочка, я и сам бы рад помочь нашему дофину. Да что поделаешь. — Снова расхохотался: — Царь небесный! Вот пусть он тебе и даст солдат. Учить меня вздумала!

Отказ осторожного и недоверчивого де Бодрикура не сломил решимости Жанны. Через девять месяцев, в январе 1429 г. она окончательно покинула родную деревню.

От Вокулера до Орлеана. Капитан де Бодрикур угрюмо молчал. «Житья не стало от этих бургундцев»,— думал он, вспоминая Жанну. В последнее время в городе много о ней толковали как о будущей чудесной спасительнице родины. Горожанам передавалась горячая убежденность юной патриотки в победе над врагом.

«А может быть, они правы, что ей верят?» — раздумывал Бодрикур, когда в его дверь настойчиво постучали. На пороге стояла все та же девушка в красном стареньком платье и рядом с ней — рыцарь по имени Жан из Мéца. Их окружали сторонники Жанны, в том числе священники, Жанна спокойно улыбнулась и торжественно произнесла:

— Господин капитан! Да будет вам ведомо, что господь бог несколько раз возвестил мне свою волю идти к дофину. Дофин даст мне войско. Мы снимем осаду с Орлеана, и я поведу дофина в Реймс, чтобы там его короновать. Я пришла просить вас проводить меня к королю.

Все разом стали горячо убеждать капитана дать Жанне вооруженный отряд.

Бодрикур все еще колебался. Он по-прежнему не верил крестьянской девушке. Требования ее были необычны. Но он все больше убеждался в ее здравом смысле и непоколебимой уверенности, а главное, в поддержке ее сторонниками дофина.

— Когда вы хотите ехать к дофину?

— Ехать сейчас было бы лучше, чем завтра, но выехать завтра будет лучше, чем откладывать на послезавтра!

Через несколько дней согласие капитана было получено. Отряд снаряжался недолго. Горожане вскладчину купили Жанне лошадь и оружие. Крестьяне снабдили ее на дорогу хлебом и сыром.

В хмуром феврале 1429 г. маленький отряд из семи человек выехал за городские ворота Вокулера. Жанна по-крестьянски крепко держалась в седле. Мужская прическа и одежда, сапоги с длинными голенищами и шпорами, короткий меч и щит делали ее неотличимой от спутников. Капитан де Бодрикур кивнул ей головой и вздохнул:

— Ну что ж... Езжай с богом. И будь что будет. В добрый путь!

А путь предстоял долгий и опасный. За Луарой разбойничали шайки дезертиров. Поэтому передвигаться приходилось по ночам, пережидая день в придорожной канаве. Копыта коней вязли в жидкой грязи. Всадники переправлялись вброд через разлившиеся в половодье реки. На одиннадцатый день вдали обозначились стены замка Шинон.

...Без особого волнения вступает Жанна в парадную залу. Ее слепит свет сотни факелов. Но она найдет, конечно, дофина в пестрой толпе придворных. А он старается скрыться за их спинами от пытливого взгляда девушки. Место дофина, по уговору с ним, занял один из пажей. Этот маскарад устроен для того, чтобы испытать проницательность «ясновидящей». Дофин колеблется, как ему поступить. До него дошел слух о новоявленной святой, уже признанной простыми людьми Франции. «Хорошо бы ее использовать,— мечтает он,— да вдруг окажется девчонка непослушной?»

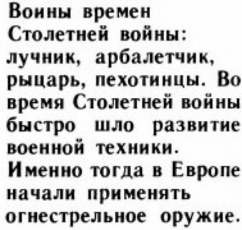
Жанна отыскивает взглядом дофина: вот он — тщедушный юноша в старом камзоле с надставленными руками!

Жанна приближается к дофину, отвешивает ему низкий поклон:

— Дорогой дофин, бог послал меня для того, чтобы принести вам спасение. Дайте мне людей, и я сниму осаду с Орлеана, а затем поведу вас короноваться в Реймс. Бог хочет, чтобы англичане вернулись в свою страну и оста-







Воины времен Столетней войны: лучник, арбалетчик, рыцарь, пехотинцы. Во время Столетней войны быстро шло развитие военной техники. Именно тогда в Европе начали применять огнестрельное оружие.







вили в мире наше королевство. Отныне оно будет принадлежать вам.

Нагнувшись к самому уху дофина, девушка продолжает:

— Ведь вы, Ваше высочество — законный наследник французского престола. — Последние слова она произнесла многозначительно, и это, по-видимому, решило исход дела.

«Она признает меня законным сыном короля. И ей поверят все, как верю я,— взволнованно думает дофин Карл. — А как долго мучался я сомнениями и стыдом, когда по углам все шептались о моем незаконном происхождении... Вся Франция признáет меня королем!»

Теперь Карлу было необходимо, чтобы служители церкви признали Жанну.

Для девушки потянулись мучительные недели дознаний. О чем только ни спрашивали ее богословы и юристы, покуда убедились, что она не подослана дьяволом!

— По твоим словам, Жанна, получается, что бог хочет помочь французскому народу избавиться от бедствий. Ну а если Францию освободит сам бог, то зачем же тогда нужны солдаты?

— Солдаты будут сражаться, и бог пошлет им победу!

— Можешь ли ты сотворить чудо?

— Я пришла сюда не творить чудеса. Отправьте меня в Орлеан.

В искренних и спокойных ответах девушки ощущалась такая ненависть к врагам короля и родины, уверенность в победе, что подозрительность советников короля постепенно уступала место восхищению. К тому же они были трезвые и опытные политики. «Жанна сослужит нам свою службу, а там видно будет»,— думали они.

Наконец Жанне позволили отправиться в расположение войска. В городе Туре она заказала себе шлем, латы и панцирь — полное рыцарское вооружение. Она долго выбирала оружие, покуда не нашла в одной старой часовне меч, насчитывающий не одно столетие давности. Из Тура Жанна выехала в Блуá, где расположилась армия дофина. Туда отовсюду стекались люди. Они везли продовольствие, скот, оружие, порох для армии и орлеанцев. Армия в семь тысяч человек готова была двинуться на помощь осажденным.

Солдаты верили, что Жанна принесет им счастье. За время трудного пути выносливость и простота Жанны завоевали ей всеобщую любовь. Девушка спала на голой земле, не снимая кольчуги, разделяла с воинами их скудную пищу, живо интересовалась военным делом, оружием, особенно артиллерией.

Получив от дофина приказ выступать, Жанна вскоре переправилась с небольшим отрядом на лодках через бурную реку Луару, отделявшую Орлеан от французской армии. В темноте им удалось незаметно обойти вражеское укрепление.

— Скорее! — торопила Жанна. — Ведь горожане томятся в осаде уже 200 дней!

Освобождение Орлеана. В стенах Орлеана находилось до 15 тысяч жителей. Город имел большое военное значение как последний оплот французов в центре страны. Если бы английским войскам удалось взять Орлеан, путь на юг был бы открыт и вся южная Франция вскоре оказалась бы в их руках. Осада города была для врагов сложным делом. Стены его толщиной до 3 м поднимались ввысь на 6—10 м.

Предместья города охранялись несколькими крепостями; самая мощная из них — Турéль стояла на мосту и защищала Орлеан со стороны Луары. Взять город можно было лишь длительной осадой, одолев его население голодом. Орлеанцы тщательно укрепляли стены города. Они создали отряды народной милиции для охраны стен и башен, строили прикрытия для артил-

лерии на городских стенах, пробивали бойницы, возили камень для пушечных ядер из далеких каменоломен, изготовляли тысячи стрел и дротиков. Даже беднейшие жители города не отказывались жертвовать на оборону.

Англичане все теснее сжимали кольцо укреплений вокруг Орлеана. Их пушки разрушили множество домов и 12 мельниц. Город оказался без хлеба. Пала крепость Турель. Орлеанцы защищали ее 12 дней. Наравне с мужчинами женщины отбивали атаки, обливая врагов кипящим маслом и осыпая их раскаленными углями. Между тем капитаны городского гарнизона не торопились переходить к активной обороне. Ведь только затяжная война сулила им обеспеченную жизнь. Наемные солдаты слонялись без дела, грабили мирных горожан.

Но и положение англичан было трудным. Их предводитель граф Со́лсбери был убит ядром. Армия его рассеялась по окрестным городам и селам в поисках пропитания. Английские лучники уходили из-под стен Орлеана, опасаясь, что зима застанет их в холодных землянках.

Однако никто из французских капитанов не отваживался использовать удобный момент для контрнаступления. Они боялись доверить это народу.

Горожане теряли веру в своих защитников — рыцарей и солдат, роптали: «Нас предают! У нас есть оружие, а нам не позволяют воевать».

Приближалась весна 1429 г. Полководец Джон Та́льбот привел новую армию англичан. Они окружили Орлеан полукольцом укреплений. Горожанам необходимо было переходить к решительным действиям. Но у них не было вождя. Город жил слухами о девушке-воине, которой предстояло спасти Орлеан.

Вечером 29 апреля 1429 г. Жанна д'Арк въехала в Орлеан на коне. Ее панцирь и латы сверкали при свете факелов, белое знамя плескалось над головой.

«Веди нас в бой!» — восклицали орлеанцы. Женщины поднимали к ней на седло своих маленьких детей. Все толпились, чтобы разглядеть ее поближе. В этот момент один факельщик случайно зажег знамя Жанны. Не сходя с коня, она быстро и ловко загасила огонь. Толпа рукоплескала ей: все в ней казалось чудесным.

На другой день после прихода Жанны городская милиция перестала повиноваться капитанам гарнизона. Огромная толпа собралась на улице и только ждала знака Жанны к выступлению.

Еще с дороги Жанна отправила Тальботу для передачи королю англичан письмо с требованием возвратить ключи от всех захваченных им французских городов. Она писала: «Если Вы, король англичан, не сделаете этого, то я как военачальник выгоню ваших воинов из Франции, где бы их ни настигла, и они уйдут из нее волей или неволей». Письмо осталось без ответа. Вопреки всем законам войны англичане заковали в цепи посла Жанны и присудили к сожжению как сообщника ведьмы. Теперь, когда Жанна появилась в Орлеане, английские солдаты были охвачены суеверным ужасом. Их убеждали, будто колдовские чары Жанны заставят горожан перейти в наступление.

4 мая из Блуа пришла долгожданная армия французов. Полководец Дюнуа́, брат дофина, приказал наступать на крепость Сен-Лу, а от народного ополчения это скрыли. Однако в городе тотчас же узнали о наступлении. Шум, крики и звон набата разбудили Жанну. Узнав, в чем дело, она облачилась в доспехи и вскачь понеслась туда, где слышалась перестрелка. «Остановитесь! — кричала она отступавшим солдатам,— не показывайте врагу спину! Мы обязательно победим!»

Жанна в первый раз участвовала в бою, но сразу же увлекла за собой людей, стала их командиром. Победа французов была уже близка. Вдруг они заметили, что большой отряд англичан движется на помощь гарнизону Сен-Лу. И тут Жанна впервые проявила свои способности военачальника: она приказала резерву ополченцев развернуться и выставить пики навстречу врагу.

Несколько мгновений враги неподвижной стеной стояли друг против друга. Не выдержав, англичане дрогнули и отошли.

Выступление французов на этот раз продолжалось более трех часов. Важное военное укрепление Сен-Лу было взято. Это была первая победа французов за долгие месяцы осады. После нее обстановка под Орлеаном изменилась коренным образом: верхнее течение Луары перешло в руки горожан.

Жанна принимала участие во всех военных приготовлениях, помогала создавать дисциплинированные отряды ополченцев. Часто навещала она храбрых пушкарей. Городская артиллерия насчитывала более 70 орудий: руками самоотверженных городских мастеров создавались они, и те же руки приводили их в действие. Меткой стрельбой прославился пушкарь Жан, весельчак и балагур. Его заметили англичане и избрали своей мишенью. Чтобы обмануть бдительность врагов, он по нескольку раз в день на глазах у них валился на землю при падении английского ядра, притворялся мертвым и давал себя унести. Вскоре, живой и невредимый, появлялся он в самом неожиданном месте и вновь поражал врага.

Слава Жанны перешагнула стены Орлеана. Тайными тропами по ночам в осажденный город пробирались крестьяне из дальних сел. Жанна набирала из них новые отряды солдат. До поры до времени дворяне брезгливо терпели народ в рядах рыцарской армии, но не доверяли ему.

5 мая вечером собрался военный совет: Дюнуа, Ля Гир и Гокур — глава Орлеанского гарнизона. Не пригласили только Жанну: боялись, что через нее народу станут известны их планы.

Военачальники рассчитывали использовать народное ополчение в качестве приманки для англичан: отвлечь на него огонь противника на правом берегу Луары, а тем временем дать возможность рыцарям напасть на Турель.

После совета Жанне частично сообщили замысел этой операции. Но она сразу разгадала обман:

— Скажите мне, что вы задумали. Я умею хранить тайны.

— Успокойся, Жанна, — отвечал Дюнуа,— все, что было сейчас сказано,— правда. Впрочем,— перестроился он на ходу,— если англичане придут на помощь своим людям на этой стороне, то мы переправимся через реку и ударим по Турели.

Жанне только это и требовалось узнать (она сама предполагала, что готовится штурм Турели: без этого невозможно было освободить город от осады). Приготовления военных не укрылись от внимания горожан.

Утром 6 мая вооруженные ремесленники устремились к городским воротам Орлеана, которые усиленно охранялись. Начальник гарнизона Гокур пытался остановить толпу:

— Не могу я вас пустить, не приказано.

— До каких пор нас будут держать в стороне от дела? — неистовствовал чернобородый кузнец с кувалдой в руке.

Народ послал за Жанной. Она гневно потребовала открыть ворота: «Вы очень злы,— обратилась она к охране,— мешая этим людям выйти отсюда. Но хотите ли вы этого или нет, они выйдут и сделают свое дело так же хорошо, как и в прошлый раз!»

Толпа, ободренная голосом Жанны, бросилась на солдат.

Гокур подчинился. Увлеченный общим настроением, видя вокруг лица, полные решимости, он настежь распахнул ворота и крикнул горожанам: «За мной! Я буду вашим капитаном!»

Ремесленники построились в отряды. К ним присоединились солдаты гарнизона. Гокур с Жанной возглавляли колонну. Позже об этом событии было записано в одной из хроник: «Так Жанна с одобрения и согласия граждан Орлеана, но против воли и желания всех королевских начальников и капитанов вырвалась из города и перешла Луару».

Этот случай показал горожанам, что они — та сила, которая освободит родину от вражеского нашествия.

Война становилась народной. Тысячи людей стекались под знамя Жанны д'Арк — крестьянской девушки из Домреми.

На 7 мая после долгих колебаний военный совет назначил штурм Турели. К этому его вынудили горожане. На рассвете войска французов двинулись к переправе через Луару. Вооруженные отряды горожан плотным кольцом окружали Жанну. Она подбадривала их: «Мужайтесь! Не отступайте! Вы вскоре займете Турель!»

Уже после полудня она первая приставила лестницу к крепостной стене. В этот момент стрела вонзилась ей в плечо. Прошло немного времени. Девушка, превозмогая боль и усталость, снова приказала облачить себя в железные латы и посадить на коня.

Верный ее друг Жан д'Олон придумал следующий маневр: укрепить белое знамя Жанны на стене еще не захваченной вражеской крепости. Он рассчитывал, что солдаты, отстаивая это знамя, возьмут с бою крепостной вал. Ведь в этом знамени воины Жанны видели свое боевое счастье! И вот уже Жан д'Олон и солдат Баск, прикрываясь щитом, осторожно ползут по крепостному рву со знаменем в руках...

— Это мое знамя! — удивленно восклицает Жанна и стремительно бросается в ров. Через несколько мгновений белое знамя Жанны д'Арк уже развевалось на гребне крепостной стены.

— Все это принадлежит вам, входите сюда! — радостно крикнула Жанна.

Увидев знамя над Турелью, ополченцы и солдаты приступом взяли крепостной вал.

Англичане отступали по мосту через Луару. Их было более шестисот. В этот момент горожане подвели под мост баржу, наполненную серой, смолой, паклей и старой рухлядью, облили ее маслом и подожгли. Англичане погибали на пылающих досках моста. Их капитаны, отступавшие последними, нашли смерть в волнах Луары. На следующее утро, 8 мая англичане без боя оставили свои последние позиции.

209 дней длилась томительная осада Орлеана, и многие уже теряли надежду на победу. Всего лишь через 9 дней после прихода Жанны Орлеан был освобожден.

Казалось, произошло чудо. Это чудо совершил народ — кузнецы, ткачи, оружейники, каменщики, вдохновленные мужеством девушки-полководца, ее верой в победу. Ведомые ею горожане увлекли своим порывом солдат и победили. Наступил перелом в Столетней войне. Народ Франции взял в свои руки дело освобождения родины от чужеземцев.

На вершине славы. День 8 мая стал для освобожденного Орлеана праздником победы и праздником народной героини Жанны д'Арк, прозванной Орлеанской девой.

Сразу же после триумфа, устроенного в честь Жанны благодарными орлеанцами, девушка отправилась в Тур к дофину Карлу. Дофин успокоился после одержанной победы. Нерешительный, стесненный в средствах, он не хотел больше платить жалованье своим солдатам, и они разбрелись по домам.

Между тем Жанна твердо задалась целью выполнить второе обещание, данное ею дофину: помочь ему короноваться в Реймсе. Давно уже стало обычаем короновать королей Франции в этом древнем городе. Лишь обряд миропомазания мог превратить дофина Карла Валуа в общем мнении народа в законного короля Франции. Коронация в Реймсе означала отказ от условий договора в Труа: от подчинения английской короне. Это было равносильно провозглашению независимости Франции.

Прежде чем короновать дофина в Реймсе, надо было отвоевать этот город у англичан. На этом и настаивала Жанна д'Арк, но ей чинили препятствия королевские советники. Их беспокоило влияние Жанны на дофина, любовь и уважение к ней простых людей Франции.

Для народных масс король в то время был символом свободной Франции. Простые люди считали его защитником от произвола сеньоров. Жанна выражала их волю, когда требовала от дофина завершить начатое дело освобождения страны от англичан.

Однажды, когда Карл остался один, Жанна вошла в его покои и взволнованно сказала: «Дорогой дофин, не собирайте больше длительных совещаний. Немедленно отправляйтесь в Реймс для того, чтобы принять там корону».

Между тем под знамя Жанны стекались все новые бойцы. Оставив свои дома и хозяйство, крестьяне шли в армию, которой руководила крестьянская девушка. К ним присоединялись ремесленники, снаряженные на средства городов.

Обедневшие рыцари закладывали свои полуразвалившиеся родовые замки, покупали новое снаряжение и становились в ряды народной армии. А те, у кого не было денег на коня и доспехи, шли воевать простыми лучниками и копейщиками.

Таким образом к концу мая в армии освобождения было уже около 12 тысяч бойцов. Жанна сама наблюдала за приемом новобранцев. К ней прибывало вооружение, на ее имя города посылали средства для предстоящего похода. Орлеан, ставший арсеналом Франции, снарядил для нового похода артиллерию, выслал для военных работ каменщиков, плотников и оружейников.

Под знамена Жанны встало столько людей, что с их помощью можно было бы вскоре изгнать всех англичан из Франции. Но главнокомандующий Ля Тремýйль боялся принимать в ряды войска всех добровольцев из народа: память о Жакерии еще была жива. «Кто знает,— думал он,— не превратится ли Жанна в нового Жака?»

Пока города на Луаре своими силами вели освободительную войну, Жанна отправилась к ним на помощь. Со знаменем в руках во главе отряда вступила она в предместье города Жаржó. К солдатам присоединились крестьяне. Тем временем англичане предложили перемирие: они ожидали подкрепления. Навстречу Жанне выслали парламентеров. Она резко прервала их речи: «Пусть англичане наденут кольчуги и уходят из Жаржо, чтобы спасти свою жизнь!»

Сражение продолжалось и закончилось полной победой французов.

В июне дофин собрал военный совет. Мнения разделились:

«Только не в Реймс,— твердили осторожные,— путь ведет через Шампань, а там в каждом городе засел гарнизон англичан. Города Шампани нас ждут: бургундцы их разорили!»

«Вот увидите, отцы города сами принесут ключи от своих городов. Стоит только им пообещать не касаться их добра и привилегий»,— убеждал дофина Реньó де Шартр. Реймское архиепископство некогда было его владением, но вот уже 15 лет как его доходы достались англичанам. «Сейчас или

никогда»,— подумал он, а вслух произнес: «Дева права: только поход на Реймс позволит нам выиграть войну».

Дофин наконец решился. Поход был объявлен. Путь в Реймс был открыт благодаря победам Луарской армии и Жанны.

Города Труá, Шалóн и Реймс после небольших колебаний отворили ворота дофину. Но перед тем как их открыть, город Труа для видимости послал несколько ядер в сторону французов. В то время как армия дофина входила в главные ворота, гарнизон бургундцев без боя уходил через другие. Жанну поразило печальное зрелище: бургундцы уводили с собой французских пленников, хотя их король уже победоносно шествовал по улицам города. Жанна в гневе схватилась за рукоять меча: «Наши люди останутся здесь! Или вы сами не выйдете отсюда!»

Она приказала запереть ворота и потребовала у дофина выкупа пленников. Скрепя сердце Карл раскошелился.

По настоянию Жанны солдатам запретили грабить мирное население Реймса, когда французские войска вступили в город.

17 июня 1429 г. дофин торжественно короновался в Реймсе. Он поклялся управлять справедливо и благородно. Затем поверх рыцарских доспехов на дофина накинули мантию, отделанную горностаем. Архиепископ помазал ему голову ми́рром и надел на нее драгоценный венец. Жанна в доспехах стояла рядом с королем. В ее руках было белое боевое знамя.

Такой ее запомнили тысячи солдат, горожан, крестьян, пришедших на коронацию в день торжества их общего дела. Но до конечной победы над врагом было еще далеко. Во время празднества король пожелал наградить Жанну:

— Проси у меня всего, чего ты желаешь!

— Ваше величество, мне ничего не надо, кроме доброго коня, оружия и жалованья для моих людей. Это у меня есть. Но велите освободить от налогов крестьян моей деревни Домреми.

— Повелеваю,— неохотно процедил Карл.

Из Реймса незадолго до коронования Карла Жанна продиктовала герцогу Бургундскому письмо, призывая его пойти на мир с королем и явиться на торжество коронации. Могущественный герцог заключил перемирие с Карлом VII, убежденный не столько словами, сколько победами Жанны.

Предательство. Придворные завидовали Жанне и боялись ее популярности. Они давно уже тайно плели нити заговора, чтобы погубить Жанну. Душою заговора стал любимец короля Ля Тремуйль. К нему присоединился архиепископ Реньó де Шартр. Оба эти человека внушали королю недоверие к Жанне: «Не правда ли, Ваше величество, Дева слишком непослушна? Вы слышали, она заявила, что хочет вернуться в деревню?

Ее нельзя отпускать: она слишком многое сделала. Чернь любит ее и пойдет за ней в огонь и в воду...»

...Партизанское движение охватило всю страну. В Бретани 12 тысяч крестьян, вооружившись кольями и топорами, выступили против англичан. Такие самостоятельные действия зависимых людей всполошили дворян. Ведь партизаны оставались в их глазах всего лишь мятежными мужиками.

Растущая слава крестьянской девушки все более страшила Карла VII и его советников. Коронование совершилось, и, по их мнению, Жанна уже сыграла свою роль. Началась цепь предательств по отношению к ней.

Не раз Жанна порывалась освободить Париж. Король отказывался дать ей войско: тайно от Жанны он договорился с бургундцами о том, что Париж останется в их руках. Герцог бур-

гундский получил право выступить против всякого, кто осмелится напасть на столицу Франции. В таких условиях попытка Жанны с небольшим отрядом взять приступом Париж была безумием. В неравном бою 8 сентября 1429 г. девушка была тяжело ранена. Напрасно Жанна звала короля на помощь. Он не пришел, хотя находился всего лишь в семи километрах от Парижа.

Король «честно» выполнял условия перемирия с врагами. Он уже отрекся в душе от своей спасительницы.

Раненую Жанну заставили уехать из Сен-Дени, предместья Парижа. Оттуда она хоть могла видеть в ясные дни столицу своей Франции. Девушку держали под домашним арестом под видом заботы о ее здоровье. Как долго она была обречена на бездействие — целых 9 месяцев... Жанна не могла больше этого вынести!

Весной 1430 г. Жанна внезапно исчезла. Она появилась севернее Парижа, у крепости Компье́н, осажденной врагами. 23 мая с небольшим отрядом верных соратников, в числе которых был и ее брат, Жанна участвовала в вылазке компьенцев. Бургундцы преобладали числом. Они повернули отряд Жанны вспять и погнали его по направлению к крепостному мосту. Напрасно Жанна убеждала своих людей дать последний бой — с каждой минутой кольцо врагов смыкалось все теснее и теснее. Наконец Жанне остался один выход: прорваться к крепостному мосту. Она с надеждой повернулась в сторону крепости, но мост был поднят, а ворота заперты. Жанна с горсткой бойцов оказалась стиснутой между пропастью и бургундским отрядом и отчаянно отбивалась. Рыцари стащили девушку с коня: приказано было взять ее живой.

Взятие в плен Жанны д'Арк. *Барельеф собора Домреми.*



Так Жанна была предана своим королем и капитаном де Флави́, комендантом Компьена: от Ля Тремуйля тот заранее получил тайные указания, как избавиться от Девы.

Заточение, суд, казнь. «Жанна в плену!» — эта весть разнеслась по Франции. Весь народ оплакивал Орлеанскую деву, покинутую королем.

Жанна уже полгода томилась в тюрьме у бургундцев — в круглой башне замка Боревуа́р. Однообразные унылые ряды камней... Утром ее будил грубый окрик солдата: «Вставай, ведьма!»

Между тем король не делал ни малейшей попытки освободить Жанну. Он мог ее выкупить, но равнодушно допустил, чтобы бургундцы продали пленницу англичанам. Сумма была назначена огромная. Она равнялась выкупу за голову короля. Англичане в продолжение двух месяцев собирали эти деньги в завоеванной ими Нормандии. А король Франции продолжал молчать. В его руках находились знаменитые английские полководцы. Он мог бы обменять их на пленницу, но и в последний раз король предал своего славного «капитана», как когда-то называл Жанну.

В церквах прихожанам читали послание архиепископа Реньо де Шартра. Народу пытались представить, что Жанна сама повинна в своем несчастье: «Она не сделала того, для чего ее послал господь, но проявила собственную волю... Она не слушалась ничьих советов и все делала по своей прихоти» — этими словами архиепископ невольно признал глубокий разлад между Жанной и королевским окружением. Но не своеволие было причиной ее неудачи под Парижем и Компьеном, а отсутствие поддержки со стороны короля. Стремясь силами простых людей овладеть Парижем, Жанна навлекла на себя ненависть знати. А простые люди почитали ее героические подвиги.

Когда Жанна узнала, что ее продали англичанам, она добровольно стала искать смерти. В течение нескольких дней узница отказывалась принимать еду. В одну из бессонных ночей в отчаянии она выпрыгнула из окна своей темницы. Ее подобрали. Тогда Жанна гневно выкрикнула: «Лучше мне умереть, чем попасть в руки англичан!»

Жанну в тяжелом состоянии перевели в башню Старого замка близ Руана. Ее держали теперь в железной клетке с длинной плотной цепью на шее и на ногах. Даже ночью она не знала покоя: к постели ее приковывали за пояс и за ноги. Английские солдаты грубо оскорбляли девушку, плевали ей в лицо, избивали.

Приближался день суда. Англичане решили, что все средства хороши, лишь бы представить Жанну колдуньей. Ведь в таком случае и ее победы, и коронация дофина оказались бы в глазах людей делом рук дьявола. Жанну отдали в руки инквизиторов. Судили ее богословы Парижского университета, сторонники англичан. Во главе суда англичане поставили епископа Кошо́на.

20 февраля 1431 г. закованная в цепи девушка предстала перед судьями. Ее окружали одни враги. Ни один сторонник французского короля не был допущен в свидетели. С первых же слов судьи стали перебивать и оскорблять Жанну.

— Высокие господа,— обратилась она к ним, стараясь сохранить хладнокровие,— задавайте мне вопросы один после другого...

60 богословов расставляли Жанне свои ловушки, но она отвечала искренне, порой с простодушным крестьянским юмором. Ей никогда не изменял здравый смысл.

Некоторые судьи невольно начинали чувствовать симпатию к Жанне. Но не того добивался Кошон. И не того жаждали англичане. Их приводила в ярость мысль о том, что «проклятая

колдунья» может остаться в живых. Английское правительство не пожалело денег на выкуп Жанны. Не пожалело оно золота и на подкуп судей. Деятельность трибунала, состоявшего из французов, щедро оплачивалась деньгами, награбленными во Франции. Английский король не бросал денег на ветер: Кошону было приказано не затягивать следствие.

С родины Жанны стали прибывать показания ее односельчан. Все они откровенно свидетельствовали в ее пользу. Вскоре девушка заметила, что ни эти, ни некоторые ее собственные показания не вносят в протокол. Жанна предчувствовала близкую гибель. «Только не отречься, только не предать дело своей жизни!» — думала она, стоя на ногах долгие часы допросов.

— Хотела ли ты просить мира у герцога Бургундского?

— Мир можно получить лишь на конце копья! — вызывающе бросила девушка судьям.

Надеясь, что, ослепленная ненавистью к англичанам, Жанна допустит промах и «впадет в ересь», судья с простодушным видом спрашивал:

— Ненавидит ли бог англичан?

— Мне ничего не известно о любви или ненависти бога к англичанам... — отвечала девушка, почувствовав подвох,— но я твердо знаю, что все они будут изгнаны с французской земли, кроме тех, кто найдет на этой земле смерть.

Кошон, отчаявшись, подослал к Жанне своего шпиона в одежде священника. Он поручил этому человеку по имени Луазеле́р исповедать ее. Тот прикинулся земляком Жанны и давал ей такие советы, которые могли погубить ее на суде.

В протоколе нет записей о том, что ее били и пытали. Но известно, что девушке показали страшные орудия пытки.

— Признавайся, что ты колдунья, отрекись от ереси! — требовали палачи. Жанна была непоколебима:

— Если вы изломаете у меня все суставы и разлучите душу с телом, вы не получите от меня другого ответа! А если бы я дала вам иной ответ, я потом всегда стала бы утверждать, что вы вырвали его у меня силой!

Тогда решено было прибегнуть к последнему, самому сильному средству — запугать Жанну казнью. Солнечным майским утром к тюрьме, громыхая, подъехала страшная телега смертников. Палач в черной маске повез Жанну через весь город на кладбище.

Кошон поднялся на возвышение. Медленно и торжественно он произнес 12 пунктов обвинительного приговора.

«Еретичка! — думала взволнованная Жанна,— сочли ересью, что оставила дом и пошла защищать родину! Ересь — что воевала в мужской одежде, ересь — что предсказывала победу!»

Голос епископа звучал все суровее. Перед Жанной сливались в одну злобно хохочущую маску враждебные лица английских солдат:

— На костер колдунью! Сжечь еретичку!

Она заткнула уши. Смерть представлялась ей неминуемой. А так хотелось жить и увидеть свою родину свободной от этих негодяев. Ведь девушке не было еще и двадцати лет...

— Отрекись, Жанна,— настойчиво шептал Луазелер. — Предайся в руки церкви и ты спасешься от англичан. Согласись носить женскую одежду. Тебя помилуют.

— Я желаю подчиниться церкви!

Девушка на мгновение поверила в свое избавление и не глядя поставила подпись на отречении. Как выяснилось потом, ей подсунули другой документ. Он содержал еще более тяжкие обвинения.

Кошон обещал перевести Жанну в церковную тюрьму, а затем в тихий мо-

настырь. Но он не собирался сдержать свое обещание. В этом был коварный расчет. Его хозяева — англичане требовали казни Жанны. Им необходимо было для этого поймать девушку на повторении «еретических заблуждений». Кошон не сомневался в том, что Жанна отреклась в минуту слабости и уже сожалеет об этом. «Стоит только вызвать у нее чувство протеста — и она снова впадет в ересь. И на этот раз ей не уйти от костра!» — думал он.

Девушку снова бросили в ту же темницу, откуда ей так хотелось вырваться. Снова надели оковы. Обрили голову.

Жанна тревожно прислушивалась к голосу своей совести: «Зачем ты отступила? Предала свое дело? Нет, лучше костер, чем покориться этим людям! Зачем я совершила предательство, согласившись отречься, чтобы спасти свою жизнь?»

30 мая 1431 г. в 8 часов утра Жанну вывели из тюрьмы. Палач медленно повез ее к месту казни, на площадь Старого рынка. Народ скорбно провожал девушку в последний путь. Слышались возгласы: «Она страдает за нас!»

Сотни крестьян и ремесленников из предместий Руана пришли проститься с Жанной.

Дорогу на костер охраняли 120 английских солдат, а 800 — место казни.

...Жанну поставили на высокий помост. Сквозь гул множества голосов девушка едва расслышала последние лицемерные слова проповеди: «Жанна, иди с миром. Церковь больше не может тебя защищать...»

Судья хочет огласить приговор, но англичане отстраняют его и торопят палача: «Исполняйте свой долг!»

В толпе слышатся рыдания. Пламя костра постепенно охватывает девушку. Она стоит прямо и гордо.

Костер разгорается
        выше, выше.
Минута прощания.
        Тише, тише...
Проходят враги, палачи, каратели,
С притворным смиреньем проходят предатели,
К потомкам взывая:
        «Прощенья, прощенья!»
Но нет, предательству
        отпущенья!

Ее любовь к Франции преодолела огонь костра. Она пылала все ярче и сильнее в сердцах простых людей. Эти люди довершили освобождение Франции, начатое девушкой из Домреми. Для французского народа Жанна д'Арк стала символом борьбы за единую и независимую родину. Волна патриотического движения выбросила англичан за пределы Франции.

Суд истории. Прах сожженной «еретички» развеяли над водами Сены. В народе говорили, что сердце девы, тронутое огнем, бросили в реку, чтобы оно не стало предметом поклонения.

Прошло четверть века, но Жанна продолжала жить в благодарных сердцах простых людей. За них она отдала жизнь.

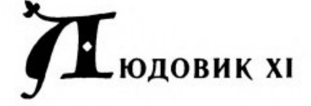
Выиграв в 1453 г. Столетнюю войну, Карл VII в 1456 г. решил по политическим соображениям оправдать Жанну и обелить себя в глазах народа. Он приказал пересмотреть дело Жанны д'Арк. Снова были опрошены сотни людей. И многие из тех, кто под нажимом, из страха или из выгоды клеветал на девушку, теперь отреклись от своих ложных показаний. А крестьяне из Домреми, горожане из Вокулера, бывшие солдаты Жанны повторяли почти в тех же самых выражениях, что и двадцать пять лет назад, свои правдивые показания. Их слова, в которых звучит неподдельная любовь к героической девушке, история донесла до нас в протоколах двух процессов Жанны д'Арк.

Приговор, вынесенный Жанне д'Арк в Руане, был признан судебной ошибкой, а двенадцать статей обвинения — ложью. «Составленные бесчестно и с намерением ввести в заблужденье, они искажают ответы Девы и умалчивают

об обстоятельствах, которые ее оправдывают»,— сказал богослов Гильом Буйе́.

Приговор суда гласил: «Мы отменяем... (прежние) приговоры... И мы объявляем названную Жанну и ее родных очищенными от пятна бесчестия».

В действительности Жанна уже не нуждалась в оправдании — она принадлежала бессмертию. Ее жизнь стала легендой, но никакая легенда не сравнится с подлинной историей ее подвигов и мученической смерти. Подвиг Жанны д'Арк воодушевлял солдат и партизан, изгнавших англичан с родной земли. Имя Жанны стало их знаменем. Именем Жанны д'Арк называли свои отряды и герои французского Сопротивления в черные годы фашистского нашествия. И сегодня образ отважной патриотки продолжает сиять красотой великого подвига. Он возвышается над страданиями и смертью.



Людовик XI

Большая кавалькада рыцарей двигалась по дороге, идущей в Реймс. Громкие голоса, смех, дробный топот и ржание коней, богатые одежды и разноцветные перья, прикрепленные к шляпам всадников, сверкающее на солнце убранство коней и дорогое оружие — все это придавало путникам вид оживленный и торжественный.

Это летним днем 1461 г. герцог Бургундии Филипп Добрый сопровождал со своей свитой нового короля Людовика XI в город Реймс на коронацию.

Сам Людовик, одетый гораздо скромнее остальных, ехал глубоко задумавшись и, казалось, безучастно смотрел вперед. Он вспоминал свою молодость. Честолюбие побудило его, тогда еще семнадцатилетнего юношу, стать во главе заговора феодалов против короля-отца. Заговор окончился неудачей Людовик уехал в свою провинцию Дофине́ — владения наследников французского престола. С тех пор он не видел своего отца, но постоянно боролся с ним, организуя новые заговоры феодалов. В конце концов, спасаясь от преследований отца, он сбежал к своему дяде Филиппу Доброму́, могущественному герцогу Бургундскому.

Шумно и весело было при дворе Филиппа: празднества и пиры сменялись турнирами — состязаниями в военной доблести. Здесь своей храбростью и заносчивостью выделялся сын Филиппа Карл. История именует его Смелым, но современники прозвали его «безрассудным».

Однако феодалы съезжались к бургундскому двору не только для пиров и рыцарских турниров. Их беспокоило усиление короля Франции в конце Столетней войны. При бургундском дворе зрели планы ослабления королевской власти. Потому-то бургундский герцог пригрел принца-заговорщика Людовика.

Все это Людовик вспомнил по пути в Реймс, куда его сопровождали злейшие враги королевской власти. Готовясь принять корону, вчерашний мятежник ощутил, что на его плечи наваливаются те же самые заботы, которые преждевременно свели в могилу его отца Карла VII.

Глядя исподлобья на своих нарядных спутников, Людовик думал о том, что отныне его собственные интересы тесно связаны с борьбой за единство французского королевства.

* * *

У моста, перекинутого через живописную реку, остановились всадники. Усталые кони и пыльная одежда говорили о большом пути, оставшемся за их плечами. Один из прибывших скинул с головы старую войлочную шляпу, отряхнул длинный серый камзол и сказал:

— Ну, куманек, ты поедешь со мной. А вы,— обратился он к остальным,— въезжайте в город через главные ворота, приготовьте все для меня да постарайтесь сделать так, чтобы никто раньше времени не узнал о моем приезде.

Отделившись от спутников, человек в сером камзоле и тот, кого он называл «куманек», прошли мост, городские ворота и вскоре очутились на рынке, среди пестрой толпы. Их внимание привлек купец с окладистой бородой. Его короткий, выше колен, бархатный кафтан был оторочен мехом. Спереди у пояса, по моде того времени, висел расшитый кошелек. Судя по его словам, этот купец недавно вернулся из Парижа.

— Ну что, видел ты нового короля? — спросил кто-то из собеседников. Окружающие стихли и обступили бородача.

— Нет,— ответил купец. — Говорят, он путешествует по городам с небольшой свитой и везде вводит новые законы. Старых советников он отстранил, на все должности назначил новых, многие из них совсем незнатного происхождения.

— А правда ли, что он дал парижскому населению право вооружаться?

— Да,— с одобрением ответил купец,— и не только это. Он подтвердил все права, которые имели цехи. Я слыхал, что и одевается он как простой горожанин.

— Может быть, при короле Людовике полегче будет городам и не так уж будут их притеснять сеньоры,— сказал купец.

— А хорошо ли идет у вас торговля? — обратился человек в сером камзоле к купцу.

— Да что уж тут,— вздохнул тот.— Наш герцог вовсе нас разорил. На днях опять потребовал денег — на свадьбу своей дочери.

— Недавно приезжал его сын,— добавил стоявший рядом оружейник,— и забрал у меня, не заплатив, все изготовленное оружие.

В это время никому не известный человек, внимательно осмотревшись, торопливо подошел к человеку в сером камзоле и тихо произнес:

— Государь, Ваше величество, все готово!

— Вы слышали! — в растерянности воскликнул купец. — Он назвал его государем, Вашим величеством!

— Не может быть! — возражали ему. — Какой же король разгуливает по рынкам?

Гостями города и в самом деле были король Людовик XI и Тристан Пустынник, старшина парижского купечества, вскоре прослывший ближайшим советником короля.

— Ну как, кум, слыхал? — обратился Людовик к Тристану. — Все горожане за меня! Опираясь на них, я, пожалуй, смогу обуздать своеволие сеньоров!

На следующий день, с рассветом, потолковав с кем нужно, король и его спутники незаметно покинули город.

* * *

В полутемном покое Амбуазского замка Людовик XI, покусывая гусиное перо, лично составлял ответное письмо миланскому герцогу Сфóрца. У этого итальянского политика король Франции учился разъединять своих врагов, сея взаимное недоверие, ловко использовать разлад и сталкивать противников лбами.

К услугам короля было немало тайных агентов и шпионов. Их содействие, подкуп, хитрость, лесть по отношению к могущественным феодалам помогали Людовику постепенно избавляться от тех, кто мешал ему объединять Францию. Памятуя старую истину, что одна неудачная битва может свести на нет усилия долгих лет, Людовик стремился добиться гораздо большего умом и коварством.

Вскоре после коронации Людовика XI Карл Смелый объединил враждебных королю феодалов в созданной им «Лиге общественного блага». Члены этой лиги объявили, что готовы во имя защиты своей свободы низложить короля-тирана. Но словами о свободе сеньоры прикрывали стремление установить неограниченное господство знати.

В письме к миланскому герцогу Людовик подводил итог борьбе: рассказывал, как ему удалось разрушить лигу. Заканчивая письмо, Людовик подумал, что ни тонкое коварство, ни деньги не привели бы его, пожалуй, к успеху, если бы на стороне короля не стояло большинство населения Франции.

От этих размышлений короля отвлек легкий шорох. Из-за раздвинутых драпировок показался человек невысокого роста, с длинным носом и тонкими губами, скромно одетый во все черное. Небольшие глаза его, в которых светились ум и хитрость, живо и испытующе смотрели на короля. В руках он нес поднос для бритья и полотенце. Это был королевский брадобрей Оливье́, прозванный Дьяволом, любимец Людовика и ближайший его советник. Людовик привлекал к себе людей, вышедших не из феодальной среды, и доверял им. Своего брадобрея король понимал с одного взгляда:

— Я вижу, у тебя есть новости? — Людовик отложил в сторону недописанное письмо и прищурил усталые глаза. Оливье помолчал с минуту, потом произнес:

— Карл Смелый опять затевает восстание против вас, государь. Я знаю это от одного верного бургундца — он получает от меня деньги. — Сказав это, Оливье приступил к бритью.

Король задумался. Оливье знал, что в такие минуты должна царить тишина. Молча, окончив бритье, он встал у окна, ожидая, когда его повелитель заговорит.

— Ну вот что, кум,— нарушил молчание Людовик,— позови сюда Тристана и Балю́, я хочу знать их мнение по этому вопросу.

Через некоторое время Дьявол вернулся в сопровождении кардинала Балю и Тристана. Голос Людовика, обычно звучный, сделался глуховатым и низким:

— Этот бургундец собирается напасть на нас. Я знаю, его поддерживает мой брат, с ним заодно почти все герцоги и графы. У них большое войско. Что бы вы, куманьки, посоветовали предпринять?

— Хорошо бы изловить Карла Бургундского, казнить или посадить в клетку,— мрачно произнес Тристан.

— Но ведь ты знаешь, куманек, что это невозможно,— возразил Людовик.

— А вы, ваше преосвященство, что думаете? — обратился король к Балю. Кардинал, полный пожилой мужчина с седой головой, одетый в шелковую алую мантию, подбитую горностаем, сказал:

— Ваше величество, я бы посоветовал вам назначить свидание Карлу и лично с ним переговорить.

— Неужели вы думаете, что Карл согласится приехать ко мне? — спросил король, бросая на Балю насмешливый взгляд.

— Но, ваше величество, он с удовольствием примет вас у себя.

— Ручаетесь ли вы за безопасность государя? — произнес молчавший до тех пор Оливье.

— Если он даст честное слово не посягать на жизнь короля, то его выполнит: ведь он считает себя настоящим рыцарем.

Карл Смелый, ставший после смерти Филиппа Доброго герцогом Бургундским, был главным врагом Людовика. Владения Карла Смелого, очень обширные, почти подходили к Парижу, образуя как бы клин между владениями короля и Германией. Для Франции таи-

лась опасность в существовании этого большого герцогства. Если бы удалось поладить с Карлом, то дело сплочения Франции в единое королевство значительно облегчилось.

Идея личной встречи с Карлом Бургундским увлекла Людовика. Он верил в свою способность умнó хитрить. Местом свидания был назначен город Перóнна. Карл дал честное слово, что жизнь короля будет в безопасности. Отправляясь в Перонну, Людовик взял с собой лишь небольшую свиту. С ним ехали Оливье, Тристан, кардинал Балю, ученый советник Филипп де Коммин и небольшой отряд охраны. Никто не догадывался, что у королевского казначея — сеньора де Бон были припрятаны десятки тысяч ливров для подкупа сановников Карла.

Карл Смелый казался могучим и высоким по сравнению с хилым Людовиком XI. Его большая голова гордо сидела на крепкой шее. Живые глаза смотрели прямо в лицо собеседнику, выдвинутый вперед подбородок говорил об упрямстве.

Людовик поселился в небольшом, хорошо защищенном замке.

Грандиозным пиром почтил Карл Смелый гостя. Вернувшись в отведенный для него замок, Людовик устало опустился в кресло. Около него столпились приближенные.

— Слишком много врагов,— проговорил король тихо,— как бы не вышло чего-нибудь плохого. — Начав перечислять присутствующих на этом пиру, он не смог назвать ни одного доброжелателя: у одних он отобрал земли, других случайно или умышленно оскорбил, третьих заподозрил в измене, и Тристан их пытал. Некоторым удалось бежать. Все недовольные Людовиком нашли приют при дворе Карла Смелого.

В комнату вбежал Оливье и взволнованно воскликнул:

— Ваше величество, мы погибли! Льеж восстал.

— Как восстал, когда? — в испуге вскричал Людовик, и лицо его покрылось смертельной бледностью.

— Это известие только что дошло до Карла. Он беснуется, говорит, что бросит вас в темницу.

— Боже мой, что делать, что делать? — заметался король по комнате.— Ведь он выполнит свою угрозу, как ты думаешь Оливье?

Льеж был большим городом, расположенным в долине реки Маас, с многочисленными ремеслами и оживленной торговлей. Как и другие города Фландрии, он входил в состав герцогства Бургундского. Герцоги, постоянно нуждаясь в деньгах для своей многочисленной свиты и военных походов, пренебрегая привилегиями городов, вымогали непосильные налоги с купцов и ремесленников. Города, стремясь стать самостоятельными, восставали против герцога, а Людовик XI всячески побуждал горожан к мятежам. Королевские агенты под видом купцов, монахов и странствующих цыган бродили по бургундским городам, разжигали там недовольство. В Льеже эти агенты уже давно обещали помощь короля в час восстания. Но король не мог предполагать, что оно начнется тогда, когда он будет находиться в Перонне. Преждевременно вспыхнувшее восстание поставило его в критическое положение. Зная вспыльчивый характер Карла, он опасался за свою жизнь.

Действительно, известие о восстании привело Карла в неописуемую ярость. Он узнал, что Людовик обещал Льежу помощь, и решил навеки заточить короля в подземелье. Вокруг замка, где жил король, расставили сильную стражу. Никого из свиты короля не выпускали наружу. Это был плен... В гнетущей тишине напряженного ожидания прозвучал голос Филиппа де Коммина:

— На весах происходящих событий я взвешиваю мысль Вашего величества:

«Кто не умеет притворяться — не умеет властвовать».

— Что же дальше? Продолжайте! — еле слышно произнес Людовик.

— Похоже на то,— пояснил де Коммин,— что тот, кто притворяется, сам себе расставляет западню...

Людовик долго молчал, низко опустив голову... Наконец, прищурившись, он медленно проговорил полушепотом:

— За ошибку, просчет в действиях, за некстати раскрытое притворство всегда приходится расплачиваться... Задача в том, чтобы суметь расплатиться чужими интересами, чужими жизнями, и тогда за нами еще останется последнее слово!

Король опустился на колени и стал молиться. Окончив молитву, он встал:

— Ну, куманьки, кажется, мы выберемся живыми из этой мышеловки. Советники объяснили Карлу, что, заточив в темницу приехавшего в гости короля, он вызовет такое возмущение во всей Франции, которое грозит немедленной войной. И вот Карл решил выпустить меня из своих когтей, навязав нелегкие условия... Я согласился на все...— Нервно передернув плечами и ухмыляясь, Людовик продолжал: — Ладно, пусть принцы получат обратно свои владения! Ведь потом их можно будет снова отобрать... Только бы выбраться отсюда, а там посмотрим!

— А как же Льеж, Ваше величество? — неожиданно прервал рассуждения короля Оливье.— Ведь он ожидает вашей помощи. На его знаменах написано: «Да здравствует король Франции!»

— Ах да, Льеж... Ничего не поделаешь, кум,— резко бросил король, метнув взгляд на Оливье. При этих словах в его глазах под нависшими бровями появился недобрый огонек.— Я должен буду усмирить его вместе с Карлом. Мне надо любой ценой выбраться отсюда, это важней судьбы Льежа!

— Вот это, друг Оливье,— вмешался де Коммин,— означает «расплатиться чужими интересами и чужими жизнями!»

Устало махнув рукой, король сказал:

— Я хочу спать, ступайте все, кроме Оливье.— Повернувшись к Тристану и как бы спохватившись, Людовик, зевая, процедил,— кум, тебе предстоит работа: после нашего отъезда отсюда кардинал Балю будет посажен в клетку как изменник.

Расправа с Льежем была ужасной. Карл не брал пленных, убивали всех — мужчин, женщин, детей. Убегавших преследовали.

Вскоре после возвращения Людовик собрал в Туре совет нотаблей (представителей сословий), и те освободили короля от обещаний, данных в Перонне. Они сослались на то, что клятвы были у короля вырваны угрозами...

* * *

Почти десять лет прошло после пероннских событий. Многое за это время изменилось. Но главный враг Людовика — Карл Смелый — не смирился. Всю жизнь мечтавший создать Бургундское королевство, независимое ни от Франции, ни от Германии, Карл шел напролом даже в тех случаях, когда было мало надежд на победу. Теперь он завяз в войне со швейцарцами, которые разбили его в нескольких битвах.

Многие из союзников Карла, видя, что он терпит неудачи, стали переходить на сторону французского короля. А сам Людовик, пользуясь безрассудством и прямолинейностью Карла, всевозможными интригами увеличивал затруднения герцога, подкупал его военачальников, натравливал на него швейцарцев.

Французское королевство крепло, постепенно включая в свой состав все прежние независимые герцогства и

графства. Какие только способы не применял Людовик, чтобы объединить Францию! Брат Людовика, владевший Гие́нью и Пуату́, умер, а земли его перешли к французской короне. Рассказывали, что Людовик сам погубил его, угостив отравленной грушей. Дочерей своих король выдал замуж с таким расчетом, чтобы еще больше округлить свои владения. Старшую дочь Анну он просватал за наследника Бурбонского дома Божѐ. Бурбоны владели территорией, расположенной в центре Франции, и теперь она отходила к королю. На своей младшей дочери Жанне, когда ей было еще девять лет, король насильно женил принца Орлеанского.

Однажды зимним утром Людовик шел по узкому и мрачному коридору замка. Он только что осматривал свою многочисленную псарню в сопровождении егерей. Король любил охоту, она была его почти единственным развле-



Костюм знатной дамы и молодого человека. ***Середина XII в.***

Просмотр книг при дворе короля. ***С миниатюры XV в.***

чением. Людовик был мрачен. Вчера издохла его любимая борзая.

— Получены новые книги из типографии, Ваше величество,— негромко доложил Оливье и хлопнул в ладоши. Вошел слуга и положил книги на стол. Это были богато изданные тома священного писания, только что вышедшие из рук знаменитого мастера Ульриха Гéрингса, приехавшего из Германии.

Типографии впервые появились во Франции при Людовике XI. Король очень интересовался этим новым делом. Окончив осмотр книг и сделав ряд замечаний об их оформлении и шрифте, король приказал позвать купца. Вошедший купец почтительно поклонился королю и поцеловал ему руку.

— Так, значит, ремесленники в Лионе начали выделывать шелковые ткани, как я им приказывал? Покажи образцы.

Поклонившись, купец развернул небольшой узел и извлек оттуда несколько кусков шелка, засиявшего всеми цветами радуги. Король прищурился, рассматривая шелка на свет, пробовал их на крепость.

Внезапно в коридоре послышались шум и торопливые шаги. Гонец? Король вопросительно взглянул на Оливье, который быстро вышел и, вернувшись, подал королю бумагу. Король сразу развернул свиток. По мере чтения лицо его светлело и становилось все более веселым:

— Пресвятая дева! Знаешь ли ты последнюю новость, друг Оливье? — радость переполняла Людовика.— Мой дорогой родственник Карл наконец-то свернул себе шею! Он дрался со швейцарцами у Нанси и погиб. Мой верный Компобáссо сумел вовремя ударить по Карлу!

Компобассо был одним из военачальников Карла. Его подкупил Людовик, и в разгар битвы тот перешел на сторону швейцарцев.

— Ну, Оливье,— продолжал король,— теперь у меня больше нет сильных врагов! Вели наградить гонца, принесшего мне столь счастливую весть.

Так в 1477 г. оборвалась жизнь Карла Смелого, и основная территория Бургундии вошла в состав королевских владений. Объединение Франции было в основном закончено.

Необычайного могущества достиг Людовик XI. Вся Франция принадлежала ему. Побеждены были его враги, стране уже не грозили разорительные междоусобные войны. Франция стала одним из сильнейших государств Европы.

В этой борьбе король сильно состарился, хотя ему не было еще 60 лет. Седой, одетый в старенькую, потертую одежду, торопливыми, мелкими шажками, словно в лихорадке, расхаживал король по своей комнате. Высохшее некрасивое его лицо без бороды, с большим кривым носом было иссечено сетью морщин. Только глаза короля попрежнему зловеще и проницательно смотрели из-под нависших бровей, и с еще большей жестокостью расправлялся он со своими противниками. Он перестал, как прежде, разъезжать по Франции. Прекратились посещения замков, выезды на богомолье и охоту. Почти все время он теперь жил в своем любимом замке недалеко от города Тýра, в долине Луары. Замок был настоящей крепостью из серого, местами обомшелого камня. Три ряда зубчатых стен окружали его, над ними высоко возвышались мрачные остроконечные башни, отчетливо вырисовываясь на голубом небе. Замок окружал глубокий ров, наполненный водой. Со скрипом опускаемый подвесной мост вел к тяжелым железным воротам с крепкими запорами.

В густом лесу, окружающем замок, были вырыты волчьи ямы, расставлены ловушка, и не поздоровилось бы тому, кто захотел бы туда проникнуть. На

многих деревьях висели трупы. На стволах обычно вырезалась королевская эмблема — лилия, в знак того, что казнь совершена по велению Людовика XI. Это Тристан со своими подручными казнил тех, кого подозревали в преступлениях против короля.

В мрачные минуты Людовик посещал узников. Он спускался в сопровождении Оливье и Тристана в сырое подземелье замка, где заключенные сидели в тяжелых железных клетках, едва достигавших в высоту человеческого роста. Три шага в длину, два в ширину — вот и вся площадь клетки. В такой клетке десять лет просидел кардинал Балю. Его выпустили по приказанию Людовика совсем старым и слепым.

Людовик брел между клеток, осматривая заключенных, поднося факел к лицу пленника, и громко разговаривал со своими спутниками, делая вид, что не слышит жалоб и стонов, раздающихся из клеток.

Король внимательно следил за судебными процессами и сам подписывал суровые приговоры. Часто, запершись в библиотеке, углублялся он в изучение законов, намереваясь составить единое законодательство для всей страны, но не успел до своей смерти закончить эту работу.

* * *

Многое сумел осуществить этот неутомимый, но жестокий человек. Франция перестала быть раздробленной страной. Никто не смел, как прежде, без ведома короля предлагать свои услуги Англии или сговариваться с германским императором. Отныне право объявлять войну или заключать мир принадлежало исключительно королю.

Только король мог теперь вступать в переговоры с иностранными державами, принимать иноземных послов и направлять представителей Франции к чужеземным дворам. Прошла та пора, когда каждый феодал считал себя независимым и делал все, что ему угодно. Поэтому горожане и крестьяне поддерживали сильную королевскую власть: ведь при ней феодалы не могли затевать междоусобную войну, от которой так страдал простой люд.

Но жизнь крестьянина по-прежнему оставалась тяжкой, по-прежнему интересы феодалов, как и в давние времена, оберегала королевская власть. Да и мероприятия Людовика XI дорого обошлись народу. Города поддерживали короля своей казной и своими ополчениями — это тоже обходилось недешево.

Дальновидный Людовик XI понимал, что основой укрепления и расцвета Франции станет рост городов и их благосостояния, расширение торговли и ремесел. Он привлек в свою страну умелых итальянских мастеров.

Ширились королевские планы, но с каждым днем король все более дряхлел. Его жизнь оборвалась 30 августа 1483 г.

Рассказ об императоре Акбаре, который опередил свое время

Город победы. Арка ворот из темно-розового песчаника уходит в небо, выцветшее от жары. От ворот в город ведет вымощенная плитами дорога, над ней дрожит знойное марево. Сам же город, названный когда-то Фатех Пур Сикри — городом победы,— мертв уже четыре века. Но в нем все осталось таким же, как при императоре Акбаре, которого в Индии называют Великим. Некогда город окружала зубчатая широкая стена из розового камня, она надежно защищала жителей от врагов. На широких городских площадях кипела жизнь. Шумели струи фонтанов,

слышались голоса многочисленных прохожих. На заполненном пестрой толпой базаре шла бойкая торговля. Глаз радовало многоцветье плодов, тканей, затейливых украшений с драгоценными камнями.

Караваны верблюдов из Персии, Китая, Египта, неся на спинах огромные тюки с товарами, медленно двигались вдоль глухих каменных оград, нарядных дворцов знати с резными фасадами и затейливыми легкими павильонами, мечетей с высокими минаретами и серебристыми нарядными куполами, пыльных кварталов бедноты.

Мощенные камнем улицы вливались в площадь перед дворцом любимой жены императора Акбара — основателя города. Эта огромная площадь была вымощена таким образом, что образовала как бы огромную шахматную доску. Но вместо фигур там двигались живые люди, одетые в костюмы королей, воинов, слуг. Император играл в эти шахматы, когда опускалась вечерняя прохлада. Потом он прогуливался по улицам города, никого не остерегаясь.

Этот город был гордостью Акбара. Десять лет строили его лучшие зодчие Индии. Дворцы, храмы и мавзолеи украшали самые искусные резчики по камню, расписывали фресками самые талантливые художники. Прекраснее этого города не было во всей Индии. Потом Фатех Пур Сикри постигла неожиданная беда: из города стала уходить вода. Постепенно мелели каналы, пересыхали колодцы, бассейны, фонтаны. Чьи-то расчеты при строительстве оказались неверными...

Жители стали страдать от засухи и голода. Они начали постепенно покидать город. Последним из него ушел сам император. А мертвый город простоял еще века, пока не стал достоянием археологов.

Юность Акбара. От биографов императора Акбара известно, что он родился в 1542 г. в скромном провинциальном доме раджи, а в прошлом императора Хумаюна, который во время феодальных распрей лишился власти и бежал из Дели. Город Дели был столицей империи Великих Моголов, основанной дедом Акбара Бабуром — мусульманским военачальником из Ферганы. Теперь империя рассыпалась на глазах. Вассальные князья и раджи выходили из подчинения, территория быстро уменьшалась. Опасаясь за жизнь сына-наследника, Хумаюн отдал его на воспитание младшему брату, правителю Кабула. Сам же он надолго покинул Индию, надеясь собрать у своих вассалов новое войско.

Кабул был похож на огромную чашу, лежащую среди гор. Где-то там, за высоким снежным хребтом, осталась Индия. Для мальчика начались годы ожидания и постепенного мужания.

...На рассвете с минарета дворцовой мечети раздавался тягучий голос муэдзина, звавший на молитву. По обширному двору бродили стражники, вооруженные кривыми мечами. Слуги выводили из конюшни арабских скакунов; кони косили глаза, храпели, нетерпеливо били копытами. Мальчик не мог отвести от коней взора. Сильный и подвижный, он научился объезжать горячих скакунов, а затем и владеть оружием.

Когда Акбару было тринадцать лет, его отец с помощью набранной в Иране армии вернул себе престол в Дели. Хумаюн потребовал сына к себе. Тяжелый конный переход из Кабула в Дели через горные перевалы и хребты мальчик перенес без особого труда.

Столица Индии встретила его барабанным боем и завыванием медных труб. Наставник Акбара, чернобородый Байрам-хан, властно взял мальчика за руку и повел в глубь дворца. Акбар не помнил своего отца, но при первой встрече его поразил странный взгляд императора, его трясущиеся

руки. Позже он узнал, что в изгнании император пристрастился к опиуму и временами впадал в беспамятство. Однажды в таком состоянии он поскользнулся на мраморной дворцовой лестнице и разбился насмерть. Властный и коварный Байрам-хан не стал медлить и возвел четырнадцатилетнего Акбара на престол, сам же фактически стал править за него государством.

Став неожиданно императором, Акбар еще не знал, какое разоренное междоусобицами государство он унаследовал: оно состояло всего-то из одной области Пенджаб (в Северной Индии) со столицей Дели. По дорогам страны бродили толпы бездомных людей, лишившихся земли. Ни у кого не было уверенности в завтрашнем дне. Крестьянин боялся засевать поле, а купец, скрывая свои богатства, старался не вести торговых операций. На путников нападали шайки разбойников. Но хуже разбоя был произвол мусульманских князей и индусских раджей: они отбирали и у побежденных, и у своих подданных все, что могли отобрать. Страну охватил голод, свирепствовали чума и холера. И самые проницательные придворные не могли предположить, что недоучившийся мальчик, столь неожиданно получивший корону, превратит доставшееся ему жалкое наследство в огромную, процветающую империю, которая займет две трети всей Индии.

Первый успех. Всю жизнь Акбар вел завоевательные войны, стремясь расширить пределы империи. Первое сражение, в котором участвовал четырнадцатилетний император, велось за Дели: столицу захватил Хему, полководец одного из независимых мусульманских властителей — Мухаммеда Адиля. Армии сошлись неподалеку от Дели, на безлесной равнине. И Хему, и Акбар выставили множество боевых слонов, кавалерии и пехоты. Огромное облако пыли стояло над полем битвы. Хему, сидя на белом слоне, руководил действиями своей армии. К полудню его боевые слоны смяли фланги армии Акбара. Военачальники императора стали готовиться к отступлению. Но в это время произошло нечто странное. Стройные ряды армии противника вдруг смешались. Всадники повернули назад, топча конями пеших солдат, пехота, сломав свой строй, стала расползаться в разные стороны. Белый слон Хему тревожно затрубил и заметался среди бегущих. Пыль мешала тогда Акбару увидеть, что в действительности случилось. Однако его воины ринулись на метавшегося противника, и вскоре Акбар одержал свою первую победу. Только впоследствии выяснилось, что произошло на поле сражения. Стрела попала в глаз Хему, и он упал со слона. Это и вызвало панику среди его воинов. Бесчувственного Хему, с окровавленным лицом, швырнули к ногам юного императора.

— Убей его! — закричал Байрам-хан.

— Убей его! — вторили военачальники.

Акбар подошел к неподвижно распростертому Хему.

— Нет,— сказал он.— Хему ранен и повержен. Я не могу его убить.

— Император — не мужчина,— произнес кто-то в толпе придворных,— его слишком долго воспитывали женщины.

Акбар резко повернулся, и глаза его потемнели от гнева.

— Тот, кто сказал это, пусть выйдет! Я покажу ему, мужчина я или нет.

Узкая смуглая рука императора легла на рукоять меча. Воцарилась мертвая тишина, и только слышно было, как застонал приходящий в себя Хему. Байрам-хан опустил глаза и отвернулся.

— Трус! — презрительно бросил мальчик в толпу придворных и подошел к своему коню.

Акбар не простил своему опекуну жестокости по отношению к побежденному. С годами император стал понимать, что Байрам-хан, хитрый, властолюбивый царедворец, стремился полностью подчинить его себе. Когда Акбару исполнилось восемнадцать лет, Байрам-хан, подняв мятеж, пытался захватить власть в свои руки. Но император подавил мятеж и взял в плен предателя. Байрам-хана подвели к походному шатру Акбара со связанными назад руками. Увидев императора, тот упал на колени и замычал от бессилия.

— Ты помнишь Хему? — спросил Акбар, вынимая из ножен меч.

— Не надо! Не надо! Пощади меня,— завопил пленник.— Я буду служить тебе, как верный пес!

— Испугался? Ты же сам требовал казни побежденного Хему. Чем ты лучше него теперь?

Байрам-хан стал биться головой о землю.

— Уведите его! — приказал Акбар.— Даю ему три дня. Пусть он навсегда покинет мои владения.

Акбар-император. С этого момента началось самостоятельное правление молодого императора. Великодушие к побежденным никогда ему не изменяло. Не случайно народные сказания и записи о великом Акбаре сохранились в Индии до сих пор. Из них мы узнаем, что внешность императора отличалась достоинством и благородством. Искусный наездник, он был силен и вынослив, мог пешком проходить большие расстояния. Император отличался отвагой и лично участвовал почти во всех битвах, которые ему пришлось вести. Рассказывали, что Акбар был доступен простому народу и справедлив, не давал в обиду слабых и бедных, всегда держал свое слово. Конечно, в этих рассказах многое преувеличено, много отступлений от действительности. Но все же в Индии живет добрая память об Акбаре, а такую память надо заслужить.

Хотя Акбар так и не научился читать и писать, но он был очень любознательным и постепенно стал одним из образованнейших людей своего времени. Обладая феноменальной памятью, император прекрасно запоминал все, что читали ему вслух придворные чтецы. Он трудился целыми днями, а иногда прихватывал и ночи.

Ежедневно во дворце проходило три приема. Первый был общим дворцовым приемом, на втором обсуждались текущие дела государства, на вечернем приеме вырабатывались решения, имеющие важное политическое значение. Раз в неделю проходило судебное разбирательство, в котором император принимал активное участие. Мудрецы и ученые не только из Индии, но и из самых разных стран, подолгу жили при дворе императора. Акбар вел с ними долгие беседы, подчас нередко превосходя ученых своими знаниями.

Но более всего прославился Акбар как преобразователь, реформатор. Он ограничивал власть крупных феодалов, что в какой-то степени облегчило жизнь крестьян. Акбар реорганизовал и укрепил свою армию. Гордостью этой армии стала не знавшая поражений конница раджпутов-рыцарей и аристократов северной Индии, которые принадлежали к военной касте кшатриев.

Тяжелый урок. Акбар нередко добивался своих целей мирными путями. Но пускал в ход и оружие. Так случилось с раджпутским княжеством Мевар, которое Акбар пытался подчинить. В 1567 г. Акбар осадил его столицу Читтур. Город стоял на холме посреди иссушенной солнцем равнины. За его стенами находились дворцы и храмы, торговые ряды, библиотека и многочисленные жилые дома. Над городом

и стенами возвышалась многоярусная сорокаметровая Башня Победы. Не раз разрушали Читтур мусульманские завоеватели, но город восставал из пепла. Теперь получилось иначе. Разрушенный армией Акбара, он до сих пор лежит в руинах и лишь карканье ворон нарушает царящую в нем тишину. Толстый слой пепла покрывает бесплодную землю у обгоревших стен бывшего дворца.

С самого начала силы осажденных и нападавших были неравны. От большой армии крепость защищали восемь тысяч раджпутов-всадников, тысяча мушкетеров и сорок тысяч окрестных крестьян. Они ежедневно гибли в отчаянных сражениях и вылазках. Наступил день, когда в крепости Читтура осталось лишь десять тысяч воинов. К тому времени в городе иссякли запасы воды и продовольствия. Начался голод. И тогда правитель Мевара решился на последний отчаянный шаг. Все мужчины должны были погибнуть в бою, а все женщины совершить обряд «джаухар», чтобы не попасть живыми в руки врага. «Джаухар» — коллективное самосожжение в безвыходном положении — был древней традицией раджпутов, которые честь ценили выше жизни.

Накануне решительного дня крепость замерла. Не было вылазок, из бойниц не летели смертоносные стрелы, со стен не лилась кипящая жидкость. И ночью крепость оставалась безмолвной и темной. Даже факел караульного не освещал стен. Акбар, чувствуя, что там что-то готовится, послал гонца с письмом к раджпутскому правителю, но гонца сразила стрела. На рассвете распахнулись тяжелые ворота, которые не смогли сокрушить ни боевые слоны, ни мощные катапульты. Из крепости лавиной вынеслись всадники. На всадниках были свободные оранжевые одежды и такие же тюрбаны: так одевались смертники, решившие принести жизнь в жертву своей чести. Со сверкающими мечами в руках всадники бесстрашно ринулись на целую армию. Каждый из них дрался до последнего и погиб, не склонив головы перед врагом. Когда это неравное сражение уже близилось к концу, над крепостью поднялся столб пламени и повалил густой черный дым.

— Джаухар! — закричал кто-то.

— Джаухар! — эхом откликнулись воины, стоявшие вокруг Акбара.

Император стоял неподвижно, прикрыв глаза тяжелыми веками.

— Господин,— почтительно наклонился к нему один из приближенных,— ворота открыты, дайте знак.

Но император, казалось, не слышал ни слов приближенного, ни шума уже затихающей битвы. Через какое-то время он пришел в себя и, резко взмахнув рукой, властно направил войско в крепость.

Три дня и три ночи, по обычаю той эпохи, воины Акбара грабили и разрушали Читтур. Еще много дней дымились развалины дворца, где женщины Читтура нашли свой мучительный конец...

История с Читтуром заставила Акбара изменить политику по отношению к раджпутам, вести ее более осторожно и обращаться с гордыми рыцарями Индии как с союзниками, а не вассалами.

Мощное государство должно быть культурным. Благодаря своим военным победам и тонкой политике Акбар сумел создать большое и мощное Индийское государство. Он уделял большое внимание развитию культуры и тем самым выгодно отличался от многих средневековых правителей.

При дворе Акбара велись научные беседы, читались книги, проводились собрания поэтов и музыкалные вечера. Ученые из разных стран изучали древние рукописи, историки писали свои труды. В Индии в то время еще не было

книгопечатания, и сотни придворных писцов переписывали книги, художники украшали эти книги тонкими рисунками. Во многих городах страны были библиотеки, и самая большая — во дворце императора. На ее полках стояли многие тысячи томов рукописей, аккуратно переплетенных и разложенных по предметам, к которым они имели отношение. Рукописи были на разных языках: древнеиндийском санскрите, хинди, сидском, кашмирском, греческом, арабском. По указу Акбара при дворе был организован перевод древних трудов. Именно там впервые были переведены древние священные книги Индии и ее эпические произведения, такие, как «Веды», «Рама́яна», «Махабха́рата».

Во многих городах и деревнях Индии при Акбаре стали возникать храмовые школы, где учили читать, писать, считать. Росло число высших учебных заведений, где индусы и мусульмане изучали многие предметы, в том числе науку о морали и общественном поведении, арифметику, геометрию, экономику домашнего хозяйства, медицину, историю. Акбар лично основал учебные заведения в Фатехпур Сикри, Агре, Дели и других местах. Культурные традиции Индии, нарушенные в период феодальных усобиц и разорения, вновь стали восстанавливаться, и император Акбар сыграл в этом возрождении важнейшую роль.

Все религии равны перед людьми и богом. Акбар считал, что страна нуждается не только в политическом, но и в культурном единстве. Однако установить такое единство было крайне трудно, а подчас и просто невозможно. Ведь Индия — страна многонациональная, ее население говорило на языках, подчас резко отличающихся друг от друга. Не менее важно, что в Индии существовало несколько религий. Самыми крупными из них были общины местных индуистов и пришлых мусульман. Между этими общинами нередко возникали конфликты и открытые столкновения. Кроме того, индуисты разделялись на множество каст, которые входили в одну из четырех основных групп, или варн. Это варны жрецов (брахманов), воинов (кшатриев), торговцев (вайшиев), рабов (шудр). Касты были отделены друг от друга, и у каждой — свои традиции, законы, обычаи, свое положение в обществе.

В средние века религия играла важнейшую политическую и культурную роль. Индия не была исключением из этого правила. Акбар хорошо понимал, что никакое единство в стране невозможно без политики религиозной терпимости. Религиозная вражда, религиозные войны, раздоры и фанатизм разъедали человечество, как страшная и неизлечимая болезнь. Кровавый и беспощадный меч поднимался над головами иноверцев — тех, кто исповедовал иную религию. Лишь немногие выдающиеся умы того времени находили в себе мужество противостоять этой болезни. Современники называли их чудаками или отступниками. В Европе за это сжигали на кострах инквизиции. В Азии наказывали страшной смертью. Только императорская власть позволила Акбару проводить политику религиозной терпимости на огромной территории целой империи. Он объявил все религии равными перед богом и людьми и уравнял людей разной веры во всех правах. Ислам — религия господствующей верхушки империи, к которой принадлежал и он сам, не получила никаких преимуществ и привилегий. В этом император намного опередил свое время.

Но даже для всесильного Акбара не все прошло гладко. Кое-кто при дворе вслух называл его еретиком. Мусульмане-придворные стали косо поглядывать на императора, устраивать тайные сборища, где поносили Акбара, называли его предателем и неверным.

В мечетях муллы настраивали людей против императора, называли его врагом мусульман. Особенно обострилась обстановка, когда Акбар приказал снять с монет империи слова из Корана: «Нет бога, кроме Аллаха». Назревавший долгое время среди мусульманской знати и духовенства мятеж, наконец вспыхнул. Мятежники объявили императора низложенным, на трон призвали сводного брата Акбара. Но остальные религиозные общины дружно поддержали Акбара, помогли ему подавить мятеж и расправиться с главными противниками.

Ни сопротивление мусульманского духовенства, ни открытые мятежи не напугали императора. Он продолжал свою политику и, более того, решил создать для народа Индии новую религию, которая укрепляла бы в стране единство и согласие. Акбар начал изучать различные религии, обращая внимание в первую очередь на то, что объединяет между собой эти религии, а не разъединяет. Император вел долгие беседы с мусульманскими муллами, индуистскими жрецами, христианскими священниками и буддийскими ламами. Он искал у них ту единственную истину, которая объединит народы его империи. Постепенно Акбар выработал новое учение и вместе с немногими своими друзьями, среди которых были знатные и ученые люди империи, организовал тайное Братство. Братство поставило перед собой обширные задачи — объединить различные религиозные общины страны. И здесь Акбар, конечно, опередил свое время: его цель тогда не могла быть достигнута с помощью императорской власти.

Наследие Акбара. Акбар умер в 1605 г. Народ его империи долго скорбел по этой потере. Еще многие годы спустя после великого Акбара Индия не знала ни религиозных войн, ни национальной розни, ни расовой неприязни. Его потомкам понадобилось более века, чтобы все это разрушить.

Память о необычном императоре намного пережила его самого. Имя Акбара и до сих пор остается символом единства Индии, и к нему неизменно обращаются всякий раз, когда Индии угрожает опасность раздоров и внутренних столкновений.

КОРОЛЕВСКИЙ КУРЬЕР

Дорожное приключение. 8 июня 1467 г. из Льежа в Париж по одной из многочисленных во Франции узких проселочных дорог скакал всадник в черном плаще. Плащ его развевался по ветру, дорожная грязь летела из-под копыт коня.

Дорога вильнула, огибая небольшой ольшаник. Вдруг кусты затрещали, и несколько вооруженных оборванцев с криками «Стой!» бросились наперерез всаднику, норовя схватить его коня под уздцы.

Всадник был хорошо вооружен. У его бедра висел тяжелый меч, спереди к поясу был прицеплен короткий кинжал. Под плащом была надета кольчуга, а на левой руке висел круглый щит. Заметив это, один из оборванцев снял шапку и, низко поклонившись, сказал:

— Благородный сеньор, мы не разбойники. Мы — люди барона де Мейáна, владельца земли, по которой вы сейчас едете. Он приказал нам собирать пошлину со всех проезжающих. Благоволите заплатить.

Всадник спешил, поэтому не стал спорить, а сразу же заплатил требуемую сумму и хотел ехать дальше. Но двое оборванцев продолжали держать его коня под уздцы.

— Что это значит? — нетерпеливо вскричал всадник.

— Разрешите нам, благородный

сеньор, проводить вас в гостиницу «Золотое солнце». Там вы переночуете, утром кузнец подкует вашего коня, а седельник починит седло.

— Благодарю вас, добрые люди,— ответил всадник, тронутый такой заботой.— Но я собираюсь ехать всю ночь, мой конь хорошо подкован, а седло совершенно цело.

— Ах, благородный сеньор, умоляем вас последовать за нами. Таков приказ нашего господина: ведь и хозяин гостиницы, и кузнец, и седельник отдают ему часть своих доходов. А он за это позволяет им жить на его земле.

— Ну, с меня он не получит никаких доходов! — всадник двинул коня на людей де Мейана.

Те отскочили и приготовились к бою. Они были вооружены дубинками, кинжалами и топорами, насаженными на длинные древки, заканчивающиеся острием и большим крюком. Ими можно было рубить как топорами, колоть как пиками, а крюками стаскивать противника с седла. Двое оборванцев зацепили всадника своими крючьями и потянули вниз. Тот поднял коня на дыбы. Затем, держа кинжал в левой руке, а правой подняв меч над головой, он испустил воинственный клич и ринулся на своих противников.

Хотя их было больше, победа склонялась на сторону всадника. Но один из людей де Мейана, вооруженный пищалью, который до сих пор держался поодаль, устанавливая свою пищаль на подставку и поджигая фитиль, крикнул своим товарищам: «Расступись!» — и выстрелил. Пуля прошила сквозь одно из колец кольчуги всадника. Теперь, раненый, он терял силы с каждой минутой и мог только отражать удары щитом и кинжалом.

Положение его стало угрожающим. Вдруг послышался топот копыт и чей-то громкий возглас: «Держитесь, сударь, держитесь!» По дороге скакал небольшой отряд. Увидев его, люди де Мейана на секунду замерли, переглянулись и бросились в лес.

Предводитель отряда, щеголевато одетый юноша с веселым и открытым лицом, подскакал к всаднику и участливо спросил:

— Вы ранены, сударь?

— Пустяки,— ответил всадник.— Рана не опасная. Просто я потерял много крови. Как ваше имя, мой благородный спаситель?

— Гастон де Бриéн,— ответил юноша.— Я королевский курьер.

Всадник с трудом поклонился. Было видно, что он едва не теряет сознание.

— Мое имя — граф де Фуа,— прошептал он.— Помогите мне добраться до какой-нибудь гостиницы, господин де Бриен.

Гостиница «Золотое солнце». Быстро темнело. К тому же подул резкий ветер, небо стало заволакивать тучами, и где-то, пока еще вдалеке, прогремел гром.

— Проклятье! — пробормотал Гастон.— Если пойдет дождь, мы увязнем в этой грязи,— и тут же почувствовал, что копыта его коня уже не скользят по жидкой глине, а ступают по чему-то более твердому.— Благодарение небу! — воскликнул он.— Мы выехали на королевскую дорогу. Приободритесь, граф, теперь до гостиницы недалеко.

Большинство дорог того времени были настолько узки, что на них не могли разъехаться две повозки и пустая должна была уступать дорогу груженой. Королевская же дорога в отличие от обычных дорог была настолько широка, что по ней, как говорили в то время, «могла проехать невеста, не зацепив воз с покойником».

Всадники ехали медленно, потому что графу становилось все хуже. Вдруг их глазам предстало странное зрелище: молодой крестьянский парень старательно перекапывал лопатой дорогу, а чуть подальше двое других вывора-

чивали на поверхность большой гладкий камень.

— Зачем вы это делаете, болваны? — закричал де Бриен, останавливаясь.

— Нам приказал наш сеньор, барон де Мейан,— ответил парень.

— Приказал портить дорогу?

— Вот именно, сударь.

— Но зачем?

— А чтоб трясло сильнее,— ответил парень.— Упадет вещь на землю — и сразу переходит в собственность хозяина земли: как говорится, «что с возу упало, то пропало!» Вот барон де Мейан и велел нам перекопать дорогу. Ведь по таким колдобинам,— парень не без гордости посмотрел на плоды своего труда,— не только всю поклажу растерять, а и повозку сломать можно.

Де Бриен внимательно вгляделся в парня.

— А ведь я тебя здесь весной видел. Только тогда вы эту дорогу чинили.

— Чинили,— отозвался второй крестьянин, постарше.— Мы — крепостные. На нас дорожная повинность наложена. Каждую весну нам бы свое поле пахать, а мы королевские дороги и мосты чиним. А летом господин барон приказывает починенное ломать. И так из года в год! — крестьянин вздохнул и снова принялся за работу.

Де Бриен со спутниками двинулся дальше. Он думал о том, какого труда стоит поддержание дорог и как нужны человеку эти дороги, соединяющие города с городами, страны со странами. Не будь дорог, государи не имели бы вестей о соседних государствах, не могли бы управлять провинциями и собирать налоги, строить крепости и воевать. Купцы не знали бы ярмарочных цен и не торговали с другими городами и странами, ремесленники не обменивались бы секретами мастерства и новыми изобретениями. Не переходили бы бродячие студенты из одного университета в другой в поисках новых знаний, и не множилась бы ученость. Не путешествовали бы паломники к святым местам и не привозили бы удивительных рассказов о дальних неведомых странах...

Наконец показалась гостиница. Это был двухэтажный каменный дом, украшенный по углам башенками, а по второму этажу опоясанный галереей, на которую прямо с улицы вела довольно широкая деревянная лестница. Над входом висела жестяная вывеска, на ней желтой краской было намалевано что-то вроде осьминога с извивающимися щупальцами.

— Итак,— с усилием сказал граф де Фуа,— это гостиница «Золотое солнце»,— и, усмехнувшись, добавил: — Проклятый барон все-таки заставил меня остановиться в своей гостинице.

Один из людей де Бриена спешился и, схватив дверную колотошку, украшенную мордой льва, несколько раз гулко ударил ею в огромную и тяжелую, как крепостные ворота, дверь.

Дверь слегка приоткрылась, и оттуда выглянул хозяин гостиницы — толстый человек с хмурым лицом в грязном белом переднике. Он настороженно и неприветливо вглядывался в гостей и не спешил отворять дверь.

— Что с вами, любезный хозяин?— грозно спросил де Бриен.— На вас столбняк нашел? Впустите же нас в свою гостиницу!

Хозяин опомнился. Низко кланяясь, он распахнул дверь. Широкое лицо его расплылось в еще более широкой улыбке:

— Добро пожаловать, благородные господа! — говорил он, впуская путников и тщательно запирая за ними дверь,— время-то сейчас неспокойное, лихих людей видимо-невидимо развелось. Поневоле приходится быть осторожным — не всякого впускать в дом...

Он привел гостей в общую залу, служившую одновременно и кухней.

Она была слабо освещена огнем еле тлеющего очага.

— Как у вас темно, хозяин,— сказал де Бриен,— Подбросьте-ка в очаг соломы — светлее будет.

Хозяин молча вышел, через минуту вернулся с охапкой соломы и бросил ее в очаг. Солома ярко вспыхнула, все кругом сразу осветилось дрожащим желтоватым светом. Стало видно, что общая зала — это довольно просторная, низкая комната с полом, выложенным из черных и красных плит. Сильно выступающие потолочные балки были в тон пола расписаны красной и черной краской, рамы маленьких окон, державшиеся на ременных петлях, были затянуты промасленной материей.

Графу де Фуа свет от вспыхнувшей соломы показался ослепительным. Он прикрыл глаза рукой и пошатнулся. Де Бриен бросился к графу:

— Скорее, любезный хозяин,— закричал он,— надо уложить его в постель!

— Марго! — позвал хозяин, и на зов явилась тощая старуха в деревянных башмаках,— скорее проводи господ в их спальню.

Старуха пошла вперед. За ней де Бриен и один из его людей осторожно несли графа, хозяин замыкал процессию, освещая путь горящкй головней.

Вдруг он забежал вперед и, схватив служанку за плечо, злобно прошипел:— Старая ведьма! Где ты постелила господам?

Старуха остановилась, испуганно уставилась на хозяина и безмолвно указала головой на отворенную дверь, из которой падал свет.

Де Бриен и его помощник, не обращая внимания на замешательство хозяина и служанки, внесли графа в тесную комнату, почти целиком занятую огромной кроватью с пологом, и уложили на нее графа. Де Бриен быстро и умело перевязал его рану. Граф открыл глаза, поблагодарил де Бриена и тут же погрузился в глубокий сон.

— Пришлите мне ужин сюда, любезный хозяин,— сказал де Бриен,— я не хочу оставлять графа одного.

Хозяин медленно пошел исполнять приказание. Но в дверях он остановился и хмуро сказал:

— Господа, я бы посоветовал вам занять другую комнату.

— Вздор! — ответил де Бриен.— Здесь есть то, что графу сейчас нужнее всего — кровать, и она достаточно широкая, чтобы мы уместились на ней вдвоем. Лучше скажите, где будут ночевать мои люди.

— Во дворе, в сарае,— ответил хозяин.— В доме недавно был пожар, и почти все комнаты так выгорели, что в сарае жить удобнее. Сейчас у меня, кроме вас, нет ни одного постояльца.

Через полчаса де Бриен услышал, как внизу медленно проскрипела ржавыми петлями и тут же гулко захлопнулась дверь. Раздался звук задвигаемой щеколды. Это хозяин запирал дверь за людьми де Бриена.

Часовых дел мастер. Среди ночи де Бриен и граф де Фуа проснулись от оглушительного раската грома. Тут же сверкнула молния, и снова ударил гром, да так, что де Бриен невольно пригнул голову, а граф де Фуа перекрестился. Окно распахнулось, стукнув рамой о стену, ветер ворвался в комнату и закружил полог кровати. Де Бриен вскочил, чтобы закрыть окно, и увидел узкую полоску света, пересекающую двор. Свет падал из соседнего окна. «А ведь хозяин сказал, что, кроме нас, в гостинице никого нет!» — подумал де Бриен, и тут, сквозь шум дождя и ветра, услышал доносившийся со двора голос хозяина:

— Тише! Не разбудите слуг королевского курьера.

— Кажется, граф, мы попали в разбойничий притон,— сказал де Бриен, возвращаясь на кровать.— Я слышал,

что хозяева гостиниц часто бывают заодно с разбойниками и вместе с ними грабят своих постояльцев.

— Я тоже об этом слышал,— ответил граф.— Впрочем,— добавил он беззаботно,— с меня им взять нечего, потому что у меня ничего нет.

И тут они услышали осторожные шаги, тихий стук в соседнюю дверь и голос хозяина: «Откройте, это я, ваш хозяин».

Дверь скрипнула, за стеной послышалась какая-то возня, а потом сдавленный крик: «Помогите! Грабят!»

Де Бриен и граф бросились к соседям. Дверь там была широко распахнута, посреди комнаты стоял огромный открытый сундук, над которым склонились хозяин и один из грабителей. Второй грабитель, свирепо размахивая кинжалом, удерживал в углу двух испуганных людей. Один, с виду торговец, был бледен от страха и сдавленным голосом пытался звать на помощь; второй — старик в черном кафтане, подавшись вперед, не спускал глаз с хозяина и разбойника, рывшихся в сундуке.

— Осторожнее, ради всего святого, осторожнее! — повторял он.— Не повредите механизмы!

— Что здесь происходит? — громовым голосом спросил де Бриен.

Хозяин вздрогнул и уронил на пол ящичек, который он только что вытащил из сундука. Старик в черном закрыл глаза и протяжно застонал.

Хозяин переглянулся со своими сообщниками и, прочитав на их лицах явное нежелание вступать в борьбу с двумя противниками, ответил:

— Я услышал шум, пришел посмотреть, что здесь происходит, и увидел... Прочь отсюда, негодяи! — закричал он на разбойников.— Я не позволю грабить моих постояльцев!

Разбойники тут же шмыгнули в открытую дверь и застучали башмаками вниз по лестнице.

Де Бриен и граф де Фуа хотели броситься следом, но их внимание отвлек жалобный вопль старика в черном. Он стоял на коленях возле сундука, держа в руках небольшой предмет цилиндрической формы, и то прижимал его к груди, то прикладывал к нему ухо.

— Какое несчастье! — восклицал он.— Пропал многолетний труд!

— Что случилось, почтенный человек? — спросил де Бриен.— Не можем ли мы помочь вашему горю?

— Нет,— простонал старик.— Мне никто не может помочь. Это,— он протянул де Бриену предмет, который держал в руках,— механические часы, чудо искусства. Я сам сделал их, а этот ужасный человек,— тут старик поднялся с колен и указал на хозяина,— уронил их на пол, и они сломались.

Хозяин, постепенно подбиравшийся к двери, при последних словах выскользнул из комнаты.

Старика усадили на лавку, и он, прерывая свою речь вздохами и стонами, стал рассказывать:

— Много лет назад, странствующим подмастерьем, я попал в славный немецкий город Нюрнберг. Было раннее утро, город еще спал. Пустынными улицами вышел я на площадь и присел отдохнуть на ступенях собора. Вдруг прямо над моей головой послышался скрежет, потом победно заиграли трубы. Я вскочил, посмотрел вверх и увидел знаменитые нюрнбергские соборные часы. Циферблат их располагался на самом верху башни, а под ним в нише была установлена фигура императора на троне, окруженного придворными. Снизу все фигуры казались очень маленькими. И вдруг фигуры придворных под звуки труб стали медленно двигаться вокруг императора, склоняя перед ним головы. Потом трубы умолкли, часы пробили положенное число раз и фигуры остановились.

Целый день простоял я на площади, каждый час наслаждаясь этим удивительным зрелищем, а к вечеру твердо решил стать часовым мастером. Мне повезло, в Нюрнберге был цех мастеров, делавших песочные часы. Я поступил туда учеником и скоро показал такое усердие и способности, что уже через год мастер доверил мне толочь и просеивать мрамор, из которого делают песок для песочных часов. Не думайте, что это простая работа! Она требует и умения, и аккуратности. Через несколько лет я женился на дочери моего хозяина и скоро сам стал мастером.

Сколько разных часов сделал я на своем веку! Посмотрите вот на эти.— Старик вынул из небольшого ящичка деревянную рамку со вставленными в нее четырьмя маленькими песочными часами, подвижно прикрепленную к стойке с циферблатом.— В первых часах песок пересыпается за четверть часа, во вторых — за полчаса, в третьих — за три четверти, а в четвертых — за целый час. Когда в последних часах пересыплется весь песок, нужно перевести стрелку на циферблате и перевернуть рамку. По этим часам можно даже узнать, какая четверть часа идет.

Я стал лучшим часовым мастером в городе. И тогда мне пришла в голову мысль сделать механические часы, только не башенные, а маленькие, карманные. Я принялся за работу. Много сил, времени, труда потратил я на нее, и часы получились такие, которыми владеть мог лишь король. Я — француз, господа, и поэтому решил подарить мои часы французскому королю, а заодно побывать перед смертью на родине. Я быстро собрался, благополучно проделал долгий и опасный путь, и вот, когда до Парижа остались какие-нибудь сутки езды, случилось такое несчастье! — старик снова застонал.

Все молчали, и только граф де Фуа сказал:

— Не огорчайтесь так, мастер. Раз вы сумели сделать эти замечательные часы, неужели вы не сумеете их починить?

Старый часовщик хлопнул себя по лбу:

— Вы правы, сударь, вы правы! Я трачу время на бесполезные сетования, вместо того чтобы немедленно приняться за работу!

Старик тут же разложил на столе инструменты и углубился в работу, уже не обращая ни на кого внимания.

Де Бриен и граф де Фуа вернулись в свою комнату и улеглись спать.

Письмо. Утро наступило такое ясное, что солнечный свет пробивался даже сквозь промасленную холстину, которой были затянуты окна. Де Бриен и граф де Фуа отлично выспались, графа уже меньше беспокоила рана. Они спустились вниз — завтракать.

В общей комнате был разведен огонь, над очагом в треножнике висел большой глиняный горшок, а в нем булькала похлебка. Рядом на вертеле, который вращала специально обученная этому делу лохматая рыжая собака, жарилось мясо. Хозяин длинной ложкой пробовал похлебку. Увидев де Бриена и графа, он низко поклонился и пожелал им доброго утра.

— И вам доброго утра, любезный хозяин,— ответил граф де Фуа.— Я вижу, стол накрыт на четверых. Вероятно, наши ночные знакомые должны разделить с нами трапезу?

Хозяин хотел ответить, но тут в комнату вошли те, о ком спрашивал граф де Фуа. Лицо старого часовщика, несмотря на бледность и темные круги под глазами, сияло живейшей радостью:

— Я нашел повреждение в механизме! — воскликнул он, даже не поздоровавшись,— и смогу его исправить! Ах, господа! Какое это чудо — механические часы! Мы привыкли узнавать время по крику петуха или звону цер-

ковного колокола; но петух может подохнуть, пономарь напиться пьяным — и вот уже все смешалось. Ход же механических часов точен и беспристрастен, как ход самого времени!

— Да, механические часы — вещь полезная,— согласно покивал головой торговец.— С ними люди меньше времени стали терять попусту. По часам можно и встречу точно назначить, и дело за определенный срок сделать. Очень полезная вещь, ничего не скажешь!

Когда с завтраком было покончено, де Бриен встал и выложил на стол несколько монет:

— Благодарю вас, любезный хозяин. Велите моим людям седлать лошадей — я еду.

— Велите оседлать и мою лошадь,— сказал де Фуа.— Я должен быть в Париже сегодня вечером. Мое дело не терпит отлагательств.

Не слушая возражений, он сам вывел и оседлал свою лошадь, но едва занес ногу в стремя, как побледнел и закусил губы.

Де Бриен бросился к нему:

— Так ли важно дело, граф, чтобы вы рисковали ради него своим здоровьем?

— Судите сами,— ответил граф.— У меня есть младший брат в Париже — викóнт де Фуа. Он служит при королевском дворе. И вот недавно я узнал, что он вел жизнь самую беспутную, наделал долгов. Ростовщики пригрозили упрятать его в тюрьму. Мой непутевый брат побоялся сознаться в этом королю и решил тайком уехать из Парижа, покинуть свою службу. А ведь это позор для дворянина! Я должен во что бы то ни стало помешать ему покрыть бесчестьем себя и наш род. Теперь вы понимаете, дорогой господин де Бриен, почему я так тороплюсь.

— Что же делать? — растерянно спросил де Бриен.— Вам не доехать до Парижа: вы упадете в обморок или умрете по дороге. Вот что! — воскликнул он наконец.— Напишите вашему брату письмо, попросите его ничего не предпринимать до вашего приезда, а я отвезу это письмо в Париж.

— Благодарю вас, дорогой друг,— растроганно сказал де Фуа. Но это большой риск для вас. Я знаю, что недавним указом королевским курьерам под страхом смертной казни запрещено перевозить письма частных лиц.

— Что делать? Ведь у вас нет другого способа переслать ваше письмо немедленно. Конечно, вы можете сидеть и дожидаться, когда мимо поедет курьер, посланный каким-нибудь ремесленным цехом, или городской курьер, или курьер Парижского университета — всем им вменяется в обязанность за определенную плату перевозить письма и посылки частных лиц. Но, во-первых, неизвестно, когда кто-нибудь из них покажется на дороге. А, во-вторых, королевский курьер движется быстрее их всех, вместе взятых! Так что пишите скорее письмо, дорогой граф, а о моей голове не беспокойтесь — никто ничего не узнает.

Он почти силой втащил графа обратно в гостиницу, усадил за стол и громко крикнул:

— Эй, хозяин! Подайте все, что нужно для письма!

Хозяин ходил довольно долго и наконец принес чернильницу, представлявшую собой выдолбленный коровий рог, на дне которого было немного бледных чернил, приготовленных из дубовых орешков, большой желтоватый лист бумаги и облезлое гусиное перо.

Граф обмакнул перо в чернила и задумался. Через полчаса письмо было готово. Де Бриен спрятал его в сумку, распрощался с полюбившимся ему графом и пустился в путь.

Де Бриен в Париже. Дорога, приближаясь к Парижу, становилась все оживленнее. Де Бриен обогнал несколько крестьянских телег, запряженных волами и нагруженных всевозможной деревенской снедью, закрытый, богато изукрашенный возок знатного путешественника, тяжелый обоз, вероятно, везущий продовольствие в ближайшую крепость, проезжая мимо которой де Бриен заметил солдат, чистивших и укреплявших ее полуобвалившийся и заросший тиной ров. Навстречу ему попался торговый караван, отправляющийся в далекое и опасное путешествие: купцы и их слуги были хорошо вооружены.

Париж, как и большинство городов, стоял на перекрестке дорог, и главные улицы Парижа были продолжением нескольких главных дорог Франции. Де Бриен проехал через Льежские ворота и оказался на Льежской улице. Узкие, кривые переулки вывели его к воротам королевского замка — Лувра. Здесь один из спутников де Бриена приложил к губам рог, висевший у него на поясе на длинной цепочке, и громко затрубил. Тотчас же из-за зубца башни показался часовой и спросил:

— Кто идет?

— Королевский курьер! — ответил де Бриен и встал так, чтобы часовой мог его видеть.

Де Бриена сразу провели к королю.

Людовик XI сидел за рабочим столом. Одинокая свеча, озаряя лицо короля, делала еще более резкими его черты. Король был обеспокоен. Он с нетерпением ожидал почту и боялся дурных вестей:

— Долго же пришлось вас дожидаться, господин курьер,— сказал Людовик скрипучим голосом.— Мне кажется, вы забыли, что королевский курьер должен скакать день и ночь и не отвлекаться по дороге никакими посторонними делами. Скорее давайте письмо, что вы привезли.

Вести были хорошие, лицо короля прояснилось. Он придвинул к себе бумагу и чернильницу и стал собственноручно писать ответ. Де Бриен ждал, скромно отойдя в угол. Наконец король размашисто подписался, посыпал лист песком, чтобы чернила скорее просохли, сложил его, запечатал своим перстнем и вручил де Бриену.

Де Бриен взял письмо, низко поклонился, вышел, облегченно вздохнул и отправился разыскивать виконта де Фуа. Тот жил в доме состоятельного ремесленника на улице Клери́.

Объяснив хозяйке цель своего посещения, де Бриен поднялся вслед за нею по узкой винтовой лестнице на второй этаж и оказался в небольшой комнате со скудной мебелью. При виде гостя молодой человек, бледный и расстроенный, вскочил с кровати и подошел к де Бриену:

— Что вам угодно, сударь?

— Если вы — виконт де Фуа, то я привез вам письмо от брата.

Молодой человек порывисто схватил конверт. Прочитав письмо, он крепко пожал руку де Бриену.

— Благодарю вас, сударь! — воскликнул он.— Это письмо разрешило мои последние сомнения. Я ведь и сам двадцать раз говорил себе то, что пишет мне мой брат. Теперь — решено! Пусть приходят ростовщики и тащат меня в тюрьму — я останусь верен моему долгу во что бы то ни стало.

Де Бриен пожелал молодому человеку спокойной ночи, успеха в его делах и отправился домой. По дороге он не без удовольствия воображал себе радость графа де Фуа, когда тот узнает, что его брат не опозорил изменой доброе имя семьи.

А на другое утро, лишь только взошло солнце, королевский курьер Гастон де Бриен снова был в пути. Он вез почту короля из Парижа в Льеж.

ЦЕНА ТОПОРА

По дороге в славный город Нюрнберг плелись волы, лениво обмахиваясь хвостами. Колыхалась до краев нагруженная телега, колеса монотонно скрипели. Иоганн поеживался от предрассветной осенней сырости и плотнее запахивал на груди темную куртку из грубого деревенского сукна. Привычно покрикивая на волов, он обдумывал свои дела, предстоящий ему нелегкий день.

Сегодня в Нюрнберге соберется осенняя ярмарка. Иоганн должен сделать там три большие покупки. Ему нужен топор для старшего сына, который собирается жениться и зажить отдельным хозяйством. К его свадьбе необходимо купить обручальные кольца. Да жена давно просит новую сковороду: старая совсем прохудилась.

В деревне дом Иоганна был не из самых бедных, но наличные денежки и у него водились редко: все уходило в оброк господину, у которого Иоганн с сыновьями держал землю. А товары на городском рынке, особенно изделия из металла, стоили дорого. И вот Иоганн везет на продажу в город кое-что из своего хозяйства: на телеге аккуратно уложены мешки с рожью, связки вяленой рыбы, несколько овчин и пять шкурок рыжей белки, так кстати попавшей в силки минувшим летом.

Старинный город Нюрнберг славился по всей Европе своими искусными ремесленниками, прежде всего кузнецами — так издревле называли всех мастеров, работавших по металлу. Иоганн бывал в этом городе и знал, что там имеются целые кузнечные ряды, где можно купить самые разнообразные вещи из железа, меди, олова, серебра и золота. Продавались и сами металлы как сырье для кузнецов, в виде небольших брусков — «болванок».

В лавках оружейников можно приобрести воинское снаряжение: от меча и кинжала до кованых лат. В ювелирных лавках выставлены красивые изделия из серебра и золота, но есть и украшения из железа и меди: их делают мастера победнее — для простого люда. Вот выставка-продажа у посудников: тарелки, миски, кружки, кувшины из олова, железные и чугунные котелки, сковороды. А вот и прилавки «черных» кузнецов, там разложены подковы и гвозди, серпы и косы, топоры, молотки и простые ножи, металлические части для плуга. Особенно много таких товаров на ярмарке, куда приезжают продавцы и покупатели из разных отдаленных мест.

Все больший спрос находят изделия из металла, всем нужны они: воинам и крестьянам, скромным хозяйкам и знатным модницам, во дворце, монастыре и в городском доме. Взять хотя бы тот же топор: с его помощью валят лес, строят дома и укрепления, мастерят мебель и нехитрую утварь, а при случае им сражаются. Без топора не может обойтись ни одно хозяйство.

В средине века изделия из металлов ценились очень высоко, их берегли, передавали по наследству. И это не случайно. Ведь прежде чем металл становился топором, котлом или перстнем, он проходил длинный путь: его надо было найти и обработать.

Дело начиналось с розыска мест, где находились полезные ископаемые — металлические руды. Опыт, накопленный людьми на протяжении многих столетий, помогал обнаружить такие места. Речь шла прежде всего о месторождениях, которые выходили на поверхность земли: ведь тогда не умели ни вести глубинный поиск, ни строить такие глубокие шахты, как сегодня.

Проще всего было с железом. По всей Европе его находили во множестве в виде комков руды: зеленоватых — на дне озер, рыжеватых — под дерном

и красноватых — в лесных болотах. Просматривая с лодок дно прозрачных озер или ощупывая его, ныряя в мутную воду, выявляли на дне «бобовые зерна» — округлые кусочки руды. Их выгребали на плоты черпаками. «Гнездо» железной руды на лугу или болоте опытный человек обнаруживал по цвету растительности: в этих местах она становилась бурой. Разрезали луговой дерн, сдирали болотные пласты и доставали лопатами рудное гнездо; такой луг иногда покрывался тысячами ям.

Обнаружить цветные металлы нередко помогала... болезнь! Когда в определенном месте у изыскателя начинала болеть голова и краснели глаза, он говорил: «Ищите здесь!» Раскопав землю, пораженные свидетели обнаруживали залежи золота, меди, свинца, цинка, олова, обязательно также и ртути. Верующие, напуганные церковью люди считали такого человека колдуном. В наше время ученые установили, в чем тут дело. Ртуть, даже под землей, растворяет цветные металлы, образуя их сплавы — а м а л ь г а́ м ы, которые испускают затем ртутные пары. Находясь в воздухе, капельки жидких амальгам воздействуют на все живое, так как ртуть ядовита. Чувствительные люди тотчас реагировали на отравленный воздух. Они, конечно, не понимали истинной причины своего недомогания, но благодаря большому опыту, длительным наблюдениям связывали это с наличием в земле цветных металлов.

Иногда поиску помогал случай. В VIII в. один охотник наткнулся на пещерное месторождение железа, убегая от медведя. В X в. конь охотника, привязанный к дереву и нетерпеливо ожидавший хозяина, выбил ударом копыта кусок золотой породы. В XIII в. чешский монах, случайно найдя на горе серебро, повесил на скале рясу для приметы. До сих пор шахты называются Ку́тна Го́ра («кутна» по-чешски — ряса).

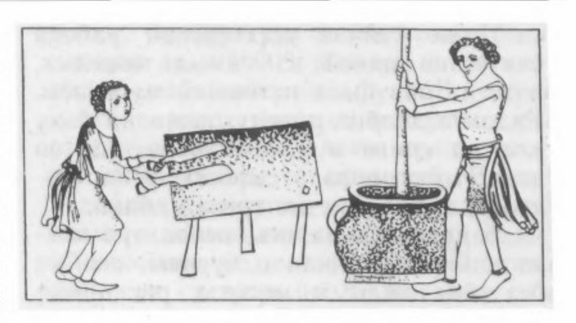
Подчас случайными находками пользовались обманщики. Заранее обнаружив полезное ископаемое, они потом якобы «находили» его волшебным путем, завоевывали тем самым большой авторитет и легче наживали богатство.



Обнаружив месторождение металла в земле, надо было определить его характер: крупное оно или мелкое, располагается близко к поверхности земли или уходит далеко вглубь. Ясно, что, чем глубже залегала руда, тем труднее было ее добыть. А какой же смысл был глубоко вкапываться в землю из-за маленького запаса руды — всего на несколько месяцев работы для горняков и металлургов! Поэтому искатели руды постепенно научились оценивать месторождение и определять, как оно залегает: пластом или жи́лой (с ответвлениями в стороны), што́ком (прямой или наклонный столб) или ли́нзой (продолговатый овал).

Но вот месторождение оценено: оно большое, его выгодно разрабатывать. Теперь начиналось определение того, как раскапывать новое месторождение: в открытую (канава, карьер) или под землей (ствол), горизонтально (траншея) или вертикально (шурф, колодец), с одним выходом на поверхность (штольня) или с двумя выходами (тоннель), понадобится ли коридор прямо в рудном теле (штрек), станут ли делать боковые или соединительные ходы между штольнями и т. д. Наконец и эта сложная задача решена, намечен план работ.

После этого владельцы шахты нанимали землекопов либо сгоняли туда зависимых крестьян. Слой за слоем снимались земля, обнажалось месторождение. Теперь начинался великий труд рудокопов — добытчиков металлической руды.

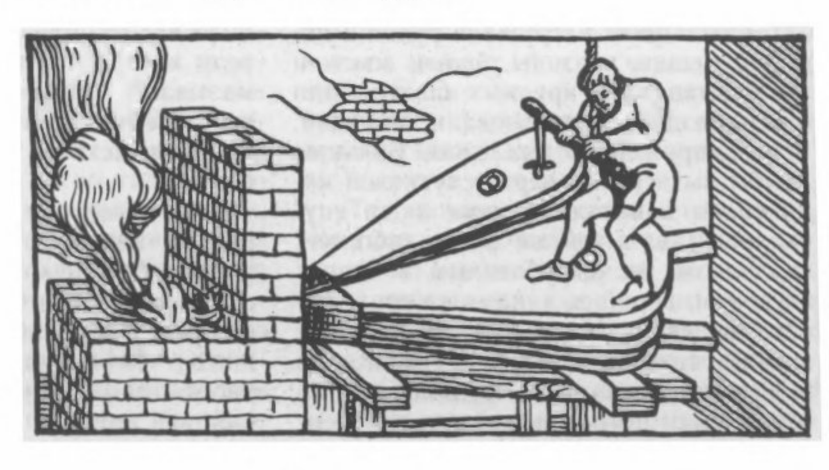


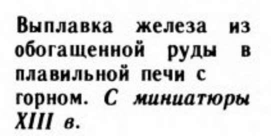


Этапы железоделательного производства в средневековой Европе.

Измельчение и обжиг руды для ее обогащения.

Добыча железной руды в шахтах и ее первичная обработка (Чехия). ***С миниатюры XV в.***





Выплавка железа из обогащенной руды в плавильной печи с горном. ***С миниатюры XIII в.***

Даже сейчас шахтерская работа считается одной из самых тяжелых, а тогда она была истинным мучением. Рудокоп долбил породу, лежа на боку или на спине в узком забое, где со всех сторон ползла сырость, веяло холодом и ежеминутно грозил обвал.

В руду вгрызались, используя кайла и кирки, зубила и буравы, особые беззубые пилы и молоты, распорные клинья и лопаты. Намертво сцепившиеся глыбы жгли огнем, чтобы вызвать трещины, травили кислотой (нередко при этом травились сами). В трещины вставляли деревянный клин и поливали его водой: разбухая, он раскалывал породу. Свод (кровлю) подпирали бревнами.

Самыми искусными рудокопами считались немецкие, особенно из Саксонии. Их приглашали в другие страны, чтобы они и там хорошо поставили горное дело. Когда в XII в. шведы задумали устроить рудники на своих богатых железных и медных промыслах, они пригласили немецких горных мастеров и рудокопов и выдали им особую королевскую грамоту, где перечислялись их привилегии.

В Германии и в Чехии были и самые глубокие шахты, хотя глубже, чем на 500 м, там не спускались. Но и в такой шахте происходили обвалы и наводнения, люди отравлялись рудничным газом.

Носильщики нагружали рудой и породой мешки, корзины, бадьи, волокли их к выходу. В крупных шахтах для этого позднее использовали лошадей, ослов, впряженных в тележки. Большие глыбы вытягивали через спусковой колодец на канатах. И сами люди спускались вниз в той же бадье либо, как скалолазы, по вырубленным в стенах ступеням, держась руками за страхующие веревки. Изучая средневековые шахты, археологи нередко находят в них кости несчастных рудокопов, которые были погребены рухнувшей землей или занемогли и скончались прямо на месте от надрывного труда.

Поднятую наверх руду везли тачками в отвал и там кувалдами разбивали на большие куски. Потом их вручную дробили металлическими пестами в каменных ступах. Затем два месяца сушили, обжигали для очистки, мельчили на сите с крупными дырами и промывали в специальных запрудах. Далее опять сушили и просеивали на сите с малыми дырами. Этот процесс называется «обогащением» руды: в результате получался концентрат, свободный от примесей.

Теперь надо было добыть из руды металл, для чего руду требовалось расплавить. Как же ее плавили? Древние римляне использовали для этого так называемую муфельную печь — коробку, стенки которой не боялись высокой температуры — были огнеупорными. Но после падения Римской империи это искусство было почти вовсе утеряно: муфель сохранился только у басков в Северной Испании и их родственников гасков (гасконцев) в Юго-Западной Галлии. Прочие европейцы применяли теперь для металлургии горн — маленькую, вышиной в полметра печь из плит известняка. Ее вкапывали в землю, подпирали снизу каменными валунами и закладывали в нее руду вперемешку с топливом: древесным углем, если дело происходило в лесу, или костями, если плавку вели в степи. Печь почти наглухо обмазывали. Затем разводили огонь, а через отверстие в стенке нагнетали кожаными мехами воздух, поддерживая пламя.

Не менее трех часов подряд подручные качали ручки мехов, напоминавших большую гармонику, обливаясь соленым потом и кашляя от угара. Они говорили: «Лучше с женою сварливою жить, чем железо варить!» В конце работы ломали горн (так что его всякий раз строили заново) и находили

на дне поверх камней «крицу» — кусок темно-коричневого железного «теста», в котором железо было смешано с посторонним шлаком. Как ни старались, а три четверти полезной массы пропадало. Если затратить сутки неимоверного труда, работая возле горна без минуты перерыва, иначе печь остынет,— получишь до 8 кг такого металлического «теста».

Затем в дело вступали кузнецы. Они многократно проковывали крицу ручными молотами. В процессе ковки из крицы выходили шлаки. И постепенно на наковальне появлялось изделие: топор, коса, молот, подкова.

Можно было получить и жидкий состав. Для этого крицу снова плавили, а затем разливали металлический «кисель» глиняными ложками.

С древнейших времен горючим в горнах служил уголь, остающийся после неполного сгорания деревьев и потому называвшийся древесным. Поэтому в районах, где был развит горно-металлургический промысел, леса исчезали особенно быстро. Например, в Англии металлургия «съела» три четверти древесного богатства страны. А в центре Испании на месте лесов образовалась каменистая полупустыня.

Только в XI в. англичане стали использовать для плавки руды каменный уголь, сначала в смеси с древесным, а потом и чистый. Они наладили добычу этого великолепного нового горючего — опять-таки в шахтах, где условия труда были такими же тяжелыми, как и в железных, медных или серебряных рудниках. В угольных шахтах особенно часто происходили взрывы газа. Рудокопы не замечали, как он накапливался, и для контроля использовали птичек в клетке: птички падали в обморок, когда газа было много.

С XII столетия мастера плавильного дела стали возводить до́мницы — горны трехметровой высоты, сложенные из кирпичей и напоминавшие большие бочки. Температуру в них можно было довести до +1000°, в таком жаре плавилась любая железная руда. В нижней части корпуса имелись отверстия для стекания жидкого шлака: крица быстрее избавлялась от примесей. Воздух в домницу поступал уже не от ручных мехов, а от механических: их приводило в движение водяное колесо. Поэтому домницы ставили около быстрых рек, возле запруд и мельниц. В такой «бочке-домнице» получали сталь. Оружейники из нее стали делать наконечники для стрел, которые пробивали насквозь рыцарские латы.

Кроме того, в домнице получали чугун, он оставался на дне в виде странной массы, по цвету и форме похожей на изваляывшуюся в луже свинью. Эти куски чугуна так и прозвали — «чушками». Чугун не куется, а разлетается под молотом на куски. Поэтому его научились использовать не сразу, сначала его вообще выбрасывали. Затем чугун начали, снова закладывая в печь, переплавлять («переделывать»), в результате получали железо лучшего качества. Чтобы не мешать плавке в домнице — доменному процессу, загружая печь двойной работой, возле домниц стали ставить отдельный горн для переплавки чугуна. Но вскоре научились использовать и непосредственно чугун. Первыми среди европейцев это сделали камские болгары (булгары), изготовлявшие с XIII в. чугунные котлы взамен медных. А уже через столетие нигде в Европе не выбрасывали нескладные «чушки» чугуна. Из них стали делать сковороды, горшки, утюги, плиты и другие изделия.

Так сложилась черная металлургия, занятая выработкой железа, стали, чугуна. Из железной руды люди получали теперь гораздо больше металла разных видов и лучшего качества. Но они по-прежнему берегли не только вещи из «черных» металлов, но даже их обломки, особенно куски стали. Их со-

бирали где могли, даже на поле боя — после окончания битвы. Отдав металлический лом кузнецу, ему заказывали изготовить необходимый для хозяйства новый предмет.

Следующий важный шаг в плавильном деле сделали англичане в XIV столетии: они возвели печь пятиметровой высоты, с двухметровым внутренним диаметром. Домница превратилась в домну. В сутки домна давала 1,5 т чугуна, а усовершенствованный кричный горн — тонну отличного железа. Сравнивая эту печь с гигантскими домнами XX в., видим, что еще 500 лет назад она имела основные части современной домны. Теперь драгоценное сооружение уже не ломали, как когда-то простейший горн: жидкий металл аккуратно выпускали в разливные ковши.

Наконец, в 1470 г. добились новой удачи: научились застывший в виде бревна, но еще горячий и мягкий слиток металла давить, утоньшать и прокатывать под прессами. Так появился прокатный стан, он давал сталь в виде крупных листов. Листовую сталь можно было резать на изделия значительной длины и любого вида.

С VI по XV в. европейцы выплавили около 120 млн. т железа. Но чтобы изготовить из него необходимые изделия, сначала требуется получить подходящие куски металла — «заготовки». Тут на смену плавке идет отливка. Иногда жидкий металл сливали в яму, давали ему застыть, а потом обрабатывали. Иногда же его сразу заливали в каменные или земляные формы, вырезанные по стандарту. Чтобы металл не прилипал к стенкам, их предварительно смачивали соленой водой. Так отливали колокола, котлы, а позднее и стволы пушек.

Тонким искусством было литье по глиняной модели. Вырезав фигурку, ее обмазывали теплой глиной; когда застывала, ее разрезали, снимали с фигурки, а потом вновь слепляли. Теперь внутренняя поверхность модели повторяла все очертания фигурки. Затем в модель вставляли стержень и через него в пустоту заливали жидкий металл. Так делали небольшие вещицы.

Успехи черной металлургии позволили многого достичь и в цветной металлургии, особенно в XVI в. Золото и серебро, свинец и цинк, олово и медь широко применялись в работе и быту, служили сырьем для изготовления массы вещей, начиная от оружия и производственных деталей и кончая монетами и великолепными ювелирными изделиями. Часто использовались сплавы этих металлов — бронза (медь с оловом), лату́нь (медь с цинком), припо́й (свинец с оловом), ве́ркблей (свинец с серебром), электро́н (соединение золота с серебром, похожее цветом на янтарь).

Когда добывали медь, рудокопам часто попадался никель. Его не сразу научились пускать в дело; когда при плавке образовывался сплав меди с никелем, его выбрасывали как бракованный. Само слово «ни́кель» в переводе означает «ничто», т. е. «негодный», «никому не нужный». Позднее этот легкий и нержавеющий металл оценили по достоинству. А добавив к медно-никелевому сплаву цинк, получили такой хороший сплав, как мельхиор.

В XV—XVII вв. цветная металлургия достигла очень высокого уровня. Занимались ею обычно мужчины, но на Волге медное литье доверяли исключительно женщинам.

Особое место занимали драгоценные металлы. Они были одним из источников и мерилом богатства. Ими кичились, доказывая свое могущество, императоры и князья, ими расплачивались при сделках, на них нанимали солдат. Поэтому торговля и внешняя политика средневековых государств также во многом зависела от наличия

драгоценных металлов. Правители, феодалы, купцы (да и не только они) нередко стремились приобрести золото и серебро любым способом, совершали ради них преступления, развязывали войны. И уж конечно, драгоценные металлы постоянно искали.

Природного золота в Европе было мало, но в небольших количествах его можно было найти во многих местах и в разном виде: жи́лы — в кварце, зерна — в граните, пылинки — в песке. Любимым занятием и неуемной страстью стало «мытье золота»: на всех европейских реках в средние века можно было увидеть людей с лотками в руках. Загребая речной песок, они многократно промывали его водой, которая вымывала легкие камешки. А тяжелые крупинки золота оседали на дне лотка. И счастлив был тот, кто за месяцы тяжелого труда намывал маленький мешочек золотого песка.

Серебро выплавляли из смешанной руды, отделяя его от сурьмы, свинца и меди. В таких горнах использовали уголь из лучших лиственных пород дерева — дуба, бука, граба, липы, а ставили эти печи всегда на открытом, хорошо проветриваемом месте. Еще чаще плавили серебряную руду не в печах, а в огромных пирамидах поленьев. По желобам из них тек жидкий металл. Основные разработки европейского золота были до XV в. в Чехии, а серебра — в Германии.

С цветными металлами постоянно работали ювелиры. Невозможно перечислить все виды средневековых ювелирных изделий. Горожанки особенно любили эмалированные украшения. *Эмаль* — это стеклянный сплав с примесью олова, борной кислоты и различных красителей. Наведя этот состав на металлическую основу, получали поверхность из эмали выемчатой, перегородчатой, просвечивающей, живописной (в зависимости от способа нанесения состава).

Для украшения коробочек, брошек и кулонов, резных чаш применяли *филигра́нь:* золотую и серебряную проволоку сплетали хитроумным образом и припаивали к предмету. Иногда золотую проволоку накладывали в виде определенного узора и «вбивали» ее в сталь — получалась *насе́чка,* особенно ценимая на боевом холодном оружии.

Делали украшения и декоративные сосуды и из одной серебряной или золотой проволоки, сплетенной наподобие кружева,— *скань*. Нацарапав на серебре узор, его травили и подкрашивали окислами различных металлов, пока он не синел или темнел,— выходило черненое серебро.

Зернь получали, приваривая к поверхности ювелирного изделия комбинации из крошечных шариков — «зернышек». Большим спросом пользовались позолоченные предметы: они изготовлялись из меди или серебра, а затем покрывались тончайшим слоем золота.

Ювелиры постоянно получали от богачей заказы на изготовление самых разнообразных драгоценных предметов. Например, графиня Барселонская приобрела в 1040 г. шахматные фигурки из чистого золота. А вот серебряный «оптовый» заказ, который сделала мастеру в X в. жена одного торговца: налобный венчик, серьги, бусы, 8 перстней, 2 височных кольца, 2 браслета, 6 застежек, 4 накладки, брошь и поясной набор. Золотые и серебряные сосуды и статуэтки сверкали в церквах и во дворцах, хранились в сокровищницах монастырей и замков. Простые люди тоже покупали ювелирные изделия, чаще всего из недорогих металлов. Серьги, пряжки, браслеты, нашейные кресты, пуговицы, перстни, детали для поясов и наголовников изготовлялись из железа, меди и олова.

Сделать такое огромное количество различных украшений в короткие

сроки было бы невозможно, если бы не помогала техника. Прежде всего это *отли́вка* в формах (о ней уже говорилось), после которой поделки очищали, полировали, украшали. Другой способ изготовления множества одинаковых металлических предметов в сравнительно короткие сроки — это *штампо́вка*. В средние века она использовалась прежде всего для изготовления мелких вещиц.

При штамповке кусочек металла, отлитый чаще всего в виде маленькой болванки, расплющивали, превращая в более или менее тонкий кружок или лист. Затем холодную заготовку закрепляли на неподвижной поверхности, накладывали на нее штамп и сильно ударяли по нему молотком. Штампы были из дерева, камня, обожженной глины и того же металла. Рисунок, вырезанный на штампе, «отпечатывался» на заготовке. Края зачищались, и серьга готова!

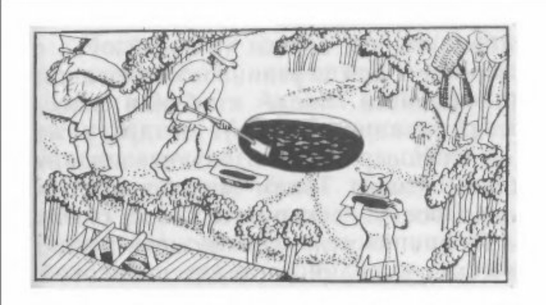
Так же изготовлялись височные кольца, которые подвешивали к прическе. Это ныне забытое украшение предпочитали средневековые женщины Центральной и Восточной Европы, причем у каждого народа или даже племени существовал свой тип височного кольца. Так, женщины у камских болгар носили височные кольца с тремя желудевыми бусинками на бронзовой проволоке, у хорватов — круглые подвески с заходящими друг на друга концами, у чехов — с завитушкой вроде буквы S и т. д. Добавим, что и другие металлические женские украшения у отдельных племен и народов тоже всегда различались. У скандинавов это броши-пряжки в форме змеи с длинным телом и головой дракона, у финнов — шумящие при движении привески, у пруссов — застежки в форме лука, у ливов — крючки на платье в виде восьмерки, у лангобардов — подвески, похожие на маленькие корзиночки. Когда археологи находят при раскопках такие украшения, то сразу по ним определяют, какие племена здесь расселялись.

Без штамповки не могла обойтись и важная отрасль металлического дела — изготовление монет. Золотые, серебряные и медные монеты изготовлялись в великом множестве. Каждая серия (группа) монет должна иметь одинаковую форму, вес, изображение. Обычно на монетах изображали герб государства или города, в котором она выпускалась, нередко — святого, который считался покровителем того государства или города; на монете обо-





Способы запряжки: старинная (слева) и новая. ***С миниатюры XI—XII вв.***





значали имя и титул правителя. Изображения были на обеих сторонах монеты. Поэтому ее обрабатывали сразу двумя штемпелями: на нижний, неподвижный, клали металлический кружок, на него ставили верхний штамп, по которому ударяли молотком. Монеты изготовляли особые мастера-монетчики под строгим контролем государства. Штемпели для монет делали особые резчики по металлу — *гравёры*.

Но вернемся к железу. В позднее средневековье искали руду рудознатцы, добывали ее рудокопы, выплавляли металл металлурги, обрабатывали его мастера железного дела. Но в раннее средневековье всеми этими искусствами, особенно в деревнях, владело одно лицо — кузнец. Живший на окраине селения, чтобы не мешать людям грохотом в кузнице и угрозой пожара, кузнец был чрезвычайно почитаемой фигурой. Его главными орудиями труда были молот и наковальня, вспомогательными — клещи, молоточки, напильник, резец, зубило, ножницы и др. Кочевники таскали за собой этот груз в обозных телегах, а кузнеца берегли и не допускали к сражению.

Еще до XI в. деревенские умельцы овладели сваркой, пайкой, горячей ковкой, тепловой обработкой, покрытием слоем другого металла, холодной обработкой, вкраплением другого металла

Мастерская стекольщика (справа вверху). ***С миниатюры XV в.***

Заготовка глины для производства фарфора (слева вверху). ***С миниатюры XV в.***

Саксонская повозка: колесо со спицами и составным ободом. ***С миниатюры XI в.***

Экипаж для путешествий. ***С миниатюры XIV в.***





(инкрустацией). Если хотели очистить металлический предмет от поверхностных примесей, его скоблили, если хотели очистить от внутренних примесей, то разогревали и ковали молотом, отделяя лишнее. Легче было изготовить цельное изделие, труднее — сварное. Однако справлялись и с этим, искусно наваривая друг на друга куски металла, вваривая стальную полосу в железную основу. Когда требовалась особая прочность, например боевого меча, то его делали трехслойным: посередине железо, а сверху и снизу сталь. Затем дополнительно его обжигали, помещая вместе с углем и костями в закрытый глиняный сосуд и прогревая до +1000°. Такое лезвие не гнулось и редко ломалось. Для придания стали особых свойств ее закаляли, быстро охлаждая после нагрева.

Средневековые мастера умело соединяли различные конструкции, а к концу средних веков научились делать винты с гайками, обтачивать, долбить и сверлить, строгать и шлифовать металлы.

Полезным изобретением была волочильная доска со множеством отверстий разного диаметра. Протягивая через них небольшие мягкие, еще горячие бруски металла, их превращали в проволоку нужной толщины. Потом проволоку разрезали на кусочки, у каждого заостряли один конец и расширяли другой, чтобы вышла «шляпка»: получались гвозди. Так же гнули проволочные отрезки на булавки. Если хотели сделать иголку, то пробивали отверстие в расплющенном конце прямой булавки, а другой ее конец закаливали.

Были тогда свои способы и для изготовления топора — одного из главных орудий человека на протяжении тысячелетий. Существовали разные виды топоров, но сельские кузнецы делали их во всех случаях примерно одинаково: сначала выковывали полосу из железа, затем эту железную полосу сгибали, чтобы вышел ударный обух с отверстием для деревянного топорища; получившиеся после сгибания плоскости приваривали друг к другу по всей их поверхности и затачивали как единое лезвие. Таким же образом делали и боевую секиру, только из стали.

Теперь понятно, почему цена металлических изделий оставалась высокой; не только длинный, но и сложный путь проходили они от своей первой основы — руды. Многие мастера прилагали к ним труд и умение, свои рабочие руки...

Иоганн долго выбирал топор по вкусу. Пробовал задубевшим большим пальцем лезвие: хорошо ли обточено, нет ли зазубрин. Вздыхая, вынул из-за пазухи мешочек с монетами, вырученными от продажи домашних припасов. Уплатил деньги, спрятал топор в заплечный мешок — торбу. В ювелирном ряду выбрал одно медное колечко — для невесты. Сыну он отдаст свое, оно бережно хранится в сундуке. Только наверное, позеленело, но это ничего ототрется и заблестит как новое. Денег осталось только на маленькую сковородку, для его семьи бесполезную. Иоганн бережно пересчитал монетки, ссыпал их в мешочек и снова убрал за пазуху. Ничего, главное — топор он все же купил. А сковородку он купит из нового урожая, если, конечно, будет что продавать после уплаты оброка господину.

И снова медленно поплелись волы. Усталый и довольный Иоганн дремал на пустой телеге, спрятав под солому торбу с новым топором...

ЧТО ВАРИЛОСЬ В ГОРШКЕ У ДЖОНА И МЭРИ?

Скажи нам, Джонни, без прикрас,
Чем Мэри угостит всех нас?
Что ты припас в своем мешке?
Что варится в ее горшке?

Перед вами слова из английской средневековой народной баллады. Джон и Мэри в Англии (или французские Жан и Мари, испанские Хуан и Мария, русские Иван да Марья) — имена, которые были тогда в числе самых распространенных. Поэтому если знать, что́ ели какие-то типичные для той эпохи английские Джон и Мэри, станет, вероятно, известно, чем питалось большинство европейцев в средние века. Кажется, ясно?

Нет, не вполне. Ведь у знатного и богатого человека имелось больше возможностей есть вкусно и разнообразно. Бедняк же порой еле-еле сводил концы с концами и постоянно думал о том, чтобы не умереть от голода. Голодовки случались тогда нередко и затрагивали почти всех. Человек еще не умел подчинять себе природу. Любой каприз погоды выводил хозяйство крестьянина из обычного ритма: засуха палила почву, буря губила плоды, сильные дожди заливали корни растений, и они гнили, ранние заморозки уничтожали несозревшие колосья и плоды. Да и в хорошую погоду часто приходили несчастья. Земледельцы были беспомощны против полевых и лесных вредителей — мышей, насекомых и некоторых птиц. Сорняки стеной надвигались на урожай. Чванные и беспечные феодалы, охотясь и воюя, вытаптывали поля, политые крестьянским по́том, оставляя тружеников без средств к жизни.

Мы находим в хрониках известия о том, как бедствовали тогда люди при голодовках. Они объедали листья на деревьях, варили вонючую похлебку из болотной травы, выкапывали корни сгоревших при пожаре кустарников, обдирали древесную кору и жевали ее, пекли оладьи из жирной белой глины, жарили грызунов и насекомых. Были даже случаи людоедства.

Но и при благоприятных условиях не все люди, даже если они были знатными и богатыми, всегда питались сносно. На столе у разных лиц встречались, конечно, не одинаковые блюда. Многое тут зависело, помимо материальных возможностей, от природных условий, профессиональных занятий и местных привычек. Например, быт азиатских кочевников, которые нескончаемым потоком изливались на Европу. Они вторгались из Приуралья и Прикаспия в Причерноморье, доходили до Дуная и даже до Атлантического океана. И пока они не оседали на одном месте, пищу им поставляли в первую очередь табуны их коней, а также отары овец и верблюдов. Их излюбленным напитком был кумыс — кобылье молоко, в котором началось брожение. Кумыс не только утолял жажду, но был целебным средством от многих болезней, особенно помогал слабым и утомленным. Верблюжьим молоком женщины в обозах поили детей или оставляли его для изготовления масла, а из овечьего молока делали брынзу — острый сыр.

Кочевники часто питались кониной. После каждого набега или стычки оставались лошадиные трупы. Их свежевали, а мясо жарили на кострах, тушили в набитых ароматными листьями ямах, вялили, подвесив тонко нарезанные ломти над дымящим очагом. Самые большие и сочные куски военный вождь брал себе, а в знак особой милости и поощрения раздавал их храбрейшим воинам и приближенным лицам. Жесткое вяленое мясо степняки клали пластом между седлом и подстилкой; после многочасовой скачки конина размягчалась. Опустошив огороды и подвалы земледельцев, кочевники любили недолго поварить конину вместе с награбленными овощами и ели ее полусырой. После сражений они пили теплую кровь раненых лошадей и верблюдов.

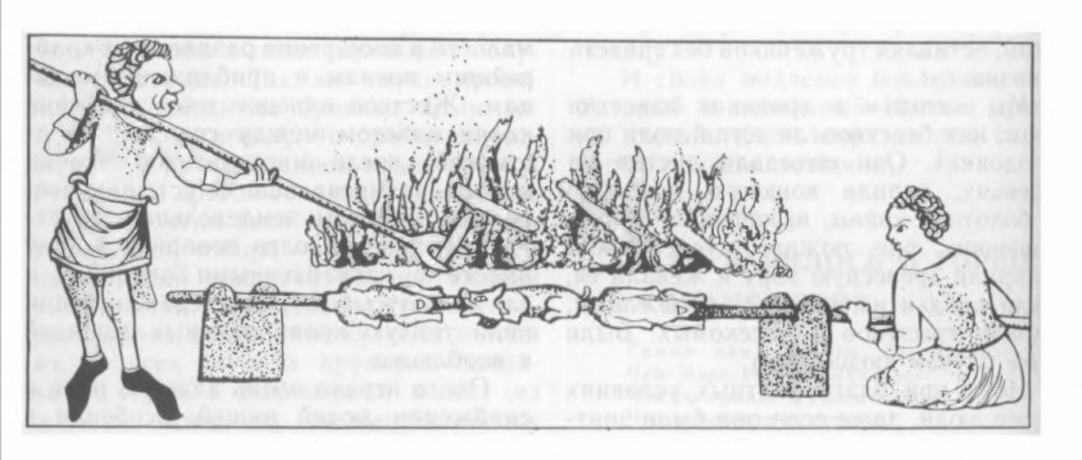
Охота играла очень важную роль в снабжении людей пищей, особенно в

раннее средневековье, когда населения было сравнительно немного и природа оставалась слабо затронутой. Повсеместно водились тысячи медведей и росомах, барсуков и бобров, лосей и оленей, диких ослов и лошадей, коз и кабанов, косуль и сайгаков, туров и зубров, выдр и зайцев, тетеревов и куропаток, глухарей и дроф, диких гусей и уток. Археологи находят при раскопках средневековых поселений кости не только этих животных и птиц, на которых люди охотятся доныне, но и многих иных, которых тогда очень любили: это журавли и цапли, выпи и пеликаны, орланы и колпицы, сороки и грачи. Деликатесом считались мелкие птички отряда воробьиных: рублеными скворцами и синицами разбавляли овощной салат, жареных корольков и сорокопутов подавали в холодном виде, мухоловки и иволги шли на стол печеными, свиристели и трясогузки — тушеными, славки и завирушки — копчеными, пеночки и камышевки — в подливке, крапивниками и дроздами уснащали по бокам блюда из крупных птиц, ласточками и жаворонками начиняли пироги. Чем красивее пела птичка, тем изысканнее считалось блюдо из нее. Поэтому паштет из соловьиных языков готовили по большим праздникам только герцогские и королевские повара.

Что касается простого люда, то ему всякая дичь была приварком, особенно при отсутствии другой еды. Во время «черной смерти» 1348 г.— поразившей всю Европу эпидемии чумы — масса народу, убегая от заразы, сдвинулась с насиженных мест. От трети до четверти европейцев погибло тогда, но из них лишь две трети скончались от чумы, а прочие — от голода и попутных трудностей на чужбине. В пути они перебили почти всех встречных птиц, и это спасло от смерти многих беглецов.

Феодалы считали охоту вторым по значению для «благородных» делом после войны и отводили ей много времени. Излюбленным занятием были загоны и облавы на зверей. При этом истреблялось гораздо больше животных, чем можно было съесть и запасти впрок. В результате количество зверей и птиц в лесах быстро сокращалось, и к концу средних веков на охоту уже нельзя было полагаться как на верное средство пропитания.

Надежнее охоты считалось рыболовство. Хотя запасы озерной и речной рыбы тоже таяли от неумеренной ловли, но они истощались не столь заметно. Лесные и прибрежные жители часто ели рыбу сырой или полусырой, преи-







Монах пьет тайком вино в монастырском погребе. ***Миниатюра XIII в.***

Применение ножа и вилки во время трапезы в средние века. ***С миниатюры XI в.***

мущественно зимой, когда не хватало зелени. Горожане предпочитали вареную рыбу. Уху потребляли повсеместно. Много рыбы коптили, солили, вялили, сушили про запас. Такой рыбой питались в дороге.

Массовой засолке препятствовала недостача соли, которая была в те столетия очень дорогим продуктом. Каменную соль — рассыпчатую или кусковую — добывали редко. Чаще использовали солесодержащие источники. Соленую воду выпаривали в солеварнях, а затем спрессовывали соль в лепешки, которые развозили по округе и продавали по высокой цене. Такие куски соли играли в раннем средневековье роль своеобразных денег, и во всех странах Европы их принимали в уплату за любой товар. Хозяйки берегли каждую щепотку соли, а в отсутствие ее клали в похлебку немного золы. Вот почему засолить много рыбы было непросто.

Отсутствие соли отчасти возмещалось употреблением пряностей. Их це-

Кухня богатого дома: утварь, поджаривание над очагом с помощью вертела; разделка мяса перед подачей на стол, подача пищи на стол. ***С миниатюры начала XIV в.***





нили и как вкусную приправу к пище, и как лекарство против желудочно-кишечных заболеваний. Пряности подразделялись кулинарами и медиками на несколько сортов. Из клубне-корневых был наиболее известен имбирь, добавлявшийся в пиво и тесто; его пахучее масло пускалось на варенье. Среди листовых первенствовал лавр, чьи листья издавна клали в суп и жидкую кашу. Из корковых особенно любили корицу; ее подсушенная и измельченная кора придавала кушаньям специфический аромат, а коричное масло использовалось на кухне у очень богатых людей. Больше всего было цветочно-плодовых пряностей. У гвоздики срезали и сушили на солнце духовитые цветочные бутоны, годившиеся в любую пищу. Из семян горчицы приготовляли муку, а затем из разжиженной муки — съедобную мазь, с которой обычно ели мясо. Плоды кардамона давили на масло. Семена аниса варили вместе со всякой пищей. С помощью мускатного ореха придавали приятный запах мучным выпечкам. Перец сыпали почти во все кушанья. Рыльца шафрана выжимали и отжатым маслом заправляли кашу.

Перец и корицу привозили издалека, из восточных стран. Стоили они очень дорого и простым людям были не по карману. Народ употреблял в пищу росшие повсюду горчицу, укроп, тмин, лук и чеснок. Обилием пряностей, положенных в соусы и подливки, возмещали грубость блюд и плохую обработку продуктов. Подчас пища так начинялась этими добавлениями, что меняла первоначальный вкус, вызывала потоки слез, сильное слюноотделение и жжение во рту.

Хлеб и виноградный сок были тогда наиболее ходовой и постоянной пищей, особенно в странах Южной Европы, богатой виноградниками. Нередко крестьяне много дней ограничивались ежесуточно литром сока и хлебными изделиями весом в два с лишком фунта (т. е. около 1 кг). Самые бедные люди пили свежую воду. Чтобы она не протухала, в нее клали содержащие эфир болотные растения: аронник, белокрыльник, аир. В странах Северной Европы, где виноград не вызревал, чаще употребляли пиво. Хлебными изделиями обычно были лепешки. Они играли тогда роль наших ковриг и батонов, испекать которые научились только к концу средневековья. Раньше ели либо жареное зерно, либо пресные лепешки, жесткие и сухие, не знавшие дрожжей. Тесто для них изготовляли из муки проса, полбы, ячменя, пшеницы и ржи.

Просо — древнейший в Европе злак. Поэтому варка и выпечка просяного теста были хорошо освоены всеми европейцами. А так как созревает просо поздно, то просяные лепешки и пшенную кашу начинали есть только осенью. Неприхотливая полба росла повсюду и не боялась капризов погоды. Ее тоже использовали все европейцы, а из ее теста делали лапшу. Пшеничный хлеб преимущественно ели в Южной Европе, ячменный — в Северной, ржаной — в Восточной. С раннего возраста люди ели манную кашу на Юге, ячменную — на Севере и ржаную затируху — на Востоке. Ячменные лепешки сохранялись дольше других. Поэтому их брали с собой в путь все странники и воины, в том числе и рыцари, отправлявшиеся в крестовые походы. Многих других растений, известных европейцам и в наши дни, тогда еще не знали. Гречиху в средние века почти не сеяли. Кукурузу (маис) вместе с томатами (помидорами), картофелем и подсолнечником испанцы и англичане привезли из Америки лишь в XVI в. Вследствие того кукурузные початки и каша, равно как помидоры, картошка, подсолнечное масло, не могут считаться основной пищей средневековых европейцев.

Третьей по частоте употребления едой после хлеба и виноградного сока были салат и винегрет. Но их составные элементы сплошь и рядом отнюдь не те, что в XX в., потому что продукты для них родятся в огороде, который в средние века был мало похож на современный. Практически он не отличался от сада. Фруктовые деревья, плодово-ягодные кустарники, овощи и огородные травы нередко росли там вперемешку. Разделение на сад и огород произошло позднее. Огород порою находился не возле дома его хозяина, а далеко в лесу, на специально огороженном участке.

Средневековые горожане сажали фрукты и овощи непосредственно возле дома. В деревне этот обычай появился вследствие малоземелья. Главным растением была репа. С VI по XVII в. сырая, вареная или кашеобразная репа обязательно входила в ежедневное меню. За ней шла редька. Кроме того, в разных районах использовались культуры местного происхождения. Например, в Восточной Европе почти к каждому блюду, включая салат и винегрет, добавляли много хрена, сильно проваренного и утратившего горечь. В Северной Европе основной добавкой служили брюква и капуста. У жителей морских побережий — съедобные водоросли, а также моллюски. В Южной Европе — бобы разных сортов, чечевица. Огородные культуры отличались от нынешних по ассортименту. Средневековые огородники умело возделывали много таких растений, которые позднее были вытеснены морковью, свеклой и др. Толокня́нку, зубро́вку, спо́рыш, кишне́ц, янда́к, мя́ту жевали сырыми. Из ве́реска, кипре́я, ромашки, зверобо́я, можжеве́льника, хвоща кипятили напиток вроде чая. Ноготки́, шишечки хмеля, корневи́ща лапча́тки, ландыш настаивали как холодный кисель. Щаве́ль, крапиву, борщевник варили в супе. Дыню, загустевший настой из корней лопуха и застывший отвар шиповника сушили и резали на сладкие палочки. Они ценились как пчелиный мед. Плоды боярышника растирали в му́ку. Купену, спаржу, будяк резали на салат. Кудрявец, поташник, лебеду смешивали в винегрете. Ягоды барбариса шли на варенье. Из массы других трав и кустарников изготавливались всевозможные бальзамы, заменявшие компоты и лекарства.

Широко использовались и прочие дары природы. Деревенские жители ежедневно собирали летом и осенью для себя и по распоряжению феодала орехи, грибы и ягоды. Самыми ходовыми фруктовыми культурами в средние века были яблоня и крыжовник. Большинство прочих знакомых нам ягод и фруктов либо занесены в Европу с Востока, либо были известны европейцам, но по-настоящему распространялись позднее.

Сравнительно реже в отличие от кочевников земледельцы питались молочными продуктами и жирами. Основными источниками растительного жира служили лён и конопля, животного жира — сви́ньи. Огородив часть дубового или букового леса и загнав туда на пастьбу вепрей (диких кабанов), селяне по мере необходимости убивали их, чтобы получить сало. Самцов домашних животных и птиц (быков, баранов, козлов, гусей, селезней, петухов) забирали у крестьян для пиршества сеньоры. В других случаях их как копилку мяса сразу выращивали на феодальном подворье. Самок же (коров, овец, коз, гусынь, уток, кур) оставляли крестьянам для надоя молока, сбора яиц и выращивания молодняка. Считалось грехом забить самку. Раздаивая отелившихся коров, предпочитали молоко не кипяченое, а парное, либо приготовляли из кислого молока простоквашу. Горцы делали из молока сыр, а жители равнин — творог. Крайне редко молоко употреблялось на приго-

товление сметаны или масла. Животное масло было повседневно лишь на столе императора или королей. Зависимый крестьянин не мог позволить себе такую роскошь.

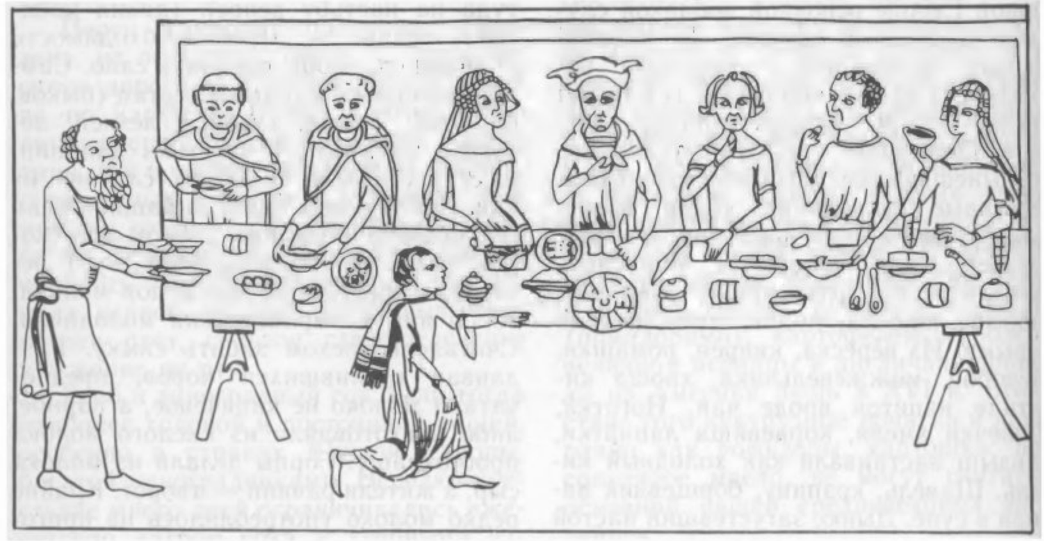
Ели тогда в иные часы, нежели сейчас. Встав с первыми лучами солнца, труженики завтракали не позднее шести часов утра. Русский «за-утрок» (завтрак), немецкий «фрюштюк» (ранний кусок), французский «дежене» и итальянский «диджу́не» (ранний) сходны по смыслу. Утром съедали бóльшую часть дневного рациона, чтобы можно было хорошо поработать. Днем поспевал суп, и люди полдничали. В это время солнце ползло к зениту со стороны юга, и дневная еда называлась «южной» — «ю́жин» (ужин) на Руси,



Завтрак аббата. ***С миниатюры XV в.***



Пиршество герцога Вильгельма Завоевателя накануне битвы при Гастингсе. Надписи гласят: еда приготовляется; слуги прислуживают; епископ благословляет трапезу. ***С гобелена 1120 г.***



Сервированный стол феодала. ***С миниатюры начала XIV в.***

«супе́» во Франции и «со́ппер» в Англии (суповая еда), «ми́ттаг» (полдень) в Германии. К вечеру работа заканчивалась, предстоял отдых, незачем было и есть.

Вот почему в средние века простые люди деревни и го́рода питались обычно дважды в сутки, а как только смеркалось, ложились спать. Этот распорядок дня был чужд феодалам, которые засиживались при свечах и факелах до глубокой ночи, но зато вставали позднее тружеников. Народ долго соблюдал старинный обычай. Знать постепенно навязала всему обществу, подражавшему «благородным», свою, барскую традицию. Завтрак со временем приблизился к полдню, в середину дня вклинился обед, ужин сместился к вечеру.

Так воцарился троекратный прием пищи, дополненный кое-где еще и четвертой трапезой.

В целом еда отличалась простотой и неприхотливостью; разносолы, деликатесы и сладости были народу непривычны. Существенные перемены наметились после расцвета городов. Нехватку в городах сельских продуктов горожане возмещали кулинарными изделиями.

Богачи заводили, подобно феодалам, специальных поваров и кондитеров, поощряли поставщиков провизии. Зато ни в одной деревне, близкой к природе, бедняки не страдали от отсутствия пищи так, как беднейшие горожане. Нищие глодали кости вместе с бездомными собаками...

Итак, пищевой рацион средневековых людей отличался от современного. А на вопрос: «Что варилось в горшке у Джона и Мэри?» не может быть единого ответа. Все зависело от того, кем были в феодальном обществе и чем конкретно занимались этот Джон и эта Мэри.

День «пестрой коровы»

В понедельник, 5 апреля 1401 г. привратник трехэтажного кирпичного дома, что на улице Горшечников, неподалеку от торговой площади, посмотрел в зарешеченный дверной глазок и спросил хриплым со сна голосом.

— Это вы, господин Плумфельд?

— Я, кто же еще! — буркнул немолодой мужчина, закутанный в темный плащ из добротного сукна. Он привычно оглядел еще безлюдную в этот ранний час улицу и чуть громче добавил,— с каких это пор ты не узнаешь меня?

Сорок лет верой и правдой служит Отто Плумфельд торговому дому Ви́зе. А кто в Гамбурге, да и по всей Северной Германии, не знает эту богатую семью купцов и городских патрициев? Компаньоны — владельцы общего семейного торгового дома братья Визе ведут дела умело и прибыльно. Им принадлежат каменные дома и лавки в городе, склады в порту, мельницы и целые имения в окружающих деревнях, рудники в горах Саксонии. Их корабли ходят с товарами в Стокгольм и Ригу, Брюгге и Лондон, даже в далекую Венецию.

Самый старший Визе — глава дома Якоб — один из двух городских бургомистров. Он недавно был посвящен в рыцари.

Служить в таком доме выгодно и почетно! Отто начинал у Визе мальчиком на побегушках, когда ему было 11 лет. Спустя годы он стал приказчиком в суконной лавке. А теперь Отто — доверенное лицо, «правая рука» господина Якоба.

Но каждое утро, встав на рассвете (как и полагается трудолюбивому горожанину), Отто Плумфельд первым делом заходит в контору компании в доме господина Якоба Визе, чтобы договориться об очередных делах.

Сегодня в конторе были серьезные новости. Якоб Визе, две недели назад отбывший в Любек, наконец-то возвращается домой. Завтра после полудня он созывает секретное совещание в своем кабинете. Приглашен туда и Отто Плумфельд.

Ганза — союз немецких городов. Занимаясь делами компании, Отто не раз заглядывал в окованный медью сундук, который стоит в ратуше Гамбурга. В сундуке, запертом на огромный замок, хранятся городские документы. В особом отделении лежат договоры. Читая пожелтевшие пергамены, Отто узнал, что еще в 1241 г. купцы немецких городов Любека и Гамбурга заключили союз. Позднее к ним присоединились Висмар, Росток, Штральзунд, Данциг, Рига, Ревель и многие другие. Через полвека в союзе были 24, а через сто лет — более 60 городов. Они намечали совместные действия, объединяли силы. Купцам союза городов было выгоднее торговать, легче отбиваться от морских пиратов и лесных разбойников, договариваться с алчными феодалами.

Постепенно к союзу присоединялись новые и новые города, и в начале XV в. этот союз, или, как его называли, Ганза, включал уже несколько сот северонемецких и западнославянских городов.

Ганза стала огромной силой. Она боролась за господство на Балтийском и Северном морях, вела войны с Данией и Тевтонским орденом, соперничала с Англией и навязывала свои торговые условия скандинавским странам. Трудно было противостоять Ганзе, которая могла сразу выставить флот в тысячу кораблей. Трудно и другим купцам соперничать с Ганзой: ведь она могла одновременно перевезти на своих судах до трехсот тысяч тонн разных товаров!

Свои постоянные торговые конторы — *фактории* Ганза имела и в русском Великом Новгороде, откуда вывозила прекрасные меха, кожу и воск, и в Лондоне, где закупала олово, свинец, грубое сукно, и в продуваемом ветрами норвежском городе Бергене с его знаменитой треской, и в бельгийском Брюгге, где собиралась богатейшая ежегодная ярмарка, известная всей Европе, и на балтийском торговом острове Готланд; его единственный город Ви́сбю так богат, что, по слухам, там «свиньи едят из золотых корыт». Кроме того, ганзейцы имели свои склады во всех крупных портах западного побережья, где сходились важные торговые пути.

Многие десятилетия некоронованным королем Ганзы был город Любек. Именно в Любеке чаще всего собирались *ганзета́ги* — съезды делегатов от всех ганзейских городов, где решаются дела союза. Якоб Визе как раз и должен был вернуться с очередного ганзетага, куда ездил представителем от Гамбурга. Что-то он расскажет?

Во всех ганзейских факториях Визе держат своих служащих — аге́нтов, посылают их в другие большие города. Агенты торгуют, собирают для Визе немалые деньги, а заодно и сообщают им новости: каков спрос на разные товары, на ком женится новый государь, с кем он воюет или дружит, каков нынче урожай и где поднялось восстание. Купцы должны знать обо всех событиях: ведь события влияют на спрос и цены, а значит, на прибыль.

Обычно Визе посылали в дальние конторы молодежь — сыновей, племянников. Пусть обучаются делу, заводят нужные знакомства да присматривают себе богатых невест. Конечно, с молодыми людьми выезжали и опытные слуги торгового дома.

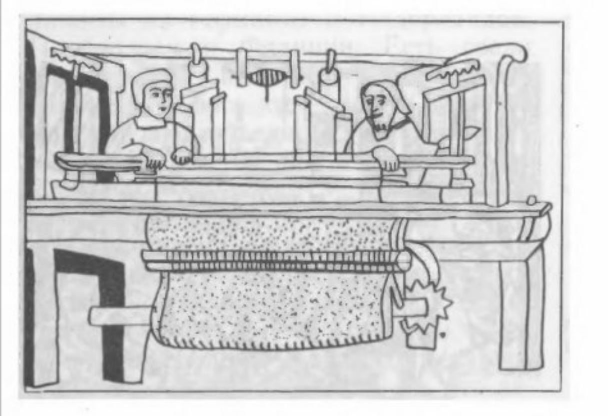
Поработал в заграничных конторах и Отто Плумфельд. Он частенько вспоминал, как ездил по разным городам с Якобом. Много было трудного, даже тяжелого. Но все же то были хорошие времена. И он, и господин Якоб были молоды, оба любили проказы. Как ловко

юный Якоб, прикрывшись чужим именем, всучил заезжему шотландскому купцу бочку сливочного масла, в которую для веса засунул здоровенный булыжник! Вообще-то за такое мошенничество отрубали руку либо налагали большой штраф. Да и позор был бы купеческому дому, а ведь ганзейцы берегли свою репутацию очень строго. Но дело, к счастью, не раскрылось. Якоб всегда был удачлив!

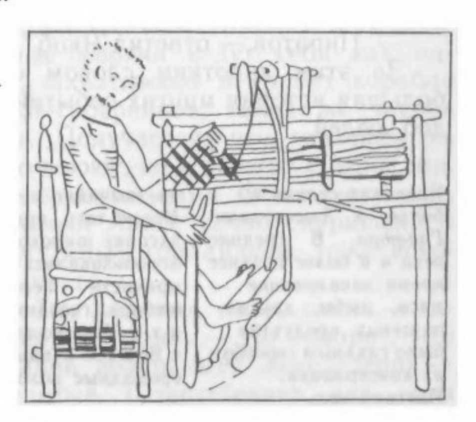
В кабинете господина Якоба. В полдень следующего дня Отто Плумфельд, держа в одной руке шляпу, а в другой — суковатую палку, неторопливо прошествовал через прихожую дома Визе. Вопреки обыкновению он без задержки миновал служебную комнату, где усердно трудилось более десятка писцов: они заносили в огромные конторские книги-*гроссбухи* все сделки торгового дома: название и сорт купленных и проданных товаров, их количество, цену и сроки доставки, имена продавцов и покупателей, наименования кораблей и портов назначения. Там же, в гроссбухе, подводился б а л á н с: расчет доходов и расходов за день, неделю, месяц, год.

В конце коридора он открыл массивную дубовую дверь и оказался в кабинете господина Якоба. Небольшая комната с плотно закрытыми ставнями была сильно натоплена. Смолистый запах от горящих в камине поленьев смешивался с душным ароматом дорогих восковых свечей. В комнате негромко беседовали между собой члены торгового дома Визе, все, как один, в дорогих бархатных костюмах. Тускло отсвечивали драгоценные меха их воротников, блестели серебряные нагрудные цепи, золотые кольца с дорогими каменьями, перстни с печатками.

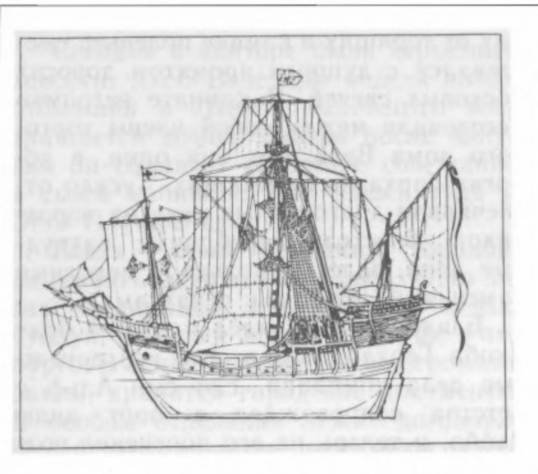
Ближе к столу сидел младший брат Якоба Герхард. Он всегда вел денежные дела компании. Его сын Альф с детства сопровождал в порт дядю Якоба, и теперь на его попечение полностью перешли склады компании. Оба сына Якоба отсутствовали: они повезли на ярмарку в Марсель «красный товар»: немецкие цветные сукна 35 сортов, бумажный бархат, лен и бумазею, кёльнские шелка. Зато в кабинете сидел единственный представитель третьего поколения мужчин Визе — внук Якоба Клаус. Ему исполнилось 14 лет, и старшие уже вводили его в дела. Зимой он поедет с отцом на финский берег закупать большую партию серой белки. Несколько в стороне скромно сидел зять Визе — голландец Хейнрик ван дер Вéе, женатый на дочери Герхарда. Хейнрик был родом из Амстер-



Ткацкий станок для двух работников. ***С миниатюры начала XIV в.***



Ткач, работающий на ткацком станке. ***С миниатюры XIV в.***



дама. Его семья, ныне разорившаяся, некогда входила в могущественную гильдию амстердамских торговцев сукном, которые подчинили себе мастеров — сукноделов города. Переехав после женитьбы в Гамбург и войдя в компанию Визе, Хейнрик вел дела с городскими цехами сукноделов, сельскими ткачами и прядильщиками, у которых скупал их изделия.

Не успел Отто Плумфельд представиться господам, как в кабинет вошел сам Якоб Визе. Он молчаливо кивнул и сел во главе стола на резное кресло. Оглядев присутствующих, Якоб сделал приглашающий знак рукой, и родичи придвинулись к столу. Никто не решался заговорить первым. Наконец Герхард тихо спросил:

— Что обсуждали на ганзетаге?

— Пиратов,— ответил Якоб.

За этим коротким словом стояла большая история многих событий и судеб людей.



Ганзейские корабли XV—XVI вв. На носу и на корме кораблей были возвышения, где собирались воины в момент схватки с вражескими кораблями. Постепенно шло развитие техники кораблестроения. Прямоугольный парус раннесредневековых кораблей был заменен косым, затем стали устанавливать несколько мачт и дополнительных парусов. Все это делало корабль маневренным, позволяло двигаться при боковом и встречном ветре, меняло тактику морского боя.





Ветряная и водяная мельницы. *С миниатюры 1270—1275 гг. и начала XIV в.*



Подъемный кран в городе Брюгге.



Упаковка сельди в бочки в Амстердаме. *Гравюра.* В средние века и в более позднее время засаливание мяса, рыбы, других пищевых продуктов было главным способом их консервации. Поэтому соль чрезвычайно ценилась. Кроме того, при засолке широко использовались пряности — перец, имбирь, гвоздика, и т. д. Привозившие их с Востока купцы имели громадные доходы.

Бич голубых дорог. Медленно, взвешивая каждое слово и как бы размышляя вслух, Якоб начал свой рассказ:

— Мы, купцы, всегда предпочитаем «голубые дороги». Конечно, в море нас ожидают и шторм, и пираты. Но зато на суше — грязь, бездорожье, князья с их пошлинами, лесные разбойники. По воде можно перевезти гораздо больше грузов, чем по узким, разбитым дорогам. Ветер домчит товар и быстрее, и дешевле, чем волы или лошади.— Он помолчал.— С древности водные пути и торговля — братья: растет торговля — растет и морской транспорт. Но вместе с ним растет и морской разбой.

Якоб встал, поворошил догорающие поленья в камине. Снова сел в кресло и тихо продолжил:

— Вы знаете, Ганзейский союз всегда боролся с пиратами. Но на протяжении моей жизни они стали подлинным бичом голубых дорог.

— Кажется, я знаю, когда они особенно усилились,— перебил его Герхард.— После того как в 1361 г. датский король Вальдемар IV, которого прозвали Аттердаг, т. е. «Снова день», разграбил Висбю и сделал остров Готланд опорой морских разбойников. Там их штаб, база флотилии, ремесленники Готланда ремонтируют их суда. Туда стали стекаться беглые моряки — нарушители закона и искатели легкой наживы из Германии и Нидерландов, Прибалтики и Франции. Есть среди них и шведы, и датчане, и поморские славяне. Но весь этот буйный и разномастный люд объединен железной дисциплиной: на кораблях они беспрекословно подчиняются ш к и́ п е р а м (комадирам).

— А почему пиратов называют «ликеде́лерами»? — спросил Клаус, не пропустивший ни одного сказанного в кабинете слова.

— Ликеделеры — значит «равнодольные»,— ответил Якоб,— те, кто делит всю добычу поровну. Пираты распускают слух, что они живут между собою как братья и грабят только богатых. Поэтому простые люди нередко сочувствуют и даже помогают им, но вскоре раскаиваются, увидев жестокость и жадность пиратов. Ведь морские разбойники берут выкуп со всех, кто попадается им на пути, даже с бедных рыбаков. Захватив корабль, пираты топят всех пассажиров в море.

— Осмелюсь заметить,— робко вступил в разговор Отто Плумфельд,— пиратам помогают не столько бедняки, сколько богачи. Короли и герцоги Англии, Дании и других стран нередко приглашают их на свою службу. Недавно один английский шкипер рассказывал мне, что у них чуть не в каждом порту держат «своего» пирата — наемного «помощника» местных купцов и властей. А ведь еще при вашем батюшке,— здесь Отто отвесил поклон Якобу и Герхарду,— наш агент сообщал из Лондона, что английские порты создали особую Л и́ г у (союз) и объединили свои флотилии против пиратов. А вот, поди ж ты...

Хейнрик ван дер Вее чуть слышно хмыкнул. Он выколотил свою короткую трубку о каминную решетку и негромко заметил:

— Да ведь ганзейцы и сами просят помощи у пиратов, например, в войнах против Дании и англичан. У нас все знают, что вдоль всего побережья даже обычные моряки ведут себя как пираты: захватывают и грабят корабли городов-соперников, таких же членов Ганзы. Получается, что ганзейцы не только воюют, но и дружат с пиратами, а кое в чем и сами им не уступают.

Пылкий Альф, вечно споривший с невозмутимым голландцем, тоже вскочил с места.

— Ты, конечно, прав, свояк,— заговорил он громко.— Но говорят, что нынешний вождь всех ликеделеров — знаменитый Штертебеккер два года

назад женился на дочери Кено тен Бро́кена — князя Фризии — голландца, не так ли? Выходит, что и твои знатные земляки не брезгуют родством с пиратами!

— Все так,— решительно сказал Якоб.— Но в трудный час должно не ссориться, а искать выход. Терпение Ганзы иссякло. Один только Бремен заплатил пиратам более десяти тысяч марок серебром выкупа. На эти деньги можно купить не одну деревеньку! А Висмар так разграбили, что он закрыл свой порт. Купцы разорены, тысячи людей остались без хлеба. Из-за пиратов мы вынуждены отправлять в море только большие группы торговых кораблей — целые караваны, которым приходится придавать конвой. Наши расходы на все это уже перекрывают прибыль.

— А разве мы не захватываем пиратов в бою? — спросил Отто.

— Отдельные военные операции мало помогают. Городские тюрьмы и впрямь переполнены пиратами, а палачи не справляются с работой и требуют помощников. Но недавние экспедиции датской королевы Маргреты и английского короля Ричарда II против пиратов были безуспешными: 35 военных кораблей Ганзы и 3 тысячи рыцарей не смогли справиться со Штертебеккером.

— Однако три года тому назад пираты сели на свои корабли и все-таки покинули Го́тланд,— заметил Герхард.

— Да,— Якоб невесело усмехнулся.— Они покинули Готланд. Но своей базой сделали остров Гельголанд.

— Как,— снова вскочил Альф,— ведь Гельголанд — в нашем Северном море, около устья Эльбы, чуть не у порога Гамбурга! Это прямая угроза нашему городу!

— Теперь я понял слова баллады, которую недавно распевал в порту один молодой моряк,— сказал Клаус и тихонько пропел:

Штертебеккер воскликнул: «Ну что ж!
В Северном море мы будем как в доме своем,
Поэтому немедленно туда поплывем.
И пусть богатые гамбургские купцы
Теперь беспокоятся за свои корабли!»

— Нужно просить помощи у императора,— голос старого Отто дрожал.

— Нет,— возразил Якоб,— император не будет нам помогать. Совет Гамбурга уже посылал императору тайное письмо с просьбой защитить нас от пиратов. Император посоветовал: «Поймайте разбойников и накажите их по закону!»

В комнате воцарилось тревожное молчание.

— Но, Якоб,— снова прервал тишину Герхард,— ты ведь был на ганзетаге. Что решили города?

Якоб встал. Все поняли — сейчас будет сказано главное.

— Ганза,— сказал он, торжественно подняв голову,— приняла решение обрушить на пиратов свой соединенный флот. Это будет сделано внезапно. Пункт отправления — Гамбург.— Якоб сделал паузу.— Дому Визе выпала честь выставить флагман. Я решил пожертвовать на это правое дело наш лучший корабль «Пеструю корову»...

Компании нужны деньги. Флот Ганзы должен был подойти через две недели. Согласно плану, принятому на ганзетаге, «Пестрой корове» отводилась роль не столько флагмана, сколько приманки. Она должна была идти под видом богатого торгового корабля, привлечь пиратов и завязать с ними бой, в который тут же вступит скрытно подошедшая соединенная флотилия Ганзы.

Снарядить корабль в столь короткий срок было трудно, еще труднее было соблюсти строжайшую тайну, кроме того, не хватало денег. Чтобы вооружить корабль да еще погрузить на него для маскировки какие-то товары, нужна была немалая сумма. Касса и склады

дома Визе, как назло, были пусты: все наличные средства компания вложила в операции на ярмарке. Так же обстояли дела почти у всех торговых домов города: в короткий период навигации деньги, корабли и товары не должны «залеживаться» на берегу.

И Визе решили обратиться к Марко Ломбардцу.

Через пару дней Герхард направился к лавке Ломбардца, прихватив с собой Клауса и наставляя его по дороге.

— Понимаешь,— говорил Герхард, размеренно шагая по узкой кривой улочке, соединявшей торговую площадь и порт,— купец должен иметь деньги той страны, в которой торгует. К примеру, у нас, ганзейцев, в ходу серебряные гульдены, которые чеканят в Любеке и Кёльне. Англичане чеканят нобли, т. е. «благородную монету», и шиллинги. У венгров в ходу дукаты, а у шведов — э́ре. Уезжая в Лондон за товаром, твой отец заходит к меняле и выменивает наши гульдены на нобли. Либо делает это в самом Лондоне. А когда к нам приезжают родичи твоего дяди Хейнрика из Амстердама, они идут к Марко и вместо своих флоринов получают наши гульдены или талеры.

— А разве мы сейчас идем менять деньги?

— Нет, мы идем брать деньги в долг: Марко занимается и этим делом.

— Он хороший человек,— убежденно сказал Клаус,— раз выручает людей в трудную минуту.

— Не совсем так. За свою «помощь» он берет большие проценты. Мы займем у него сегодня 500 гульденов, а он, боюсь, потребует вернуть 750. Денежки ростовщика «вырастут» на 50 процентов.

— А если мы не вернем долг?

— Такие случаи нередки. Бывают нечестные люди, особенно из знатных, которые рассчитывают на свою силу. А многим беднякам просто нечем расплатиться с долгами.

— Почему же Марко не разоряется?

— Видишь ли, Клаус, ростовщик, давая деньги в долг, обычно берет залог: хорошее платье, лодку, товар, даже землю. Если долг не возвращают в срок, залог остается у ростовщика. А так как заложенные вещи обычно дороже, чем взятый долг, ростовщик и здесь выигрывает.

— А почему Марко называют Ломбардцем?

— Он родом из Ломбардии, области Северной Италии. Многие ломбардцы имеют в разных городах Европы свои конторы, где, подобно Марко, меняют деньги или дают в долг за известную плату и под залог. Такие конторы иногда даже называют ломбардами. Вот мы и пришли.

Двухэтажный, стиснутый соседними строениями дом Ломбардца не выделялся ничем примечательным. Внизу по узкому фасаду размещались лишь крепкая дверь и маленькое, забранное ставнями окно. Два окошечка наверху, украшенные занавесками и цветочными горшками, показывали, что там находятся жилые помещения.

Дверь открыл сам Марко — небольшого роста старик, одетый в потертый костюм из черного сукна. Его умные глаза внимательно оглядели посетителей. Тщательно заперев входную дверь, Марко провел их в маленькую заднюю комнату без окон, зажег свечи и приветливо молвил:

— Для меня большая честь принимать в своем доме господина Герхарда Визе и младшего наследника дома. Чем могу служить?

Состоявшийся затем разговор оказался более чем интересным для Клауса. Марко Ломбардец, видимо, что-то пронюхал, потому что действительно запросил за свою услугу целых 50 процентов. Кроме того, он потребовал в

залог мельницу-сукновальню «Белый аист» в предместье Гамбурга.

Герхард согласился на все условия. Он обязался отдать долг до обычного «дня расчетов» — праздника св Михаила (29 сентября): ведь в августе его племянники должны привезти большую ярмарочную выручку.

Марко, Герхард и Клаус направились в ратушу, где при свидетелях составили особый документ — *закладную*. Служащий, получив в награду несколько мелких монет, поставил на документе городскую печать и внес запись об этой сделке в городскую книгу. Затем при свидетелях Марко передал Герхарду увесистый мешочек с серебряными монетами.

Мельничное товарищество «Белый аист».

— Напрасно, дядя Герхард, вы взяли в долг только 500 гульденов,— заметил Клаус по дороге домой,— помоему, нам не хватает этих денег для всего задуманного.

— Никогда не надо делать лишних долгов. Этих денег нам хватит, чтобы оборудовать корабль и дать аванс команде. А груз обещал обеспечить Хейнрик ван дер Вее. Ему поможет Томас Сте́нтон.

— Да, я знаю. Томас Стентон — партнер дяди Хейнрика по мельнице «Белый аист». Дядя рассказывал мне, что они пять лет назад образовали *товарищество,* или *складничество,*— компанию, где два или три человека «складываются» для общего дела. Наш Хейнрик вкладывает только деньги, и поэтому его называют «спящим» партнером. Томас же — «действующий» партнер. В Англии он был сукноделом и теперь вкладывает в это товарищество труд: заведует мельницей, проводит там все дни. Ну а прибыль они делят пополам, и свою долю Хейнрик отдает нашему торговому дому.

— Да,— подтвердил Герхард,— все верно. На остальных наших мельницах мы просто держим мельников, платим им жалованье. Но те мельницы мукомольные, эта же — сукновальня.

Надо заметить, что среди первых машин, которые люди поставили себе на службу, мельнице по праву принадлежит одно из главных мест. Еще древние греки и римляне пользовались водяной мельницей. Ее строили на небольшой протоке, а в сухое время года приводили в движение с помощью лошадей и мулов. В средние века мельницы необычайно широко распространились в Европе. Под Парижем в IX в. одна мельница приходилась на 40—50 семей, т. е. примерно на 200 человек. Судя по «Книге Страшного суда», в Англии к концу XI в. было до пяти тысяч мельниц! А в XII в. появились ветряные мельницы, которые особенно распространились в Нидерландах.

Мельницы применялись не только для размола муки. Они были нужны дубильщикам кожи, горнякам — для дробления руды, строителям — распиливать лес на доски. И конечно же, сукноделам.

...Хотя с утра зарядил дождь, но Хейнрик ван дер Вее, надев грубый суконный плащ с капюшоном, решительно вскочил на коня. Его сопровождал верный Отто.

Мельница «Белый аист» стояла за городской стеной, совсем близко от западных ворот. Свое название она получила от побеленного верхнего этажа. Как и другие мельницы-сукновальни, раскинувшиеся между зелеными холмами, она располагалась на ручье, впадавшем в Эльбу ниже Гамбурга, чтобы сточные воды от грязной шерсти не портили реку в городе...

Вскоре после полудня оба путника уже бросили поводья во дворе дома Визе. Настроение у них было приподнятое: видно, поездка удалась.

Якоб Визе пришел из порта прямо к обеду и сел за стол, не переодеваясь. Утолив голод, он озабоченно спросил:

— Что с грузом?

— Томас все продумал,— ответил Хейнрик.— Он приготовит сырую шерсть, завернет ее в тюки так, будто в них дорогое сукно.

— Что же, наш «уолкер» — просто молодец.

— Дедушка, почему ты называешь Стентона «уолкером»?

— Потому что,— Якоб рассмеялся,— раньше, когда не было сукновальных мельниц, сукно валяли в чанах ногами. Англичане называли этот процесс «гуляние», по-ихнему «уолкинг», а сукновалов называли «уолкерами» — «гуляками». Сам же Томас и рассказал мне об этом.

— Кроме того,— продолжал Хейнрик,— я заехал к виноторговцу Бракелю. Мы всегда вели с ним дела под честное купеческое слово. Но вы помните, тесть, что в прошлом году, когда старый Бракель отправился в Барселону за арабскими благовониями, он...

— Да, я помню. Он взял тогда у нас в долг 400 гульденов и выдал нам этот новомодный *ве́ксель* со своей печатью — письменное обязательство уплатить деньги. Несчастный, он, как и опасался, погиб на обратном пути у Гибралтара во время шторма.

— Так вот, я заехал к его сыну с векселем, и он пообещал в счет долга погрузить на наш корабль бочки с лучшим вином. какое только имеется на его складе. Я позабочусь, чтобы завтра же об этом узнал весь порт, а послезавтра — пираты...

В порту. Сегодня все Визе собрались в порту. Старшие продолжали оборудовать корабль, Альф и Хейнрик — погрузку товаров. Отто занялся проверкой команды. Клаусу приказали присматриваться к прибывающим и стоящим на рейде кораблям: не проберется ли в порт разведка пиратов?

Гамбургский порт представлял собою красочное зрелище. Вдоль набережной вытянулись разноцветные фасады купеческих домов. Из чердачных окон торчали толстые балки — во́роты, с их помощью грузы поднимают на веревках в верхние этажи, чтобы уберечь от сырости, воров и крыс. В нижних этажах и подвалах многих домов размещались кабачки и харчевни — излюбленные места отдыха моряков. Загорелые, пестро одетые моряки бродили по набережной, собирались в живописные группки. У них просмоленные до черноты ладони, в одном ухе — непременная серьга, а в зубах — трубка. Слышался разноязыкий говор.

В полукруглой гавани стояли на якорях десятки кораблей. Большинство из них — ганзейские *когги*. Это торговые суда с одной мачтой и большим четырехугольным парусом. У когга высокие борта, а нос и корма еще выше подняты над водой, там устроены помещения для людей — бак и ют. Под палубой сделан настил, для того чтобы складывать перевозимые товары.

Когг прочен, он сделан из толстых досок. Легко, как бочонок, покачивается он на крутой волне. Но он тихоходен и малоподвижен.

Дальше всех стоит когг «Лилия», прибывший из Риги. На нем привезли зерно. Большой размер и глубокая осадка не позволили «Лилии» войти в гавань, ей помогали разгружаться мелкие суденышки. Теперь она снимается с якоря, чтобы идти в Брюгге. На «Лилии» повезут взятые на борт в Гамбурге шведское железо, русские меха, норвежскую вяленую треску. Шкипер говорил, что из Брюгге он намерен плыть в Лондон с грузом товаров Востока: шелком, пряностями и ценной древесиной.

Громыхает якорная цепь, поднимая тяжелый железный якорь. Шкипер спешит: у ганзейцев принято точно соблюдать график движения: вовремя загружать и разгружать склады.

Хотя когг — «купец», но он приспособлен для перевозки пассажиров и для

военных целей. Например, скандинавский корабль «Святой Эрик», который стоит ближе к причалу, везет паломников в Рим. Обратно он, вероятно, повезет итальянские вина и шелк.

Рядом со «Святым Эриком» запасается пресной водой *фредко́гг* — так называют военные корабли. Он может взять на борт сотню воинов, вооруженных тяжелыми арбалетами.

— Фредкогг «Висмар», — сказал Отто, заметив интерес Клауса к кораблю,— готовится к долгому походу. Вскоре из французской бухты Бурнеф, что расположена южнее устья Луары, отойдет большой караван кораблей с солью. Караван совершит свой обычный «рейс по бухтам»: пойдет вдоль всего побережья, продавая соль и забирая другие товары. И так вплоть до Сконе — южной оконечности Скандинавского полуострова: в Сконе начинается сезон ловли сельди и там требуется много соли и бочек. Фредкогг «Висмар» будет конвоировать караван.

Известно, что такие караваны организовывали и итальянские купцы, особенно флорентийцы, доставлявшие из Англии шерсть-сырец для своих знаменитых суконодельных мастерских. Иногда плавающие по морю купцы той или иной страны объединялись в гильдии купцов-путешественников...

— Смотри! — стоявший рядом с Клаусом моряк ткнул своей трубкой в сторону моря.

Клаус оглянулся. В гавань быстро входила итальянская *гале́ра*.

Длина галеры — до 55 м, у нее низкие борта и треугольный парус, она напоминает чайку. Правда, из-за мелкой осадки галера не может плавать в непогоду в открытом море. Галера — самое известное боевое судно Средиземноморья.

Галера шла на веслах, они мерно ударяли по воде. Вот уже слышен звон цепей и свист плетей: гребцами на галерах работали только каторжники, военнопленные или осужденные судом еретики. За ними наблюдали надсмотрщики. Весла огромны — каждое по 15 м в длину и весит 300 кг. За каждым веслом закреплена команда в девять человек. Они работают стоя и делают 22 гребка в минуту!

Клаусу приходилось видеть, как блестят от пота их обнаженные спины, какое страдание на их лицах. Чтобы гребец-галерник, раненный в бою или бичом надсмотрщика, не кричал, сея панику, ему затыкали рот деревянным кляпом, который всегда висел на шее гребца. Страшно, ох, как страшно быть приговоренным к работе на галерах!

— А мне больше нравится северный парусный *неф*,— сказал тот же матрос своему приятелю,— хотя он медлительнее галеры. Неф такой пузатый и высокий, что на него можно погрузить не только товары, но и целую армию вместе с оружием, повозками и провиантом. В нефе вдоль бортов устроены специальные каюты для богачей, а на крышах кают — борта с бойницами для пушек. Неф имеет даже специальный вход на корме для погрузки лошадей и может забрать сразу 40—50 коней.

— Я плавал на нефе,— отозвался его товарищ,— и помню, что лошадей подвешивали на широких лямках, так что их ноги едва касались настила.

Клаус уже убедился что в порту не видно ни одного корабля, похожего на пиратские *«шу́тте»* или *«шни́гге»* — с неглубокой осадкой, быстрые и маневренные. Пираты обычно снимали с корабля все палубные надстройки, чтобы установить побольше пушек. Поэтому пиратский корабль имел совсем иной вид, чем мирный «купец», и Клаус это знал.

Успокоившись, он направился к причалу, чтобы наблюдать за погрузкой «Пестрой коровы».

В отличие от обычных коггов «Пестрая корова» имела не одну, а три мачты. Такой корабль называют *«хульк»*,

он берет до 300 т груза и пользуется большой популярностью у купцов Ганзы.

Стоя далеко на рейде, «Пестрая корова» была буквально облеплена мелкими суденышками, с которых в трюмы корабля перегружали бочки и тюки. Возле каждого люка, ведущего в трюм, стоял учетчик и записывал номер и содержимое очередного груза. Все было как всегда! Но в восьми самых объемистых тюках вместо шерсти были пушки. Ночью на «Пеструю корову» погрузились воины...

Конец ликеделеров. Море было спокойным. Закрывая глаза ладонью от слепящего весеннего солнца, Якоб Визе всматривался в силуэт своего корабля. Удаляясь от берега, «Пестрая корова» становилась все меньше и наконец вовсе исчезла в беспредельной сини. Ее путь лежал мимо острова Гельголанд...

Корабль шел тяжело и низко. Было видно, что он доверху загружен богатыми товарами: даже на палубе лежат нарядные кожаные тюки с сукном.

«Пестрая корова» была такой мирной и такой беззащитной! А мимо Гельголанда уже давно не ходили груженые суда... И Штертебеккер решился. Вскоре шесть пиратских шниггов во главе с его собственным кораблем окружили купеческий хульк и изготовились к абордажу.

Внезапно пестрые тюки с товаром, загромождавшие палубу «купца», полетели в воду, а его борта ощетинились пушками и арбалетами. Началась перестрелка. И тут же из-за ближайшего мыса показались ганзейские фредкогги; все новые и новые корабли один за другим подходили к месту сражения...

Штертебеккер, его помощник Михель и все пираты, не убитые в бою, были взяты в плен и после скорого суда повешены. Их базу на Гельголанде разгромили. С ликеделерами было покончено.

Визе, как и все купцы, праздновали победу. Они не знали, да и не могли знать, что история морского пиратства будет продолжаться еще не одно столетие...

В следующем году заново покрашенная «Пестрая корова» отправилась в свой привычный рейс — на ярмарку в Брюгге.

ГЕРБ СЭРА ГЭНЛИ

Рыцарь Эдвин Гэнли. Сэр Эдвин Гэнли — английский рыцарь — семь лет воевал на Востоке и летом 1340 г. вернулся в Англию. Он и сам не смог бы перечислить все многочисленные сражения, в которых довелось ему биться за эти семь лет. И в каждом он был не в последних рядах. Но ни славы, ни богатства сэр Эдвин не добыл: они всегда доставались предводителям, которые куда реже его обнажали свои мечи.

По прибытии на родину сэр Эдвин узнал, что в будущем месяце в замке Бéдфорд будет большой турнир. «Вот удобный случай объявить о том, что последний отпрыск рыцарского рода Гэнли возвратился на родину,— подумал он. — К тому же представляется возможность пополнить мой тощий кошелек за счет выигранных в честном бою трофеев».

И все же, как ни тощ был рыцарский кошелек, сэру Эдвину пришлось потратиться на починку лат и сбруи, поновить щит с изображением его родового герба.

Щит от времени и боевых испытаний почти утратил свою первоначальную окраску, поэтому живописец попросил сэра Эдвина указать, как щит был покрашен прежде.

— Герб Гэнли — золотая раковина на щите, разделенном из угла в угол, одна половина черная, другая зеленая.

Живописец поновил герб на славу: золоченая раковина на фоне глубокой,

как изумруд, зелени и черной, как мрак ада, черноты сияла, словно солнце. Сэр Эдвин остался доволен: герб рыцарского рода Гэнли выглядел достойно и был виден издалека.

Не мешкая, рыцарь пустился в путь.

В Бедфорде. До турнира оставалось еще более двух недель, но уже давно замок Бедфорд и все окрестности жили его заботами: готовилось поле для сражений, сооружались деревянные помосты и ложи для зрителей. В Бедфорд съезжались купцы с разнообразными товарами, шли люди из соседних графств, прибывали рыцари — одни раскидывали свои шатры в долине, другие поселялись на постоялых дворах.

Сэр Эдвин с трудом отыскал в гостинице свободную комнату. Заняв ее, он, как того требовали правила турнира, выставил в окне щит и протрубил в рог. Это означало, что он призывает герóльдов — распорядителей турнира.

Вскоре во дворе гостиницы, почти во всех окнах которой к тому времени уже были выставлены рыцарские щиты, показались пять герольдов в сопровождении нескольких воинов. Герольды были одеты как знатные господа. Особенно роскошная одежда была на старшем герольде, он назывался оружейным или гербовым королем. Поскромнее выглядели его помощники, они назывались «всадниками», еще скромнее герольды-ученики, так называемые «гонцы». Но даже на самом низшем из них по званию — писце — был наряд, в каком не всякий дворянин мог позволить себе покрасоваться в праздничный день.

На герольдах лежала важная обязанность следить за тем, чтобы при проведении турнира неукоснительно выполнялись все правила и законы этого благородного состязания. Они разрешали на турнире все споры. Их решения никто не мог отменить. В турнире имели право участвовать только рыцари, и первая задача герольдов заключалась в том, чтобы удостоверить благородное происхождение участников. В свидетельство своего происхождения рыцарь предъявлял герб, унаследованный от предков (в древности само слово «герб» означало «наследство») и изображенный на его щите. Каждый рыцарский род имел свой герб, поэтому не могло быть двух одинаковых гербов. Гербы составлялись по строгим и сложным правилам, в которые сами рыцари не вникали, но их знал герольд.

Итак, герольды явились перед гостиницей, чтобы определить подлинность предъявленных рыцарями гербов и не допустить на турнир самозванцев.

Главный герольд — «гербовый король» громким голосом объявлял имя рыцаря, обладателя выставленного щита-герба, писец записывал его в книгу. Вот дошла очередь до сэра Эдвина Гэнли. Герольд смотрел на его герб значительно дольше, чем на предыдущие, потом сказал:

— Второй этаж, пятое окно справа — самозванец. Ни один из рыцарских родов королевства не имеет такого герба.

— Я — Эдвин Гэнли! — громко крикнул сэр Эдвин, высовываясь из окна. — Это мой герб!

— Это не герб Гэнли,— сказал герольд и прошел дальше.

— Да как!.. — возмутился сэр Эдвин, но, не дав ему договорить, помощники герольда затрубили в рога, а один из них громко и внушительно проговорил:

— Приказываем страже выпроводить самозванца за пределы Бедфорда!

Сэр Эдвин оцепенел.

— Но я же Гэнли, это щит моего отца,— тихо сказал он.

— Может быть, вы и Гэнли,— шепнул ему хозяин гостиницы,— но с герольдом и сам король не спорит. Как он сказал, так и будет. Мой вам совет:

уходите поскорее, ведь герольд имеет право отобрать у вас оружие и коня. Так что спешите, пока он не прислал за ними.

Встреча под дубом. Выбравшись из Бедфорда, Эдвин Гэнли медленно ехал по дороге. Теперь ему некуда было спешить. Доехав до леса, он остановился, пустил коня пастись, а сам сел в тени под деревом и предался горьким размышлениям.

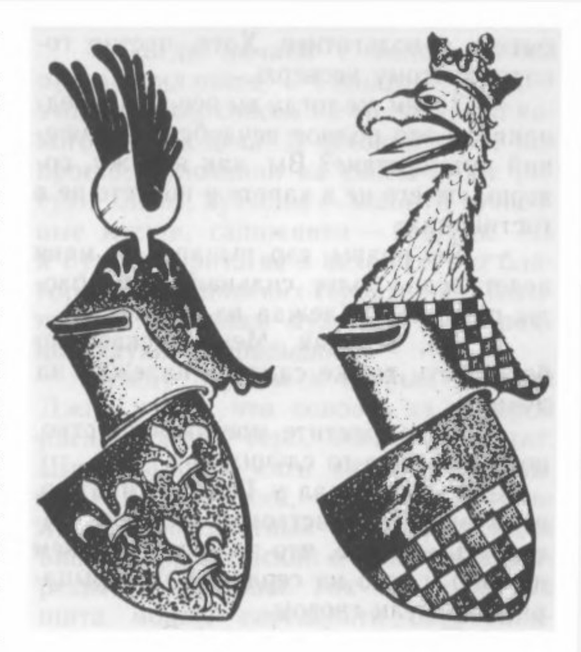
Рыцарь не заметил, что с другой стороны дерева в траве на подстеленном плаще лежал юноша в городской одежде. Юноша с опаской наблюдал за рыцарем и, когда убедился, что тот не представляет для него никакой угрозы, а, наоборот, видимо, нуждается в помощи, потому что ранен или болен, подошел к нему.

— Ваша милость,— сказал юноша,— не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Сэр Гэнли поднял на него глаза.

— Кто вы?

— Бродячий студент. Мое имя Джон Вуд. Я иду из Оксфорда в Кембридж, так как, говорят, в Кембриджском университете студентам живется





Гербы, щиты и шлемы рыцарей XIII—XIV вв. Прообразами гербов были родовые и семейные знаки собственности, существовавшие с глубокой древности. Гербы феодалов появились на их доспехах и знаменах в период крестовых походов. Первоначально изображения рыцари выбирали произвольно, затем их стали подчинять правилам геральдики.



Рыцарь в полном вооружении на коне.

сытнее и вольготнее. Хотя, честно говоря, я этому не верю.

— Зачем же тогда вы все-таки предприняли это полное неудобств и лишений путешествие? Вы, как я вижу, совершаете его не в карете и ночуете не в гостиницах.

— Вы правы, сэр рыцарь, но меня ведет вещь более сильная, чем доводы разума,— надежда на лучшее.

— Да, это так. Меня таскает по белу свету то же самое — надежда на лучшее.

— Сэр, простите мое любопытство, но с вами что-то случилось?

Студент вызвал у Гэнли симпатию, и он вдруг почувствовал желание высказать ему все, что тяжелым камнем лежало у него на сердце. Глаза рыцаря сверкнули гневом.

— Проклятый герольд! Он сказал, что я самозванец. Но я же знаю, что это наш герб: раковина на черно-зеленом поле! Если бы я мог попасть на турнир, я бы копьем и мечом доказал, что я — настоящий Гэнли!

— Копье и меч для герольда не доказательство,— возразил студент,— он слушает только то, что говорит ему его наука геральдика о гербах. Ведь герольд изучает ее много лет. Прежде чем достичь высшего звания, сначала он служит гонцом, выполняющим поручения помощников старшего герольда — всадников, затем сам становится всадником — герольдом, распоряжающимся на турнире, и только потом, спустя долгие годы, может стать главным герольдом какой-либо области или графства — оружейным, или гербовым королем, который составляет для рыцарей гербы. Видите, сколько степеней проходит герольд, зато он и знает о благородном рыцарстве больше, чем сами рыцари. А уж малейший изъян в гербовом щите он обнаруживает так же проницательно, как ростовщик вес и качество монеты. Видать, что-то не так изображено на вашем щите, сэр Эдвин.

— Но что?

— Это и требуется узнать. Вот что, сэр Эдвин Гэнли, вернемся-ка в Бедфорд. За неделю я разузнаю тайну вашего щита, тут мои занятия науками помогут вернее, чем ваш меч.

Когда тщеславие может принести пользу. Сэр Эдвин и студент сочли более разумным остановиться в полумиле от Бедфорда, где рыцарь мог быть почти уверен, что не встретит какого-нибудь случайного свидетеля его позора. Гэнли остался на постоялом дворе, а Джон ранним утром отправился в зáмок на разведку. Он возвратился вечером.

— К самим герольдам не подступиться, это важные птицы,— рассказывал он сэру Гэнли,— они со мной даже разговаривать не захотели. Но я обратил внимание на писца, и он оказался более покладистым...

Далее студент рассказал, как было дело.

Потерпев неудачу с герольдами, он зашел в трактир подкрепиться и вдруг увидел писца. Тот сидел за отдельным столом, отхлебывал из кружки пиво, ел пирог с требухой и при этом надменно поглядывал на другие столы, за которыми ели и пили крестьяне, слуги, ремесленники. Джон со своей кружкой подошел к нему и почтительно поклонился:

— Разрешите, ваша ученость, сесть возле вас.

— Но откуда вы знаете, что я ученый? — важно спросил писец.

— «Узнают льва по когтям»,— ответил студент цитатой из Плутарха.

— Садитесь,— пригласил писец.— Вы, я тоже догадываюсь, не чужды образованности.

— Студент факультета философии Оксфордского университета Джон Вуд,— представился студент.

— Писец геральдической коллегии Конрад Уокинг,— ответил писец.

— О! — воскликнул Джон, вскочил

с лавки, отвесил еще более почтительный поклон. — Я испытываю глубочайшее уважение к таким людям, как вы, я восхищаюсь ими: ведь геральдика — это наука наук. Какую светлую голову надо иметь, какую память, какой ум!..

— Садитесь, садитесь, приятель,— важно сказал приятно польщенный писец.— По правде сказать, вы имеете правильное представление о наших занятиях.

Джон льстил напропалую и, чем дальше, тем больше чувствовал, как писец впитывает в себя эту лесть и все более размягчается. Когда же писец, по мнению Джона, созрел, студент приступил к делу. Продолжая восхвалять достоинства писца и его профессии, он сказал, что, конечно, и не мечтает проникнуть в предмет геральдики с тою глубиной, с какой овладел ею писец, но хотел бы хоть что-нибудь узнать о гербах. В конце концов писец склонился на просьбы:

— Хотя и не положено человеку, не входящему в корпорацию герольдов, знать то, что знаем мы, но я удовлетворю вашу любознательность, ибо вижу — вы настоящий ученый.

— Завтра в обед мы встречаемся с ним в том же трактире,— закончил свой рассказ Джон Вуд.

Что можно узнать о гербах во время одного обеда.

— Что же вы хотите знать, мой друг? — спросил писец студента, принимаясь за обед, который, кстати сказать, заказан был Джоном. — Турнирные правила? Родословие какого-нибудь знатного рода! Или вам рассказать о славных подвигах, совершенных в честь дам? Мы, герольды, ведем хроники турниров и тем сохраняем от забвения дела героев прошлых лет.

— Все это необычайно интересно,— сказал Джон,— но я хочу сначала услышать рассказ о рыцарских гербах, ибо в этом я полный профан.

— Тогда начнем с азов,— важно проговорил писец. — Рыцарский герб — это, конечно, совсем не то, что герб какого-нибудь цеха. В цеховом гербе все просто: булочники на своем гербе рисуют хлебы, кузнецы — молот и кузнечные клещи, сапожники — башмак. Но я буду говорить не о цеховых, а о благородных рыцарских гербах, составленных по правилам мудрой и благородной науки — геральдики.

Между первым и вторым блюдом Джон узнал, что основу, на которой располагается герб, составляет щит. Щиты бывают пяти видов: треугольный — норманнский, овальный — итальянский, квадратный с закруглением внизу — французский и фигурный, вырезной — немецкий. Так что по форме щита можно определить национальность рыцаря. Также узнал он о том, что для окраски щитов и изображений в геральдике приняты строго определенные цвета и недопустимы никакие другие. Эти цвета разделяются на два вида: на металлы и финифти. Металлами называются цвета золота и серебра, финифтями — красный, голубой, зеленый, пурпуровый (или фиолетовый) и черный. Цвета имеют свое значение: золото — знатность и постоянство, серебро — благородство, красный обозначает огонь, синий — воздух, черный — землю, зеленый — воду. Кроме того, допускалось покрывать площадь щита изображением горностаевого и беличьего меха. При составлении гербов соблюдается правило: ни в коем случае нельзя накладывать металл на металл и финифть на финифть. Гербовый щит можно разделить на несколько частей и в каждой части поместить какую-нибудь фигуру. Это дает возможность увеличить количество гербов: ведь число дворянских фамилий растет и каждой требуется свой герб. Но разделение щита тоже подчиняется строгим правилам: разделение на вертикальные части называется рассечением, на го-

ризонтальные — пересечением, из угла в угол — скошением; скошение может быть правым и левым.

Съев кусок мяса под чесночной подливкой и запивая его очередной кружкой пива, писец продолжал свою лекцию. Теперь он перешел к рассказу о фигурах, изображаемых в гербах.

— Эти фигуры также делились на несколько разрядов. Первый составляли геометрические фигуры — линии и кресты; они назывались геральдическими. Гораздо разнообразнее был разряд фигур негеральдических, впрочем, введенных в гербы геральдикой. Этот разряд состоял из трех видов фигур. Первый вид — естественные фигуры (человек, животные, птицы, рыбы, растения, небесные светила и стихии); второй вид — искусственные фигуры (т. е. предметы, созданные руками человека: различное оружие — меч, стрелы, копье, секира, а также башня, корабль, якорь и т. д.); третий вид — легендарные мифические фигуры, созданные фантазией человека (кентавр, гриф, единорог, дракон, саламандра и др.).

Все фигуры имеют свое значение: лев — символ отваги, силы, гнева и великодушия; змея, держащая в пасти свой хвост,— эмблема вечности; журавль означает бдительность и осторожность; раковина — странствия; лилия — расцвет, успех (поэтому французские короли ввели ее изображение в свой личный и в государственный герб), единорог считается символом непобедимости; гриф — неустрашимости и свирепости.

Герб может быть снабжен *девизом* — кратким изречением, содержащим в себе главное жизненное правило его обладателя. Так герб Дугласов имеет девиз «Исполнить или умереть». Много прекрасных девизов мы читаем и на других гербах: «Надеяться в несчастии», «Победить или умереть», «Честь превыше всего» и др.

— Какая бездна познаний! — воскликнул Джон. Внимательно слушая писца, он теперь знал значение герба Гэнли и поэтому приступил к выяснению главного, интересующего его вопроса. Он разыграл, и довольно искусно, возмущение и негодование:

— А ведь некоторые пытаются вас провести!..

— Да! — подхватил писец. — Несколько дней назад на Бедфордский



турнир пытался проникнуть самозванец, но мы его быстро разоблачили. Он пытался выдать себя за сэра Гэнли, погибшего на Востоке. Этот обманщик оказался не совсем простаком: он, конечно, видел герб Гэнли. Герб на его щите был похож на настоящий: как и у Гэнли, он имел изображение золотой раковины на скошенном черно-зеленом поле щита, но... — тут писец поднял вверх указательный палец и торжествующе закончил: — у настоящего Гэнли поле щита скошено слева, а у самозванца — справа!

— У Гэнли слева, а у самозванца справа! — повторил Джон и рассмеялся.

— Да, справа! — закатился смехом писец. — А вот, помню...

— Ваша ученость, — перебил его Джон, — вы обрушили на меня такое огромное количество сведений, что моя голова больше не может ничего вместить. Отложим беседу на следующий раз.

Щит сэра Эдвина Гэнли лишается своего великолепия, зато возвращает его владельцу право участвовать в турнире.

— Узнал! Всё узнал! — вбегая в гостиничную комнату и закрывая за собой дверь, торжествующе воскликнул Джон. — Сэр Эдвин, а вам известно толкование вашего родового герба?



Герцог Вильгельм вручает оружие своему вассалу. ***С гобелена XII в.***



Опоясывание мечом — элемент посвящения в рыцари. ***Миниатюра начала XIV в.***

— Конечно. Мой дед был странствующим рыцарем, он проехал многие страны и переплыл многие моря. Раковина — символ странствий...

— Да, да, а зеленый и черный цвет на щите означают воду и землю. Но в окраске щита допущена одна ошибка. Смотрите. — Джон решительно отколупнул блестящую черную краску в верхней половине щита, под ней оказалось тусклое зеленое пятно. — Вот в чем тайна, вот почему герольд не признал этот герб гербом Гэнли: поле герба должно быть скошено слева, а живописец скосил его справа.

— Дорого же мне стала ошибка живописца и моя невнимательность, —

Одевание лат и доспехов. ***С миниатюры XIV в.***



Турнир. ***С миниатюры XIII в.*** **К своей будущей боевой деятельности рыцари готовились с малых лет, вырабатывая необходимые навыки. Важное место в подготовке рыцарей занимали турниры.**

проговорил сэр Эдвин. — Но что же теперь делать? У меня нет денег на нового живописца...

— А по-моему, царапины и вмятины — следы боевой службы более украшают щит, чем эта дорогая краска,— сказал Джон, безжалостно соскребая ее со щита ножом.

— Вы правы, Джон,— проговорил сэр Эдвин, беря второй нож. — Как только мы закончим эту работу, я поеду в Бедфорд и, уж поверьте, вернусь оттуда с победой!

Писец Рауль

Писец Рауль радовался, как мореплаватель, увидевший желанный берег: многомесячный труд подошел к концу. Разминая уставшие руки, он вспомнил популярное еще в древности двустишие: «Тот не считает работой письмо, кто писать не умеет: пальцами пишет тремя, трудится весь организм».

Вот и еще одна книга переписана. Завтра Рауль сам отнесет ее в мастерскую своего друга иллюстратора Жильбера: эта книга заказана самим королем и Рауль хочет лично позаботиться о том, чтобы она была хорошо украшена и переплетена. Но надо дописать еще несколько строк. Выбрав хорошо заточенное перо и немного отступя от написанного, Рауль не спеша начал выводить: «Окончена книга сочинений Аристотеля, которую по приказу короля Франции Карла Мудрого перевел на французский язык Николя́ Оре́м и переписал Рауль из Орлеана 15 октября 1375 года».

Привычно написав свое имя, Рауль вспомнил, как он когда-то впервые решился подписать переписанную им книгу. Это было 10 лет назад. Прошло уже два года, как Рауль покинул свой родной город Орлеан и приехал в Париж в поисках работы и удачи. Каждое утро он приходил на площадь перед собором Парижской богоматери. Здесь и на Малом мосту, соединявшем остров на Сене — Сите́ с левым берегом реки, постоянно толпились бродячие писцы в поисках заработка. Среди них были странствующие монахи, школяры, студенты и такие же, как Рауль, писцы-профессионалы, зарабатывающие своим пером на жизнь. Их сразу же можно было узнать по подвешенной к поясу чернильнице и перу, которое они носили за отвернутыми полями шляпы.

В перекинутой через плечо котомке хранилось все несложное снаряжение переписчика. Это прежде всего запасные гусиные или лебединые перья и чернильный порошок, который изготовлялся из смеси сажи с высушенными чернильными «орешками» (наросты на дубе) и смолой вишневого или сливового дерева. Хранились там и два ножичка: один для заточки и обрезки перьев, а другой, с широким концом, для подчистки клякс и ошибок. Еще в котомке были губка для смывания текста, мел для подбеливания пергамена, подкладная доска, циркуль для разметки строк, линейка и свинцовый карандаш для разлиновки страниц. Хранил Рауль и кусочки пергамена с образцами шрифтов. Пергамен (особо выделанная кожа телят и ягнят) был дорогим материалом и предоставлялся писцу заказчиком. В его доме обычно бродячий писец и работал, нередко всего лишь за кров, еду и одежду.

Каких только заказчиков не встречал Рауль за первые годы своей жизни в Париже! Что только он не переписывал: счетные книги купцов, расписки нотариусов, медицинские рецепты. Книгу наставлений по домашнему хозяйству продиктовал Раулю богатый горожанин для молодой жены, включив туда описание своих любимых блюд. Рыцари хотели обзавестись недорогой копией приключенческого романа или сочинением по военному искусству, а набожная горожанка — молитвенни-



Приемы переписки книг. ***С миниатюры конца XIII в.*** **В средние века до изобретения книгопечатания во всех странах работали тысячи квалифицированных переписчиков книг. Кроме них над книгами трудились художники, создававшие многочисленные многокрасочные миниатюры и заглавные буквы с рисунком. По этим миниатюрам мы не только можем узнать внешний вид людей, их быт и нравы, но и изучать многие исторические события.**



ком. Профессор университета мечтал об обширной энциклопедии, где были бы сведения по всем отраслям тогдашних знаний.

Иногда Рауль принимал участие в «издании» нового сочинения. Автор обычно нанимал несколько писцов для одновременной переписки собственноручно написанного им текста — автографа. Созданные таким образом одинаковые копии помещались для продажи в лавку книготорговца. Один из экземпляров, нарядно украшенный и переплетенный, с торжественным посвящением, автор старался преподнести кому-нибудь из знатных сеньоров в надежде получить его покровительство и богатое вознаграждение.

Случалось Раулю работать и по контра́кту (договору между писцом и заказчиком, определявшему размер оплаты и условия труда писца). Труд



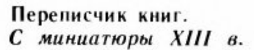


Изготовление пергамента было сложным и дорогостоящим делом. Мастер специальным ножом скоблит шкуру животного (чаще всего использовали телячью кожу, но встречается и шкура других животных), натянутую на раму для просушивания. Полировка готового листа пемзой, формирование листа. ***С миниатюры XII в.***



Старинный прием переписки книг. Инструмент писца: двойная чернильница (для красных и черных чернил), перья, перочинный нож, циркуль, серповидный нож. ***С миниатюры XII в.***





Переписчик книг. ***С миниатюры XIII в.***

писца был тяжелым: как ни старался писец, он мог переписать в день лишь 4—6 страниц книги большого формата, где умещалось по 40 строк на каждой странице. На переписку книги из 400 таких страниц требовалось почти 2,5 месяца напряженного труда, и все это время писец находился во власти заказчика. Если заказчик считал, что писец недобросовестно относится к порученной ему работе или нарушает ее сроки, то он мог его оштрафовать, лишить имущества. Если же писец, не завершив работу, начинал новую, заказчик мог запереть его и даже заковать в цепи, пока переписка не будет окончена. Трудясь в подобных условиях, бродячие писцы редко ставили на рукописи свои подписи. Чаще заказчик требовал, чтобы его собственное имя красовалось под текстом переписанной для него книги.

Как завидовал Рауль важным и самоуверенным мастерам письма, живущим в добротных собственных домах на Писцовой улице! В их мастерских, расположенных на первом этаже, вместе с мастером трудились ученики. Здесь изготовлялись великолепные книги. Их дарили, завещали как ценное имущество. Книги хранились в библиотеках знатных сеньоров, церквей и монастырей. Некоторые писцы служили при университете, другие — за жалованье при дворе короля или знатных феодалов. Таким придворным писцам назначались пожизненные пенсии.

Однажды в дождливый осенний день Рауль прохаживался по Малому мосту, тщетно ожидая работы. Он уже собирался вернуться в маленькую комнату, которую снимал вместе с товарищем, когда увидел направляющегося к нему скромно одетого человека. Посмотрев образцы письма Рауля, человек предложил ему работу, изменившую всю его жизнь.

Заказчицей оказалась молодая и знатная дама. После смерти ее мужа воинственный феодал-сосед захватил было ее родовой замок. Вмешательство короля спасло вдову от разорения, и в знак благодарности она решила преподнести ему книгу: страсть короля к коллекционированию книг была широко известна.

Несколько месяцев понадобилось Раулю для переписки книги. Когда работа была закончена, заказчица не разрешила поставить на последней странице свое имя. Поэтому-то Рауль и решился поставить там свою подпись, отметив дату окончания работы: «Во второй год царствования преславного короля Франции Карла...» Король получил эту книгу, и она очень ему понравилась.

Как раз в это время король задумал перевести на французский язык произведения древнегреческих авторов. Переводчики работали над текстом, несколько переписчиков копировали перевод, и в их числе Рауль. После окончания этого труда известность и богатство пришли к нему. На вывеске собственной мастерской Рауль получил право изобразить герб французских королей — белую лилию. Это означало, что он является королевским переписчиком. Переписанные им книги теперь хранились в башне королевского замка Лувр, в знаменитой на всю Европу библиотеке короля.

Тогда уже в ней было более тысячи книг. Библиотека постоянно пополнялась. Такая библиотека была в Европе редкостью: вплоть до XIII в. лишь монастыри владели значительными собраниями рукописных книг, которые там же изготовлялись.

Иногда писцы-монахи работали в своих маленьких комнатах — кельях в полном уединении, но нередко монастырь выделял под мастерскую и отдельное здание.

В большом светлом общем зале, склонившись над столами-пюпитрами, прилежно в полной тишине писали мо-

нахи. Объясняться между собой разрешалось только знаками, вход посторонним был запрещен. Труд переписчика рассматривался как дело, угодное богу, он был даже вписан в уставы некоторых монашеских орденов. «Монахи борются пером и чернилами против коварных козней дьявола и наносят ему столько ран, сколько слов господних они переписывают» — так оценивали труд переписчика религиозных книг. Считалось даже, что за каждую написанную в книге букву писцу на том свете прощалось по одному греху.

Работали не спеша, по нескольку часов в день, поэтому переписка книги затягивалась на годы. Как праздник встречал писец окончание своего труда! Иногда радость выплескивалась в веселую строку: «Кто тут писал, тот дописал и доброе винцо хлебал». Часто переписчик обращался к будущим читателям книги: «Кто эту книгу зачитает, тот вскорости беду познает».

Над изготовлением книги обычно работало, кроме переписчика, несколько его помощников. Они нарезали из пергамена листы, заклеивали или заштопывали на нем дыры, чтобы каждый кусочек этого ценного материала пошел в дело. Кусок пергамена из целой кожи животного перегибали пополам: так получался «полный лист». Книги из листов такого размера назывались ф о л и а́ н т ы (от лат. «фолиум» — лист). Меньшие по размеру книги делались в одну четвертую и в одну восьмую листа. В монастырских мастерских отдавали предпочтение фолиантам: по ним было легче читать в полумраке собора. На изготовление каждой такой книги уходило целое стадо овец: от 200 до 300 голов. Из-за постоянной нехватки пергамена в дело шли уже использованные листы: ненужные документы, поврежденные страницы книг, а иногда и целые книги, если церковь и монахи признавали их еретическими. Тогда старый текст смывался или выскабливался и на пергамене писали новый. Нарезав пергамен, его затем складывали в тетради. Это слово произошло от греческого «тетрадион» — четверной, так назывались соединенные вместе четыре листа. Их нумеровали, линовали и передавали писцам.

Наконец текст написан. Наступила очередь иллюстраторов, ими часто были сами писцы-монахи. Затем готовую книгу уносили в переплетную мастерскую, там тетради сшивали, аккуратно обрезали, выравнивая страницы, и заключали их в переплет, который изготовлялся из досок, обтянутых кожей. Для прочности его углы скреплялись металлическими наугольниками, а выпуклые шишечки должны были оберегать кожу переплета от царапин при соприкосновении с поверхностью стола. Специальные боковые застежки-зажимы предохраняли пергамен, который со временем пересыхал и начинал коробиться.

И вот книга закончена. Теперь передавали ее на хранение в библиотеку под опеку монастырского библиотекаря. Он вел учет книг, составлял их список — к а т а л о́ г, ведал книжным обменом с другими монастырями, охранял библиотеку от пожара и крыс.

Рауль знал библиотеки, где были собраны настоящие сокровища книжного искусства — предметы зависти любителей старинной книги, а их было немало среди его современников. Особенно его восхищали манускрипты (от лат. «написанное рукой» — рукопись), от начала и до конца изготовленные одним человеком. Ни Рауль, ни его знакомые мастера не взялись бы выполнить такую работу. Да и кто из заказчиков Рауля согласился бы ждать годы?..

В деловой атмосфере города научились ценить время. Это правило действовало и в мастерских по изготовлению книг, которые все шире стали

распространяться в городах. Работали в них свободные городские мастера. В отличие от монаха для городского мастера, работающего за деньги, дорог был каждый час. Да и сам текст монастырских книг вряд ли удовлетворил бы современных Раулю рыцарей и горожан. Копии сочинений античных писателей, исторические и литературные произведения встречались там очень редко, почти все они были на латинском языке, на котором читали представители духовенства, ученые и студенты, т. е. очень малая часть населения. Остальные предпочитали литературу на родном языке — романы, басни, сатирические и исторические повествования.

Особенно вырос спрос на книги с XIII в. — времени расцвета городов. Монастырские мастерские стали приходить в упадок, и книжным производством в основном занимаются уже городские ремесленники. В некоторых монастырях сохранились обычаи книгописания, но это были уже иные книги: летописи, хроники. Позднее и для их переписки монастыри стали приглашать платных (наемных) писцов.

Изменился и внешний вид книги. Место громадных фолиантов заняли книги, удобные для чтения и небольшие по формату. Рауль видел даже книжечку, которая умещалась у него на ладони.

Итак, наступило утро, когда Рауль не сел, как обычно, за свой стол с пером в руке. Он отправился в мастерскую иллюстратора Жильбера. Его ученик Жанно бережно нес переписанную книгу.

Запах расплавленного воска стоял в воздухе, когда Рауль и Жанно вошли в маленький переулок, где находились мастерские по изготовлению писчих табличек — деревянных или костяных, покрытых с одной стороны воском. Их складывали воском внутрь и соединяли по две или несколько штук с помощью кожаного ремешка. Получалась книжечка, на которой писали острой металлической палочкой — *сти́лем*. Другой конец стиля был тупой и округленный, им стирали написанное. Таблички стоили недорого, служили долго: стерев написанное и разгладив воск, можно было писать снова. Использовали их для ученических упражнений, денежных расчетов, черновых заметок.

— Знаешь, Жанно, — рассказывал мастер Рауль, — такие таблички были широко распространены еще в древности. Тогда же возникло выражение: «Почаще поворачивай стиль». Сейчас это означает: «Чаще исправляй ошибки и улучшай форму (стиль) изложения». Древние книги имели форму свитка. Изготовлялись они из п а п и́ р у с а, который делали из тростника, произраставшего на берегах Нила — в Египте. Свиток наматывался на деревянную или костяную палочку с выступавшими концами. Писали на одной стороне. Свернутый свиток — рулон помещали в футляр. В библиотеках футляры со свитками хранились в корзинах или подвешивались на стенах.

— А почему перестали писать свитки? — спросил Жанно.

— Книга удобнее: она легко открывается на нужной странице и с нее проще списывать текст. Но документы в виде свитков иногда делают и сейчас — из пергамена.

В последние годы в Европе все шире стал распространяться новый писчий материал — бумага. Рауль слышал, что она, как многие новшества, пришла с Востока — из далекого Китая — через рынки Испании и Италии. На привозной бумаге уже в XIII в. писали документы. С XIV в. ее производство было налажено и в нескольких городах Франции. Бумагу получали из разваренного льняного тряпья. Эту массу тонким слоем размазывали по раме с натянутой металлической сеткой и давали воде стечь. Полученные листы отжимали

прессом, подсушивали и покрывали клеем, чтобы чернила не впитывались. Бумага была намного дешевле пергамена, ее стали охотнее использовать для переписки книг, особенно недорогих. Но профессиональные писцы вроде Рауля все еще предпочитали пергамен: он более прочный, белый и гладкий...

...А вот и дом Жильбера! В его мастерской работали десять учеников: французы, итальянцы и фламандцы. Один вписывал в начале «красных» строк, на месте, оставленном писцом, цветные заглавные буквы, другой дополнял их орнаментом и окаймлял страницу рамкой из цветов и листьев. Иногда художник рисовал на полях книги забавные сценки с акробатами, жонглерами, дрессированными животными и фантастическими существами. Такие шутливые рисунки особенно любили горожане. Сам Жильбер был талантливым художником-миниатюристом. Он собственноручно делал на полях книги набросок будущей *миниатю́ры* (так по наименованию красной краски — миния — назывались иллюстрации небольшого размера). Затем рукопись поступала к иллюмина́торам (от лат. «иллюминато́ре» — придавать блеск), которые раскрашивали миниатюры, а их «золотые» участки полировали зубом кабана до ослепительного блеска.

У каждого мастера были свои секреты изготовления клея и красок, заимствованные из рецептов византийских и восточных мастеров и дополненные собственным опытом. Прежде чем накладывать краски на пергамен, художники смешивали их с яичным белком. Синюю краску получали из растений (индиго, цветов василька) и минерала лазурита. Красную добывали из плюща, а особенно ценили киноварь и сурик, который получали при нагревании свинцовых белил. Для зеленой краски применяли малахитовую зелень, для желтой — различные оттенки охры или отвар корней из стеблей шафрана. Коричневую получали из отвара коры ольхи, или луковой шелухи. Наконец, использовали искусственные краски: «золотые» — из порошков меди и цинка и «серебряные» — из олова и цинка.

Рукопись, принесенная Раулем, легла на стол Жильбера. Ее он будет украшать лично и вложит в этот труд весь свой талант, все умение. Пройдут годы, но не потускнеют краски. Все так же будут радовать они глаз читателей. О многих подробностях жизни прошедших поколений расскажут миниатюры, а слова книг донесут до потомков память о прошлом, поиски человеческой мысли.

Рауль вспомнил пламенную хвалу книге из сочинений своего современника: «Башни рушатся, города исчезают, триумфальные арки превращаются в прах, даже папа или король не могут обрести ничего, что сохранило бы память о них более прочной, чем книга».

Как появилась печатная книга

Люди мыслят — без этого они не могут существовать. Люди также должны передавать свои мысли друг другу. Человек хочет говорить не только с современниками, но и с потомками. Для этого люди давно научились передавать свои мысли сначала в рисунках, позже в письме.

Если бы они этого не сделали, их мысли умерли бы вместе с ними. Мы очень мало бы узнали об их делах. Многое пришлось бы открывать заново. Прогресс общества мог сильно затормозиться. В том, что этого не случилось, — величайшая заслуга книги. «Наиболее сложным и великим чудом из всех чудес» называл книгу автор многих известных произведений Максим Горький.

Но такая книга, какой мы ее знаем сегодня, возникла не сразу.

Вы уже знаете, что сначала книги изготовлялись вручную и были величайшей редкостью. Их передавали по наследству, закладывали, дарили, давали в приданое.

Были книги для богатых и для бедных. Богатые приобретали книги огромных размеров, в кожаных переплетах с золотыми и серебряными застежками, а бедные — скромные небольшие книжки и листки с грубо раскрашенными картинками.

Для проповедников была составлена даже так называемая «Библия нищих» из серии картинок с объяснительным текстом.

В то время, чтобы изготовить больше листков, мастера стали вырезать рисунки на пластинках.

В Китае еще в X в. печатали книги с деревянных досок. На них вырезали выпуклые буквы, покрывали их жидкой краской, накладывали лист бумаги и затем терли его мягкой щеткой. На бумаге получался отпечаток текста. С востока этот способ проник в Европу. В конце XIV в. так стали печатать игральные карты, затем картинки, сначала без подписей, а потом с коротким текстом. Эти картинки продавались на ярмарках и находили широкий спрос у населения.

В XV в. появляются так называемые «блоковые» книги. На деревянной доске (блоке) вырезалась целиком страница книги с текстом и картинкой; резьбу смазывали краской, затем делали оттиск на увлажненной бумаге, сильно и равномерно проводя по ней валиком из конского волоса, зашитым в телячью или собачью кожу. Такой способ позволял печатать сразу много одинаковых книг, но для толстых книг он был непригоден: вырезание каждой страницы требовало больше времени, чем переписка ее от руки. Деревянные доски быстро изнашивались, и тираж (количество) книг, изготавливаемых с них, не мог быть большим. С досок обычно печатали календари, настенные картинки-лубки, памфлéты, индульгéнции.

К концу XIV в. просвещение в Европе двигалось вперед семимильными шагами. В одной Германии, например, за 50 лет открылось семь университетов. Развитие промышленности, торговли, мореплавания, дипломатии нуждалось в быстром распространении знаний, все больше требовалось ученых и грамотных людей. Понадобилось много книг. Необходимость диктовала открытия. И открытие книгопечатания совершилось.

Изобретатель был, конечно, превосходно образованным человеком, и великое дело потребовало всей его жизни. Он довел книгопечатание до такой степени совершенства, что многие современники считали, будто ему помогает сам дьявол.

Имя этого человека — Иогáнн Гýтенберг.

Он родился в 1400 г. в Германии, в Майнце. В 1430 г. он вместе с родителями переселился в Страсбург. Иоганн не смог там заниматься своей профессией шлифовщика и гранильщика драгоценных камней: это оказалось невыгодным.

Но Гутенберг не печалился: еще с юности он мечтал изобрести книгопечатание — «искусственное письмо», как его называли в тогдашних документах. Мечта создавать книги, более дешевые и в количестве, способном удовлетворить всех желающих, не покидала его никогда.

Пробы, опыты, поиски... На них ушли годы молодости и возмужания. Многим пришлось пожертвовать. И личным счастьем тоже: мастер так и не создал семьи.

Сначала Гутенберг сообразил сделать отдельные подвижные буквы (ли́теры). Он не только сделал их сам, но и

вставил в ряд, в строчки, отделив друг от друга бортиками, и разместил эти строчки на общей доске. Теперь он мог составить страницу, рассыпать ее и набрать новую из тех же букв. Гениальное открытие совершилось.

Это было в 1440 г. В маленькой душной комнате Гутенберг — один, углубленный и сосредоточенный — набирает строчки. Буквы вырезаны на конце деревянных столбиков. Столбики, просверленные с боков, связываются толстой ниткой в строчку. Оттиск получается ясный. Но деревянные литеры были слишком большими, набухали от краски, портились, отпечаток расползался. Литер требовалось очень много: только для одного печатного листа (16 страниц текста) нужно 40 000 букв!

Тогда мастер начинает вырезать литеры из металла. Но это оказалось очень трудно и дорого. И Гутенберг приходит к мысли отливать буквы в форме. Для этого делает из твердого металла модель выпуклой буквы — пунсон (так она и сейчас называется). Затем пунсон вдавливается в мягкий металл, получается углубленная форма буквы — матрица, и, наконец, в этой форме отливает нужное количество букв (литер).

Литеры составляют типографский шрифт. Из букв набирались слова, из слов складывались предложения, которые вставлялись в специальную рамку. Так получалась *форма* — книжная страница из отдельных подвижных букв, закрепленных в рамке. Отпечатав страницу, набор можно было рассыпать, а буквы использовать для следующей страницы.

Оттиснутые листы развешивались для просушки, затем сшивались и переплетались в книгу.

Теперь Гутенберг, наняв рабочих, снимает помещение и открывает мастерскую. В 1445 г. он отпечатал богослужебную книгу и астрономический календарь. Этот год считается началом книгопечатания.



Иоганн Гутенберг. ***Портрет из книги 1584 г.*** **Первые печатные книги не имели выходных данных и имен издателей. Из-за этого возник так называемый «гутенберговский вопрос» — был ли Гутенберг изобретателем книгопечатания? Новейшие исследования ученых отвечают на этот вопрос утвердительно. Споры идут о том, какие из первых книг отпечатаны самим Гутенбергом.**

Как всякий вдохновенный изобретатель, увлеченный своим делом, Гутенберг был непрактичен и в один горький день оказался без гроша в кармане. Все свое имущество он вложил в дело, полезное людям. Меньше всего он думал о

Типография. ***С миниатюры XV в.***



богатстве, ему хотелось достичь совершенства в книгопечатании. После долгих неудачных попыток добыть средства Гутенберг вынужден был вернуться в родной Майнц, где обратился за деньгами к одному из богатейших городских купцов — Иоганну Фусту.

Купцы покупали все — и гениальные изобретения тоже. И часто плодами открытий пользовался не первооткрыватель, а тот, кто сумел купить открытие.

Ловкий и честолюбивый Фуст сразу оценил выгоду нового изобретения. Он задумал не только отнять у мастера за долги его типографию, но и присвоить себе славу его изобретения. Малосведущий в делах Гутенберг подписал с ним 22 августа 1450 г. кабальный договор. Фуст ссудил ему 800 гульденов, с тем чтобы Гутенберг вносил в год по 6% этой суммы. Фуст также обязался выдавать Гутенбергу по 300 гульденов в год на ведение дела. В случае несогласия между договорившимися или неудачи все дело должно перейти к Фусту. В случае удачи Фуст должен был получить половину дохода.

Гутенберг со всем жаром отдался работе и не замечал времени. Два года ушло на подготовку типографии. В 1452 г. он начал печатать роскошное издание библии. Увлеченный работой, Гутенберг брал все больше и больше денег у Фуста, влезал в новые долги. Доходы были ничтожны. Фуст дал в помощники Гутенбергу мастера Шеффера, который усовершенствовал шрифт, отливая матрицу из более твердого металла. Шрифт стал мелким и ровным.

От Гутенберга усовершенствование скрыли. Фуст выдал замуж за Шеффера свою дочь. Оба они выжидали только, когда Гутенберг окончит печатать библию. В 1459 г. Фуст обратился с иском на Гутенберга в суд. Почти все оборудование типографии вместе с тиражом отпечатанной книги отошло к нему в уплату за ссуду, некогда выданную им Гутенбергу. Великому изобретателю удалось сохранить только малую часть шрифта и оборудования.

Гутенбергу тогда уже исполнилось 60 лет, силы его были надломлены. Он еще боролся, нашел нового «покровителя», создал новую типографию. Но конкурировать с Фустом и Шеффером Гутенберг уже не смог. Он умер в нищете в 1468 г.

Слава и признание к Гутенбергу пришли после его смерти. Спустя 30 лет, в 1498 г. немецкий гуманист Себастьян Брандт писал: «Книгу, прежде доступную лишь богачу и королевскому званию, ныне встретишь везде, даже в хижине». На протяжении XV в. книгопечатание чрезвычайно быстро распространилось в Западной и Центральной Европе. С 40-х гг. XV в. по 31 декабря 1500 г. в 246 городах возникло 1099 типографий, выпустивших около 40 тысяч изданий общим тиражом почти 12 миллионов экземпляров. Эти книги называют инкуна́булами (по-латыни — «колыбель», «пеленки»), как памятники раннего, «колыбельного» периода книгопечатания.

Церковь повела яростную борьбу против нового изобретения. Ведь появление светских книг большими тиражами вело к просвещению народа. Сочинения Да́нте и Бокка́ччо, Лютера и Мюнцера, Рабле, Томаса Мора, Эразма Роттердамского и других мыслителей расходились теперь по всей Европе, сея сомнения в правоте и всемогуществе католической церкви. Типографы использовали печатную книгу для распространения знаний и борьбы с мракобесием и властью церкви. Некоторые из них кончили жизнь на костре. Например, по приказу короля Франции в 1546 г. в Париже был сожжен как еретик Этьен Доле́, гуманист и лионский типограф. В костер были брошены и его книги.

В центре города Майнца стоит памятник Иоганну Гутенбергу, просвети-

телю и изобретателю. Есть памятник в Лионе и мужественному типографу-ученому Этьену Доле.

В Москве, в шумном центре города, воздвигнут памятник русскому первопечатнику Ивану Федорову, который в 1564 г. здесь отпечатал первую в России датированную книгу «Апостол».

Разные страны, разные народы... Но везде люди чтят память тех, чьими усилиями, трудом и борьбой книга вошла в каждый дом как близкий друг, учитель и наставник.

Случается, читатели небрежно обращаются с книгой, рвут, теряют ее. А ведь в каждой книге — труд многих людей. Уважайте людей, создавших печатные книги, и знания, которые эти книги нам несут! Берегите книгу!

Ваганты

Встреча.

— Отрок Иоанн! Опять ты задумался о мирском, не о божественном! — Голос монастырского учителя гремел как военная труба. Он занес палку над головой подростка. Иоанн втянул голову в худые плечи, ожидая удара... и проснулся.

Сквозь ветви дуба, под которым он провел ночь, пробивались лучи солнца. Очень хотелось есть, но сердце пело и ликовало: «Свободен! Наконец свободен! Как здорово, что он сбежал из монастырской школы. Прощайте, бесконечные молитвы, розги, противный страх перед учителем. То-то рассвирепеет наставник-монах, когда не увидит своего лучшего ученика!» — Иоанн даже засмеялся от радости. Он сладко потянулся и вскочил на ноги. Вскоре Иоанн вышел на дорогу, которая вела на юг Англии, туда, где через пролив Кале́ можно было переправиться на другой берег — во Францию.

Иоанн слышал от школяров, побывавших на континенте, что во Франции, да и в других странах Европы набирают силу города. Они добиваются больших вольностей, избавляются от власти епископов и сеньоров. И городские школы, которых с каждым годом становится все больше, отличаются от монастырских. Они не зависят от церкви.

В такт шагам юноша повторял названия «семи свободных искусств»: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка, астрономия. Они звучали таинственно и обещающе. Он обязательно изучит их, а потом овладеет и вершиной мудрости, наукой наук — философией.

Размеренное течение его мыслей внезапно было нарушено.

— Эй, парень, посто́й! — окликнул Иоанна высокий черноволосый юноша в накинутом, несмотря на теплый день, суконном плаще.

Иоанн остановился. А незнакомец подождал, приветливо улыбаясь:

— Куда путь держишь? Может, нам в одну сторону?

В веселых глазах юноши было что-то необъяснимо притягательное, и Иоанн не стал осторожничать.

— Иду в Дувр. Хочу попасть во Францию. А зовут меня Иоанн.

— Вот так штука! Я тоже Иоанн. Значит, будем Иоанн-большой и Иоанн-меньшой. Тебе ведь лет шестнадцать, а мне уже девятнадцать. Я тоже хочу вернуться во Францию, там я уже побывал года два назад. Ездил с купцами, а потом учился в Париже. А в Англию попал, потому что хотел посмотреть вашу школу в Со́лсбери, о которой слухи дошли и на континент. Вообще я люблю бродить по свету, ведь я в а-г а́ н т.

— Вагант? — переспросил Иоанн-меньшой с волнением. Он вспомнил, что монастырский учитель ругал вагантов, называл их бесовским отродьем, объедалами, опивалами и насмешниками.

— Вагант. — С гордостью сказал Иоанн-большой. — Ты, наверное, и слова-то такого не слыхал. Ведь здесь, в Англии, еще нет своих вагантов. Редко птица, вроде меня, сюда залетает.

— Слыхал. Вагант — значит «бродячий». Слово это происходит от латинского глагола «вага́ри» — бродить. У нас в монастырской школе про вагантов говорили, что они не почитают католическую церковь. Правда ли это?

— Конечно, ваганты с церковью не в ладу,— усмехнулся Иоанн-большой. — Не зря в одной нашей песне поется: «Храм господень стал вертепом, всяк служитель есть грабитель...» Ты и сам, наверное, знаешь, как священники любят подношения. Поистине, «без подарка он тоскует, а с подарком он ликует, разоряет, возвышает, одаряет, сокрушает...»

— Метко сказано!

— А как же иначе. Мы, ваганты,— странствующие школяры, веселое и бесстрашное племя, не желаем подчиняться лицемерным наставлениям священников. Идем мы из страны в страну, из города в город. Ищем учителей получше, жизни повольготней, собираем знания по школам, как пчелы свой мед по цветам. Среди вагантов можно встретить и сына рыцаря, и парня из купеческой семьи, вроде меня, но больше бывших клириков (низших служителей церкви — *авт.*), которые сбежали из монастырей. Много и горожан. Впрочем, нас мало интересует, кто чей сын. Мы оторвались от своих семей, от родных мест. Говорим на всех языках Европы, но наш общий и любимый язык — латынь. Она не знает границ. Ее понимают образованные люди и во Франции, и в Англии, и в Германии, и в Италии — словом, повсюду. И свои стихи мы слагаем на латыни, а за образец часто берем античных поэтов. — Немного помолчав, он добавил: — Ученые разговоры — это хорошо, но и поесть не мешало бы. А то я уже начинаю завидовать собаке, грызущей кость на околице.

Орден вагантов. Путь двух Иоаннов до Дувра был долгим и трудным. Но они подружились. Им казалось, что они знают друг друга целую жизнь. У обоих не было родителей. И теперь домом юношей был весь мир, а матерью — свобода.

На дорогах Европы появлялось все больше людей, странствующих в поисках знаний. Расширился интерес к наукам. Складывалась новая городская культура, отражавшая вольнолюбивые идеи того времени, борьбу против засилия церкви, критический настрой горожан в отношении феодальных порядков.

Ваганты всегда были в самой гуще культурной жизни городов. Их дерзкие стихи и песни звучали на площадях и улицах, призывая к справедливости:

От монарха самого
До бездомной голи —
Люди мы и оттого
Все достойны воли,
Состраданья и тепла
С целью не напрасной,
А чтоб в мире жизнь была
Истинно прекрасной!

В XII в. странствующих школяров с каждым годом становилось все больше. Они были полны надежд. Почти каждому из них удавалось, получив образование, в конце концов найти свое место в жизни. Они становились учителями, писцами, нотариусами, а подчас достигали и более высокого положения в обществе.

Однако через пятьдесят — сто лет многие ваганты, обучавшиеся в университетах Парижа, Боло́ньи, Оксфорда, Салама́нки, уже не смогут найти работу по призванию. Ученых людей станет больше, чем мест, которые общество сможет им предложить. Но ваганты не сдадутся, а еще больше укрепят свое братство — союз, возникший

свободно, не требующий признания властей, объединявший образованных людей, связанных духовным родством и общей судьбой. Они его назовут «Орденом вагантов».

Стихотворный «Устав Ордена вагантов», хотя и написан в шутливой форме, имеет глубокое содержание. В нем провозглашается равенство, братство всех людей независимо от их происхождения, чинов и звания:

Будет ныне учрежден
Наш союз вагантов
Для людей любых племен,
Званий и талантов...
«Каждый добрый человек, —
Сказано в Уставе, —
Немец, турок или грек,
Стать вагантом вправе».
Кто для ближнего готов
Снять с себя рубаху,
Восприми наш братский зов,
К нам спеши без страху!
Все желанны, все равны,
К нам вступая в братство,
Невзирая на чины,
Титулы, богатство,
Наша вера — не в псалмах!
Господа мы славим
Тем, что в горе и слезах
Брата не оставим.



Заседание Ученого совета в Сорбонне. *С миниатюры XV в.*



Наказание школяра в средневековой школе. *Миниатюра середины XIV в.*



Урок в городской школе. *Миниатюра начала XIV в.*



Диспут средневековых ученых. *С миниатюры XIV в.*



**Сожжение еретиков в Испании. С XIII по XIX в. В Западной Европе действовал специальный церковный суд по делам о еретиках — инквизиция. После пыток «раскаявшиеся еретики» обычно оставались в тюрьме, «упорствующие» же передавались в руки светской власти для «бескровного наказания», что означало сожжение на костре.
Последнее сожжение произошло в Испании в 1826 г.**

Признаешь ли ты Христа,
Это нам не важно,
Лишь была б душа чиста,
Сердце не продажно.

В этих стихах звучит протест против сословных и религиозных установлений феодального общества, призыв к единению людей.

Ваганты считали себя «культурными верха́ми общества», знали цену своей учености, презирали невежество и жадность монахов, чванство знати, грубость и вероломство рыцарей.

Мно́гие ваганты были поэтами. И если не все они умели сочинять стихи и песни, то любой из них с удовольствием распевал веселые, остроумные, а порой и едкие куплеты. Часто имя автора забывалось, но созданное им продолжало жить десятилетиями, а многое дошло и до наших дней. Ваганты подвергали уничтожающей критике высшее духовенство и самого римского папу, обличали пороки католической церкви:

...Возглавлять Вселенную
Призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною
Все полно безмерной...
Рим и всех и каждого
Грабит безобразно:
Пресвятая курия —
Это рынок грязный...

Не мудрено, что церковь жестоко преследовала вагантов, ее служители называли их «балаганными шутами», а стихи и песни — еретическими.

Мечтая о свободе и человечности, воспевая их в своих стихах, ваганты хотели, чтобы окружавший их мир стал более добрым и справедливым. В этом они были близки беднейшим слоям города и средневекового общества в целом.

В Нанте. К зиме Иоанн-большой и Иоанн-меньшой оказались на севере Франции — в городе Нанте, прославившемся своей школой. У друзей был один плащ на двоих. «Право, зимой лишь потеха,— поддразнивали их приятели,— такая шуба без меха: стужа землю застудит, и что с тобой, горестный, будет?» Но юноши не унывали. Иногда им удавалось немного заработать перепиской бумаг. А чаще всего ваганты как-то перебивались в складчину. Не хватало еды, они были вечно голодны, зато головы вагантов жадно насыщались знаниями.

В Нанте друзья многое узнали об уроженце здешних мест, знаменитом философе Пьéре Абеля́ре. Ваганты с восторгом говорили о нем, называли самым выдающимся умом своего времени.

— Абеляр родился в 1079 г. в семье рыцаря,— рассказывал старшина школяров. — Военные забавы мало занимали его. С детских лет Абеляр пристрастился к занятиям науками. Он покинул свою семью и стал вагантом, как вы и я, учился у известных философов и стал замечательным знатоком школьной философии — схоластики.

Ты слыхал, наверное, что с недавних пор философские диспуты стали такими же опасными для участников, как рыцарские турниры. На них спорят так увлеченно, что дело иногда доходит до драки. Ну а тех, кто мыслит вразрез с церковным учением, сурово наказывают.

— А Абеляр тоже принимал участие в этих диспутах?

— Сразу видно, что ты, Иоанн-меньшой, еще мало жил среди нас. Абеляр уже в юные годы стал неизменным победителем философских диспутов. Он превзошел своих учителей. А затем Абеляр открыл свою школу, где процветает свободомыслие и критический дух. Все, кто верит в силу человеческого разума, стремятся в ученики к Абеляру.

— А что, святые отцы боятся Абеляра? — спросил Иоанн-меньшой.

— Еще бы! Ведь Абеляр против слепой веры. Он говорит, что все должно проверяться разумом. А ты представляешь, что будет, если каждый захочет проверить, правильно ли то, чему учит людей церковь? Так, пожалуй, люди и совсем перестанут верить в бога, поймут, что попы их надувают, чтобы содрать с них три шкуры.

— Но ведь это уже похоже на ересь!

— Посмотрите-ка на него: юнец, а кое-что смыслит! Глядит в корень. Потому-то и боятся церковники Абеляра, что подрывает он христианское учение, выступает против авторитета церкви. Абеляр нападает на них, как коршун на полевых мышей.

После таких разговоров Иоанн-меньшой стал гореть желанием поскорее попасть в Париж и поучиться у Абеляра. Иоанн-большой остужал его пыл. Он не разделял увлечение своего друга слишком уж смелыми, на его взгляд, мыслями Абеляра. Иоанну-большому нравились не столько занятия философией, сколько веселые песни школяров и их шутки.

В школе у Абеляра. В Париж два Иоанна попали только летом. Иоанн-меньшой, мельком полюбовавшись красотами славного города, устремился в школу Абеляра. А Иоанн-большой не слишком-то утруждал себя учением. Он завел дружбу с теми вагантами, которые предпочитали всякие проделки. Больше всего на свете его новые друзья любили насмехаться над монахами и священниками, но иногда от них доставалось и рыцарям, и богатым горожанам.

Ваганты не хотели подчиняться правилам поведения, которые предписывала церковь. Они отрицали, что человек рожден для страданий, как о том говорилось в христианском учении. Человек рожден для земных радостей, для любви! Ваганты в этом были твердо убеждены:

Быстро жизнь уносится,
Предана учению!
Молодое просится
Сердце к развлечению!
Наши нравы и уставы
Молодости сродные,
Нас весной зовут в забавы
Пляски хороводные!

Иоанн-большой развлекался, а для Иоанна-меньшого самым большим наслаждением были лекции Абеляра и диспуты. Перед ним раскрывался огромный мир, великие возможности человеческого разума, который может все познать. Абеляр утверждал, что церковное учение сковывает разум, оно туманно и полно противоречий. «Верьте доказательствам разума, а не авторитетам,— призывал Абеляр. — Познавайте самих себя, оттачивайте искусство рассуждения».

Однако недолго Иоанну-меньшому пришлось наслаждаться занятиями у прославленного философа. Учение Абеляра было опасно для церкви, и она поспешила разделаться с дерзким магистром. В 1121 г. церковники осудили его взгляды как еретические и запретили ему преподавать. Не все ученики встали на сторону своего учителя. Наиболее осторожные поспешили отречься от него, но не Иоанн-меньшой, который по-прежнему считал, что учение Абеляра ведет к истине.

После осуждения Абеляра два Иоанна, потрясенные всем случившимся, должны были решить, что делать дальше.

— Надоел мне Париж с его интригами,— сказал Иоанн-большой. — Отправлюсь-ка я лучше в Тур. Там, я слыхал, отлично учат медицине. Все-таки лекарь может заработать на жизнь лучше, чем философ.

— Как ты можешь так говорить! — воскликнул Иоанн-меньшой. — Я никогда не отрекусь ни от философии, ни от Абеляра! Мой путь лежит в

Шартр, где еще остались единомышленники моего учителя!

Тяжело было на сердце у друзей. Пришел час расставания. Они крепко обняли друг друга.

— Прощай, Иоанн-меньшой. Да, впрочем, ты уже не меньшой. Ты взрослее, чем я, мой дорогой философ, мой Иоанн Скиталец. Так и зовись, если захочешь когда-нибудь передать мне привет.

— Будь счастлив, друг. — Слезы блеснули в глазах Иоанна-меньшого.— Я буду всю жизнь помнить тебя.

И друзья расстались у парижской заставы.

Одинокие странствия. Иоанн Скиталец (пора сказать, что философ Иоанн Скиталец действительно жил в XII в.) несколько лет учился в Шартре. Оттуда он вынес убеждение, что мир вечен, а не сотворен богом, как учила церковь, и что все состоит из мельчайших частиц — атомов. За такие взгляды церковники могли отправить человека на костер.

После Шартра Иоанн Скиталец двинулся на юг Франции — в Прова́нс. Юг поразил его прекрасными городами, великолепными замками, более свободной, чем на севере, жизнью. Прованс был тогда одной из богатейших областей Европы, а его аристократические дворы — самыми изысканными. Горячее южное солнце, казалось, всех здесь делало поэтами. Иоанн впервые услышал прекрасные песни на народном провансальском наречии. Их пели крестьяне и горожане. Не так давно здесь появились трубаду́ры — поэты-рыцари, которые странствовали из замка в замок, воспевали любовь к прекрасной даме, верность, благородство чувств.

Иоанн, отвлекшись от философии, думал о том, что поистине его век — время поэтов. Несмотря на запреты церкви, поэты создают смелые и прекрасные стихи и песни. Сочиняют их и на севере, и на юге. Поэзия, как и философия, не знает границ. И никакие наказания, посты и молитвы не могут заглушить поэтический дар народа.

После Прованса Иоанн отправился в Италию, где слушал лекции в Болонье, учился в Риме. Сюда дошли слухи, что Абеляр, несмотря на осуждение и надругательства над ним, не сдался, а возобновил преподавание. Иоанн поспешил в Париж: он написал несколько работ по философии и очень хотел услышать о них мнение своего учителя.

Арнольд из Брешии. В школе Иоанн познакомился с Арнольдом, выходцем из города Брешии в Северной Италии. Арнольд, как и Иоанн, жадно впитывал все, чему учил Абеляр. Он достиг выдающихся успехов в науках, а когда Абеляр прекратил преподавание из-за преследований церкви, Арнольд занял место учителя, продолжил его дело. В своих лекциях он не щадил епископов, порицая их за жадность, порочную жизнь, лицемерие. Слушателями Арнольда были самые бедные ваганты.

В 1140 г. Абеляр был снова осужден как еретик, а его взгляды церковники объявили «запрещенными на все времена». Началась жестокая расправа над всеми, кто эти взгляды разделял. Иоанн был вынужден скрыться. Единственной его ценностью была спрятанная на груди рукопись Абеляра «История моих бедствий». В ней учи́тель Иоанна рассказывал о горестях своей жизни, преследованиях, обрушившихся на него. Через год великий ученый скончался.

Иоанн преподавал в Тулузе, в школах других городов. Там он проповедовал взгляды своего учителя. Здесь, на юге, семена свободомыслия попадали на благодатную почву. В народе была сильна ненависть к католической церкви. Одна за другой возникали ереси, которые находили сторонников не только среди бедных слоев сельского и городского населения, но даже среди феодалов. Еретики, называвшие себя ката́рами (чистыми) или альбиго́йцами

(по названию их центра — города Альби), считали церковь носительницей зла. Они требовали, чтобы церковь была упразднена, а люди, отказавшись от богатства и собственности, стали бы жить в «евангельской бедности». Тогда, по их мнению, восторжествовали бы равенство и справедливость.

В этих ересях выразился протест народных масс против господствующих феодальных порядков. Арнольд Брешианский решительно и страстно боролся за улучшение жизни обездоленных бедняков, против притеснений церкви. Как «возмутителя спокойствия и организатора раскола» церковники схватили Арнольда и повесили, труп его был сожжен, а пепел развеян по ветру.

Снова в Париже. Много раз, спасаясь от преследований, Иоанн Скиталец пересекал Альпы с севера на юг и обратно. После гибели Арнольда Брешианского он вернулся в Париж.

Как изменился, как вырос город! Появились новые кварталы ремесленников. А сколько открылось новых школ! Улицы и площади забиты народом, а ваганты заполонили весь город. Они такие же дерзкие и веселые, какими были в юности и сам Иоанн Скиталец, и его друг Иоанн-большой.

Теперь же седой и умудренный опытом человек стоял у моста и смотрел на медленно текущие воды Сены. Иоанн уже намеревался ступить на мост и приготовил монетку, которую надо заплатить стражникам. В это время его внимание привлек мальчик лет восьми-девяти. У него на плече сидела крохотная обезьянка, а лохмотья едва прикрывали его худенькое тело. Стражник преградил мальчику путь. Но мальчик весело улыбнулся и что-то сказал своей маленькой обезьянке. Та ловко соскочила с его плеча и несколько раз забавно перекувырнулась. Стражник засмеялся.

— Ну, проходи. Король разрешил нам пропускать жонглёров — бродячих артистов, если они заплатят «обезьяньей монеткой» — каким-нибудь обезьяньим фокусом. А твоя подружка ловко это делает.

«Так это маленький жонглер,— подумал Иоанн. — Наверное, сирота». Ему стало жалко мальчика, напомнившего его собственное бесприютное детство.

Заплатив стражнику монету за переход моста, Иоанн догнал жонглера. Они познакомились. Маленького жонглера звали Жюль. Вскоре Иоанну удалось открыть свою школу, а Жюль стал его приемным сыном и лучшим учеником. С ним отогревалось сердце старого учителя. Любимой темой их разговоров была философия, но они говорили не только о ней. Иоанн и Жюль поведали друг другу о своей жизни. А когда Жюль был в особенно веселом настроении, он начинал рассказывать своему учителю ф а б л и о́ — короткие басни, которые сочиняли горожане. В фаблио высмеивались монахи и священники, рыцари и богатеи. Умный крестьянин или подмастерье не раз оставляли их в дураках.

Слушая полные юмора рассказы Жюля, Иоанн нередко размышлял о том, что ведь вольномыслие Абеляра и свободолюбивая поэзия вагантов, ироничные фаблио и искусство жонглеров — разные стороны одного и того же нового явления: городской культуры.

Жизнь бродячих философов, вагантов, жонглеров, безымянных сочинителей дерзких фаблио во многом сходна — все они гонимые скитальцы и бедняки. И главные их враги — католическая церковь и феодалы.

Возвращение на родину. Иоанн Скиталец выполнил заветы своей юности. Он передавал ученикам то, чему учили его Абеляр и Арнольд Брешианский. Иоанн наставлял их не только в философии, но и в борьбе против несправедливости. Церковь потребовала закрыть его школу в Париже.

После новых, на сей раз недолгих скитаний Иоанн и Жюль оказались в Англии, на родине старого философа. Здесь Иоанн продолжал проповедовать взгляды Абеляра. Много вольнодумцев и бунтарей воспитала его школа. А когда Иоанн умер, дело его продолжил Жюль: некоторое время он преподавал в школе, созданной Иоанном, затем, когда в Париже был основан университет, вернулся в этот город. Покидая Англию, Жюль увез с собой и рукопись Абеляра «История моих бедствий», которую Иоанн завещал беречь как зеницу ока.

Последний вагант. Рукопись Абеляра не пропала. Через три с половиной века она оказалась в руках у «последнего ваганта» — Франсуа́ Вийо́на.

Вийон родился в 1431 г., в год сожжения на костре героини французского народа Жанны д'Арк. В юности он слушал лекции в Сорбонне и получил степень магистра искусств. Однако его призванием была не наука, а поэзия. Как и ваганты прежних времен, Вийон был бродягой, вечным скитальцем, но в отличие от них писал не на латинском, а на французском языке. В остальном же он был наследником их свободомыслия, вольнолюбия, сочувствовал бедным и обездоленным, ненавидел господ, презирал их за лицемерие и жестокость.

Насмешник Франсуа Вийон жил в нищете и часто голодал. Об этом он не без юмора сообщает в своих стихах:

Стихи мои, неситесь вскачь,
Как если б волки сзади,
И растолкуйте, бога ради,
Что без гроша сижу, хоть плачь!

Он несколько раз попадал в заключение, был не в ладу с церковью, правосудием и властями, приговаривался к казни, но избежал ее. В своей стихотворной исповеди он говорит:

От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом.
Чужбина мне — страна моя родная...
Глухой меня услышит и поймет.
И для меня полыни горше мед.
Но как понять, где правда, где причуда?
И сколько истин? Потерял им счет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.
Не знаю, что длиннее — час иль год,
Ручей иль море переходят вброд?
Из рая я уйду, в аду побуду.
Отчаянье мне веру придает.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Поэзия Вийона насыщена трагическими противоречиями его времени и глубоко человечна. Стихи Вийона вобрали в себя страдания обездоленных, бунтарские настроения, но в то же время в них звучит вера в будущее, горячая любовь к жизни.

В тридцать с небольшим лет поэт был изгнан из Парижа, после чего следы «последнего ваганта» теряются.

...Прошло более пяти веков, как ушел по дороге жизни в неизвестную даль «последний вагант», но и сегодня его стихи читают и любят наши современники. Поэзия вагантов продолжает жить как прекрасная и вечно живая страница человеческой культуры.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

В Париж на учебу. Ранним сентябрьским утром 1276 г. по дороге из Орлеана в Париж двигался вооруженный купеческий караван, а с ним группа студентов, спешащих к началу занятий в прославленный Парижский университет.

Среди веселых молодых людей выделялся мальчик лет двенадцати Жан де Вилье́, сын обедневшего рыцаря из Монлери́, небольшого местечка на пути из Орлеана в Париж. Пьер, один из

братьев Жана, уже несколько лет жил и учился в Париже. Отец упросил проезжего купца отвезти и Жана к брату.

Жан умел читать по-латыни и немного знал грамматику: в Монлери он посещал школу при церковном соборе. Его первой учебной книгой была псалтырь, а первым учителем — певчий. Церковные песнопения — псалмы — ученики должны были не только читать и заучивать наизусть, но и распевать в церковном хоре во время богослужения.

Подобные школы начального обучения назывались «малыми школами» и существовали не только в городах, но и в некоторых деревнях. Вызубрив псалтырь, дети продолжали учить азбуку, читать отрывки из библии и других церковных книг. Так как служба в церкви велась на латинском языке и все церковные книги были написаны на латыни, детей учили понимать этот язык. Успешно окончившие школу могли продолжать учение в одном из университетов.

В долгие зимние вечера, когда семья Жана собиралась у пылающего очага, отец читал вслух редкие письма Пьера. В них он подробно рассказывал о своей жизни в Париже и учебе в университете. В воображении Жана загадочное слово «университет» вызывало представление о громадном здании, подобном собору, о профессоре в мантии и берете, проповедующем с кафедры. И Жан очень хотел увидеть Париж, о котором в песнях бродячих певцов говорилось, что это «рай на земле, роза мира и благоухание вселенной». Он мечтал об университете, который принес Парижу славу «новых Афин».

И вот мечта Жана сбывается: он едет в Париж! Среди студентов, спутников Жана, были такие же, как он, недавние школяры и бывалые студенты, которые слушали лекции уже не в одном университете Европы. Каждый делился своими впечатлениями.

— Самый лучший университет в Европе — Болонский, — горячо убеждал юноша-итальянец. — Нигде так детально не изучают римское право. В Болонье юридическая школа возникла еще в XI в. Короли и римские папы покровительствуют Болонскому университету, пользуются советами болонских юристов в своей борьбе с феодалами и непокорными городами. Ведь в римских законах говорится: «Государь выше законов... что угодно государю, то составляет закон». И вот университет получает особые права — привиле́гии, помощь деньгами, поддержку в спорах с городскими властями. В Болонье живут и учатся тысячи студентов из разных городов Европы. У некоторых знаменитых профессоров так много слушателей, что они вынуждены читать лекции на площадях города.

Итальянцу возразил немолодой уже человек, в одежде медика:

— Конечно, изучение юридических наук приносит человеку почести и должности. Недаром говорят, что перед юристами открываются двери дворцов. Но и бедняку, и королю, и вам, юристам, — всем нужен врач. Много лет изучаю я медицину. Бывал и в Испании, в знаменитом университете города Саламанки, учился у прославленных докторов университета французского города Монпелье. Но нет школы лучше и известней, чем итальянская медицинская школа в Сале́рно. Недаром только ей даровано королями право присваивать звание врача. Восемь лет учится будущий врач в Салернской школе, а затем целый год проходит обязательную практику.

В спор вступил юноша-англичанин.

— А я утверждаю, что нет университета лучше, чем Оксфордский в Англии. Где полнее, чем там, преподают математику, астрономию и физику?

— Мы напрасно спорим, — примирительно сказал молодой француз. — Каждый университет имеет знаменитых

в своей области науки профессоров, к которым стекаются многочисленные ученики, и прославленные факультеты. Если в Салерно это медицинский, то в Париже — известный всей Европе богословский факультет. Он готовит верных служителей церкви. Сам папа покровительствует Парижскому университету, посылает туда преподавать своих преданных слуг. Окончившие этот факультет богословы разъезжаются по разным странам. Глядишь — и вчерашний студент уже занимает место епископа.

— Но ведь,— вступил в разговор самый старший из студентов,— Парижский университет известен и другими факультетами. Он прославил не только Париж, но и всю Францию. Недаром существует поговорка: «В Италии — папство, в Германии — империя, во Франции — университет».

Путешественники приближались к Парижу. Лесистая дорога петляла по холму. Перед ними открылась панорама большого города, опоясанного высокой каменной стеной. Рукава реки Сены образовали группу островов; на самом большом — Сите́ — высилась громада собора Парижской Богоматери, виднелись здания королевского дворца. Мосты, застроенные домами, соединяли Сите с правым и левым берегами Сены.

Миновав городские ворота, путники стали спускаться по длинной и прямой улице Сен-Жак к Сене. Знакомый купец подвез Жана к дому, где жил его брат Пьер.

Что такое университет и как он возник. Отдохнув после долгой дороги, Жан отправился записываться в университет. Брат привел его на улицу Соломы, и учитель, получив вступительный денежный взнос, внес имя Жана в списки студентов. С недоумением рассматривал Жан небольшую комнату, в которой, кроме кафедры, не было никакой мебели.

— Это и есть университет?

Пьер засмеялся.

— Парижский университет — это союз преподавателей и студентов. А их очень много: около семи тысяч. Кроме того, в университет входят все, кто обслуживает его: книготорговцы, переписчики рукописей, изготовители пергамена, перьев, чернильного порошка, аптекари, трактирщики и даже ростовщики, ссужающие деньгами школяров и преподавателей. В университете преподаватели и студенты имеют свои отдельные организации. Преподаватели объединяются в факультеты: богословский, юридический, медицинский, артистический или философский. Членами факультета могут быть только те, кто имеет ученые степени доктора или магистра. Они выбирают старейшего из преподавателей деканом, и он возглавляет факультет.

Студенты приезжают из разных стран и городов. Выходцы из одних мест объединяются в землячества.

Для проведения занятий университет не имеет единого помещения. Да и трудно было бы найти такое, которое вместило бы всех обучащихся. Преподаватели проводят занятия или у себя дома, или в студенческих общежитиях, или в специально снятых для занятий домах. Таких домов больше всего на улице Соломы. Она и называется так, потому что обычно преподаватель занимает кафедру, а студенты сидят на полу, подложив солому. Когда особенно много слушателей, учитель читает лекцию из окна дома, а ученики размещаются на соломе прямо на улице.

— А когда и почему возник Парижский университет?

— Очень давно, еще в XII в. при соборе Парижской Богоматери была епископальная школа. Город рос и все больше нуждался в образованных людях: медиках, юристах, учителях. Епископская школа не могла охватить всех желающих учиться. Открываются но-

вые (платные) школы. Слава о парижских школах разносится далеко, и в Париж устремляются все новые учителя и школяры.

Нелегко им было жить в чужом городе. Между ними и горожанами постоянно возникали конфликты из-за быстро растущих цен на продовольствие и платы за квартиру. Часто между студентами и горожанами возникали драки. Горожане жаловались королю и городским властям. Для защиты своих прав магистры и школяры объединились в единый союз и образовали Парижский университет.

После ряда конфликтов, когда преподаватели угрожали прекращением занятий и отъездом из Парижа, университет получил от короля и от папы свои привилегии. Самая главная из них — независимость от светских властей. Она была дарована университету в 1200 г. Эта дата считается днем рождения Парижского университета. Магистры и студенты приобрели с этого времени право иметь свой суд, печать и подчиняться своим правилам-статутам, утвержденным на общем собрании университета. Они сами стали избирать лиц, управляющих университетом. Преподаватели и студенты освободились от воинской повинности и от ночной сторожевой службы в городе, от дорожных пошлин. Они платили за жилье меньше, чем другие приезжие.

— А какие права дал университету папа?

— Он ограничил вмешательство епископа в дела университета и запретил наказывать провинившихся студентов без его ведома. Папа разрешил магистрам прекращать занятия в случае нарушения независимости университета и его прав.

Сходным образом возникли и добились своей независимости другие европейские университеты.

Как и чему учили в университете. Прошло несколько дней, и в начале октября Жан начал посещать занятия на артистическом факультете, который считался подготовительным, дававшим учащимся знания основ наук. Только окончившие его могли совершенствоваться дальше на богословском, медицинском или юридическом факультете.

На артистическом факультете учились 6 лет. Тот, кто хотел продолжить свое образование на одном из «высших» факультетов, должен был учиться еще 5 или 6 лет, если он шел на медицинский или юридический факультет, и 15 лет, если он избирал богословие. Многие из поступивших в университет его не кончали. Слишком долог был срок учения и велика его цена: нужно было платить за обучение, тратиться на подарки и угощения по случаю экзаменов, покупать книги и письменные принадлежности, жить долгие годы без семьи, вдали от родных и близких.

Жан узнал, что артистический факультет именуется так потому, что его программа включает семь свободных «искусств» (от лат. «артес» — искусства). Так назывались основные предметы, которые изучались еще в римской школе: грамматика, риторика и диалектика, арифметика и геометрия, музыка и астрономия.

В рукописных книгах и на витражах соборов грамматика, с которой начиналось университетское обучение, изображалась в виде величественной женщины с ключом в одной руке и с латинской азбукой — в другой. Это означало, что грамматика — ключ к познанию всех остальных предметов. Риторика учила искусству красноречия. Преподаватели риторики также учили умению писать письма и составлять деловые документы. Обучая диалектике, профессора вырабатывали умение защищать свое мнение и опровергать чужие, учили искусству спора (диспута).

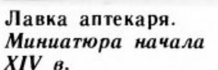
Арифметика знакомила со счетом, геометрия — с методами (приемами)

измерения зданий, земельных площадей. В геометрию входила и география. Астрономия объясняла движение небесных светил.

Обучение было устным. Письменных заданий не давали. Чтобы облегчить студентам запоминание, использовали специальные приемы, например грамматическим правилам придавали стихотворную форму. Кроме слушания лекций («чтений»), учащиеся должны были принимать участие в диспутах. Обычно преподаватель перед диспутом давал студентам какую-нибудь тему для обсуждения. На диспуте высказывались доводы за и против высказанного мнения. Они черпались из старых книг. Побеждал тот, кто мог привести больше цитат, выдержек из сочинений признанных авторов, подкрепляя ими свое мнение. Такая наука, которая опиралась не на опыт изучения природы и жизненные наблюдения над отношениями людей, а на авторитеты, называлась *схола́стикой* (т. е. школьной наукой, от лат. «схола» — школа).

Посвящение в студенты. Никогда не забудет Жан первый день занятий. На кафедре важно восседал магистр Гийом в мантии с широким белым воротником и в берете. Перед ним лежала большая открытая книга. В тесной комнате было много народу. Незаметно





Лавка аптекаря. ***Миниатюра начала XIV в.***



На приеме у врача. ***Миниатюра XIV в.***

Жан приглядывался к окружающим. Здесь были мальчики чуть не 10 лет и взрослые юноши, выходцы из разных сословий, богато и бедно одетые, французы и иноземцы. Своей темной одеждой и прической с выбритыми на макушке волосами выделялись лица духовного звания.

— Прежде чем начать курс, — обратился к присутствующим магистр, — я по существующим правилам должен принять от вас присягу быть преданными университету, защищать его независимость и подчиняться его правилам. Встаньте и повторяйте за мной.

С волнением произносил Жан вместе с остальными слова клятвы.



Врачи ставят диагноз у постели больного. ***Миниатюра начала XIV в.***



Извлечение копья и стрелы из грудной клетки. ***Миниатюра XIV в.*** **В средние века врачи умели производить довольно сложные операции, особенно при лечении ран, полученных холодным оружием.**

— Напоминаю вам,— в заключение сказал магистр,— что слово «студенты» по-латыни означает «занимающиеся». И успеха добьется тот, кто все свое время будет отдавать учению, а не шататься по улицам с праздной компанией гуляк.

Не знал Жан, что в тот же день нарушит наставления учителя. Не успели новички после лекции выйти на улицу, как их окружила шумная толпа студентов. Каждому из новеньких нацепили на голову рога какого-нибудь животного — козла, барана, коровы — и с озорными шутками повели по городу. И лишь вдоволь нагулявшись и насмеявшись, торжественно сняли рога — символ глупости. Так завершалось вступление в ряды студентов. Праздник закончился угощением, и еще долго бродили студенты по улицам города, тревожа спящих горожан криками и пением.

Потекли дни учебы... Жан быстро освоился со своей новой жизнью. Утром он спешил на занятия и слушал магистра Гийома, который читал вслух отрывки из книг по грамматике и объяснял непонятные места. Некоторые студенты приносили с собой книги и следили по тексту за магистром, делая пометы между строк или на полях.

Пьер отвел Жана в специальный магазин — а р х и́ в, где можно было за небольшую плату взять на дом для переписки нужную книгу. Чтобы ее могли одновременно переписывать несколько студентов, книга делилась на части — тетради. Переписав одну часть, студент приносил ее и брал другую...

Как и другие студенты, Пьер и Жан стремились быть в курсе всех общественных и научных событий университета. Они посещали диспуты, вслушиваясь в доводы профессоров. Особое внимание студентов привлекали суждения против надоевших богословских «истин». Свободомыслием отличались тогда немногие магистры, их имена были широко известны. Таким был прославленный Пьер Абеляр. А теперь и магистр Сиге́р Браба́нтский...

«Черные братья» и магистр Сигер. Близилось рождество, перед которым обычно созывали большое собрание артистического факультета. Незадолго до собрания к Пьеру пришли его товарищи. Они долго обсуждали факультетские новости.

— «Черные братья» опять что-то затеяли против магистра Сигера. Они шныряют повсюду, подслушивают студенческие разговоры, стараются раздобыть записи лекций магистра.

— Нам надо защитить магистра Сигера. Ведь многие члены факультета на его стороне.

— Это нелегко сделать. Вспомните, как было шесть лет назад. Тогда сторонники Сигера хотели сделать его ректором. Три года продолжалась борьба. Но вмешался папа, он пригрозил отлучить от церкви и закрыть университет и добился отстранения магистра Сигера. После этого преподавать ему стало совсем трудно. «Черные братья» преследуют Сигера буквально по пятам.

После ухода товарищей Жан спросил Пьера:

— А кто такие «Черные братья»?

— Так называют некоторых монахов за черные плащи с капюшонами, которые они носят. Сами же они называют себя проповедниками и псами господними, защищающими христианскую веру.

— А как они оказались в университете?

— Церковь и ее главу — папу давно тревожит свободомыслие многих студентов и магистров Парижского университета. Начиная с Абеляра, многие из них были осуждены церковными соборами, а их труды запрещены. Поэтому папа и направил в университет монахов. Он поручил им преследовать свободомыслящих и добиваться проведения в жизнь папских решений.

— Почему же университет допустил «Черных братьев» к преподаванию?

— Это произошло не сразу: университет в течение долгих лет боролся за изгнание монахов с университетских кафедр. Но с папой римским ему справиться не удалось.

— А за что «Черные братья» преследуют магистра Сигера?

— За то, что он в своих лекциях вслед за некоторыми греческими и арабскими учеными утверждает, что мир вечен. А ведь это противоречит учению церкви о том, что Вселенную и человека создал бог. В 1270 г. «Черные братья» добились осуждения учения Сигера. А сейчас они опять что-то готовят против него.

Предчувствия Пьера и его товарищей оправдались: вскоре Сигеру было запрещено преподавать. А затем парижский епископ по приказу папы собрал совет богословов. Сигер был предан суду и н к в и з и́ ц и и. Узнав об этом, ученый уехал в Италию, чтобы защищать перед папой свое учение, но был там посажен в тюрьму, где вскоре погиб. Предполагают, что он был отравлен по приказу папы. Но свободомыслие в Парижском университете пробивало себе дорогу, несмотря на гонения со стороны церкви и властей.

Жизнь студента. Нелегко бедному студенту. В доме, где он живет постояльцем, на него смотрят как на слугу: посылают за мясом на базар, за водой к колодцу, а если он медлителен, то получает подзатыльники. По окончании лекций он сам должен позаботиться о своем пропитании. Если ему удается раздобыть несколько луковиц и немного черствого хлеба, он возвращается домой радостный и устраивает с товарищами «великолепный обед». Но это бывает не каждый день. Студент вечно голоден.

Магистр часто наказывает его: бьет линейкой по рукам и розгами по спине. После лекций он повторяет урок, заучивая наизусть длинные куски латинского текста. От усталости и постоянного недосыпания он часто засыпает на занятиях и пробуждается от удара линейкой. Вернувшись вечером домой, он приносит дрова для очага, получая новую порцию ударов. Затем бьет в колокол, созывая всех к ужину, который чаще всего съедают без него. Наконец он засыпает в своем углу, дрожа зимой от холода, так как хозяин дома, экономя дрова, не разрешает разжигать камин. А утром все снова повторяется. И так из года в год...

Из письма родителям:

«Своим дорогим родителям рыцарю де Вилье́ и его супруге посылаем привет и сыновнее послушание. Настоящим уведомляем Вас, что мы проживаем в добром здравии и усердно посвящаем себя занятиям. Мы снимаем хорошую комнату неподалеку от школы, так что можем каждый день ходить на занятия, почти не замочив ног. У нас есть добрые товарищи, которые живут вместе с нами, а также в Сорбонне. (Так сначала называлось старейшее общежитие для студентов Парижского университета. Позднее так стали называть сам университет.— *Авт.*) Они усердны в изучении науки и отличаются превосходным поведением. Поскольку успехи в науках зависят от материального благополучия, мы просим прислать нам денег — столько, сколько требуется для покупки пергамена, чернил, досок и других вещей, в которых мы нуждаемся, чтобы мы не страдали от недостаточной помощи, но с успехом завершили занятия и со славой возвратились домой.

Ваши сыновья Пьер и Жан».

* * *

Прошло много лет. Новые поколения учащихся пришли на смену Жану, Пьеру и их товарищам. Меньше стало на дорогах Европы бродячих школяров и студентов. И не потому, что ис-

сякла тяга к знаниям. А потому, что университетов стало значительно больше: к концу XV в. в Европе насчитывалось 79 университетов. Например, юношам из Польши и Чехии не нужно было ехать на учение в далекий Париж. Возникшие в XIV в. Краковский и Пражский университеты стали крупными центрами национальной культуры, привлекавшими многочисленное студенчество наравне со старинными университетами Европы.

ТЕАТР В СРЕДНИЕ ВЕКА

В 476 г. пал великий Рим. Его многоколонные беломраморные храмы и театры лежали в развалинах. В огне погибли рукописи античных трагедий и комедий. Высокообразованные актеры остались без дела...

Сокровища античного театра не сразу открылись средневековым людям: настоящее театральное искусство было так прочно забыто, оставило о себе столь неясные представления, что трагедией, например, стали называть стихотворение с хорошим началом и плохим концом, а комедией — с грустным началом и с хорошим концом. В раннее средневековье люди полагали, что найденные ими древние пьесы исполнялись одним человеком.

Конечно, наследие античной культуры отчасти сохранялось. Но язык образованных людей — латинский — не был понятен завоевателям-варварам. На культуру Европы теперь все большее влияние оказывала христианская религия, постепенно овладевавшая чувствами и умами людей. Христианство возникло еще в Древнем Риме среди рабов и бедняков, создавших легенду о спасителе людей Иисусе Христе. Люди верили, что он еще раз вернется на землю и будет судить их «Страшным судом».




Дуэт. *С миниатюры XIV в.*





Флейтист и жонглер. *С миниатюры XII в.*

Музыкант играет на виоле. *С латинского манускрипта начала XIV в.*

Волынщик. *С миниатюры.*

А пока верующим следовало покоряться тем, у кого была земная власть... Жизнь средневекового человека была нелегкой. Во́йны, чума, холера, оспа, саранча, град, голод косили людей. «Это божье наказание за грехи»,— говорили служители церкви, призывая к покаянию, посту и молитве. Звонили колокола, шли бесконечные церковные службы. Все ждали «Страшного суда» и гибели мира, но время шло, а «Страшный суд» не наступал. Люди хотели радоваться и веселиться, сколько бы церковь ни запрещала «греховные, языческие» зрелища, которые отвлекали верующих от молитвы и подневольного труда.

Какие же зрелища были доступны людям в раннее средневековье? Театра как особого искусства драматического и музыкального представления и специального здания, предназначенного для зрелищ, больше не существовало. Однако в немногих сохранившихся цирках вплоть до VIII в. продолжали выступать ми́мы, акробаты, дрессировщики зверей.

А на деревенских и городских площадях устраивались торжественные устрашающие зрелища — публичные казни. Ими руководили короли, феодалы, церковь. Нередко вели на казнь и еретиков: босые, с бритыми головами, в дурацких колпаках с бубенчиками они несли перед собой горящие свечи. За ними медленно и торжественно выступали священнослужители в траурных одеждах. Мрачно звучало погребальное пение...

Одним из главных зрелищ средневековья было богослужение. На него собирались все обитатели поместья или города. На верующих, особенно бедняков, пришедших в храм из своих тесных и темных жилищ, неотразимо действовали и ослепительный свет паникадил, и яркие, расшитые жемчугом и шелком, золотыми и серебряными нитями одежды священнослужителей, их продуманные движения, красота обряда, мощное многоголосое звучание хора и органа.

Были и другие зрелища — веселые и подчас опасные. Простых людей развлекали подлинно народные артисты — ж о н г л ё р ы. Церковь их преследовала как наследников «языческих» мимов. Жонглерам не разрешалось объединяться в гильдии или цехи, как купцам, ремесленникам и художникам. У них не было никаких прав. Гонимые, отлучаемые от церкви, полуголодные и усталые, но всегда в ярких, веселящих глаз костюмах, бродили они, осторожно обходя монастыри, из деревни в деревню, из города в город. Многие бродячие артисты умели жонглировать ножами, кольцами и яблоками, петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах. Среди них были акробаты, дрессировщики диких зверей, люди, изображавшие повадки, крики и привычки животных. На радость зрителям жонглеры декламировали басни и маленькие веселые рассказы. Среди них были карлики, уродцы, великанши, необыкновенные силачи, рвавшие цепи, канатоходцы, бородатые женщины. Жонглеры водили с собой собак, обезьян в красных юбочках, сурков... Были среди них и кукольники с деревянными куклами, с веселым, неустрашимым Па́нчо — братом нашего Петрушки. Бесстрашные жонглеры в за́мках смеялись над горожанами, а в городах — над феодалами и всегда — над алчными и невежественными монахами.

В 813 г. церковный собор в Туре запретил церковнослужителям смотреть «бесстыдство позорных жонглеров и их непристойные игры». Однако без жонглеров мы не можем представить ни одного города и поместья средневековья. В большие праздники и на свадьбы их созывали в замок сеньора до нескольких сотен!

Некоторые жонглеры оставались постоянно служить в замках. Таких ар-

тистов стали называть менестре́лями, т. е. служителями искусства. Они сочиняли и исполняли под музыку стихи и баллады, развлекая рыцарей и дам.

Под влиянием роскоши восточных правителей, с которой познакомились крестоносцы, все изысканнее становятся жилища и костюмы феодалов, богатых горожан, а зрелища, устраиваемые для них, приобретают особую пышность. Крупные феодалы завели в своих замках дворы наподобие королевских с особым порядком — церемониа́лом.

В рыцарях стали со временем ценить не только их происхождение, боевые заслуги, но и образованность, и придворную обходительность, и изысканную вежливость — «куртуазность». Эти добродетели, которыми обязан был обладать идеальный рыцарь, были на самом деле очень далеки от реальных качеств феодалов.

Придворное общество услаждалось теперь стихами поэтов. Во Франции такого поэта называли трубаду́ром или труве́ром, в Германии — миннези́нгером. Поэты славили любовь к Прекрасной даме — возвышенную и вечную. Своего расцвета поэзия трубадуров достигла в XI—XIII вв. Известны были даже женщины-поэты. Свои стихи и песни они посвящали Прекрасному рыцарю. Сами поэты, особенно знатные дворяне, редко исполняли свои стихи и песни: для этого приглашали жонглеров, которые все чаще выступали рядом с трубадурами. В королевских и рыцарских замках за небольшую плату жонглеры пели, плясали, играли шутливые сценки. Часто они разыгрывали и военные сцены, например о битве за Иерусалим. Во дворце герцога Бургундского эту битву представляли на огромных пиршественных столах!

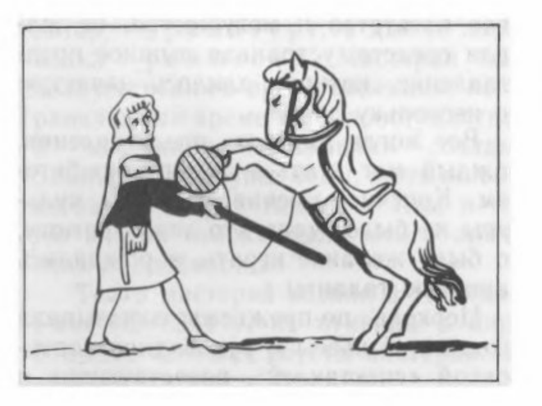
Жонглеры присматривались к народным праздничным играм в деревнях и городах, вслушивались в речь крестьян и горожан, в их поговорки, прибаутки и шутки, многое перенимали для своих ярких, веселых, остроумных зрелищ.

Все чаще и трубадуры стали обращаться в своем творчестве к жизни простого народа. Появлялись короткие музыкальные пьески — дуэ́ты о любви пастуха и пастушки под названием пасторе́лл (пастораль). Они исполня-

Средневековые артисты.









лись в замках и под открытым небом в сопровождении виолы (средневекового музыкального инструмента наподобие виолончели) или скрипки.

А на городских площадях раздавалось пение вагантов — странствующих студентов, недоучившихся школяров, веселых бродяг, извечных противников церкви и феодальных порядков. Собираясь компаниями, ваганты затевали игры и песни. Часто они расплачивались за хлеб и ночлег своими стихами.

Церковь не в силах была искоренить народные зрелища: представления жонглеров, пение вагантов, карнавалы, масленичные игры.

Чем больше запрещала церковь веселье и смех, тем больше народ шутил над церковными и религиозными запретами. Так, после поста, установленного для всех верующих, бывало, горожане представляли шуточные сражения ряженых: Пост в рясе монаха, протягивал тощую селедку, упитанный бюргер (Мясоед, Масленица) держал в руке жирный окорок. В потешных сценах побеждал, конечно, Масленица...

Церковники быстро поняли силу воздействия этих театральных зрелищ на массы и стали создавать свои представления — «действа», наполненные религиозным содержанием. В них наглядно, в лицах, на положительных и отрицательных примерах верующим внушалась необходимость соблюдать заповеди, подчиняться своему господину, церкви и королю.

В храмах разыгрывались поначалу немые (мимические) сцены. Жесты без слов были понятнее народу, чем латинский язык богослужений.

«Действа» становились все многолюднее и богаче. Перед глазами завороженных зрителей проходили, оживая, персонажи Священного писания. Одежды для «артистов» подбирались тут же, в церковной ризнице. Пришло время, и герои этих представлений заговорили на родном языке зрителей.

В таких представлениях, кроме священнослужителей, обычно исполнявших роли бога, богородицы, ангелов, апостолов, участвовали и горожане: они играли отрицательных персонажей — сатану, чертей, царя Ирода, Иуду-предателя и др.

Самодеятельные актеры не понимали, что жест, действие, пауза могут заменить слово. Действуя, они в то же время объясняли каждое свое действие, например: «Вот я положил нож...» Проговаривали артисты свои роли громко, нараспев, с «подвыванием», как священники во время церковной службы. Для изображения разных мест действия — неба, ада, Палестины, Египта, церквей, дворцов — строились в один ряд «домики» разных видов, и исполнители перемещались из одного в другой, по ходу «сценария» объясняя, где они находятся и куда отправляются. Все это зритель воспринимал в полном восторге.

Такие представления требовали большого «сценического» пространства. Их пришлось вынести за пределы церковного здания, на рыночную площадь. Тогда средневековый театр и стал поистине массовым! Весь город сбегался смотреть представления. Приезжали жители и соседних деревень, и дальних городов. Правители городов, стремясь показать друг перед другом свое богатство и могущество, не жалели средств, устраивая пышное представление, которое длилось зачастую по нескольку дней.

Все могли смотреть представления, каждый мог стать и актером-любителем. Конечно, умения не было, культуры не было, мало кто знал грамоту, но было желание играть, и рождались народные таланты.

Церковь по-прежнему заказывала угодные ей пьесы и руководила постановкой «спектаклей», повествующих о

жизни Христа и чудесах, совершенных им и «святыми». Но в эти торжественные представления с обязательными поучениями стали проникать комические трюки. Например, на сцене в «аду» прыгали, кривлялись черти, а дева Мария, пустив в ход кулаки, так обращалась к дьяволу, силой отнимая у него договор грешника, продавшего свою душу: «Вот я намну тебе бока!»

С развитием средневековых городов и торговли во второй период средних веков театр постепенно выходит из-под власти церкви, становясь «светским», мирским (священники и монахи назывались духовными лицами, а люди, живущие «в миру» (дворяне, крестьяне, торговцы),— мирскими). Для светского театра заказывали иные пьесы, авантюрные (приключенческие). В них действовали все те же святые, грешники и черти, но черти уже напоминали ловких и сметливых торговцев, хитрых дельцов, изображаемых актерами-горожанами с явной симпатией.

Самой главной формой средневекового театра еще долго оставались м и с т е р и и — огромные пьесы, игравшиеся от 2 до 25 дней подряд. Случалось, в них было занято более 500 человек. Сохранив сюжеты священного писания, мистерия перешла на жизненное, бытовое их истолкование, в ней уже были штрихи будущей светской драмы. Для создания мистерий требовался особый автор — д р а м а т у р г, а для ее постановки — р е ж и с с é р. Мистерия была величественным представлением, не ограниченным временем и пространством. В мистериях показывали создание Земли, звезд, Луны, воды, всего живого, изгнание из рая Адама и Евы и т. д. Но в этих пьесах было много житейских подробностей.

Театр мистерий возник в Италии, в Риме. С 1264 г. их ставили в цирке Колизее. Сто лет спустя мистерии ставятся в Англии и Франции.

Постановка мистерий требовала огромных затрат, их брали на себя обычно городские цехи и гильдии. Надо было набрать, обучить, одеть в дорогие сценические костюмы десятки и сотни исполнителей, выделить вознаграждение самым талантливым, но неимущим актерам, создать б у т а ф ó р и ю — целый мир вещей на сцене, заменяющий реальный, построить сцену и возвышающиеся над ней ложи, где обычно размещались «рай» с небожителями, «ад» с чертями, музыканты, знатные господа и именитые горожане; выбрать режиссера — распорядителя, способного подготовить неумелых исполнителей, объявить о днях представлений через глашатаев — герольдов.

Задолго до представления глашатаи на перекрестках выкликали объявления о предстоящем представлении. А за несколько дней до спектакля по улицам города проходило театрализованное шествие в костюмах, везли на телегах и колесницах части декораций, «ад», «рай»... Такой показ часто повторяли и перед самим спектаклем: исполнители проходили по городу, прежде чем занять места на площадке. Она была размером 50—100 м, на ней размещались «домики» разнообразной архитектуры, обозначавшие места событий, разные города, как и в церковных действах. Представления обычно начинались в 7—9 ч утра. В 11—12 ч делали перерыв на обед и потом играли до 6 ч вечера. Все население города сходилось на площадь. Некоторые спектакли запрещалось смотреть детям до 12 лет и больным старцам. Но ведь спектакль шел на площади, окруженной домами, церквами, балконами, и кто углядит за ребятишками...

В дни спектакля прекращалась всякая работа. Торговали только съестными припасами. Дворы домов, а в некоторых местах и городские ворота запирали, выставляли дополнительные караулы во избежание грабежей и по-

жаров. Даже часы церковных служб изменяли, чтобы церковь и театр не мешали друг другу. Представления отвлекали население от обычных занятий, поэтому их ставили раз в год на большие христианские праздники — рождество или пасху. В маленьких городах мистерии игрались раз в несколько лет.

За посещение спектакля на площади взималась небольшая плата. «Сидячие» места стоили дорого и доставались богачам.

Площадка для игры воздвигалась на корзинах с землей или на бочках. Она была круглой, как цирковая арена, и зрители могли сидеть вокруг. Но обычно за спиной артистов помещались ложи, а простая публика стояла полукругом. Средневековый зритель не роптал: он не привык к удобствам, было бы только увлекательное зрелище...

Артисты играли «исторические» пьесы не в исторических костюмах, а в тех, которые носили в их время и в их стране. Чтобы героев пьес легче было узнавать по одежде, для постоянно действующих персонажей установили раз и навсегда определенный цвет костюмов. Так, Иуда, предавший, согласно легенде, своего учителя Христа, должен был носить желтый плащ — цвета измены. Исполнителей различали и по вручаемому им предмету — символу занятий: короля — по скипетру, пастуха — по посоху (палке). Жесты актеров, их мимику зрители видели плохо, а слова едва слышали на далеком расстоянии. Поэтому актерам приходилось громко кричать и говорить нараспев. Они преклоняли колени, воздевали кверху и заламывали руки, падали на землю и катались по ней, сотрясались от рыданий, утирали слезы, роняли «от страха» наземь чашу или скипетр. Немудрено, что от актеров требовались прежде всего сильный голос и выносливость: порой приходилось играть одну пьесу подряд 20 дней.

Тем не менее исполнители мистерии увлеченно играли, особенно не усложняя характеры своих героев. Так, злодей всегда был только злодеем, он рычал, скалил зубы, убивал — злодействовал и не изменялся на протяжении всего спектакля.

С появлением мистерии изменилось положение актеров. Конечно, их ремесло по-прежнему не считалось почетным, но мистерию ценили несравненно выше представлений жонглеров или актеров-кукольников.

Заглянем теперь на рыночную площадь средневекового города, окруженную островерхими узкими зданиями. Подмостки сцены полны неуклюже двигающихся людей. Они одеты в яркие костюмы из парчи, бархата, атласа (в богатых городах даже сценических нищих одевали в атласные лохмотья). Блещет золото корон, скипетров, посуды, поражают фантастические костюмы чертей, адская пасть огромного чудовища. Палач в красном колпаке, ангелы и святые в белоснежных одеяниях окружены картонными облаками.

Собравшаяся толпа людей всех званий и сословий в праздничных пестрых одеждах, волнуясь, ждет начала спектакля как праздника...

А теперь представим себе вместо сцены под открытым небом более скромное сооружение типа крытой двухэтажной телеги — английского фургона. Внизу артисты переодеваются для представления, а на верхней площадке они разыгрывают отдельные сцены, потом, медленно передвигаясь по городу, повторяют их.

В XIII в., когда на площадях европейских городов самодеятельные актеры продолжали еще ставить громоздкие мистерии из «священной истории», уже родились светские, настоящие профессиональные пьесы. Во время представления мистерий в перерывах между действиями разыгрывали веселые короткие сценки, вовсе не связанные

с содержанием мистерий. Их называли фа́рсами (от нем. «фарш» — начинка). Постепенно короткие вставные номера объединялись вместе и получались связные веселые пьесы. За ними так и сохранилось название «фарс». Нередко горожанин — автор фарса высмеивал жадное духовенство, «невежественных дураков», крестьян, мешавших успешной торговле, тщеславных рыцарей, изображая их разбойниками с большой дороги. А подчас темой фарса была жизнь собственного города, его персонажами — соседи и семья автора.

Для народа, который всегда боролся за свои права, шутить означало обличать, говорить правду, протестовать. Этим объясняется расцвет с XIII в. искусства фарса — доступного, активно вмешивающегося в жизнь и вместе с тем нравоучительного.

Лишь позднее, в конце средних веков театр стал профессиональным: над пьесами начали работать писатели, а ставить — профессиональные актеры и режиссеры, которые получали за свой труд плату, которой уже было достаточно, чтобы прокормить их семьи.

Театр, о котором мы вам рассказали, вырос из народных зрелищ. Он был массовый, доступный, увлекательный и заставлял зрителей думать о главных вопросах своего времени.

УЧЕНЫЕ БЕСЕДЫ В ГОРОДЕ ЛЕЙПЦИГЕ

— Черт бы побрал почтенных жителей славного города Лейпцига! Как рано они ложатся спать! — в сердцах воскликнул студент Филипп Розенкранц, оступившись в темноте и угодив ногой прямо в сточную канаву.

Вечер был ноябрьский, сырой и безлунный. В окнах не светилось ни одного огонька. Розенкранц лишь сегодня приехал в Лейпциг, ни с кем еще не был знаком и решительно не знал, где ему переночевать. Вдруг он услышал шаги, шлепающие по грязи ему навстречу. Розенкранц остановился. «Может быть, судьба погнала этого человека из дому в такой час и в такую погоду, чтобы он помог мне отыскать ночлег?» — подумал студент и стал ждать.

Шаги, уже совсем близкие, смолкли, и вдруг, прямо перед Розенкранцем во тьме возник узкий, ярко освещенный прямоугольник — это открылась дверь. Оттуда потянуло табачным дымом и жареной колбасой. «Мне повезло,— подумал Розенкранц.— Это несомненно кабачок». Он придержал дверь и вошел следом за человеком, открывшим ее. Человек этот — толстый пожилой горожанин, одетый в долгополый кафтан темно-синего цвета — подозрительно посмотрел на Розенкранца и торопливыми шагами направился в дальний угол кабачка, где за столом, уставленным глиняными пивными кружками, сидела веселая компания студентов.

— Кристофер Вагнер,— сказал горожанин, свирепо уставясь на маленького смуглого студента в черном бархатном берете.— Я потерял тысячу гульденов из-за того, что поверил в твою мнимую ученость. Ты не ученый, ты — шарлатан!

Вагнер вскочил так стремительно, что тяжелый дубовый табурет, на котором он сидел, с грохотом отлетел к стене.

— Как вы смеете, господин Паульман,— закричал он,— называть шарлатаном меня, ученика знаменитого доктора Фауста?!

Студенты загалдели. Тут же на шум прибежал хозяин погребка Ауэрбах.

— Успокойтесь, господа студенты,— закричал он.— Опять вы затеваете ссору! Что случилось?

Горожанин тяжело опустился на скамью.

— Этот негодяй Вагнер,— сказал он,— совершенно разорил меня. Вы только послушайте, любезный господин Ауэрбах! У меня умер брат и оставил мне в наследство тысячу гульденов. Я, разумеется, стал думать, как бы повыгоднее употребить эти деньги. Тут, в недобрый час, подвернулся мне этот Кристофер Вагнер. «Господин Паульман,— сказал он.— Хотите, я составлю ваш гороскоп и по расположению светил узнаю, в каком деле вы особенно преуспеете? Только скажите, когда вы родились, и как можно точнее». Моя покойная матушка всегда говорила, что родила меня в 1478 году, в Троицын день между полуднем и закатом. Вагнер это записал и через неделю принес мне вот эту бессмысленную и лживую бумажку! — господин Паульман бросил на стол лист бумаги, на котором была начертана какая-то фигура, испещренная причудливыми значками.

Вагнер перехватил лист и бережно расправил его на столе.

— Вы беретесь судить о вещах, господин Паульман,— сказал он надменно,— в которых ничего не смыслите. Этот гороскоп составлен по всем правилам благородного искусства астрологии. Я объясню вам эти правила — не для того, чтобы просветить ваше невежество, это бесполезно, а для того, чтобы вы поняли, сколько знаний и труда вложил я в этот гороскоп, и устыдились своей неприличной брани.

Гороскоп составляется так. Я начертил два квадрата, один внутри другого, в меньшем написал ваше имя, а больший разделил на двенадцать равных треугольников — их называют *домами*. Затем я вычислил расположение светил в момент вашего рождения, господин Паульман. Мы, астрологи, изучаем законы движения светил вокруг Земли и можем вычислить их расположение в любой день и час любого года. Жаль только,— продолжал Вагнер задумчиво,— что нельзя хорошенько рассмотреть каждую звезду в отдельности, ведь они так далеко, что кажутся нам блестящими точками.

— Когда-нибудь рассмотрим! — воскликнул один из студентов.— Старинный английский ученый Роджер Бекон еще в XIII веке говорил, что прозрачные тела можно обработать таким образом, что сквозь них самые отдаленные предметы покажутся близкими. И, действительно, вскоре люди придумали очки. И еще появится человек, который сделает такие сильные очки, что они приблизят к нам звезды.

— Ах, скорее бы такой человек появился! — вздохнул Вагнер и продолжал свой рассказ.— Я разделил полученное изображение небесной сферы на двенадцать равных частей, соответственно двенадцати *домам* гороскопа и расписал знаки светил по *домам*. Гороскоп был составлен, оставалось его только истолковать. Первый *дом* называется *домом рождения*; сочетание светил в первом *доме* господина Паульмана указывает, что он доживет до весьма преклонных лет.

— Я уже до них дожил,— перебил Паульман.— И вовсе не надо быть ученым астрологом, чтобы сообщить мне об этом. Гораздо интереснее для меня оказались планеты в девятом и десятом *домах*, якобы ведающих торговлей и путешествиями. Они пообещали мне необыкновенный успех и в том и в другом. Я имел глупость им поверить, на всю тысячу гульденов, оставленную мне в наследство, накупил товаров для торговли с заморскими странами и снарядил корабль. И что же? Едва корабль вышел в море, как на него напали пираты, товары разграбили, а корабль потопили. Я потерял большие деньги, а виноват в этом ты, Кристофер Вагнер!

— Вы ошибаетесь, почтенный человек,— вмешался молчавший до сих пор Розенкранц.— Виноват не Кристофер Вагнер, а вы сами.

— Я?! — Паульман выпучил глаза.

— Конечно вы. Вспомните, вы сказали, что родились между полуднем и закатом. Это не точное время, а приблизительное. Естественно, что и гороскоп вышел только приблизительным.

— Приблизительным?! — в ярости закричал Паульман.— Да он лжив от первого до последнего слова!

— Вовсе нет. Ведь вы выгодно приобрели товары — так?

— Так,— неуверенно ответил Паульман.

— Удачно снарядили корабль?

— Да.

— Вот видите!

— Всегда вы сумеете придумать отговорку! — Паульман плюнул и ушел, сердито хлопнув дверью.

— Благодарю тебя, незнакомец! — торжественно сказал Вагнер и крепко пожал Розенкранцу руку.— Ты понимаешь всю тонкость и сложность благородного искусства астрологии! Садись и пей вместе с нами.

Студенты потеснились за столом и дали место Розенкранцу. Через минуту они шумели и смеялись, совершенно забыв про неудавшийся гороскоп и незадачливого господина Паульмана.

Время шло к полуночи, пора было подумать и о ночлеге. Розенкранц оглядел студентов.

— Друзья мои,— сказал он весело.— Я здесь чужой и мне негде переночевать!

— Ну так пойдем ко мне,— мгновенно откликнулся Вагнер.— Я живу в доме доктора Фауста, моего учителя.

Они распрощались со студентами и вышли. По дороге Вагнер спросил Розенкранца, где тот учился.

— О, я много где учился! В Кенигсберге, в Париже, в Кракове.

— Так ты, наверное, ученейший человек! — восхитился Вагнер.

Розенкранц кивнул.

— Я хорошо знаю астрономию, химию и медицину, и очень хорошо математику,— сказал он.

— А мне математика давалась с трудом,— вздохнул Вагнер.— Монах Беда Достопочтенный, который жил в VIII веке и написал замечательный трактат «О счислении», как-то сказал: «В мире есть много трудных вещей, но нет ничего труднее, чем четыре действия арифметики». И я с ним совершенно согласен. А ведь ему было легче, чем нам. В то время не было необходимости в особо тонких расчетах, потому что еще не были изобретены многие сложные механизмы, такие, как молот, приводимый в движение водяным колесом, или новый ткацкий станок.

— Ну нет,— возразил Розенкранц,— достопочтенному монаху было куда труднее, чем нам. Ведь в его время арабские цифры в Европе еще не были известны и пользовались только римскими. А это очень неудобно. Например, чтобы написать *двадцать тысяч*, нужно было двадцать раз повторить знак *тысячи*. А если эти двадцать тысяч нужно умножить на что-нибудь, тоже состоящее из двадцати знаков? Нет, нам гораздо легче! Арабскими цифрами, с помощью нуля — вот замечательная цифра! — можно легко и просто написать самое большое число.

У входа в большой темный дом Вагнер остановился. Он достал из кармана ключ, отпер массивную дверь, осторожно прикрыл ее и шепнул Розенкранцу.

— Вот мы и пришли. Только тихо — доктор Фауст по ночам работает и не любит, чтобы ему мешали.

В прихожей было совершенно темно. Розенкранц сразу же ударился о какой-то острый угол и остановился, не зная куда идти. Вагнер взял его за руку и повел по крутой деревянной лестнице. На верхней площадке он наклонился к самому уху Розенкранца и прошептал:

— Теперь постарайтесь даже не ды-

шать — мы должны пройти через кабинет доктора Фауста.

Вагнер бесшумно отворил низенькую дверь, и студенты оказались на узкой галерее, прилепившейся под самым потолком огромной и высокой сводчатой комнаты. Углы ее и галерея тонули во мраке, лишь кое-где тускло поблескивали стеклянные колбы и реторты. Розенкранц осторожно посмотрел вниз и там — далеко, словно на дне колодца — увидел свет. Ярко, как звезда, горел огонь в тигле, над ним склонился человек в черном, бережно державший в руках реторту, в которой сияла и переливалась какая-то жидкость кроваво-красного цвета.

Все это промелькнуло перед Розенкранцем за одну минуту, Вагнер быстро провел его по галерее и втащил в какую-то тесную каморку.

— Ну вот,— сказал он.— Здесь я живу. Располагайся.

Не зажигая света, в темноте они разделись и улеглись на дощатую неустойчивую кровать.

Вагнер сразу же уснул, а Розенкранцу вдруг стали лезть в голову всякие мысли. Он вспомнил все слышанные им фантастические истории о докторе Фаусте, о том, что будто бы он знается с нечистой силой, может вызывать души умерших и что в пробирке он вырастил сверхъестественное маленькое живое существо — гомункулуса.

Розенкранц залез под одеяло с головой, закрыл глаза и старался уснуть. Но вдруг он вздрогнул и сел на постели: из кабинета Фауста послышались странные гулкие голоса и скрипучий смех.

— С нами крестная сила! — прошептал Розенкранц, крестясь. Но любопытство пересилило страх. Он соскользнул с кровати, стараясь не разбудить Вагнера и, не надевая башмаков, на цыпочках вышел на галерею.

Замирая от страха, Розенкранц заглянул в кабинет. Он ожидал увидеть там скопище бесов, но увидел, к удивлению своему, лишь самого Фауста и маленького, сухонького, совершенно лысого старичка с большой седой бородой. Фауст стоял, скорбно опустив голову, а старичок сидя у стола, внимательно разглядывал на свет ту самую реторту, которую Розенкранц уже видел в руках у Фауста. Только теперь красная жидкость в ней не сияла, а была темного, тусклого цвета. Старичок смеялся тихим скрипучим смехом..

Фауст поднял голову и с упреком сказал:

— Я не думал, что вас так развеселит моя печальная неудача, господин Келлер.— Он говорил негромко, но голос его, отдаваясь под сводами, звучал гулко и торжественно.

Старичок продолжал смеяться.

— Ах, Фауст,— проговорил он наконец.— Не сердитесь, но я не могу сочувствовать вашей очередной неудаче, потому что считаю все эти алхимические занятия совершеннейшей чепухой.

— Вы считаете чепухой,— воскликнул Фауст,— величайшую задачу человечества — отыскание философского камня? Отыскание чудодейственного средства, которое способно превращать в золото неблагородные металлы, излечивать все болезни, возвращать молодость и продлевать жизнь?

— Как вы можете говорить подобный вздор! — рассердился Келлер.— Ведь вы врач, вы изучали внутреннее строение человеческого тела и должны знать, что разные болезни происходят от разных причин. Так что излечить их все одним средством невозможно. Мой давний ученик и друг, знаменитый теперь врач Парацельсий открыл четыре причины возникновения болезней: атмосферные влияния, ядовитые вещества, попавшие в организм с едой и питьем, психические влияния и, наконец, Божье попущение. И он гово-

рит, что задача химика — не отыскивать чудодейственный философский камень, а изготовлять лекарства.

— Я слышал,— перебил Фауст,— что ваш знаменитый Парацельсий в Базеле публично сжег сочинения всех своих предшественников, в том числе и Авиценны.

— Что делать,— ответил Келлер,— Парацельсия обуревает гордыня, и он считает себя основателем новой медицины. Но согласитесь, что он действительно первым взглянул на процессы, происходящие в человеческом организме, как на процессы химические.

— Вот видите! — воскликнул Фауст.— Вы сами признаете, что медицина и алхимия неразрывно связаны. Базилий Валентин, великий алхимик, утверждал, что все природные тела, органические и неорганические, состоят из трех основных первичных элементов: серы, ртути и соли, находящихся в разных соотношениях. И если при помощи философского камня можно будет изменять соотношения этих элементов, то мы сможем превращать неблагородные металлы в золото, а больное человеческое тело — в здоровое.

— Все тела состоят из ртути, серы и соли? — Келлер захохотал.— Значит, смешивая эти три вещества, можно получить все, что угодно?

— Вы нарочно делаете вид, что не понимаете меня,— с досадой сказал Фауст.— Я говорю не об обыкновенных сере, ртути и соли, а о философских. Это не материальные вещества, а свойства природных тел. Сера означает горючесть, ртуть — испаряемость, а соль — устойчивость. Если эти свойства находятся в равновесии, то металл благороден, а человек здоров, но если равновесия нет, то металл получается неблагородным, а человек заболевает. В человеческом организме избыток серы вызывает лихорадку и чуму, ртути — паралич и уныние, соли — водянку и расстройство желудка...

— И ваш долг как врача лекарствами или хирургическим путем лечить болезни, от чего бы они ни происходили, а не пытаться делать фальшивое золото, подобно тем презренным и корыстным людям, которых в последнее время так много появилось среди алхимиков, и которые позорят звание ученого.

— Вы оскорбляете меня, господин Келлер,— сказал Фауст,— сравнивая с этими обманщиками. Вы знаете, что я не ищу корысти. Я хочу познать свойства веществ, чтобы изменять их по своему усмотрению, хочу, чтобы они были подвластны мне!

— Вот-вот! — перебил Келлер.— Хотя вы занимаетесь действительно нужным делом — изучаете свойства веществ и ставите химические опыты, которые весьма полезны в металлургии и для производства красок, стекла, мозаики, эмали — все разумное и полезное тонет у вас в океане пустой болтовни. Впрочем, вас не переубедишь,— сказал он, простился с Фаустом и ушел.

Когда дверь за Келлером закрылась, Фауст взял в руки свою реторту, еще раз посмотрел на нее и с силой бросил об пол. Зазвенело стекло. Фауст мрачно смотрел, как по каменному полу медленно растекается большая темная лужа. Потом он вздохнул, опустился на колени и стал собирать осколки.

От разлитой жидкости тонкой струйкой поднимался кверху удушливый пар. У Розенкранца зачесалось в носу, и он громко чихнул три раза подряд. Фауст, вздрогнув, поднял голову.

— Кто здесь? — спросил он громовым голосом.

— Я,— ответил перепуганный Розенкранц.

— Кто ты такой и как попал ночью в мой дом?

Розенкранц сбивчиво объяснил.

Фауст смягчился.

— Иди сюда, поможешь мне.

Розенкранц по скрипучей лесенке

сбежал вниз и остановился против Фауста. Фауст окинул его взглядом с ног до головы и усмехнулся.

— Возьми тряпку и вытри эту лужу.

Розенкранц бросился было исполнять приказание, но замер, не решаясь прикоснуться к таинственной жидкости.

Фауст вновь усмехнулся.

— Не бойся, — сказал он, — эта жидкость совершенно безвредна и совершенно бесполезна. Мой опыт не удался.

— А что это был за опыт?

Фауст задумался.

— Для того чтобы объяснить это, потребуется очень много времени. Изучал ли ты химию?

— Нет.

— Тогда вряд ли ты сможешь что-нибудь понять из моих объяснений.

Розенкранц насухо вытер лужу и выпрямился, держа тряпку в руке.

— Доктор, — сказал он нерешительно, — а вам не нужен еще один ученик? Даю вам слово, я постигну химию, и может быть тогда с моей помощью ваш опыт удастся!



Содержание

Учебное издание

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Составитель

ЗАПОРОЖЕЦ НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА

Зав. редакцией **А. И. Самсонов,** *редактор* **В. В. Артемов,** *младший редактор* **А. В. Тимофеев,** *художник* **Н. А. Васильев,** *художественный редактор* **Ю. В. Булдаков,** *технические редакторы* **Т. Н. Зыкина, Т. Е. Молозева, Г. В. Субочева,** *корректор* **М. Ю. Сергеева**

ИБ № 12792

Сдано в набор 07.12.89. Подписано к печати 23.08.90. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Гарнит. Литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,55+0,30 форз. Уч.-изд. л. 19,39+0,34 форз. Тираж 500 000 экз. Заказ 2346. Цена 1 р. 70 к.

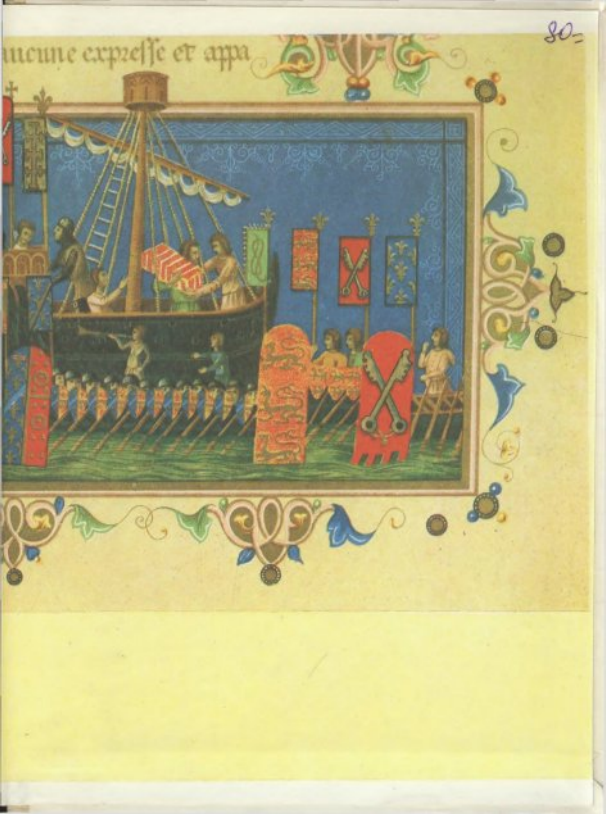
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.



В конце XII века за организацию нового похода на Восток взялся папа Иннокентий III. Чтобы избежать трудностей передвижения по суше, крестоносцы решили переправиться в Палестину морем. Они наняли корабли у «королевы морей» — Венеции.

Венеция в то время вела ожесточенную борьбу с Византийской империей за первенство в торговле с восточными странами. Венецианские купцы давно мечтали нанести византийцам удар, от которого те не смогли бы оправиться. Они решили использовать для этого военные силы крестоносцев. Хитрый и расчетливый правитель Венеции уговорил рыцарей вмешаться во внутренние дела Византии, где в это время шла острая борьба за императорский престол. Так «освободители гроба господня» оказались под стенами христианского города Константинополя.


aucune expresse et appa
80